A 967
т. II
НЕ КОПИРОВАТЬ

Р. С. Ф. С. Р.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Т. II

ИЗ АРХИВА П. Б. АКСЕЛЬРОДА

РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АРХИВ / БЕРЛИН

Типография „Vorwärts“, март 1924 г.

ИЗ АРХИВА П. Б. АКСЕЛЬРОДА

1881—1896

ПРЕДИСЛОВИЕ

80-ые годы и начало 90-х годов являются в нашей революционной истории одним из наименее изученных периодов. Как бедна относящаяся к этому периоду мемуарная литература, так же незначительно количество архивных материалов, освещающих эти сумеречные годы. А между тем, в эти годы формировалась в России революционно-марксистская мысль, созревали, под гнетом реакции, новые общественные силы.

Начало этого периода было отмечено глубочайшим кризисом революционной мысли. Истекла кровью горсточка отважных борцов «Народной Воли». Рассеялись, как дым, иллюзии революционной интеллигенции относительно социалистической зрелости крестьянского мира. Погас энтузиазм борьбы, и головы склонились под пятой бездушной реакции Александра III...

А на исходе 80-х годов, на всемирном социалистическом конгрессе 1889 года в Париже, уже звучали слова Г. В. Плеханова о русской революции, которая должна победить, как рабочая революция, и если тогда эти слова были подсказаны теоретическим предвидением, то несколько лет позже, на всем пространстве России, уже пробуждались к борьбе рабочие массы, ощупью искавшие своего исторического пути и находившие его там, где предвидела выход из кризиса начала 80-х годов группа «Освобождение Труда».

Едва ли необходимо доказывать, какое значение имеет для нас изучение этого десятилетия, когда из почвы, усеянной обломками героических дерзаний и иллюзий 70-х годов, пробивались первые всходы нового социал-демократического движения.

Эти соображения побудили редакцию «Русского Революционного Архива» обратиться к П. Б. Аксельроду с просьбой опубликовать сохранившиеся у него письма и материалы, относящиеся ко времени зарождения группы «Освобождение Труда» и к первому десятилетию ее деятельности. П. Б. Аксельрод предоставил в наше распоряжение свои бумаги, — и они являются основой настоящего тома.

Но, к сожалению, П. Б. Аксельрод никогда не собирал систематически получаемых им писем и лишь в исключительных случаях сохранял у себя копии с писем, которые сам отправлял различным лицам. Вследствие этого почти ни одна переписка не сохранилась в его архиве полностью, а от иных переписок, которые должны были бы представлять значительный интерес, остались лишь обрывки. Круг материалов, которыми располагала редакция настоящего издания, суживался еще и тем, что из архива П. Б. Аксельрода были из'яты некоторые группы писем: так в 1912 году П. Б. Аксельрод, по просьбе Л. Г. Дейча, передал ему (для литературной работы) его письма; равным образом по желанию вдовы Г. В. Плеханова, Р. М. Плехановой, он выделил письма последнего из своего архива для отдельного издания.

Отсюда дробный характер содержания выпускаемого нами тома. То, что мы даем здесь, — не связная переписка, позволяющая проследить эволюцию отношений между двумя лицами на протяжении многих лет; это ряд отдельных групп писем, из которых каждая освещает определенный эпизод, определенный момент, так или иначе связанный с развитием русской с.-д. мысли. И свет, проливаемый печатаемыми здесь материалами на мало изученные вопросы одного из интереснейших периодов нашей революционной истории, определяет, как нам кажется, ценность этих материалов. Внимательный читатель найдет здесь не один поучительный штрих для характеристики, как группы «Освобождение Труда», так и той среды, в которой ей пришлось действовать, и тех общественных деятелей, с которыми она соприкасалась.

Быть может, небесполезно будет прибавить к сказанному несколько слов о письмах матроса Арсения Сицкого, составляющих содержание второй части настоящего тома. Интерес, представляемый ими, лежит, конечно, в иной плоскости, нежели интерес материалов, собранных в первой части этой книги. Но Арсений Сицкий — первый человек из народа, непосредственно обратившийся к группе «Освобождение Труда». Его страстное искание социальной правды — одна из первых струек того потока, который зародился на рубеже 80-90-х гг. в начале 90-х годов и с тех пор наростал непрерывно вплоть до революционного половодья 1905-го года. И это, в связи с богатым бытовым материалом, отразившимся в письмах матроса, дает им право на внимание исследователя. Мы думаем также, что печатанием писем Арсения Сицкого мы делаем шаг для заполнения существенного пробела в нашей исторической литературе: в ней почти совершенно отсутствуют матерьялы, освещающие те пути, которыми приходила к социализму и революции мысль р а б о ч и х, а между тем этот вопрос представляет для историка не меньший интерес, чем выяснение всех обстоятельств работы мысли идеологов движения интеллигентов.

В вступительных замечаниях к печатаемым ниже письмам читатель найдет более подробные справки о характере собранных в этом томе материалов.

Расположены эти материалы в хронологическом порядке, — по дате первого документа каждого отдела.

Примечания составлены, в общем и целом, по тому же принципу, что и в первом томе, изданном «Русским Революционным Архивом» («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова»). Но в виду особенностей лежавшего перед нами материала, мы чаще обращались к личным воспоминаниям П. Б. Аксельрода и, кроме примечаний к отдельным местам переписки, сочли необходимым дать более общие об'яснения в начале каждого отдела.

Настоящий том выходит под редакцией В. С. Войтинского, Б. И. Николаевского и Л. О. Цедербаум-Дан.

В заключение — несколько указаний о технической стороне редакционной работы.

В целях сокращения числа примечаний и для удобства читателей, редакция сочла нужным раскрытие инициалов и псевдонимов (в повторных случаях) производить в самом тексте писем; в этих случаях настоящая фамилия упоминаемых в тексте лиц взята в прямые скобки; равным образом в прямых же скобках дано редакцией раскрытие сокращений, которые делались авторами писем, а также в нескольких, очень немногих — случаях вставлены явно по описке пропущенные слова. Во всех этих случаях особых оговорок редакция на делала, — читателю нужно знать, что все вставки в прямых скобках сделаны редакцией «Материалов».

Выставляя даты писем, редакция руководствовалась следующим правилом: проставленная на самом письме дата воспроизводилась без всяких скобок; если в архиве сохранился конверт письма, то недостающие указания, извлекаемые из почтового штемпеля, воспроизводились нами в простых скобках; наконец, в тех случаях, когда дату приходилось определять на основании каких-либо иных указаний, редакция ставила ее в прямые скобки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

К. Маркс — В. И. Засулич

Печатаемое ниже письмо К. Маркса адресовано В. И. Засулич и является ответом на запрос последней о взглядах Маркса на вероятные судьбы русской общины. Оригинал письма сохранился в архиве П. Б. Аксельрода. Полностью оно нигде до сих пор не было опубликовано, и самый факт его существования был настолько мало известен, что еще недавно такой знаток биографии К. Маркса, как Д. Б. Рязанов, высказал предположение, что этого письма вообще и не существовало:

«Когда к нему [Марксу] — пишет Рязанов в своей последней работе о «Марксе и Энгельсе» — обратилась в 1881 г. Вера Засулич с письмом, в котором она просила Маркса ответить ей и товарищам на вопрос о судьбах русской общины, он взялся сейчас же за работу. Я до сих пор не знаю, получили ли Засулич и Плеханов этот ответ. Я могу только предполагать, что нет. Мне удалось найти черновик этого ответа. Он носит явные следы надорванной работоспособности. Маркс несколько раз принимался за работу, черкал и перечеркивал, да так и бросил, вероятно, письмо неоконченным»[1]).

В действительности, письмо Марксом было написано и послано; оно не только дошло до адресата и стало известно довольно широкому кругу лиц, но даже было цитировано в печати (а именно в некрологе К. Маркса, помещенном в «Календаре Народной Воли»[2]). Но эта ссылка на письмо осталась, повидимому, единственной; сколько-нибудь существенных выдержек из письма сделано не было и содержание последнего до сих пор оставалось неизвестным.

Действительные мотивы этого оставления под спудом письма Маркса, касавшегося столь живо волновавшего русские революционные круги вопроса, нам неизвестны. Мы можем только предполагать (но с очень большой долей вероятности), что опубликования письма вначале не последовало, так как Засулич и ее друзья ждали обещанного в письме Маркса более обстоятельного изложения его взгляда на судьбы общины, а затем, после получения от Маркса и Энгельса их предисловия к русскому изданию «Коммунистического Манифеста»[3]) (оно датировано 21 января 1882 г.), где авторы также затронули вопрос о судьбах русской общины, необходимость в опубликовании письма, — с точки зрения В. И. Засулич и Г. В. Плеханова, — отпала. Позднее же его текст затерялся, и оно было так основательно позабыто, что в памяти, например, П. Б. Аксельрода, проведшего зиму 1880-81 г. (время, к которому относится получение

---

[1]) Д. Б. Рязанов: «Маркс и Энгельс», Москва, изд. «Московский Рабочий», 1923 г., стр. 246.

[2]) Изд. 1893 г., стр. 180.

[3]) Из опубликованных Л. Дейчем (в № 2 журнала «Дела и Дни») писем Г. В. Плеханова к Лаврову мы знаем, как добивался Плеханов этого предисловия.

письма) в Румынии, вдали от получившей письмо В. И. Засулич, — не сохранилось ни об этом письме, ни о разговорах, которые им, несомненно, были вызваны, — никаких указаний.

А между тем обращение В. И. Засулич с ее запросом к Марксу и ответ последнего представляют немалый интерес для историка русской социал-демократии.

Ответ Маркса датирован 8 марта 1881 г. Период, к которому относится это письмо, — 1880—82 г. г. — является одним из наиболее знаменательных в истории русского марксизма: он был переломным в идейной жизни той группы, которая несколько позднее оформилась в первую в России с.-д. группу «Освобождение Труда», и в состав которой входила В. И. Засулич. Г. В. Плеханов, вспоминая впоследствии о своих идейных исканиях этого периода, писал:

> «Чем более знакомились мы [будущая группа «Освобождение Труда»] с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество, как со стороны теории, так и со стороны практики. По крайней мере о себе я могу с уверенностью сказать, что уже ко времени выхода второго № «Черного Передела», т. е. летом того же 1880 г.[1]), я был уже едва ли не на половину социал-демократом»[2]).

В рамки настоящих вступительных замечаний не входит общий анализ эволюции будущей группы «Освобождение Труда» от бакунизма к марксизму: нам важно лишь отметить, что по указанию самого Плеханова, одной из наиболее остро ощущаемых, наиболее настойчиво требовавших ответа была

> «мысль о том, что Россия не минет фазы капитализма и что, вследствие этого, промышленному пролетариату суждено стать главной силой революционного движения».

Действительно, не ответив на этот вопрос, — не решив, оставила ли история перед Россией открытым какой то новый, неведомый остальному миру путь самобытного развития через общину, минуя капитализм, прямо в «царство будущего», — русские социалисты, даже усвоившие формально Марксов метод изучения действительности, не могли превратиться в социал-демократов, умеющих делать для России политические выводы из этого учения. Но осенью 1880 г. Г. В. Плеханов, — в это время уже «едва ли не на половину социал-демократ», — еще старался, подходя к этому вопросу, найти компромисс между народнической идеологией («прилипчивая болезнь» народничества, как говорил о ней позднее Плеханов[3]), держалась очень цепко) и сомнениями, навеянными изучением «теорий современного научного социализма»; он пытался доказать, что «социально-революционная партия» может вести свою работу, не решив для себя в ту или другую сторону вопроса о «судьбах капитализма»:

> «В настоящее время, — писал он[4]), — промышленное развитие России ничтожно и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство». Поэтому, говоря о практической деятельности, мы, главным образом, имеем в виду экономический быт, нужды и требования земледельцев».

Но в то же время:

> «Русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим, центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам».

Учитывая эту возможность, — или, быть может, тенденцию (из статьи Плеханова не видно, шел ли он так далеко), — «социально-революционная партия» должна создавать свою базу и на фабриках, а связавши таким образом

---

[1]) Номер этот помечен сентябрем 1880 г. (передовая статья его, написанная Г. В. Плехановым, датирована 2 IX 1880 г.).

[2]) Г. В. Плеханов: «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли». «Искра», № 54 от 1 XII 1903 г. Курсив всюду подлинника.

[3]) См. Воспоминания Л. Г. Дейча об В. Н. Игнатове в № 9 (21) «Пролет. Револ.», стр. 21.

[4]) Эта и следующие две цитаты взяты из передовой статьи Плеханова в № 2 «Черного Передела» — сборник «Черный Передел», Гос. Изд., 1922 г., стр. 195.

«в одно целое революционные организации промышленных и земледельческих рабочих, мы можем предоставить ход экономических изменений в России их естественному течению и не бояться их колебаний в ту или другую сторону».

Эклектический характер этого ответа на выдвинутый жизнью вопрос — очевиден. Задержаться на нем сколько-нибудь длительное время члены будущей группы «Освобождение Труда», — и в первую очередь Г. В. Плеханов, именно тогда особенно страстно искавший «прямых ответов» на «проклятые вопросы», — не могли: этому мешало и изучение теории, и логика борьбы. Текст обращения В. И. Засулич к Марксу нам неизвестен, — Д. Б. Рязанов еще не опубликовал его; но, насколько можно судить по редакции ответного письма Маркса, который явно обороняется от попыток своего корреспондента распространить на Россию сформулированные в 1-м томе «Капитала» общие законы развития капиталистических отношений, — к моменту написания этого обращения, т. е. через полгода после выхода № 2 «Черного Передела» (где была помещена цитированная выше статья), члены будущей группы «Освобождение Труда» уже укрепились в мысли о том, что «ход экономических изменений в России» ведет туда же, куда он привел в Западной Европе.

В своем ответе Маркс не дал прямого ответа на заданный ему вопрос, — он отвел его, указав на неприложимость к России выводов из данного им общего анализа западно-европейских хозяйственных отношений и на необходимость устранения «пагубных влияний, давящих со всех сторон» на общину, как на непременное условие, при наличии которого последняя может явиться «точкой опоры социального возрождения в России».

Этот уклончивый характер ответа Маркса не может быть об'яснен исключительно «надорванной работоспособностью» Маркса, которую отметил Д. Б. Рязанов: не следует забывать, что и все остальные высказывания Маркса по этому вопросу носили такой же уклончивый, условный характер (письмо в редакцию «Отечественных Записок», предисловие к русскому изданию «Коммунистического Манифеста»). Для понимания этой черты ответа гораздо важнее другое обстоятельство, которое отметил еще Э. Бернштейн в своих очерках о «К. Марксе и русских революционерах».

> «Из моих устных бесед с Энгельсом, — пишет Бернштейн, — я вынес такое впечатление, хотя и не могу подтвердить его вполне определенными, подлинными выражениями, что Маркс и Энгельс сдерживали временами выражение своего скептицизма (по вопросу о «социалистической потенции русской крестьянской общины») просто из уважения к идеологии русской революции»[1]).

Если эти соображения когда-либо влияли на высказывания Маркса, то, конечно, с особенной силой должны были они влиять в марте 1881 г., когда террористическая борьба «Народной Воли» достигла своего апогея и остановила на себе «зрачек мира»; так, по свидетельству В. Н. Фигнер, писал в это время из заграницы Исполнительному Комитету Народной Воли один из вождей «Черного Передела» (Плеханов?).

Не могли не сказаться на характере письма и отношения Маркса к той группе, представителем которой являлась В. И. Засулич. Его отношение к группе «чернопередельцев», как известно, далеко не было благожелательным; его резкий отзыв о ней[2]), как о состоящей из лиц, в большинстве «добровольно покинувших Россию», когда другие рискуют там головой; об их писаниях, как пропитанных «скудным доктринерством, так называемые принципы которого стали общеизвестными со времен блаженной памяти Бакунина» — не раз цитировался. Причины этого отношения коренились в непримиримой идейной вражде Маркса ко всем последователям Бакунина (к числу каковых себя причисляла группа «Черного Передела») и в недовольстве Маркса оппозицией, которую «чернопередельцы» оказывали деятельности партии «Народной Воли»; но, кроме этих общих причин, была еще одна частная, но далеко не маловажная для всякого, кто желает понять причины отношения Маркса к «чернопередельцам», во многом определившая и остроту цитированного выше его отзыва о них: дело в том, что «Черный Передел» дал на своих столбцах место статье И. Моста, к разрушительной работе которого в германской с.-д-ии Маркс именно в это время относился болезненно чутко.

---

[1]) «Минувшие Годы», 1908 г., № 11, стр. 17.

[2]) В письме к Зорге от 5 XI 1880 г., — см. «Письма Маркса, Энгельса и др. к Зорге», стр 180.

То самое письмо к Зорге, выдержки из которого мы привели выше, подтверждает значение этого момента: в нем резкие слова по адресу «чернопередельцев» впервые срываются в связи с опубликованием в № 2 «Черного Передела» статьи Моста, в которой читателю преподносится в экстракте вся «низость» Моста, дается последнему возможность «забрасывать грязью все немецкое рабочее движение»[1]). А таких вещей Маркс не умел и не хотел прощать.

Подобное отношение Маркса к группе «чернопередельцев» не могло не сказаться на его ответе В. И. Засулич, и его очень вежливый, но крайне сдержанный тон, по нашему мнению, подкрепляет это предположение.

Так или иначе, письмо Маркса к Засулич не давало ответа на заданный ему вопрос, — как не дало и написанное спустя 10 месяцев после этого письма предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию «Коммунистического Манифеста». В этом последнем, как известно, центр тяжести ответа на тот же вопрос Маркс и Энгельс передвинули на Европу:

> «Если русская революция, — писали они, — послужит сигналом рабочей революции на Западе, так, что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития»[2]).

Обе эти редакции ответа, по существу, не давали группе «чернопередельцев» ничего нового; к условной формулировке ответа они приходили и сами, например, Плеханов, заявивший в № 2 «Черного Передела», т. е. в сентябре 1880 г., что «если гроза социального переворота» «предупредит значительные изменения в общественном строе России», то пути развития последней будут иные, чем в том случае, если история даст срок «центру тяжести экономических вопросов передвинуться по направлению к промышленным центрам».

К моменту обращения их к Марксу с запросом (В. И. Засулич писала его, несомненно, не за себя только лично) для них вопрос, как показало дальнейшее, начинался там, где ответ Маркса оканчивался: что будет с Россией, если «гроза социальных бурь» запоздает, какие тенденции развития общины заложены в ней самой. Это были вопросы, над которыми Маркс как раз в это время специально работал; именно результаты этой работы и интересовали «чернопередельцев»[3]), но их Маркс нигде не изложил, — и выработку ответа на поставленный жизнью вопрос и аргументов для его обоснования первым русским марксистам, — прежде всего группе «Освобождение Труда», — пришлось проделать самим.

Ниже мы приводим французский текст письма и русский перевод его; французский текст письма мы воспроизводим с сохранением орфографии подлинника. «С. Петербургский комитет», о котором Маркс говорит в первом абзаце своего письма, это — Исполнительный Комитет «Народной Воли».

---

[1]) Там же, стр. 177.

[2]) К. Маркс и Ф. Энгельс: «Коммунистический Манифест» с введением Д. Б. Рязанова. Госуд. Издат., Москва, 1923 г., стр. 52. Подобный же условный характер носит и ответ, данный Марксом в его известном письме в редакцию «Отечественных Записок»; этого письма мы не касаемся, так как оно тогда не было известно «чернопередельцам».

[3]) Их они ждали и много позднее; 5 октября 1884 г. В. И. Засулич писала Энгельсу: «большое (хотя и запоздалое) спасибо за присылку мне статьи Маркса [речь идет, повидимому, о письме в редакцию «Отечественных Записок»], которая заставляет меня с еще большим чем прежде нетерпением ждать появления 2-го тома «Капитала», где мы, вероятно, найдем соображения великого учителя об экономическом развитии России» (цитируем по оригиналу, хранящемуся в архиве Германской С.-Д. Партии).

8 Mars, 1881.
41, Maitland Park Road, London S.W.

Chère citoyenne!

Une maladie de nerfs qui m'attaque périodiquement depuis les derniers dix ans, m'a empêché de répondre plus tôt à votre lettre du 16-me février. Je regrette de ne pas pouvoir vous donner un exposé succinct et destiné à la publicité de la question que vous m'avez faite l'honneur de me proposer. Il y a des mois que j'ai déjà promis un travail sur le même sujet au Comité de St. Petersburg. Cependant j'espère que quelque lignes suffiront de ne vous laisser aucun doute sur le malentendu à l'égard de ma soi-disant théorie.

En analysant la genèse de la production capitaliste, je dis: „Au fond du système capitaliste il y a donc la séparation radicale du producteur d'avec les moyens de production... la base de toute cette évolution c'est l'expropriation des cultivateurs. Elle ne s'est encore accomplie d'une manière radicale qu'en Angleterre... Mais tous les autres pays de l'Europe occidentale parcourent le même mouvement." („Le Capital", édit. franç., p. 315.)

La „fatalité historique" de ce mouvement est donc expressement restreinte aux pays de l'Europe occidentale. Le pourquoi de cette restriction est indiqué dans ce passage du ch. XXXII:

„La propriété privée, fondée sur le travail personnel... va être supplantée par la propriété privée capitaliste, fondée sur l'exploitation du travail d'autrui, sur le salariat." (I. c. p. 340.)

Dans ce mouvement occidental il s'agit donc de la transformation d'une forme de propriété privée en une autre forme de propriété privée. Chez les paysans russes on aurait au contraire à transformer leur propriété commune en propriété privée.

L'analyse donnée dans le „Capital" n'offre donc de raisons ni pour ni contre la vitalité de la commune rurale, mais l'étude spéciale que j'en ai faite, et dont j'ai cherché les matériaux dans les sources originales, m'a convaincu que cette commune est le point d'appuis de la régénération sociale en Russie, mais afin qu'elle puisse fonctionner comme tel, il faudrait d'abord éliminer les influences délétères qui l'assaillent de tous les côtés et ensuite lui assurer les conditions normales d'un developpement spontané.

J'ai l'honneur, chère citoyenne, d'être votre tout devoué

Karl Marx.

8 марта 1881 г.
41, Maitland Park Road, London S. W

Дорогая гражданка!

Нервное страдание, периодически посещающее меня в течение последних десяти лет, помешало мне ответить раньше на Ваше письмо от 16 февраля. К сожалению, я не могу дать Вам сжатого и предназначенного для печати раз'яснения вопроса, который Вам угодно было поставить мне. Уже несколько месяцев тому назад я обещал работу по этому же предмету С.-Петербургскому Комитету. Но я надеюсь, что нескольких строк будет достаточно, чтобы у Вас не осталось никаких сомнений в наличии недоразумения относительно моей так называемой теории.

Исследуя происхождение капиталистического производства, я говорю: «Итак, в основе капиталистической системы лежит коренное отделение производителя от орудий производства ... основа же всего этого развития — экспроприация земледельцев. Пока она завершилась в полной мере лишь в Англии... Но все другие страны Западной Европы совершают тот же путь» («Капитал», французское издание, стр. 315).

Таким образом, «историческая неизбежность» этого пути умышленно ограничена странами Западной Европы. Основания такого ограничения указаны в следующем месте гл. XXXII-й: «Частная собственность, опирающаяся на личный труд ... вытесняется частной капиталистической собственностью, опирающеюся на эксплуатацию чужого труда, на систему заработной платы» (см. стр. 340).

Итак, на этом пути, свойственном Западу, дело идет о превращении одного вида частной собственности в другой вид частной собственности. У русских крестьян, наоборот, дело шло бы о превращении их общинной собственности в частную собственность.

Поэтому, исследование, произведенное в «Капитале», не дает доводов ни за, ни против жизненности деревенской общины; но выполненное мною специальное изучение этого вопроса, для которого я брал матерьялы из первоисточников, привело меня к убеждению, что эта община является точкой опоры социального возрождения в России; но для того, чтобы она могла играть эту роль, нужно было бы сперва устранить пагубные влияния, давящие ее со всех сторон, и затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, пребывать преданным Вам

Карл Маркс.

8 Mars, 1881
41, Maitland Park Road, London. N.W.

Chère citoyenne,

Une maladie de nerfs qui m'attaque périodiquement depuis les dernières dix ans, m'a empêché de répondre plus tôt à votre lettre du 16me février. Je regrette de ne pouvoir vous donner un exposé succinct et destiné à la publicité de la question que vous m'avez fait l'honneur de me proposer. Il y a des mois que j'ai déjà promis un travail sur le même sujet au Comité de St. Petersbourg. Cependant j'espère que quelques lignes suffiront de ne vous laisser aucun doute sur le malentendu à l'égard de ma soi-disant théorie.

En analysant la genèse de la production capitaliste, je dis:

„Au fond du système capitaliste il y a donc la séparation radicale du producteur „d'avec les moyens de production — la base de toute cette évolution c'est l'ex„propriation des cultivateurs. Elle ne s'est encore accomplie d'une manière „radicale qu'en Angleterre — Mais tous les autres pays de l'Europe occidentale „parcourent le même mouvement." („Le Capital", édit. franç. p. 315)

La „fatalité historique" de ce mouvement est donc expressément restreinte aux pays de l'Europe occidentale. Le pourquoi de cette restriction est indiqué dans ce passage du ch. XXXII:

„La propriété privée, fondée sur le travail personnel — va être supplantée par „la propriété privée capitaliste, fondée sur l'exploitation du travail d'autrui, sur le salariat." (l.c. p. 340)

Dans ce mouvement occidental il s'agit donc de la transformation d'une forme de propriété privée en une autre forme de propriété privée. Chez les paysans russes on aurait au contraire à transformer leur propriété commune en propriété privée.

L'analyse donnée dans le „Capital" n'offre donc de raisons ni pour ni contre la vitalité de la commune rurale, mais l'étude spéciale que j'en ai faite, et dont j'ai cherché les matériaux dans les sources originales, m'a convaincu que cette commune est le point d'appui de la régénération sociale en Russie; mais afin qu'elle puisse fonctionner comme tel, il faudrait d'abord éliminer les influences délétères qui l'assaillent de tous les côtés et ensuite lui assurer les conditions normales d'un développement spontané.

J'ai l'honneur, chère citoyenne
d'être votre tout dévoué

Karl Marx

II

Н. И. Зибер — П. Б. Аксельроду

Н. И. Зибер (1844—1888 г.) — первый русский экономист-марксист, автор сочинений «Давид Рикардо и Карл Маркс», «Очерки первобытной экономической культуры» и др. Был профессором в Киевском университете, но в 1875 г. отказался от кафедры, в виде протеста против увольнения из университета Драгоманова. В вопросах политики стоял близко к либералам (к группе «Русских Ведомостей»). В 1884 г. Н. И. Зибер жил в Швейцарии, в Берне.

П. Б. Аксельрод жил в это время в Женеве под фамилией Штейнберга. Незадолго до этого вышел немецкий перевод книги Генри Джорджа «Fortschritt und Armuth». («Прогресс и бедность»). На некоторых из женевских эмигрантов эта книга произвела большое впечатление, — о ней говорили, чуть ли не как о новом научном откровении, и автора ее провозглашали вторым Марксом. П. Аксельрод решил написать разбор этой книги для русских журналов, но, ознакомившись с нею, нашел, что научные достоинства ее не соответствуют ее славе и тем отзывам о ней, которые были приложены к немецкому изданию.

Желая проверить свое впечатление, П. Аксельрод обратился с письмом к жившему в Берне Н. Зиберу. Изложив кратко содержание книги, П. Аксельрод отмечал свое несогласие с целым рядом утверждений Генри Джорджа и спрашивал мнение Зибера по поводу этих утверждений.

Н. Зибер, повидимому, в то время еще не имевший в руках книги Г. Джорджа, в своем ответном письме останавливается пункт за пунктом на вопросах, возбужденных П. Аксельродом. Позднее (в сентябре-декабре 1882 г.) Зибер разобрал теорию Джорджа в ряде статей, помещенных в №№ 45—51 «Вольного Слова».

Берн, 5 августа 1881

Извините, г. Штейнберг, что до сих пор не отвечал на Ваше письмо: причиною тому были, частью, усиленные занятия, частью, двухдневная поездка, из которой я только что возвратился. Признаться, трудновато разбирать с толком теоретическое изложение целой книги, занимающее две страницы. Впрочем, насколько мне кажется, автор доказывает своею новой теорией лишь то, что раз Америка открыта, ее нельзя открыть вновь даже и в самой Америке. Иными словами, раз Маркс развил и доказал учение о добавочной ценности, то новых важных сторон в этой отрасли общественной экономии открыть невозможно.

Другое дело, еслибы кому-нибудь удалось доказать, что учение Маркса об этом предмете неверно; но, к сожалению или нет, подобных доказательств, по моему мнению, придется еще подождать долго.

Но перейдем к деталям: что предпринимательская прибыль принадлежит к заработной плате, и что только проценты есть доход на капитал, — это результат недоразумения, не более: предпринимательская прибыль, процент, рента, налог и пр. одинаково входят в состав добавочной ценности, т. е составляют результат неоплаченного труда. Таким образом, по отношению к этому самому важному признаку различия в доходах, предпринимательская прибыль громаднейшею своею долею есть доход одного происхождения с процентом и рентою. Что процент возникает из ссуды, — это есть величайшая дичь, какую только могли выдумать Бастиа[1]) и Ко.: ссуда есть только договор о разделе готовой добычи, полученной в мастерской в виде добавочной ценности; поэтому ссуды никогда не бывает между рабочим и капиталистом, а только между собственником капитала и его распорядителем. Сверх того, ссуда, рассматриваемая в своей сущности, совсем не есть заем капитала, а, просто-напросто, купля-продажа материалов и средств производства на наличные деньги, взятые у кого-либо в долг. Я этим подчеркиваю особенно то обстоятельство, что из всей суммы разнообразных сделок, порождаемых каждым займом для производства, — только одна сделка есть собственно кредитная, все же прочие суть сделки на наличные, следовательно, окончательные, а не срочные. Это обстоятельство особенно важно с той стороны, что оно наглядно показывает всю несостоятельность воззрения, будто проценты приносит заем или ссуда: проценты приносит производство, ссуда же есть лишь род масла в колесах производственного механизма, она дает только возможность своевременного соединения наличных материалов и способов производства, доставляющего добавочную ценность и в том числе процент, ренту, предпринимательскую прибыль и все прочие подразделения так называемого чистого, т. е. дарового дохода. — Вывод из означенного положения автора о происхождении процента из ссуды, заключающийся в том, что владельцам машин, напр., уделяется часть прибыли, хотя эти последние лишены самовозрастания, есть не меньшая физиократическая[2]) дичь. Что физиологическое самовозрастание скота, хлеба и пр. может служить источником чистого дохода — это самая жалкая сказка и ничего более. Это есть смешение двух совершенно различных и даже противоположных областей — естественной и общественной. Экономисту следует твердо помнить, что хотя скот, пшеница и пр. и размножаются сами собою, — но что ни одна йота этих продуктов не происходит на свет без прибавочного труда, иными словами, если, например, стадо скота в 100 голов стоит 1000 дней труда, то стадо скота в 1000 голов, при равных условиях производительности, будет стоить 10 000 дней труда; где же тут прибыль от самовозрастания?

Прибыль есть только даровой труд наемных рабочих и ничего более — и этого рода труд одинаково прилагается к разведению скота и к эксплуатации машин.

Столь же слаба и дальнейшая аргументация автора по вопросу о том, что в противоположность поземельной ренте доход с капитала есть именно результат того, что он вносит в производство и обмен (?!), а следовательно и его возрастание

ничуть не влечет понижения заработной платы, идущей с движением процента параллельно. Что добавочная ценность возрастает в прямой ущерб заработной плате, это я считаю аксиоматическим положением, доказываемым каждою цыфрою, относящеюся к возрастанию прибыли в Англии, во Франции, в Германии, везде. Только в этом обстоятельстве и заключается вся суть социального вопроса, а ни в чем другом. За доказательствами можно обратиться к Марксу, к Родбертусу[3]). — Возрастание поземельной ренты есть факт не всеобщий, а чисто исторический: городская рента возрастает и будет возрастать до тех пор, пока будет возрастать население городов; поземельная рента в Европе начинает в последнее время, видимо, понижаться под давлением Америки и Австралии и столь же видимо перемещается из карманов европейских землевладельцев в карманы американских и австралийских. Вся поземельная рента, получаемая крупными землевладельцами на юге России, выплачивается им в ущерб поземельной ренте французских и английских землевладельцев. Чтобы всеобщие торгово-промышленные кризисы происходили вследствие спекуляции землей, — это довольно ново, но не весьма остроумно. До сих пор все привыкли думать, что земледелие (и земледельческие страны) бывает всего более безопасно от ударов экономических кризисов, происходящих в промышленной сфере по преимуществу. Поземельные кризисы всегда носят частный характер именно потому, что землевладение до сих пор наиболее удалено от торгового оборота и спекуляции. Что рента получается от вещи количественно постоянной, в противоположность проценту, с этим я не могу согласиться. Что же такого постоянного в об'екте поземельной ренты? Один и тот же участок земли? Не в нем тут сила. Рента повышается от чисто внешних обстоятельств, — от числа жителей на квадратную милю и т. п., — которые все изменчивы, как ветер. — Из превращения поземельной ренты в общественный доход не выйдет никакого толку: 1) потому, что здесь считают без хозяина, т. е. землевладелец, пока он экономическая сила, не согласится на то, чтобы его обстригли; 2) потому, что нельзя тронуть ренты, чтобы не тронуть всего экономического строя страны; обрезать ренту было бы столь же бесплодною попыткой, как, например, Прудоновское[4]) уничтожение наемной платы за дома.

Для положительного решения вопроса, что возросло больше, — доход с капитала или поземельная рента, — не имеется никаких точных данных, тем более, что ренту можно выделить только теоретически. Верно то, что обе эти отрасли дохода продолжали до последнего времени возрастать и относительно и абсолютно. Действительно ли рента должна возрастать быстрее, чем доход на капитал, — этого Рикардо[5]) не доказал, потому что все его доказательства по этому предмету покоятся на ложном законе народонаселения. Несомненно, что земледельческие и транспортные улучшения стремятся к понижению ренты, и что улучшения этого рода составляют не исключение, как думал Рикардо, а общее правило современного и будущего экономического строя.

По части материалов относительно фактического роста поземельной ренты сравнительно с другими видами доходов — не могу указать Вам ничего точного: рента нигде не определяется сама по себе, а только как поземельный доход,

т. е. в смеси с прибылью на капитал. Таковы цыфры английской поземельной статистики для поземельного налога, таковы же и французские валовые и очень подозрительные цыфры. Факт только тот, что до самого последнего времени поземельный доход во Франции и Англии показывается громадно возрастающим. Несомненно, этому много содействуют и второстепенные причины, как то — упадок ценности денег, усиленные затраты на улучшения и пр. — О кризисах, кроме того, что есть у Маркса, да еще у Макса Вирта[6]), нет ничего ценного.

Конец моей статьи «Мысли об отношении между общественною экономиею и правом» — послан мною в двух статьях в редакцию «Слова»[7]) еще около двух месяцов тому назад. Мне писали, что первая статья печатается в майской книжке, но выйдет ли эта последняя в свет, — неизвестно. — Долго ли останусь в Берне, не знаю, но осенью непременно уеду в Париж или в Лондон. — На счет книги Генри Георга[8]) поступите, как желаете, или как найдете нужным.

Преданный Вам

Н. Зибер.

1. Фридерик Бастиа (1801-1850 г.) — французский экономист, один из вульгаризаторов классической политической экономии, сторонник свободы торговли, приписывал капиталу способность к самовозрастанию и созданию прибыли независимо от приложения труда к орудиям производства.

2. Физиократы — французская школа политической экономии, основанная Франсуа Кенэ во 2-й половине XVII-го века и выступившая против господствовавших до нее «меркантилистов», сторонников протекционизма и государственной регламентации хозяйственной жизни. Физиократы признавали землю единственным источником богатства и согласно с этим считали, что государственные налоги должны падать лишь на земельную собственность.

3. Родбертус-Ягецов (1805-1875 г.) — немецкий экономист, автор сочинений «Социальные письма», «Капитал» и др. В области теории сторонник классической школы политической экономии, склонявшийся вместе с тем, в некоторых вопросах, к государственному социализму.

4. Пьер-Жозеф Прудон (1809-1865 г.) — французский политический деятель и экономист, автор сочинений «Что такое собственность», «Философия нищеты», «Справедливость» и др. В области политики — сторонник анархизма; в области экономики — теоретик мелкобуржуазного, утопического социализма. Выдвинутая им идея борьбы с капиталистическим строем сводилась к непосредственному безденежному обмену товаров между отдельными ремесленниками и рабочими товариществами при посредстве народного банка, выпускающего боны для оценки товаров по количеству заключающегося в них труда (мютнализм).

5. Давид Рикардо (1772-1823 г.) — знаменитый английский экономист, автор сочинения «Основания политической экономии и налогов»; первый дал теоретическое об'яснение роста земельной ренты, формулировал «железный закон» заработной платы и ближе, чем какой бы то ни было иной буржуазный экономист, подошел к пониманию трудовой ценности.

6. Макс Вирт (1822-1900 г.) — немецкий экономист, автор 4-хтомных «Основ национальной экономии», «Истории промышленных кризисов» и других многочисленных трудов.

7. «Слово» — ежемесячный журнал прогрессивного направления, выходивший в 1878-1881 г. г. После трех предостережений, в 1880 г. «Слово» было приостановлено на 3 месяца цензурой. Весной 1881 г. журнал закрылся из-за отказа цензуры утвердить его постоянного редактора.

8. Генри Георг-Генри Джордж (1839-1897 г.) — американский экономист, самоучка, автор нашумевшего в Америке и во всем мире сочинения «Прогресс и бедность», разбору теоретических взглядов которого посвящено настоящее письмо Н. Зибера.

III

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. Б. АКСЕЛЬРОДА С П. Л. ЛАВРОВЫМ

Петр Лаврович Лавров (1823-1900 г.) — известный русский революционный писатель — ученый, социолог и философ; автор «Опыта истории мысли», «Исторических писем» и многочисленных статей (наиболее известные его псевдонимы — Миртов, Кедров, Арнольди, Доленги, Угрюмов).

В 60-х годах, будучи преподавателем математики и физики в Артиллерийской Академии в Петербурге, П. Лавров выдвинулся своими статьями и публичными лекциями по философии. Был деятельным членом Литературного Фонда, поддерживал сношения с. Н. Г. Чернышевским, поэтом М. Михайловым и революционными студенческими кругами; имеются указания, что в 1862-1863 г. он входил в общество «Земля и Воля». В 1866 г., в связи с репрессиями после покушения Каракозова на Александра II, был арестован, предан суду и сослан в Вологодскую губернию, откуда в 1870 г. с помощью Г. Лопатина бежал заграницу.

В 1873-1876 г. г. редактировал, по поручению петербургского кружка «чайковцев», журнал и газету «Вперед». Вскоре между П. Лавровым и «чайковцами» произошло расхождение; укреплявшийся все больше среди российских «лавристов» дух постепеновщины и культурничества не вполне отвечал настроениям самого П. Лаврова. Борьба в революционной среде пропагандистского «лавризма» с более активным, более радикальным «бакунизмом» кончилась решительной идейной победой второго течения, и революционное движение 2-й половины 70-х годов в России пошло под флагом «бакунизма». За «Впередом» остались наиболее умеренные элементы движения, для которых П. Лавров оказался слишком левым, и, после совещания «лавристов» в 1876 г. в Лондоне, он покинул редакцию «Вперед».

После этого П. Лавров оказался временно вне рядов активно действовавших в России революционных групп. Но, как по своему образованию и литературному таланту, так и по другим личным своим свойствам, он оставался крупнейшей фигурой в революционной эмиграции, и сближения с ним искали различные течения и группы.

После раскола в обществе «Земля и Воля» (в 1879 г.) П. Лавров чувствовал себя ближе к чернопередельцам, чем к народовольцам. Поэтому, на переданное ему А. Зунделевичем предложение Исполнительного Комитета примкнуть к партии «Народной Воли» он ответил отказом. Познакомившись подробнее с разногласиями между обоими течениями через приехавшего в 1880 г. в Париж Г. Плеханова, П. Лавров решил принять участие в органе чернопередельцев и дал для 2-го № «Черного Передела» хронику французского рабочего движения, а для 3-го № статью «Несколько слов об организации партии».

Хотя оффициально в заграничную группу чернопередельцев П. Лавров и не вошел, но в 1880-1882 г. г. чернопередельцы считали его «своим». В это время П. Лавров, вместе с Г. Плехановым (а также Павловским, Цакни и некоторыми другими эмигрантами), предпринял издание популярно-научных брошюр в виде серии «Русской Социально-Революционной Библиотеки» (в этой серии вышли: «18 марта 1871 г.» П. Лаврова, «Сущность социализма» Шефле с примечаниями П. Лаврова, «Манифест

Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса в переводе и с предисловием Г. Плеханова, «Наемный труд и капитал» К. Маркса в переводе и с предисловием Л. Дейча, «Программа работников» Ф. Лассаля).

П. Лавров оставался близок к чернопередельцам и в то время, когда Я. Стефанович вел с Исполнительным Комитетом «Народной Воли» (в России) переговоры о воссоединении обеих фракций, и когда Исполнительный Комитет предложил ему, вместе с Г. Плехановым и С. Кравчинским, встать во главе заграничного органа партии. Но когда переговоры об об'единении закончились неудачей, П. Лавров отошел от чернопередельцев и сблизился с народовольцами, хотя в партию «Народной Воли» и не вошел. С 1883 по 1885 г. он, вместе с Л. Тихомировым, редактировал «Вестник Народной Воли».

Группа «Освобождение Труда», обособившаяся и сорганизовавшаяся в результате разрыва переговоров с народовольцами об об'единении и о создании общего органа, вела с «Вестником Народной Воли» живую полемику. На этой почве у П. Лаврова установились натянутые отношения с Группой, особенно с боевым ее публицистом и полемистом Г. Плехановым.

Напротив, представители Группы не видели в теоретических взглядах П. Лаврова особенностей, которые делали бы невозможной для них совместную с ним работу.

Из обширной, продолжавшейся много лет переписки между П. Лавровым и П. Аксельродом в архиве последнего сохранилось восемь писем, — мы воспроизводим их полностью.

Из печатаемых ниже писем П. Лаврова первые четыре, помеченные 1881 и 1882 г. г., относятся к периоду, когда П. Лавров был близок к чернопередельческой заграничной группе; следующие письма относятся ко времени, когда между ним и группой «Освобождение Труда» лежала уже стена долголетней и порою резкой полемики. Эта вторая серия писем (5-7) освещает попытку Группы сблизиться с П. Лавровым. О другой попытке этого же рода говорят печатаемые в IX отделе настоящей книги матерьялы цюрихского «Общества борьбы с голодом» (1891-1892 г.).

1. П. Л. Лавров — П. Б. Аксельроду

[Париж], 24 августа 1881 г.

Любезный товарищ!

Третьего дня получил я Ваше письмо от 21[1]) и все раздумывал, что делать. Если Вы можете обождать с первым делом[2]) до первых недель в сентябре, то я найду средство поговорить с лицами из редакции «От[ечественных] Зап[исок]»[3]), так как один удобный посредник между ними и мною будет тогда в Париже. «Дело»[4]) же на меня теперь, вероятно, сердится, так как я давным давно ничего не посылаю, а обещал статью, но потом занялся большою и для меня гораздо более интересною работою. Если ждать нельзя, то можно бы сделать так: послать статью в редакцию «Слова» на имя Скабичевского[5]), а я с своей стороны похлопочу, чтобы Скабичевскому написали, чтоб он похлопотал о помещении этого в «От. Зап.», где, *как мне говорили*, он будто бы замещает Салтыкова[6]) на время его отсутствия. Нарочно подчеркиваю «как мне говорили», потому что узнаю точно о распределении дней в редакции «От. Зап.» лишь в сентябре (Вы, конечно, знаете, что Елисеева[7]) хватил паралич). С «Делом» я теперь давно не переписываюсь. Есть, или вернее, может быть еще один ход: в этом месяце должен был приехать сюда Тургенев[8]) и через него можно похлопотать о помещении в «Вест[нике] Евр[опы]»[9]). Но и «Слово» может не сегодня-завтра появиться, ведь все дело там в утверждении редактора, а книжка печатается и появится, как только он будет утвержден. Только дайте

мне одно сведение, которое мне необходимо. Чье сочинение «Fortschritt und Armuth»[10]) и на каком языке его оригинал? Слишком неудобно хлопотать, не зная даже этого. — И так жду нового письма с дополнительными сведениями и с указанием, что именно Вы думаете делать? — Под каким псевдонимом Вы будете писать?

Относительно второго пункта[11]) я предлагаю Вам два проекта. Во-первых, как только Ваша статья будет помещена, напишите в ту редакцию, где это будет сделано, что Вы хотите дать или обзор современного положения рабочего класса в странах Европы, или обзор социалистической литературы за последние 10 лет; что тот или другой труд вы имеете в виду давать отдельными статьями листа в 4 каждая, посылая их через каждые три месяца. Я полагаю, что это дело может обделаться (я сделаю, со своей стороны, что будет можно), но надо. чтоб они хоть одну статью Вашу уже имели, а то, не видав, как Вы пишете, они никакой рекомендации не поверят для большого заказа. Если найдете, что это так, то можно будет часть работы поместить в одно место, а часть в другое. Мне кажется, что подобная работа будет как раз соответствовать Вашей задаче.

Теперь второе более непосредственное. У меня был некто Арнольд Павлович Мальшинский[12]), издающий «Вольное Слово» в Женеве. Заявил себя социалистом и просил содействия в социалистическом духе, особенно же сотрудничества по иностранному рабочему и вообще экономическому движению за плату. Я собираю сведения о нем, что за человек, и имело ли бы смысл прибрать это издание некоторым образом к рукам (может быть, Плехан[ов] и писал вам об этом), но пока, так как он считает себя солидарным с программой «Черного Передела»[13]) (хотя противник Стефан[овича] и Дейча за Чигирин[14])), указал ему, между прочим, на Вас для немецкого движения. Это было до Вашего письма. Не попробуете ли Вы пойти к нему и одновременно и пощупать его, что за человек такой, и может быть, получить оплачиваемую немедленно работу. Адрес его: pension Flagel, rue Pierre Fateo. Можете сказать ему, назвав себя (я не знал, под какой фамилией Вы живете, и сказал ему Ваше настоящее имя; при чем удивился, что он не знает о Вашем пребывании в Женеве), что я Вам писал о том, что он ищет сотрудников по иностранному движению[15]).

В сущности, если он человек не запачканный, то этот орган можно бы забрать в руки (иметь где писать) и сделать из него что-либо порядочное. Мальшинский противник террора, как он говорит, и мечтает о совокуплении во-едино всех оппозиционных групп.

Вот, пока, что я могу придумать. Напишите, что Вы предприняли и на что решились.

Жму крепко руку. П. Л.

1. Это было первое письмо П. Б. Аксельрода к П. Л. Лаврову, с которым до того П. Аксельрод не был лично знаком. В этом письме П. Аксельрод просил П. Лаврова оказать содействие помещению в «Отечественных Записках» или в другом радикальном журнале статьи, в которой он намеревался дать разбор книги Генри Джорджа «Прогресс и бедность» [см. вступительные замечания к письму Н. Зибера П. Аксельроду]. Позже эта статья была напечатана в №№ 8 и 9 «Дела» за 1883 г. (за подписью А—р) —

по всей вероятности, при содействии П. Лаврова. Далее, в первом письме П. Аксельрода заключалась просьба указать издания, в которых он мог бы иметь постоянный заработок, помещая обзоры рабочего движения Запада и социалистической литературы.

2. Т. е., с делом помещения в журнале статьи о Генри Джордже.

3. «Отечественные Записки» — журнал, выходивший с 1818 г. В 1868 г. редактирование «Отечественных Записок» перешло в руки Некрасова и Щедрина (Салтыкова). В 82 г. в редакцию журнала входили Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский и М. Е. Салтыков. Журнал был органом народнического, а позже народовольческого течения революционной мысли и был в 1884 г. закрыт цензурой.

4. «Дело» — радикальный журнал, выходивший с 1867 г. по 1884 г. В этом журнале работали Шелгунов, П. Лавров, С. Кравчинский, П. Ткачев, Н. Русанов и др.

5. Скабический, Ал. Мих. (1838-1910 г.) — журналист, литературный критик, сотрудник «Отечественных Записок», «Слова» и др. прогрессивных журналов.

6. Мих. Евгр. Салтыков (псевдоним — Щедрин, 1826-1889 г.) с 1868 по 1884 г. был членом редакции «Отечественных Записок».

7. Гр. З. Елисеев (псевдоним — Грицко, 1821-1889 г.) — публицист, член редакции «Современника» и «Отечественных Записок» (по отделу внутреннего обозрения).

8. Ив. Серг. Тургенев (1818-1883 г.) с 1881 г. принимал ближайшее участие в редактировании «Вестника Европы». Будучи убежденным прогрессистом-западником, он сочувствовал стремлениям радикальных и оппозиционных элементов общества, поддерживал личные сношения со многими представителями революционной эмиграции, оказывал матерьяльную поддержку Герцену в издании «Колокола» и П. Лаврову в издании «Вперед», помогал эмигрантам в устройстве печатания их трудов в русских легальных изданиях.

9. «Вестник Европы» — умеренно-либеральный журнал, основанный в Москве в 1802 г. Н. Карамзиным, выходивший до 1830 г., затем прекратившийся и восстановленный в Петербурге в 1866 г. М. М. Стасюлевичем.

10. «Прогресс и бедность» Генри Джорджа. Эта книга вышла первоначально на английском яз.

11. Т. е. по вопросу о постоянном литературном заработке.

12. О личности А. П. Мальшинского и об основанной им газете «Вольное Слово» см. ниже — вступительные замечания к письмам А. Мальшинского П. Аксельроду.

Здесь отметим, что настоящее письмо П. Лаврова проливает новый свет на его встречу с А. Мальшинским. В секретной правительственной «Записке о противо-правительственных обществах не столь вредных» при сообщении о переговорах А. Мальшинского (фигурирующего в «Записке» под псевдонимом «Крапивин») с П. Лавровым об участии последнего в организуемом А. Мальшинским издании отмечается: «С первых же слов оказалось невозможным рассчитывать на его (П. Лаврова) содействие, в виду явного его сочувствия террористической фракции» (В. Я. Богучарский, «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х г. г. XIX века», стр. 394). С другой стороны, В. Богучарский сообщает: «Нам известно самым положительным образом, что... (А. Мальшинский) обращался в 1881 г. к П. Л. Лаврову с предложением поставить газету и «вести ее в каком-угодно направлении, с одним лишь условием — бороться с революционным террором», и что Лавров в своем содействии такому предприятию отказал» (там же, стр. 411).

Как мы видим — в начале, во всяком случае — отказа не было; наоборот, была готовность содействия (прежде всего, в форме привлечения полезных для издания сотрудников).

13. «Черный Передел» — фракция русского революционного движения, организовавшаяся осенью 1879 г. при распадении партии «Земля и Воля» (когда другое течение той же партии организовалось в партию «Народной Воли»). К этой фракции принадлежали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, О. В. Аптекман, Я. В. Стефанович и др. В отличие от народовольцев, стоявших за политическую борьбу и, в частности, за террор, как средство такой борьбы, чернопередельцы стояли на почве анархического народничества (бакунизма), считали, что не дело социально-революционной партии добиваться политических перемен (т. е. конституции), и требовали сосредоточения всех сил на задаче подготовки народного восстания для полного социального переворота. Расхождение этих двух течений в рамках партии «Земля и Воля» наметилось с весны 1879 г. и привело к окончательному расколу на Воронежском с'езде партии в августе того же года. После раскола партия «Народной Воли» достигла

громкой славы своей героической террористической борьбой с царизмом (закончившейся делом 1-го марта). Чернопередельческая фракция оказалась несравненно слабее. Из руководителей ее Г. Плеханов, В. Засулич, Л. Дейч и Я. Стефанович в 1880 г. вынуждены были эмигрировать, а в 1881 г., после тщетных попыток восстановить организацию, к ним должен был присоединиться и П. Аксельрод. Все же еще в 1882 г. в России продолжали существовать отдельные чернопередельческие группы. Ядро же руководителей течения оказалось уцелевшим в эмиграции, в Швейцарии. Оно и создало в 1883 г. группу «Освобождение Труда», первую с.-д. ячейку в русском революционном движении.

14. Я. В. Стефанович (1853-1915) и Л. Г. Дейч (род. в 1855 г.), члены группы южно-русских бунтарей, в 1876-1877 г. вместе с Бохановским организовали в Чигиринском уезде, Киевской губернии, революционный крестьянский союз, охвативший свыше 1000 членов и подготовлявший восстание с целью захвата помещичьих земель. При этом, стремясь использовать в революционных целях веру крестьян в царя, они распространяли подложную «царскую грамоту», в которой говорилось, что царь хочет отдать землю крестьянам, но не может этого сделать из-за сопротивления дворян, и потому призывает мужиков силой захватывать земли. Приготовления к восстанию были раскрыты полицей, Я. Стефанович и Л. Дейч были арестованы, но им удалось бежать из тюрьмы. Позже они оба были членами партии «Земля и Воля». После раскола ее (в 1879 г.) они вошли в чернопередельческую фракцию и вскоре (в 1880 г.) уехали заграницу.

Я. Стефанович в 1881 г. вернулся в Россию, где пытался сблизить и об'единить чернопередельцев с народовольцами, с этой целью вошел в Исполнительный Комитет Народной Воли, но был арестован и приговорен к 9 годам каторги. Он вернулся из Сибири в 1903 г., после чего уже не участвовал в революционном движении.

Л. Дейч, с августа 1883 г., работал за границей, как член группы «Освобождение Труда»; в 1884 г. он был арестован немецкой полицией в Фрейбурге и выдан русскому правительству которое требовало его выдачи под предлогом обвинения его в уголовном преступлении (покушении на убийство изобличенного в предательстве Гориновича). Военный суд приговорил его к 13 г. 4 мес. каторги. В 1901 г. он бежал с поселения заграницу и вступил в Р.С.-Д.Р.П.

15. Встреча П. Аксельрода с А. Мальшинским произошла позже по инициативе М. Драгоманова.

2. П. Л. Лавров — П. Б. Аксельроду

[Париж. конец октября 1881 г.] четверг

Любезный Павел Борисович!

№ 3 «Черного Передела»[1]), посланный мне из Швейцарии, я немедленно возвратил Евгению[2]) и жду, чтобы мне его прислали снова; тогда и передам Малону[3]). Первые два №№ получены от Вас и сегодня будут переданы Малону Подолинским[4]), который за ними зайдет. Адрес Малона, действительно, переменился, и я получу новый сегодня.

Я очень хорошо понял, о ком Вы мне говорите, имею от него тоже письмо, но короткое, о том же предмете, с обещанием прислать длинное скоро, которое и ожидаю[5]).

Здесь ходят слухи о возобновлении единого органа партии, «Земля и Воля», и потому мне несколько странно, что вышел еще № 4 «Черного Передела». Соединение разделившихся меня очень радует. Но на каких основаниях произошло соединение? вот что особенно интересно знать[6]).

Насколько мне известно, ни одна газета здесь не перепечатала, и [нигде] не переврана была Ваша речь в той форме, которую Вы исправляете; поэтому и самое исправление, я думаю, печатать лишнее[7]).

Какую причину дал Вам Михайловский[8]) относительно отказа печатать статью?[9]) Это интересно. Не задолго перед этим отказано оттуда же и Чайковскому[10]) в напечатании статьи о «чартизме»[11]). Я думаю, что их запугали. Но есть известие, что «Слово» снова выходит, и тогда открывается новый рынок, или, вернее, снова открывается старый. — Пришлите мне Вашу статью: я прочту ее с удовольствием, но только напишите мне лишь определительнее, какого рода пересмотр Вы желаете.

Жорж[12]) уехал тому несколько дней в Кларан. С Росселем[13]) переговорю при первой оказии.

Пожалуйста, не забудьте о подготовлении труда о Бакунине[14]), относительно которого мы переписывались. Я на это крепко рассчитываю.

Жму крепко руку.

П. Л.

С этой же почтой отвечаю Блюменфельду[15]), живущему на одной улице с Вами, но очень сомневаюсь, дойдет ли письмо: он дал мне в адресе только улицу (или часть города Oberstrasse), а № дома нет. Если Вы с ним знакомы, то скажите ему, что письмо послано.

1. «Черный Передел» — журнал чернопередельческой фракции, выходивший в 1880-1881 г. Вышло пять номеров. № 3 вышел в России, поэтому за границей экземпляры его были редкостью; датирован он мартом 1881 г. (№ 4 датирован сентябрем 1881 г.).

2. Л. Г. Дейч.

3. Бенуа Малон (1841-1893 г.) — французский социалист, член первого Интернационала, участник Парижской Коммуны 1871 г. После разгрома Коммуны бежал в Швейцарию, где сблизился с М. Бакуниным. После 1880 г. присоединился к Лафаргу и Геду в их работе по организации французского социал-демократического движения.

4. С. Подолинский — радикал, участвовавший в издании первых номеров «Вперед», позже примкнувший к М. Драгоманову. Член редакции «Громада», автор брошюры «Парова машина».

5. Можно полагать, что речь идет о письмах из России, от Исп. Ком. «Народной Воли» (вероятно, от Стефановича), который именно в это время начал переговоры с В. И. Засулич и П. Л. Лавровым о принятии ими заграничного представительства Красного Креста «Народной Воли».

6. Окончательного соединения в действительности не было. Были лишь переговоры Я. Стефановича с Исполнительным Комитетом в Петербурге, результатом которых явился проект издания общего органа заграницей.

7. В октябре 1881 г. П. Аксельрод принял участие в международном социалистическом конгрессе в Хуре и произнес здесь речь о революционном движении в России. Эта речь была не точно передана швейцарскими газетами, и П. Аксельрод опасался такого же извращения ее парижскими газетами (см. П. Аксельрод, «Пережитое и передуманное», книга 1-ая, стр. 393-400).

8. Н. К. Михайловский (1842-1904 г.) — известный публицист, литературный критик, социолог, в период, к которому относится письмо, член редакции «Отечественных Записок», наиболее выдающийся теоретик революционного народничества, позже

редактор и руководитель «Русского Богатства». Стоял близко к партии «Народной Воли» и был сотрудником и членом редакции ее органа.

9. П. Аксельродом была послана в «Отечественные Записки» статья о Генри Джордже, о которой идет речь в предыдущем письме П. Лаврова. В это время редакция уже имела статью на ту же тему Южакова. Отказ в напечатании статьи П. Аксельрода в «Отечественных Записках» Михайловский, как вспоминает П. Аксельрод, мотивировал тем, что в статье есть что-то, «чего он сам не может точно определить, но что не удовлетворяет его». Хотя Михайловский предлагал поместить присланную статью в другом журнале, П. Аксельрод просил его вернуть рукопись. В письме, на которое отвечает П. Лавров, он просил разрешения прислать эту статью (после переработки ее) П. Лаврову.

10. Н. В. Чайковский (род. в 1850 г.) один из руководителей петербургского революционного кружка, основанного в 1869 г. Натансоном и получившего название кружка «чайковцев». Одновременно с пропагандой среди петербургских рабочих, этот кружок предпринял шаги для об'единения со сходными кружками, сложившимися в начале 70-х годов в Одессе, Москве, Киеве, Орле и др. городах, и пытался положить, таким образом, начало первой общероссийской революционной организации (1871-1872 гг.). Из кружка «чайковцев» вышли П. Крапоткин, С. Перовская, С. Кравчинский, Д. Клеменц, Л. Тихомиров и многие другие видные революционеры.

Н. Чайковский в 1873 г. эмигрировал в Америку, где вступил в коммуну религиозного проповедника Маликова. В период гражданской войны 1918-1920 гг. был председателем антибольшевистского Архангельского правительства.

Статья Чайковского о Чартизме вышла в 1900-1904 гг. отдельной брошюрой (изд. В. Распопова).

11. Чартизм — революционное рабочее движение в Англии 1837-1848 г., получившее название по хартии (charter), которую рабочие подали в парламент и в которой излагались их требования: 1. всеобщее избирательное право, 2. ежегодные выборы, 3. тайная баллотировка, 4. отмена имущественного ценза, 5. жалованье депутатам. В основе движения лежала идея — добиться улучшения экономического положения рабочего класса путем расширения его политических прав. Движение имело три последовательных волны: 1837-1839 г., 1842 г. и 1847-1848 г. Главные руководители его — О'Бриенн и О'Коннор.

12. Г. В. Плеханов; из Парижа он уехал в конце октября 1881 г. (см. его письма к Лаврову, — «Дела и Дни», № 2, стр. 86-87).

13. Россель — имя, принятое при натурализации в Америке И. Судзиловским. Один из первых южно-русских бунтарей-бакунистов начала 70-х годов. В 1874 г. эмигрировал и с тех пор не возвращался в Россию. Был одно время сенатором и председателем сената на Гавайских островах, в настоящее время — врач в Пекине. (О нем см. «Пережитое и передуманное», кн. 1-я, стр. 113-114 и 370.)

14. М. А. Бакунин (1814-1876 гг.) — известный теоретик анархизма. Его взгляды наложили отпечаток на все русское революционное движение 70-ых годов. П. Аксельрод предполагал написать работу о М. Бакунине для «Вестника Народной Воли».

15. Блюменфельд — журналист, живший в Цюрихе.

3. П. Л. Лавров — П. Б. Аксельроду

[Лондон], 14 апреля 1882 г.

Любезный Павел Борисович!

Начну с конца. Моя библиотека осталась в Париже и книга Янжула[1]) там же (т. е. она была у меня, если ее никто не взял). Но что я могу сделать, это — поручить поискать ее, но едва ли найдут. Не можете ли Вы подождать: я, возможно, недели через три вернусь в Париж и тогда смогу разыскать ее сам.

Теперь об ответе в Россию[2]). Я читал и коллективный ответ черпопередельцев (давно отосланный), послал отдельно на-днях и свой. Мне кажется, что в данную минуту выбора нет: для борьбы сообща с общим врагом приходится забыть все частные разногласия и сплотиться в одно целое. Каковы бы ни были ошибки и недостатки нынешних руководителей партии[3]), история поставила во главе движения никого другого, а их, и никакие логические доказательства большей разумности иных направлений делу не помогут. Каждый из нас может или устраниться и тем ослабить всю борьбу на столько, на сколько его участие в ней прибавляет к ней единичную силу, или должен войти в целое, исторически поставленное во главу этой борьбы. Конечно, основными убеждениями своими не приходится жертвовать ни для чего и ни для кого (иначе, что же это были бы за убеждения?), но в данном случае, мне кажется, что такой жертвы и не требуется.

Я поставил несколько вопросов российским деятелям, и если (как я думаю) ответ будет удовлетворительный, то мне нет причины оставаться в стороне, хотя я многое желал бы изменить, а, главное, раз'яснить.

Относительно раз'яснений представляется скоро, вероятно, хороший случай. Вы, конечно, знаете о проекте «Вестника Нар[одной] Воли»[4]), хотя для посторонних до поры до времени лучше держать это еще пока под спудом. На-днях послал ответ Сергея[5]) и мой и проект программы издания.

При полной самостоятельности редакции, которую мы оба ставим необходимым условием, можно будет в «Вест. Н. В.» раз'яснить многое и придать прочное идейное основание слишком случайным течениям, существующим в России. Мне кажется, что и Ваша мысль о литературной обработке еврейского вопроса с социалистической точки зрения[6]) может иметь там место и будет тем значительнее, что ведь это будет не отдельный голос того или другого, а «заграничный орган партии». Но я должен Вам сознаться, что признаю вопрос крайне сложным, а, практически, для партии, имеющей в виду сблизиться с народом и поднять его против правительства, и в высшей степени трудным. Теоретически его разрешить на бумаге очень легко, но в виду наличной народной страсти и необходимости для русских социалистов иметь народ, где можно, на своей стороне, это совсем иное дело. Читали ли Вы в последней книжке «Отеч[ественных] Зап[исок]» отрывки из письма крестьянина по этому вопросу[7]). Они поучительны для народного настроения тем более, что «От. Зап.» не имеют повода выставлять в этом случае фальш. — Что касается до меня лично, я мог бы даже начать переговоры по этому предмету[8]) лишь тогда когда дело «Вест. Н. В.» упало бы совсем в воду (что возможно). Если же возможно будет говорить с этой кафедры, то нечего нетерпеливостью ослаблять впечатление. Сергей в своем ответе крепко вооружился на россиян за Вас[9]). Так как статьи в «Вест. Н. В.» предполагается оплачивать, то мы имеем в виду Вас, как постоянного сотрудника (конечно, и члена издательской группы) для движения в Германии и в Швейцарии, да и вообще для основных статей. Но об этом поговорим, когда получим окончательный ответ из России.

Пока жму крепко Вашу руку и желаю всего лучшего.

П. Л.

[Приписка Л. Г. Дейча к письму П. Л. Лаврова]

С мыслями, высказанными здесь Петр[ом] Лавр[овичем], я безусловно согласен. Еврейский вопрос теперь, действительно, на практике почти не разрешим для революционеров. Ну, что им, напр[имер], делать теперь в Балте, где бьют евреев? Заступиться за них, это значит, как говорит Реклю[10]), — «вызвать ненависть крестьян против революц[ионеров], которые не только убили царя, но и жидов поддерживают». И приходится им быть между двумя противоречиями. Это просто безвыходное положение, как для евреев, так и для революц[ионеров] на практике, в действии.

Конечно, обязательно последним добиваться для первых уравнения их прав, дозволения им селиться повсюду, но это, так сказ[ать], деятельность в высших сферах, а среди народа вести примирительную агитацию оч[ень], оч[ень] трудно теперь партии. Не думай, чтобы меня, напр[имер], это не огорчало, не смущало; но все же останусь всегда членом русской револ[юционной] партии и ни на один день не стану удаляться от нее, ибо это противоречие, как и некотор[ые] другие, созданы, конечно, не ею, партией. — Мы не писали тебе о «Вестнике Н. Воли», хотя через нас идет вся переписка, потому что дело это предоставлено россиянами организовать Лаврову и Сергею, которые уже вольны писать и говорить о нем, кому найдут нужным. Я лично оч[ень] сильно сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь] вышло, так как с арестом Дм.[11]), по инициативе которого задумано это дело, была и начата переписка, там нет другого человка, который энергично возьмется за продолжение его. Не посылаю тебе письма Лавр[ова] к народ[овольцам], п[отому] ч[то] теперь уже поздно: нужно отдавать его в переплет[12]) и послать на-днях, — остановка только за твоим письмом о Соц[иал]-дем[ократии][13]), которое надеемся получить завтра-послезавтра.

1. И. И. Янжул — русский экономист, профессор. Был в начале 80-ых г г. фабричным инспектором Московской губернии и составил на основании своих наблюдений книгу «Фабричный быт Московской губернии».

2. Осенью 1881 г. Я. Стефанович вернулся из заграницы в Россию, где пытался сблизить и об'единить расколовшиеся в 1879 г. революционные фракции, — народовольцев и чернопередельцев. Результатом этих шагов Стефановича, нашедших благоприятную почву в тогдашних настроениях революционных кругов, явилось предложение, посланное Исполнительным Комитетом эмигрантам-чернопередельцам об'единиться с партией «Народной Воли». Одновременно такое предложение было сделано и П. Лаврову и С. Кравчинскому. Более подробно о содержании письма Исполнительного Комитета и о «коллективном ответе» на него чернопередельцев см. в статье Л. Дейча «О сближении и разрыве с народовольцами» («Пролетарская Революция», 1923 г. № 8 (20), стр. 15—21).

3. Партии «Народной Воли».

4. Проект Исполнительного Комитета об издании заграницей «Вестника Народной Воли» под редакцией П. Лаврова, Г. Плеханова и С. Кравчинского, при ближайшем участии заграничной группы чернопередельцев. Позже «Вестник» выходил под редакцией иного состава. С. Кравчинский в редакцию не вошел, так как Исполнительный Комитет счел неприемлемой точку зрения, развитую им в ответ на предложение руководить органом партии (об этом см. примечание 9-ое к настоящему письму, и письмо 1 С. Кравчинского к П. Аксельроду). Возник проект создания редакции в составе П. Лаврова, Л. Тихомирова и Г. Плеханова. Но затем выяснилась невозможность соглашения между народовольцами и чернопередельцами (которые в то время уже стояли

на почве социал-демократизма), и «Вестник» вышел под редакцией П. Лаврова и Л. Тихомирова (см. «Пережитое и передуманное», книга 1-ая, стр. 424-437).

5. Сергей — С. М. Кравчинский (Степняк, 1850-1895 г.) — (см. ниже письма С. Кравчинского).

6. П. Аксельрод писал П. Лаврову о необходимости для социалистов выяснить свое отношение к еврейскому вопросу, в связи с происходившими в то время на юге России еврейскими погромами (см. приложение к этой книге, статья П. Аксельрода «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции»).

7. В «Отечественных Записках» (март 1882 г.) была помещена статья (повидимому, Южакова) «Крестьянин о современных событиях». Заметка по поводу еврейских погромов». В этой статье приводится в обширных извлечениях письмо одного крестьянина (точнее, ремесленника из крестьян), написанное вскоре после убийства Александра II. Некоторое представление о характере этого письма может дать рисуемая им картина русской жизни после освобождения крестьян:

> «Крайность заставляет панам свое имение жиду в аренду отдать или вовсе продать. Пан мужику за обиду мстит, а жид случаю рад на каждом шагу грабить мужика. Жиды богатеют неправым путем. *Весь суд жиду защитой; жид везде прав.* Они православных праздников не чтут. На Рождестве и Святой лавки отпирают, и работы производят, а в воскресные дни базары сделаны для них же. Мужик Бога забыл, оставил храм Божий, едет на базар, вместо молитвы за Освободителя своего, он с жидом празднословит. Вместо поклонов земных, он валяется пьяный на земле; вместо (того, чтобы) слез пролить пред Богом, ему рожу разобьют жиды и кровию облит. За шумом жидов и мужиков не слышно звона колоколов. *Никто не обратит внимания на православную религию, власти предали ее на поругание жидам;* в жидовский шабаш не будут жида и судить, а в воскресенье и праздничные дни все разрешено...»

И далее, после рассказа о потрясающем впечатлении, произведенном на народ делом 1-го марта 1881 г.:

> «По распоряжению властей города, приказано было всем вообще православным и евреям оставить дела и затворить лавки. Но не все это сделали... Это еврей. Он никогда не затворяет, ни в какие праздники, а только была затворена его лавка, когда его раввин помер, да в свой шабаш. Как прискорбно было смотреть русскому и православному человеку на несочувствие этого Каиафы, по всему можно думать, что он панский пян. *Тут только и остается в таких случаях против таких изуверов дать права простолюдину поступать с ним своим распоряжением: если будет отворена лавка, то забрать товар, кто что захочет, и этим только и можно установить православные права»* (курсив «От. Запис.»).

8. Т. е., об издании брошюры по еврейскому вопросу.

9. Ответ С. Кравчинского на предложение Исполнительного Комитета вступить, вместе с П. Лавровым и Г. Плехановым, в редакцию «Вестника Народной Воли». В этом ответе С. Кравчинский восстал против нетерпимости, проявленной российским органом партии, журналом «Народная Воля», при оценке — в передовой статье № 7 — речи П. Аксельрода на конгрессе в Хуре. Об этом см. ниже, 1-ое письмо С. Кравчинского П. Аксельроду, апрель 1882 г. (ср. также «Пережитое и передуманное», кн. 1-я, стр. 393-402).

10. *Элизе Реклю* (1830—1905) — знаменитый французский ученый-географ и вместе с тем революционный деятель, участник Парижской Коммуны 1871 г., последователь Бакунина. Из научных его трудов наиболее известно многотомное сочинение «Земля и люди». П. Аксельрод интересовался его мнением, как географа, относительно возможности переселения евреев в Палестину.

11. *Дмитро* — Я. Стефанович, арестован в феврале 1882 г. в Москве.

12. В то время конспиративная переписка с Россией велась посредством пересылки книг легального содержания, в переплеты которых заделывались письма, а иногда и печатные листки.

13. Статья — корреспонденция П. Аксельрода для выходившего в России журнала «Народная Воля». Она не была напечатана в виду ареста типографии и прекращения издания.

4. П. Л. Лавров — П. Б. Аксельроду

[Париж], 14 июля [1882 г.]

Любезный Павел Борисович!

Сию минуту отвечаю на только-что полученную carte postale [открытку]. Я положительно не понимаю, что за охота Малону и Леклэру[1]) связываться с Nicolaidés'ом[2]), который, как им известно от меня, личность весьма сомнительная, может быть и не шпион, но во всяком случае спекулятор, который может поставить партию в такое же компрометирующее положение, как анархист Ганц, редактор анархического журнала и член лондонского конгресса, который оказался самым простым мошенником[3]). Я положительно не советую Вам и никому связываться с Nicolaidés, а, если можно, доставьте мне письмо, Вами полученное. Нет ли еще тут какого фальша? Я верну Вам его, когда справлюсь. Отвечайте не резко, а просто уклонитесь; с французской рабочей партией, как ни бестолковы ее руководители, ссориться не след.

На предыдущее письмо не ответил, так как, кажется, обстоятельства опять откладывают предприятие[4]) в долгий ящик, но, если оно пойдет, я думаю, что очерк движения немецкого Вы можете сделать совсем по своей душе: ведь это будет не ежемесячный или еженедельный отчет о текущих событиях, а картина главных характеристических течений за год или два. Относительно же Бакунина я совершенно согласен с Вами, что, за неимением деталей из частной жизни, надо, главное, дать характеристику его значения, как социалистического и философского теоретика в ряду других. С критическим отношением я совсем согласен. Если не для «В[естника] Н[ародной] В[оли]», то надо постепенно готовить это для Р. С. Р. Б.[5]) Год времени, я думаю, будет достаточен и при других работах. Это надо сделать. Жму крепко руку.

П. Л.

1. Леклэр — французский социалист.

2. Личность Nicolaidés'а установить нам не удалось. Совершенно не помнит о нем и П. Аксельрод.

3. В это время полиция в Западной Европе усердно насаждала провокацию в социалистическом и, особенно, в анархическом движении. В частности, полиция стремилась заводить за свой счет и под руководством своих агентов газеты крайнего направления. Этим об'ясняется тревога П. Лаврова по поводу проникновения в социалистическую среду подозрительного человека.

Ганц издавал в Париже анархическую газету по поручению префекта полиции Андриэ на отпущенные полицией средства и пытался, но безуспешно, привлечь к сотрудничеству в этом органе П. Кропоткина и Э. Реклю. (Об этом случае рассказывает П. Кропоткин в «Записках революционера»; Лондон, 1902 г., стр. 454—455).

4. Издание «Вестника Народной Воли» (См. примечание 4-ое к предыдущему письму).

5. «Русская Социально-Революционная Библиотека» (или просто «Социально-Революционная Библиотека»), образовавшаяся в Париже в 1880 г. с целью издания популярно-научных книг и брошюр для России. См. вступительные замечания к настоящему отделу.

5. П. Б. Аксельрод — П. Л. Лаврову[1])

Цюрих, [16] август 1888 г.

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Пишу Вам под непосредственным впечатлением только-что прочтенной брошюры Тихомирова[2]) и прилагаемого письма от нескольких народовольцев. Письмо это, хотя и помечено 10 июля, передано мне, однако, только вчера. В письме представители той части молодежи, которая воспитана на предубеждениях против социал-демократии, умоляют нас о соединении литературных революционных сил для общей борьбы против общего врага. Брошюра Тихомирова, призывающая эту молодежь к отречению от всякой борьбы, является как бы наглядной иллюстрацией необходимости того «соглашения», о котором говорится в письме народовольческого кружка. Нужно, впрочем, Вам знать, что я уже в прошлом году или, виноват, кажется, в феврале или январе этого года сделал шаг в этом направлении. К сожалению, я обратился не по надлежащему адресу. Предполагая Вас, Тихомирова и М. Н.[3]) составляющими одну группу и будучи лично знаком с Тихомировым, я написал ему через посетившего и Вас адвоката[4]) письмо, в котором указывал ему на возникающую реакцию в среде революционной интеллигенции и на необходимость в виду этого сближения между нашей и Вашей группой. Как первый шаг в этом направлении, я предлагал совместное редактирование органа, проектировавшегося адвокатом. Я пошел даже дальше. Я написал ему, что из опасения перехода органа в чисто либеральные руки Драгоманова[5]) мы готовы всячески содействовать тому, чтобы редактирование перешло **целиком** к Тихомирову и к Вам. Конечно, еслибы я тогда имел понятие о распадении Вашего кружка, я бы обратился прямо к Вам, и весьма вероятно, что из [этого] что-нибудь вышло бы до сих пор. Как бы то ни было, теперь я считаю своей обязанностью обратиться к Вам с тем же предложением (не в буквальном смысле, конечно), с каким прежде обращался через Тихомирова к нему и к Вам же. Если уж молодежь, которая теперь, увы, далеко не отличается подвижностью мысли, начинает сознавать необходимость сближения и соединения революционных сил под знаменем учений научного социализма[6]), то тем непростительнее было бы нам оставаться в прежнем раз'единении и тем **мешать** об'единению и выступлению революционной интеллигенции на новый путь борьбы. Иначе неминуемо предстоит переход заметной части молодежи на сторону Тихомирова, который, в моих глазах, отнюдь не продажный ренегат, а несчастная жертва нашего славянофильского социализма, словом, народничества. Я, впрочем, не стану доказывать здесь логическую необходимость этого превращения для человека, преданного народническим «идеалам» и в то же время разочаровавшегося в своей вере в революционный «захват власти».

Итак, возвращаюсь к практической цели письма. Мне кажется, что все внутренние споры и раздоры в «фонде»[7]) (заметьте, в среде самих народовольцев)

сами собою прекратились бы, раз Вы вступили бы в редакцию уже 4½ года издаваемой нами «Библиотеки Современного Социализма»[8]). Этим самым положено было бы начало сближению и об'единению истинно революционных элементов молодежи.

1. Печатаем с черновика без подписи, сохранившегося в архиве П. Аксельрода.

2. Л. Тихомиров (1850—1923 г.) в начале 70-х годов участвовал в кружке «чайковцев», затем играл крупную роль в партии «Земля и Воля»; после раскола партии (в 1879 г.) вступил в Исполнительный Комитет «Народной Воли», занял место виднейшего теоретика народовольчества и был редактором органа партии. В 1882 г. эмигрировал заграницу, где с 1883 г., вместе с П. Лавровым, редактировал «Вестник Народной Воли», продолжая вместе с тем руководить работой народовольческих кружков в России.

В 1888 г. отрекся от своих революционных взглядов и перешел в ряды защитников самодержавия. Свое отступничество он обосновывал в брошюре «Почему я перестал быть революционером?» Об этой брошюре и идет речь в письме.

Получив разрешение вернуться в Россию, Л. Тихомиров работал в наиболее реакционных органах печати, был сотрудником «Московских Ведомостей», а с 1906 г. и редактором этого органа.

3. Мария Николаевна Ошанина-Оловеникова, заграницей — Марина Полонская (1853-96), член Исполнительного Комитета «Народной Воли».

4. Н. Кулябко-Корецкий — радикальный адвокат. В 1887 г., приехав в Швейцарию, он вступил в сношения с группой «Освобождение Труда» и предложил достать деньги на издание журнала, в котором работали бы революционеры всех направлений. Когда выяснилась невозможность такого межпартийного издания, на деньги Н. Кулябко-Корецкого был выпущен в 1888 г. «литературно-политический сборник» «Социал-Демократ».

5. Михаил Петрович Драгоманов (1841—1895 г.) — публицист, профессор литературы в киевском университете, уволенный за «украинофильские» тенденции; эмигрировал в 70-х г.г. в Швейцарию, где продолжал литературно-публицистическую деятельность в духе украинофильства и земского либерализма. Издавал журнал «Громада» (1878—1882 г.), был главным сотрудником и позже фактическим редактором «Вольного Слова» (1881—1883 г.) (см. ниже письма М. Драгоманова П. Аксельроду).

6. П. Лавров всегда заявлял себя последователем «научного социализма», считая это понятие более широким, нежели понятие «марксизм».

7. «Социалистический Литературный фонд», основанный в 1887 г. в Цюрихе группой революционной молодежи, преимущественно народовольческого направления (Гнатовский-Прекер, С. Гинзбург, Дембо и др.). Вследствие неясности задач, которые ставил себе «фонд», стремления его руководителей к полной независимости от старых народовольцев и их нежелания походить на социал-демократов, вопрос об издании каждой брошюры вызывал в «фонде» бесконечные споры. Всего группой были выпущены две брошюры: «Введение к критике философии права Гегеля К. Маркса с предисловием П. Лаврова» и «Экономическое учение К. Маркса» К. Каутского в переводе и с предисловием К. Тарасова (Н. Русанов).

8. Серия брошюр, издаваемых Группой «Освобождение Труда» с 1883 г. В этой серии к тому времени, к которому относится печатаемое здесь письмо П. Аксельрода, вышли: «Социализм и политическая борьба» Г. Плеханова (1883 г.), «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса (1884), «Наши разногласия» Г. Плеханова (1884 г.), «Речь о свободе торговли» К. Маркса (1885 г.), «Нищета философии» К. Маркса (1886 г.), «Фердинанд Лассаль» Г. Плеханова (1887 г.), «Чего хотят социал-демократы» Гэда и Лафарга (1888 г.). Позже в той же серии появились: «Очерк истории международного общества рабочих» В. Засулич (1889 г.), «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова» Г. Плеханова (1889 г.), «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России» Г. Плеханова (1892 г.), «Людвиг Фейербах» Фр. Энгельса (1892 г.) и «Фр. Энгельс о России» (1894 г.).

6. П. Л. Лавров — П. Б. Аксельроду

[Париж], 17 сентября 1888 г.
328, rue St. Jacques.

Многоуважаемый Павел Борисович!

С большим вниманием прочел и перечел я письмо Ваше от 16 августа и только внезапная болезнь помешала мне немедленно ответить на него. Предложение, которое Вы мне делаете от имени Ваших товарищей, я считаю для себя почетным, но, к сожалению, я нахожусь в необходимости отклонить его и считаю своею обязанностью указать в этом письме на причины, побуждающие меня так поступить. Вы, впрочем, сами, конечно, знаете или догадываетесь о том, каковы эти причины, и интересный сборник Вашей группы[1]), полученный мною почти одновременно с Вашим письмом, может служить прекрасным комментарием на эти причины.

Нас разделяют вовсе не разногласия по теоретическим или практическим вопросам. Каковы ни были бы в этом отношении сходства или различия между нами, если Ваши товарищи и я мы одинаково принадлежим к социалистам-революционерам, значит — мы сближены общею целью, предполагаемою этими словами; мы вместе отделены непереступаемою чертою от мира несоциалистов и нереволюционеров; а потому мы могли бы действовать вместе для нашей общей цели, против наших общих врагов.

Но мы с Вами не одни в русском социалистическом мире. Существуют еще другие группы, расходящиеся во взглядах и со мною и с Вами. Нас разделяет тактический прием относительно этих других социалистов-революционеров, с нами несогласных, и как ни маловажно, повидимому, значение тактического приема в той громадной борьбе, которую предполагает понятие социальной революции, для настоящего положения России я считаю это расхождение настолько важным, что признаю его решающим.

Я думаю, мы согласны в том, что борьба социализма с современным строем есть самое существенное явление настоящей эпохи, явление, пред которым бледнеют все остальные. Для меня из этого выходит следствие, что все оттенки революционного социализма для нас несравненно ближе, чем все, что не принадлежит ни социализму, ни его революционным задачам. Для меня все, принадлежащие к социально-революционному лагерю, — товарищи, с которыми можно спорить, против которых можно негодовать за их ошибки, заблуждения, увлечения, но которые все-таки — товарищи по делу, к которым приходится относиться по товарищески, и с которыми можно действовать вместе в некоторых случаях и при всех их заблуждениях и увлечениях, пока они не сеют раздора в рядах социалистов-революционеров и не раздражают их друг против друга своими нетоварищескими поступками. При трудном положении всех живых сил в России, все это, на мой вгляд, еще важнее для нашей родины. Среди русских социалистов революционеров в настоящую минуту важны, по моему, не теоретические или даже практические разногласия, а то, что мешает

сближению и сплочению групп в одну боевую партию против капиталистического мира и против правительства, стоящего на его охране. Важно не то, что один считает неизбежным господство капитализма в России для сплочения русских рабочих в одну будущую политическую партию, другой отвергает это; что для одного крестьянство — безусловно реакционный элемент, для другого оно не так; что один стоит за террор, другой его отвергает; один составляет планы захвата власти, другой считает это вредной тратой сил. Важно то, что один стремится сплотить все социально-революционные силы в России в одно дело против врагов, от которых нас отделяет пропасть, созданная и расширяемая историею; другой же своими поступками мешает этому сплочению. Я пойду со всякою группою, заявляющею себя громко и явно социалистами-революционерами, готовою к союзу со всеми другими социалистами-революционерами, и сумевшею фактически, в России, привлечь к себе крупные живые силы. Я не пойду ни в какую комбинацию, где, рядом с социалистами, становятся либералы-несоциалисты; ни в какую комбинацию, которая предлагает социалистам из утилитарных целей спрятать свое социалистическое знамя; но и ни в какую социалистическую комбинацию, которая оскорбляет и раздражает других социалистов-революционеров, а тем менее в ту, которая выступает с большею резкостью против товарищей других оттенков, чем против людей лагеря, враждебного социализму вообще.

Русским социалистам надо найти такой modus vivendi[2]), который позволил бы им, при самостоятельности каждой особой группы, не мешать друг другу и действовать, одновременно, каждый своим путем, против общего врага. Прошло то время, когда русское движение было в зародышевом состоянии*) и можно было надеяться сообщить ему то или другое направление. Это движение вошло в область истории. На ход его оказали влияние все экономические, политические и идейные условия страны. Теперь приходится брать в соображение все выработанные им группы в их различиях и уклонениях, как группы товарищей, с которыми приходится действовать. Надеяться, что они уступят доводам и полемике, по меньшей мере, непрактично. Логика есть лишь один из многих элементов, обусловливающих исторические явления. Конечно, восторжествовать окончательно должно самое логически-верное направление. Но это — в дальнейшем будущем. Пред нами же — будущее ближайшее. И в нем победы или поражения, возможность образовать господствующий центр движения или невозможность этого зависят от множества причин, над которыми в их совокупности никто не властен. Личная энергия и уменье приспособиться к условиям жизни страны составляют здесь господствующие элементы, хотя и не единственные. Но так как нельзя знать наперед, которая из групп сумеет сделаться на время подобным господствующим центром, то ни против одной, в полемике с нею, не дозволительно употреблять раздражающее оружие личного оскорбления и презрительной насмешки. Ко всем приходится относиться, как к товарищам, знамя которых может временно сделаться знаменем всей живой протестующей России, как было им временно знамя Народной Воли. К тому же, раздражитель-

*) Как, может быть, это было в 1872-78 годах. [Прим. П. Л. Лаврова].

ная полемика есть, на мой взгляд, не только вред с точки зрения социально-революционного товарищества, она еще — ошибка, так как, раздражая самолюбие, она мешает многим приступать к той группе, которая пользуется этим оружием.

Но не представляют ли разногласия по теоретическим и практическим вопросам в рядах русских социалистов такие существенные особенности, что всякий мирный modus vivendi между членами разных групп невозможен?

Уже то обстоятельство, что раздоры всего сильнее заграницею и всего слабее в самой России, на реальной почве деятельности, заставляет сомневаться в этом. Но мне кажется, что и более внимательный разбор вопроса ведет к тому же.

Западные социалисты пришли к убеждению, что социальную революцию могут совершить лишь рабочие, организованные в партию с определенной и обособленной политической программой. В России этой партии еще не существует и для того, чтобы она организовалась, надо совершить ряд подготовительных действий. Какие должны быть эти действия? В этом расходятся разные группы, которые одновременно с Вами и со мною имеют право на название социалистов-революционеров.

Одни считают более прямым и целесообразным действовать прямо на народ пропагандою, агитациею, иногда вызовом аграрного террора и т. п., полагая в этой деятельности основание организации рабочей партии. Эти группы расходятся в том, следует ли действовать и на крестьянство, или исключительно на рабочих городов и промышленных округов, в том, какие меры и какие пути следует употреблять для организации рабочих. Но при всем расхождении взглядов в этом отношении, каждая подобная группа, действуя в своей сфере, едва ли может когда-нибудь мешать другой, соседней, действовать в сфере, считаемой ею лучшей. Несогласия и столкновения, которые при этом могут возникнуть, далеко не таковы, чтобы вызвать безусловную враждебность и не допускать в большинстве случаев даже содействия. Ваша группа, в ее программе, придает первостепенную важность одной отрасли этой деятельности. Много ли сделали Ваши товарищи на этом практическом поле в 9 лет, со времени раскола 1879 г.[3]), мне, к сожалению, не известно. Но я думаю, что к самым блестящим успехам Вашей организации городских и вообще промышленных рабочих все социально-революционные группы, без исключения, могли отнестись и относились с большим сочувствием. Значит, теоретические и практические разногласия среди людей, действующих в народе, не должны бы вызывать особенного раздражения.

Но другие группы считают в настоящее время малополезною эту деятельность в народе, полагая, что главным врагом минуты для всех живых русских людей остается русское правительство. Это группы — боевые. Они расходятся между собою во взглядах на более централистическую или более федералистическую организацию партии, на пользу употребления мер террористических, на возможность стремиться к захвату власти и т. п. Я не остановлюсь на их разногласиях между собою, так как эти разногласия до содержания этого письма не касаются. Но планы всех боевых групп можно противоположить плану немедленной деятельности в смысле организации рабочей партии. Эти группы, однако же, вовсе

не враждебны этой деятельности, и если, рядом с их террористическою и заговорщицкою деятельностью, другим удается организовать рабочих, я почти уверен, что они не только не найдут это вредным, но будут этому очень рады, так как они все — социалисты. Почему же и организаторам рабочей партии непременно оскорблять их насмешками, относиться к ним презрительно, словом, не признавать их товарищами? Я совершенно могу представить себе modus vivendi, где те и другие были бы организованы в самостоятельные целые с полною независимостью деятельности, при чем небольшое число специальных агентов служило бы посредниками между этими двумя независимыми организациями, позволяя им действовать согласно в особенно важные эпохи, помогать друг другу в известной мере постоянно, охраняя тайну деятельности каждой партии.

Но, рядом с людьми, действующими в народе, и людьми, входящими в состав боевых групп, находится еще третья категория социалистов-революционеров. К ней принадлежите Вы и Ваши товарищи, к ней принадлежу и я. Мы сидим и литераторствуем. Каждая группа и каждый оттенок мнений старается иметь свой орган, где преимущественно отстаивает те пункты, которые составляют его особенность. Социалист-литератор волнуется и раздражается, выставляет ряд аргументов и придает именно им главное значение. Образы работника, крестьянина, капиталиста, царя бледнеют для него перед образом его коллеги, социалиста-литератора другой группы, который возмущает его непониманием его аргументации, противоречием его излюбленным тезисам. Задача тактики борьбы партии против капитализма и правительства при этом слишком часто фатально отступает пред полемическим стремлением ужалить, «разнести» противника, с которым где-нибудь на фабрике в России, или в заговорщическом кружке против царя ярый полемист шел бы рука об руку, забывая всякие разногласия по вопросу о роли капитализма и крестьянской общины в будущей истории России. Самолюбия, раздраженные резкою полемикою, вызывают личную вражду. Сближение между личностями социалистов-литераторов становится почти невозможно, совершенно независимо от степени близости или отдаления их теоретических и практических программ. Из-за раздора между личностями возникает вражда между группами. Наконец, в самой России становится уже трудно сближение между кружками, которых разделяют не программы, не темпераменты, а враждебные клички. Товарищество между всеми русскими социалистами-революционерами при резком отдалении их всех от несоциалистов и нереволюционеров, заслоняется и пропадает в глазах многих из-за удовольствия двух-трех личностей написать хлесткие статьи. И общее дело русского народа, общее дело социализма подрывается в угоду нашей братье, социалистам-литераторам.

Источник опасного разлада между русскими социалистами-революционерами, по моему мнению, не в разнице теоретических и практических программ, которая вовсе не так значительна, чтобы безусловно мешать сближению и взаимной помощи на серьезном деле в России. Он лежит в личных раздорах небольшого числа лиц, в раздорах, питаемых преимущественно формою литературной полемики. Можно и должно отмечать то, что мы считаем ошибками теоретическими

и практическими в программах и в построениях наших товарищей. Должно полемизировать с товарищами, если мы с ними не согласны. Я всегда думал, что возможен общий орган для довольно различных оттенков русских социалистов-революционеров, и что на страницах этого органа могла бы происходить полемика между группами, при господстве в этом органе определенного направления, в данную минуту господствующего фактически в России. Но форма этой полемики должна быть, как я уже высказал выше свое мнение, форма товарищеских прений, оставляющих полную возможность личного и группового сближения, никогда не оскорбительных ни для лиц, ни для групп.

Вот этого то, совершенно необходимого на мой взгляд условия для действия вместе, не существует в полемических статьях Вашей группы. Его нет и в полемических статьях последнего Вашего сборника, которые я просмотрел вслед за прочтением Вашего письма.

Мне даже кажется, что, по литературному складу его мысли, один из членов Вашего кружка едва ли может употребить другие приемы полемики, а он занимает слишком крупное место в русской социалистической литературе, чтобы не быть определяющим элементом в этом случае[4]). Но в издании, в руководстве которого я участвовал бы хотя отчасти, я никогда не мог бы допустить подобную форму полемики, не вызванную слишком важным поводом. И вот основной пункт расхождения, который требовал бы устранения прежде, чем поднять какой-либо вопрос о разнице наших теоретических или практических программ. Лишь тогда, когда в полемических статьях изданий Вашего кружка я встретил бы то товарищеское отношение к несогласным с Вами русским социалистам-революционерам, которое я считаю необходимым для возможности сплочения русской живой молодежи в борьбе против общего врага, лишь тогда могла бы иметь серьезно место речь о нашем литературном единении.

Что бы не удлинять письмо, я лишь в нескольких словах коснусь некоторых других пунктов, о которых Вы упоминаете. — До сих пор я не имел понятия о том, что письмо, посланное Вами к Тихомирову с адвокатом, заключало не только обращение к Т[ихомирову], но, по Вашим словам, и обращение «через Т. ко мне». Я письма не видал и смотрел на весь эпизод, как до меня вовсе не касающийся, тем более, что между мной и Т. было давно уже решено, что мы вместе редактировать никогда не будем. — Эпизод Т.[5]) я считаю чисто личным и ни в какую связь с программами групп его не ставлю.

— Против русских лже-народников я считаю возможным полемизировать при случае, совершенно не затрагивая разногласий между социалистами, так как большинство лже-народников — не социалисты[6]). — Раздоры цюрихские я считаю довольно обычным явлением в среде живой молодежи и полагаю, что их можно устранить, в каждом частном случае, относясь к вопросу добросовестно и без личного самолюбия; в настоящем случае печатание труда Веры Ивановны на средства фонда, как я полагаю, устранит многие нелестные для меня предположения[7]).

Я высказал Вам и Вашим товарищам откровенно, многоуважаемый Павел Борисович, основной пункт для дальнейшей нашей переписки, и продолжение ее зависит уже от Вас[8]).

Прошу Вас верить в совершенное уважение и товарищеские чувства

Петра Лаврова.

1. «Литературно-политический сборник» «Социал-Демократ», вышедший в 1888 году под редакцией П. Аксельрода и Г. Плеханова. В сборнике были помещены следующие статьи: «Как добиваться конституции?» Симплициссимуса (Г. Плеханова), «Наши беллетристы-народники» (статья 1-я, Г. И. Успенский) Г. Плеханова, «Парламентаризм и буланжизм» Поля Лафарга, «Неизбежный поворот» Г. Плеханова», «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь» П. Аксельрода, первые три главы «Очерка истории международного общества рабочих» В. Засулич.

Статья Г. Плеханова «Неизбежный поворот» была посвящена отречению Л. Тихомирова от революции, ясно обозначившемуся уже в его предисловии ко 2-му изданию его книги «La Russie politique et sociale». Это предисловие, помеченное 20 февраля 1888 г. и в значительной мере предвосхищавшее его переход в ряды защитников самодержавия, вызвало большое смущение в рядах народовольцев. Г. Плеханов, анализируя высказанные здесь взгляды Л. Тихомирова, показывал связь их с особенностями всей народовольческой идеологии. Заявляя ниже, что «эпизод Т[ихомирова]» он «считает чисто личным и ни в какую связь с программами групп его не ставит». П. Лавров отвечает не только на помещенное выше письмо П. Аксельрода, но и на статью Г. Плеханова в сборнике «Социал-Демократ».

2. Modus vivendi — способ жить, временное соглашение между противниками.

3. «Раскол 1879 г.» — раскол в Обществе «Земля и Воля» после Воронежского с'езда.

4. Намек на Г. В. Плеханова.

5. Выход брошюры Л. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?»

6. Лже-народниками П. Л. Лавров называет легальных публицистов, примыкавших к народничеству, но не разделявших его революционных тенденций: Каблица (Юзова), Сазонова и др.

7. Руководители цюрихского «Социалистического литературного фонда» (см. примечание 7-ое к предыдущему письму) предполагали выпустить брошюру В. И. Засулич «Очерк истории международного общества рабочих», первые три главы которой появились (в виде приложения), в сборнике «Социал-Демократ». П. Лавров был сторонником этого плана и считал, что этим с него будут сняты упреки за одностороннее направление издательской деятельности «Фонда». Позже «Фонд» от издания брошюры В. Засулич отказался, и брошюра вышла (в 1889 г.) в «Библиотеке Современного Социализма».

8. После этого группой «Освобождение Труда» была сделана новая попытка сближения с П. Лавровым, о которой говорит печатаемое ниже письмо редакции «Социал-Демократа».

7. Редакция «Социал-Демократа» — П. Л. Лаврову[1])

[1889 г.?]

Уваж[аемый] П[етр] Л[аврович].

Посылаю Вам об'явление об издании «С[оциал]-Д[емократа]» на 89 г.[2]), я от имени всей редакции позволю себе выразить Вам надежду на то, что Вы не откажете нам в литературной поддержке. На первый раз просьба наша будет очень скромна.

Вы знавали Ч.[3]); Вы встречались с ним, если не ошибаемся около времени известных студенческих беспорядков 60-х годов[4]). Мы просили бы Вас написать

Ваши воспоминания о встречах с ним. У нас, правда, уже есть разбор его сочинений[5]), но Вы знаете, что ничто не обрисовывает так личность общественного деятеля, как воспоминания о нем лиц, сталкивавшихся с ним. Не нужно и прибавлять, что Ваши воспоминания будут иметь особенный интерес в глазах публики и особенную цену в глазах редакции.

Ожидая от Вас ответа, остаемся готовыми к Вашим услугам[6]).

1. Печатаем с копии, сохранившейся в архиве П. Аксельрода.

2. Предполагалось дальнейшее издание сборников типа вышедшего в 1888 г. «литературно-политического сборника» «Социал-Демократ» (см. примечание 1-ое к предыдущему письму). Это издание не состоялось. Позже план издания был расширен, и группа «Освобождение Труда» приступила к изданию «трехмесячного литературно-политического обозрения» «Социал-Демократ». Вышло 4 книги этого обозрения: 1-ая в феврале 1890 г., 2-ая в августе 1890 г., 3-ая — в декабре 1890 г. и 4-ая — в 1892 г.

3. Николай Гаврилович Чернышевский (1829—1889 г.) — великий русский мыслитель, публицист и ученый, художественный критик, экономист, руководитель «Современника» в пору наивысшего расцвета этого журнала, самостоятельно пришедший ко многим положениям исторического материализма, и явившийся в 50-ых годах, в эпоху подготовки «великих реформ», предтечей научного социализма в России; матерьялист школы Фейербаха в философии, социалист, демократ, западник в политике. Автор сочинений «Примечания к основаниям политической экономии Милля», «Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода в русской литературе», «Пролог пролога», «Что делать» и др. В 1862 г. был арестован и осужден сенатом на основании заведомо подложных документов на 14 лет каторги. После каторги Н. Чернышевский был водворен на поселение в Вилюйске Якутской области, откуда возвращен в Европейскую Россию, в Астрахань, в 1883 г. Скончался 17 октября 1889 г.

Повидимому, редакция «Социал-Демократа» обратилась к П. Лаврову с печатаемым здесь письмом именно в связи с его смертью.

4. Студенческие беспорядки в Петербурге осенью 1861 г. Движением руководил студенческий кружок, в который входил Утин, Неклюдов, Михаэлис и др. Беспорядки вылились в многотысячную уличную манифестацию (25 сентября), после чего университет был закрыт и руководители движения арестованы. В последующие дни было арестовано еще 240 человек студентов. В декабре большая часть арестованных была свобождена. Но Университет оставался закрытым, и это побудило студенческий комитет организовать ряд публичных курсов, которые читались в зале Петербургской Городской Думы. Среди лекторов, приглашенных комитетом, были П. Лавров и Н. Чернышевский, но полиция не допустила их к чтению лекций. Вскоре курсы закрылись. Н. Чернышевский, стоявший близко к студенческому движению, посвятил ему в апрельской книжке «Современника» очень смелую, по тому времени, статью под заглавием «Научились-ли?», явившуюся отповедью на нападки против студенчества реакционной печати. Некоторое время спустя Н. Чернышевский был арестован.

П. Лавров никогда не был особенно близок с Н. Чернышевским, но встречался с ним в период студенческих беспорядков. Лично познакомился П. Лавров с Н. Чернышевским в феврале 1862 г. (См. Л. Пантелеев «Из воспоминаний прошлого» в в сборнике статей «П. Л. Лавров», изд. «Колос», Петербург 1922 г.).

5. Разбор сочинений Н. Г. Чернышевского имел в виду писать Г. Плеханов. Эта работа вылилась в форму четырех обширных статей, появившихся в «литературно-политическом обозрении «Социал-Демократ» (в 1890—1892 г.) и позже вошедших в переработанном виде в книгу Г. Плеханова «Н. Г. Чернышевский».

6. В имеющейся в нашем распоряжении копии настоящего письма нет подписи; был ли получен от П. Лаврова ответ на это письмо, — нам неизвестно. Во всяком случае, ни в одном литературном предприятии группы «Освобождение Труда» П. Лавров не участвовал.

8. П. Л. Лавров — П. Б. Аксельроду

[Париж], 28 ноября 1892 г.

Уважаемый Павел Давыдович[1]).

Меня просят обратиться к Вам, как к старому жителю Цюриха, со следующими вопросами, нужными Теплову[2]), находящемуся теперь еще в тюрьме в Angers. Ему хотелось бы, когда его выпустят на свободу (в январе, кажется), или поселиться в Швейцарии, или пробыть, по крайней мере, там несколько месяцев. Поэтому, первый вопрос: есть ли возможность ему поселиться в Швейцарии? Здесь все считают это мало вероятным. Тогда следует вопрос второй: может ли он, без опасения быть немедленно высланным из Швейцарии, пробыть там сколько ему понадобится (кажется, дело идет о справках, которые он думает навести о родных его жены, швейцарки)? Насколько я помню мое пребывание в Цюрихе в 70-х годах, никого не баспокоили из новых приезжающих в продолжении полугода, если не года. Следовательно, я считаю это возможным. Но многие говорят, что теперь — дело иное и что могут проезжего . . .[3]) выслать немедленно.

Потрудитесь, если возможно, навести точные справки и ответить мне. Приятели Теплова будут Вам очень благодарны.

Жму Вашу руку и надеюсь, что все Ваши дела идут хорошо.

П. Лавров.

1. Описка автора. В это время между П. Лавровым и П. Аксельродом не было тесных сношений.

2. А. Л. Теплов в 1878 г. осужден Сенатом на поселение, бежал из Сибири заграницу. Весной 1890 г. был арестован в Париже по обвинению в изготовлении бомб, вместе с Лавренiусом, Рейнштейном, Накашидзе, Степановым, Кашинцевым и др. Дело было подстроено русской полицей с тем, чтобы побудить французское правительство отказать русским эмигрантам в праве убежища. Деятельную роль в изготовлении бомб играл провокатор Гекельман-фон-Ландэйзен. В числе защитников обвиняемых на суде выступал Мильеран. В разоблачении Ландэйзена и в защите привлеченных к суду в глазах общественного мнения принимал деятельное участие П. Лавров. Дело кончилось приговором ряда обвиняемых, в том числе и А. Л. Теплова, к тюремному заключению, но своей политической цели русское правительство не добилось. Во второй книге «литературно-политического обозрения» «Социал-Демократа» этому делу посвящена статья «Французское правосудие и русское шпионство».

3. В этом месте в письме не разобрано слово.

IV

ПИСЬМА А. П. МАЛЬШИНСКОГО

Имя Арк. Павл. Мальшинского (1840-1899 г.), письма которого к П. Аксельроду мы здесь печатаем, связано с не выясненной до сих пор до конца, историей возникновения газеты «Вольное Слово».

Окончив Московский Университет, Мальшинский некоторое время занимался политической экономией в Гейдельберге. О последующей его деятельности мы знаем очень мало*). Известно лишь, что в 1879 г., по поручению шефа жандармов Дрентельна, он составил «Обзор социально-революционного движения в России», — обширный труд (в 322 + IV стр.), в большей части посвященный истории социально-революционных идей на Западе и в России и лишь бегло касающийся современного состояния русского революционного движения. Этот «Обзор», изданный III-им Отделением в 150 экземплярах, был в свое время отмечен в «Народной Воле» (№ 4, декабрь 1880 г.) с указанием, что «автор, г. Мальшинский, приходит к выводам, очень печальным для правительства; между прочим, он констатирует факт, что социально-революционное движение составляет у нас не извне навеянное, а совершенно самостоятельное, вытекающее из условий русской жизни движение». Но это указание не дает представления о труде Мальшинского, как не дают представления об этой книге, насквозь проникнутой жандармски охранительным духом, ссылки на нее, приведенные в следующем (№ 5) «Народной Воли».

В 1881 г. А. Мальшинский появился заграницей. Здесь он выдавал себя за члена тайного «Земского Союза», будто бы поручившего ему поставить заграницей газету, об'единяющую все оппозиционные и революционные силы на почве борьбы за конституцию без применения террора. Из помещенного выше письма П. Лаврова П. Аксельроду (отдел III, письмо 1-ое) видно, как искал он сближения с социалистами и старался заручиться их сотрудничеством для своего издания.

С августа 1881 г. А. Мальшинский приступил к изданию в Женеве большой еженедельной газеты «Вольное Слово». Редакция нового органа, формулируя в 1-м № свои задачи, заявляла:

«Потребность в свободном слове и печальная невозможность обставить его сколько-нибудь удовлетворительным простором в пределах отечества побудили нас прибегнуть к крайнему средству — воспользоваться гостеприимством чужой страны, чтобы там, вне давления цензурных тисков, устроить независимый орган выражения справедливых желаний и настоятельных нужд обезличенного и обобранного населения России...

---

*) В № 48 (от апреля-мая 1882 г.) «Общего Дела» имеются указания, что после Гейдельберга он «служил домашним учителем в одной русской семье; в Неаполе познакомился с Бакуниным и был тогда самым красным революционером... Затем в Петербурге, после разных похождений, попал наконец в III Отделение, где его прикомандировали к отделению иностранной корреспонденции».

«Достигнуть желанного можно только самодеятельностью... лишь в здоровой атмосфере самоуправления вздохнет полной грудью веками угнетенная личность...

«Россия хочет и должна стать исключительно земскою... Но одного перехода от канцелярщины к земщине было бы еще недостаточно... Величайший в мире по величине конгломерат Российской Империи... никогда не превратится из механического целого в органическое, если внутреннее управление государством не будет рассредоточено по областями и если управление областями не будет организовано на началах широкого самоуправления...»

Ближайшим сотрудником «Вольного Слово» сделался М. Драгоманов, начавший (с 3-го №) печатать в журнале свое обширное исследование «Историческая Польша и великорусская демократия» и своим сотрудничеством утвердивший за «Вольным Словом» характер органа земской либеральной оппозиции, проводящего идеи децентрализации, автономии и федерализма.

М. Драгоманов привлек к сотрудничеству в «Вольном Слове» и П. Аксельрода. О начале своей работы в этом органе П. Аксельрод пишет в своих Воспоминаниях:

«Он (М. Драгоманов) передал мне приглашение редакции вести отдел рабочего движения на Западе, при чем сообщил, что редакция остановила на мне выбор по совету Лаврова, рекомендовавшего меня, как «специалиста» среди социалистической эмиграции в сфере международного движения рабочих. Вместе с тем Драгоманов сообщил мне, что «Вольное Слово» издается на средства или при поддержке тайного союза (или группы) либеральных земцев и фактически является органом этой либеральной группы. Рекомендация Лаврова и непосредственная близость Драгоманова к этому изданию являлись в моих глазах достаточной гарантией литературной и политической порядочности его руководителей — и я, без всяких колебаний, принял предложение редакции» («Пережитое и передуманное», кн. 1-ая, стр. 390-391).

Как рассказывает далее П. Аксельрод, работа в «Вольном Слове» заставила его покинуть Женеву, где обосновались его товарищи по группе «Освобождение Труда» и переехать в Цюрих. Этот город был центром политической жизни и рабочего движения немецкой Швейцарии, здесь собралось много передовых рабочих социалистов, бежавших в Швейцарию из Германии и Австрии от полицейских преследований, здесь выходил орган германской партии «Социал-Демократ», здесь жили Эд. Бернштейн, К. Каутский, Фольмар, сюда часто приезжали по партийным делам Бебель и Либкнехт, — короче, Цюрих был самым подходящим пунктом для наблюдений над европейским рабочим движеием, в особенности за его с.-д. течением.

За время своего сотрудничества в «Вольном Слове» (от конца августа 1881 г. по март 1882 г.) П. Аксельрод поместил в газете (без подписи) 15 «Писем о рабочем движении», представлявших подробные, в 5-6 столбцов, обзоры состояния рабочего и социалистического движения на Западе, и приблизительно столько же сводок менее систематизированного характера в виде «хроники рабочего движения». Кроме этого, он дал в «Вольное Слово» полный текст своей речи на Хурском конгрессе (№ 13 от 1 ноября 1881 г.) и одну большую политическую статью под заглавием «Все для народа и посредством народа» (№ 19, от 13 декабря 1881 г., за своей подписью).

Вскоре после появления первых №№ «Вольного Слова» в эмигрантских кругах стали циркулировать слухи о том, что газета является органом министра внутренних дел гр. Игнатьева. В сентябре в № 44 «Общего Дела» (выходившей в Женеве непартийной прогрессивной газеты Элпидина) появилась «корреспонденция» из Женевы, автор которой (повидимому, Зайцев), отмечая выход нового русского органа в эмиграции, весьма прозрачно намекал на его связь с Игнатьевым. Оценку нового органа автор обещал дать после того, как «Вольное Слово» выскажет свое мнение о министре внутренних дел гр. Игнатьеве. В последующих №№ газеты обвинения против «Вольного Слова» принимали все более и более точный характер, и весной 1882 г. в № 48 «Общего Дела» редактор «Вольного Слова» был назван по фамилии, как агент 3-го Отделения.

В начале 1882 г. темные слухи о Мальшинском получили подтверждение в письме, присланном в Женеву Вере Ив. Засулич группой петербургских народовольцев для предупреждения М. Драгоманова (см. 1. письмо М. Драгоманова П. Аксельроду).

Но М. Драгоманов не придал значения обвинениям против Мальшинского. Полагаясь на него, и П. Аксельрод не видел оснований сомневаться в политической порядочности основателя «Вольного Слова»; он продолжал работать в «Вольном Слове» до марта 1882 г. и вышел из журнала по причинам, не имевшим никакого отношения к личности А. Мальшинского — после появления в № 34 «Вольного Слова» статьи М. Драгоманова «Обаятельность энергии», содержавшей резкие выпады против Исполнительного Комитета «Народной Воли» и против русских революционеров вообще (см. примечание к письму 1 С. Кравчинского П. Аксельроду).

С начала 1883 г. М. Драгоманов официально стал во главе «Вольного Слова» и видимое отношение А. Мальшинского к журналу прекратилось. Но в эмигрантских кругах обвинения против него повторялись снова и снова; они получили особенно резкое выражение в вышедшем в апреле 1883 г. Календаре «Народной Воли». На все обвинения Мальшинский ответил, наконец, брошюрой «Не знаю, к кому« (заглавие, которое должно было подчеркнуть анонимность выступающих против автора обвинителей). «Вольное Слово» выразило негодование против того, что Календарь «Народной Воли» раскрыл государственной полиции имя бывшего редактора противоправительственной газеты. И на этом газета закрылась, — закрылась на двойном 61—62-ом № (22 мая 1883 г.) заметкой о том, что выпуск следующего №-а откладывается на неопределенное время, и что редакция считает для себя тем более позволительною такую отсрочку, что она «выпустила целый ряд №№ в увеличенном об'еме, имея в виду закончить печатание известного круга материалов перед наступлением вакаций в России и перед коронацией».

М. Драгоманов до конца сохранил уверенность в том, что «Вольное Слово» было основано «Земским Союзом», и что А. Мальшинский был представителем этой организации.

Между тем, А. Мальшинский, вернувшись после закрытия «Вольного Слова» в Россию, не только не подвергся здесь никаким преследованиям за свою оппозиционную литературную деятельность заграницей, но занял место среди сотрудников реакционнейших органов печати, — сперва в роли внутренного обозревателя «Русского Вестника», а затем в качестве редактора еще более черносотенной газеты «Народ».

Позднейшие исследования В. Я. Богучарского показали, что, в действительности, никакого «Земского Союза», как широкой организации, об'единяющей либеральные земские круги, в России в то время не существовало, а из числа участников либерального земского движения, делавших в то время попытки об'единиться и организоваться, большая часть не имела к «Вольному Слову» никакого отношения. Повидимому, связи с этой газетой поддерживал лишь проф. В. А. Гольцев (редактор либеральной «Русской Мысли»), через которого шли заграницу деньги на издание. Но эти деньги Гольцев получал не из кассы «Земского Союза», а от (или через) гр. П. П. Шувалова, одного из руководителей знаменитой «Священной Дружины», образовавшейся после 1 марта 1881 г. для защиты царя от посягательств со стороны террористов.

П. Шувалов, насколько можно судить по имеющимся в литературе данным, занимал в «Священной Дружине» своеобразное положение: это был крупный аристократ, мечтавший об установлении в России конституции с двухпалатной системой и с верховным органом в роде английской палаты лордов. Каков бы ни был источник этого конституционализма, такие представители либерального движения, как В. Гольцев и М. Драгоманов, видели в гр. Шувалове человека передовых взглядов и возможного союзника в борьбе с реакцией.

Что касается до Мальшинского, то П. Шувалов, повидимому, привлек его к участию в основанной им за границей газете, как лично ему знакомого человека (они вместе учились в Гейдельбергском университете*)). Выбор оказался удачен: Мальшинский завоевал такое доверие М. Драгоманова, что последний своим именем и авторитетом в полной мере покрыл зародившееся за кулисами «Священной Дружины» предприятие.

Сохранившиеся в архиве П. Аксельрода и печатаемые ниже письма А. Мальшинского, характеризуют отношения П. Аксельрода к «Вольному Слову» за время его сотрудничества в этом органе.

*) Возможно, впрочем, что Мальшинскому принадлежала самая идея заграничного издания (см. указания «Общего Дела», № 48).

1. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 14 сентября 1881 г.

Любезный друг и уважаемый сотрудник,

Вы ошибаетесь, предполагая, что наше «Вольное Слово» не удовлетворит ни умеренных, ни крайних[1]). Пишем мы не для замкнутых кружков эмигрантов и еще неопытных в практическом деле революции — настоящей, а не воображаемой — слишком пылких юношей; мы пишем для зрелого общества, живущего и действующего в России.

Заявляемые отовсюду требования на нашу газету (Георг[2]) третьего дня потребовал прибавки 10 экземпляров всех нумеров, начиная с 1-го) и весьма сильные отклики из России дают право надеяться, что избранный мною путь именно ведет к группированию, а не разобщению сил, не только желающих, но и могущих давать отпор правительственному произволу и прокладывающих практический путь к торжеству социальных истин.

Надеюсь, что нам вовсе не придется складывать перья, если мы сами того не пожелаем, и позвольте надеяться на беспрерывное продолжение Вашего почтенного труда совместно с нами.

Искренне преданный и уважающий Вас

А. Мальшинский.

P. S. Как только приедете в Цюрих[3]), немедленно уведомьте о своем адресе, по которому я мог бы высылать не только письма, но и деньги.

1. Это письмо А. Мальшинского явилось ответом на письмо П. Аксельрода, содержавшее, повидимому, скептические замечания о направлении газеты.

2. Георг — женевский книгопродавец, через которого распространялось «Вольное Слово», как и некоторые другие революционные издания.

3. П. Аксельрод писал А. Мальшинскому из Берна, где остановился проездом из Женевы в Цюрих.

2. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 23 октября 1881 г.

Многоуважаемый сотрудник,

Различие убеждений и взглядов не препятствует выяснению истины. Думаю, наоборот. Я считаю непрактичным и ошибочным подготовлять и пропагандировать революцию террором и открыто высказал, почему именно[1]); но это мне нисколько не помешает поместить на страницах «Вольного Слова» мнение партии противоположных убеждений[2]). Надо, необходимо надо об'единить все революционные силы, а для этого прежде всего необходимо откровенно высказаться — du chock des opinions jaillit la vérité[3]).

Жму Вашу руку

А. Мальшинский.

1. «Вольное Слово» впервые высказало более или менее связно свой взгляд на террор в передовой статье 10-го № (11 октября 1881 г.).

«Политика мести, запугиванья, революционного террора такая же ошибка, как и реакционный террор, писала газета: они порождают друг друга, друг друга поддерживают. Борьба, основанная на возмездии, заводит слишком далеко в сторону от освободительных целей. Она прилична деспотам, но не революционерам, которые, конечно, могут увлекаться временно, что почти неизбежно при сильном нравственном возбуждении, поддерживаемом преследованиями, но возводить порывы увлечения в систему и неуклонно следовать такой системе — значит отказаться от революционной, т. е., в сущности, организаторской деятельности»... и т. д.

Как сообщил нам П. Аксельрод, свое заявление о несогласии с помещенной в журнале статьей, — заявление, вызвавшее печатаемое здесь ответное письмо А. Мальшинского, — он послал в редакцию не по поводу этой передовицы, а по поводу помещенной в том же № статьи И. П. (народовольца И. Присецкого) «О взаимном отношении нарождающихся и действующих в России партий».

2. Такое «мнение партии противоположных убеждений» и было помещено в том же № в виде статьи И. П[рисецкого]. Автор ее отстаивал необходимость об'единения всех революционных сил вокруг партии «Народной Воли», основной чертой которой он выставлял «агитацию в пользу завоевания насущнейших прав человеческой личности». «Терроризм, писал И. П., это аксессуар, это вынужденная бездеятельностью общества форма, а не сущность борьбы». Защиту партии «Народной Воли» автор статьи вел в духе защиты принципа права и долга инициативного революционного меньшинства. Фразу «все для народа и посредством народа», доказывал он, необходимо выразить так: «все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле».

Перенесение на столбцы либеральной газеты спора, разделявшего две фракции революционно-социалистического движения, и при том освещение этого вопроса с одной определенной точки зрения и вызвало возражения со стороны П. Аксельрода.

3. «Из столкновения мнений родится истина» (французская пословица).

3. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 17 ноября 1881 г.

Многоуважаемый Павел Борисович,

Михаил Петрович[1]) передал мне, что Вы затрудняетесь продолжать свой отдел в «Вольном Слове» в форме еженедельных обозрений, более или менее общих, характеризующих направление и состояние партий, и предпочли бы давать такие обзоры лишь раз в месяц, а три раза сообщать в редакцию хроники рабочего движения, в виде отрывочных, но зато фактически полных известий[2]).

Я не вижу препятствия к удовлетворению Ваше[го] желани[я] и прошу Вас без всяких стеснений располагать своею работою.

Не могу себе об'яснить Вашего молчания на мое письмо[3]).

Редакция считает в недоимке за Вами обещанный ответ на письмо И. П.[4]).

Вместе с ним высылаю Вам отдельным mandat de poste [почтовым переводом] 125 фр.

Дружески жму Вашу руку

А. Мальшинский.

1. М. П. Драгоманов (см. вступительные замечания к его письмам П. Аксельроду). Из настоящего письма мы видим, что М. Драгоманов, который привлек П. Аксельрода в «Вольное Слово», и позже оставался как бы связующим звеном между ним и редакцией газеты.

2. Начиная с № 17 (29 ноября 1881 г.), «Письма о рабочем движении» сменились в «Вольном Слове» «хроникой», составленной приблизительно по той же программе, как «письма». Позже П. Аксельрод вернулся к первоначальной форме общих обзоров.

3. Повидимому, между настоящим письмом (от 17 ноября) и помещенным выше письмом (от 23 октября) было еще одно письмо А. Мальшинского, не сохранившееся в архиве П. Аксельрода. По смыслу сохранившихся писем можно заключить, что на письмо от 23 октября П. Аксельрод ответил выражением своего намерения прислать в «Вольное Слово» возражения на статью И. П., на что А. Мальшинский (в несохранившемся письме) ответил согласием редакции напечатать эти возражения.

4. «Письмо И. П.» — статья в № 10 «Вольного Слова», имевшая внешнюю форму письма в редакцию. Ответная статья П. Аксельрода появилась в № 19 «В. Сл.» (13 декабря) под заглавием «Все для народа и посредством народа».

Не имея возможности передать здесь все содержание этой статьи (занимающей в журнале 20 столбцов), отметим основную ее тенденцию — отстаивание необходимости для революционеров подготовлять рабочие массы к сознательно активному участию в революционной борьбе во имя нескольких простых и ясных требований экономического и политического характера. «Чем сильнее будет участие истинно народных элементов в общем составе реформирующих строй империи факторов, тем больше шансов отклонить направление равнодействующей всех этих преобразовательных усилий в сторону интересов безграмотных и забитых». Этим же путем достигается «заложение прочного фундамента крестьянско-рабочей партии в России».

4. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 12 января 1882 г.

Многоуважаемый Павел Борисович,

Поздравляю Вас с Новым Годом, высылаю особый mandat [перевод] на следуемый Вам гонорар за хроники в №№ 21 и 22. Отчет о состоянии рабочего движения в Италии не поместился в последнем номере и отложен до следующего.

Типографщики желают, чтобы газета выходила, вместо вторника, по субботам, поэтому и в виду того, что «Вольное Слово» открывает свою отдельную типографию, после 24 №-ра, который выйдет 24-го января, я останавливаюсь на несколько дней, так что № 25 выйдет только 5-го февраля, в субботу, и затем «Вольное Слово» будет регулярно выходить по субботам.

Таким образом, Вам придется несколько изменить обычные сроки доставления статей в редакцию, а именно статьи Ваши желательно было бы получать не позже каждого вторника.

В воскресенье между 24 января и 5 февраля я желал бы устроить небольшой банкет, с целью выяснения сотрудникам нынешней программы действий группы «Вольного Слова» и соглашения относительно дальнейших работ по изданию[1]). Редакции было бы особенно приятно видеть в этот день в своей среде и Вас, уважаемый сотрудник, а потому очень обяжете, если решитесь уделить на свою поездку в Женеву денька два-три, с отнесением расходов на счет редакции.

Рассчитываю на скорое свидание и дружески жму Вашу руку

А. Мальшинский.

1. Повидимому, А. Мальшинский устраивал этот банкет с целью об'ясниться с сотрудниками по поводу возникших против него обвинений. В своей брошюре «Не знаю, к кому» Мальшинский упоминает о том, что «на одном из вечеров в начале 82-го

года, когда в товарищеской беседе принимали участие человек 10» (и в их числе П. Аксельрод), он представил об'яснения по поводу своего «Обзора» (см. вступительные замечания). Об'яснения сводились к тому, что в III Отделении он не служил, а «только работал в здании этого Отделения у Цепного Моста» и результаты своей работы напечатал в брошюре, «которая предназначалась не для публики, а для выяснения императору Александру II-му социально-революционного движения в России и... подверглась высочайшему запрещению, как только несколько экземпляров ее проникло за дворцовые стены» («Не знаю, к кому», стр. 7).

П. Аксельрод, принявший приглашение на банкет, так как оно давало ему возможность с'ездить в Женеву и встретиться с товарищами по чернопередельческой фракции, не помнит, чтобы на банкете А. Мальшинский говорил о своей книге о социально-революционном движении, или, вообще, давал во всеуслышание какие-либо об'яснения о своем прошлом.

5. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 25 января 1882 г.

Многоуважаемый Павел Борисович,

Прилагаю при сем 200 франков, из коих 125 в счет следуемого Вам гонорара, а 75 на издержки по поездке в Женеву и обратно.

Редакционный банкет имеет быть в воскресенье, 29-го.

Очень обяжете, если потрудитесь телеграфировать, в какой день приедете и с каким поездом.

Следующий (25-й) № выйдет в субботу, 4-го февраля, следовательно Вы имеете много свободного времени.

До приятного свидания А. Мальшинский.

6. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 19 февраля 1882 г.

Многоуважаемый Павел Борисович,

Препровождаю при сем следуемый Вам гонорар 100 фр. (по Вашему желанию зачтены, как полученные уже Вами, 25 франков, прежде высланные).

Смилуйтесь и не наказуйте за маленькое изменение, которое, по соображениям редакционным, я позволил себе сделать в Вашем постскриптуме[1]).

Издание газеты во всяком случае продолжится по 1-ое апреля[2]).

Жму Вашу руку А. Мальшинский.

1. Речь идет о сокращении, сделанном А. Мальшинским в постскриптуме к XV-му «Письму о рабочем движении» П. Аксельрода в № 27 «Вольного Слова» (15 февраля 1882 г.). Это было вторжением редакции в права автора, считавшего полную независимость в пределах своего отдела условием своего сотрудничества в «Вольном Слове», и потому А. Мальшинский предвидел протест со стороны П. Аксельрода. В имеющемся в нашем распоряжении комплекте «Вольного Слова» № 27 отсутствует. О характере изменений, внесенных редакцией в статью П. Аксельрода, можно судить отчасти по следующему письму А. Мальшинского.

2. Предполагалось скорое закрытие газеты. Затем грозившие ей затруднения были устранены, и издание продолжалось до мая 1883 г.

7. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 26 марта 1882 г.

Многоуважаемый Павел Борисович,

Подписываясь обеими руками под социалистическим принципом: общественная организация производства и распределения, я именно поэтому и не мог согласиться с некоторыми мыслями, высказанными в Вашем XV-м письме не от Вашего имени, а от имени «Социал-демократа»[1]). Как бы близко по своему бедственному положению ни стоял лавочник к пролетарию, но по самому характеру своих занятий, по сущности этих занятий, заключающейся в эгоистическом стремлении к личной наживе — мелкий лавочник враждебен принципу общественного распределения богатств; о ремесленниках, работающих в одиночку и за свой счет, я ничего не говорил в своих замечаниях, и есть многие виды ремесла, преимущественно в области искусства, где общественная организация производства или не достигается вовсе или может быть достигнута лишь в слабой степени.

Останавливаясь далее на способах осуществления общественной организации производства и распределения, нельзя не придти к убеждению на основании исторического опыта, что необходимым орудием для достижения общественности всякого рода является истинная политическая свобода, основанная на добровольном участии в каждой отрасли труда, как отдельных лиц, так и групп, и также на добровольном общении и соглашении этих лиц и групп между собою. А такой порядок вещей и есть федерализм. Из того, что идея федерализма не чужда ни феодалам, ни ультрамонтанам, еще не следует, чтобы она не была существенно социалистическою. Идея общественности тоже не чужда ни феодалам, ни ультрамонтанам, но тем не менее без этой идеи самое понятие о социализме немыслимо, общественность же, в свою очередь, не мыслима без федерализма и на нем основанной свободы личности и народов или, вернее, различных групп производителей. Достоинство социализма перед другими учениями о свободе в том именно и состоит, что он представляет наиболее полный, наиболее конкретный вид общественной свободы; а потому утверждать, что свобода слова, печати, сходок, совести, неприкосновенности личности и т. д., словом вся совокупность политических свобод не входит в соображения чистого социалиста и не может озабочивать социалиста действующего, можно только по недоразумению, и если бы утверждение такой нелепости было совершенно серьезно и решительно, то оно было бы равносильно самоотрицанию, т. е. отрицанию лица, исповедующего социализм, от основных начал и логических последствий его убеждений. Для Вас, как русского еврея, и для германского «Социал-демократа», которого Вы цитируете, к сожалению, без всякой критики, должно бы быть вполне ясно, что практическое осуществление социалистического, т. е. справедливого социального строя, немыслимо без

предварительного завоевания политической свободы. Сравните мысленно наше общее отечество и Германию с Англией, и Вы увидите, что, не смотря на превосходство капиталистической организации последней, т. е. на силу главного врага социализма, она, благодаря единственно прочности политической свободы граждан, дала возможность пролетариям организоваться в боевые, сильные своею сплоченностью, партии, и лишь от желания последних зависит момент социального переворота в Англии. Если этот переворот не совершается в настоящее время, то потому только, что рабочие массы Англии еще не пришли к окончательному разрешению вопросов, не выясненных также и теоретиками, тогда как в Германии и в России они даже не могут выяснять этих вопросов, а тем паче соединяться для активной борьбы с существующим порядком вещей.

Нынешнее общественное движение в России, имеющее единственною целью именно в общем, а не в частностях, раскрепощение общественной самодеятельности, задавленной гнетом централизма и деспотизма единственно организованного в стране Капиталиста, т. е. правительства, — ведет прямо и решительно к завоеванию почвы для теоретического развития и практического осуществления социалистических начал, которых далеко не чужды наши земледельцы (они же и мелкие земельные собственники), [к] которым в своем невежестве с таким презрением относится немецкий «Социал-демократ», поклоняющийся только городскому пролетарию и даже требующий, вопреки социалистической правде, господства этого пролетария над селом!

Вот почему я не мог и не могу поместить без пространной (в газетном отношении крайне неудобной) критики ни Вашего предостережения на счет происходящего в России движения, ни опрометчивых и слишком односторонних взглядов «Социал-демократа». Разницы же в основных убеждениях между мною и Вами, полагаю, не существует[2]).

А. Мальшинский.

1. «Социал-Демократ» — орган германской с.-д. партии, выходивший еженедельно с конца сентября 1879 г. в Цюрихе, в период «исключительных законов» против социалистов, установленных Бисмарком и делавших невозможным развитие партийной прессы в пределах Германии. В начале «Социал-Демократ» официально назывался «Internationales Organ der Sozialdemokratie deutscher Zunge» (Международный орган социал-демократии немецкого языка), но с октября 1880 г., после партийного конгресса, в подзаголовке издания появилось официальное обозначение «Центральный орган немецкой социал-демократии». Редактором «Социал-Демократа» в начале был Фольмар, затем Эд. Бернштейн. Из Цюриха газета контрабандным путем перевозилась в Германию и здесь широко распространялась среди рабочих. С октября 1887 г. издание было перенесено в Лондон, так как швейцарское правительство, подчиняясь давлению из Берлина, выслало из пределов страны Э. Бернштейна и др. лиц, причастных к газете.

В своих обзорах германского рабочего движения в «Вольном Слове» П. Аксельрод пользовался материалами «Социал-Демократа» и нередко цитировал этот орган.

2. Эти об'яснения не удовлетворили П. Аксельрода, что вызвало следующее письмо Мальшинского.

8. А. П. Мальшинский — П. Б. Аксельроду

Женева, 30 марта 188[2] г.

Многоуважаемый Павел Борисович,

Просто начинаю злиться. Нам просто надо было об'ясниться на счет взаимных отношений партий: моей к Вашей, Вашей к моей[1]). В общих стремлениях мы не расходимся; но нам нельзя корить друг друга, другими словами вносить рознь в «общее дело» (не Элпидинское[2])). Таков же именно был тон Вашего заключения[3]); будьте справедливы и признайтесь, что это так.

Хорошо бы Вы сделали, если бы, отложа всякое попечение о канувшем в воду недоразумении, продолжали попрежнему свое почтенное сотрудничество в «Вольном Слове»[4]). Говорите, сколько хотите о необходимости слияния всех классов в демократию и именно социальную, но не восстанавливайте в момент борьбы с главным врагом социализма и демократии один класс против другого. Работающая земская группа в России (русский мужик тоже земец) не знает классовой розни и, поверьте мне, как человеку вполне знакомому с программою этой группы (в последнее время она начала даже входить в сношения на месте с чистыми революционерами, разумеется, действующими), в ней нет и тени аристократизма и буржуазности. О городском пролетариате в России поговорю когда-нибудь после.

Ожидаю Вашей статьи, хотя и не к текущему, но к следующему №-ру.

Ваш гонорар выслан Вам правильно.

Хотя Вы и пропустили один (текущий) №, но это не произведет изменения в Вашем месячном бюджете, так как в апреле месяце 5 суббот и, следовательно, будет пять номеров.

Мы приобрели нового сотрудника в лице уважаемого г-на Зибера; его статья по поводу книги Щербачева теперь печатается в «Вольном Слове»[5]).

Дружески жму Вашу руку

А. Мальшинский.

1. Своей партией Мальшинский называет фантастический «Земский Союз» и, более широко, все либеральное движение.

2. «Общее Дело» — ежемесячная прогрессивная газета, выходившая с 1877 по 1890 г. в Женеве (издатель — М. Эльпидин) под редакцией А. Х. Христофорова, Н. Белоголового, Н. Юрьева, В. Зайцева. С сентября 1881 г. «Общее Дело» вело систематическую кампанию против «Вольного Слова».

3. Постскриптума в XV «Письме о рабочем движении» в № 27 «Вольного Слова».

4. Из этих слов Мальшинского видно, что П. Аксельрод после нарушения редакцией его независимости в № 27 предполагал отказаться от сотрудничества в журнале.

5. В 1882-83 гг. Н. Зибер был очень деятельным сотрудником «Вольного Слова» и поместил в нем ряд статей, частью за подписью «Н. С.», частью без подписи. Номера «Вольного Слова» с его статьей о «книге Щербачева» в нашем распоряжении не имеется; речь идет, повидимому, о книге Г. Д. Щербачева: «Настоящее положение России», Берлин, 1882 г. изд. Г. Бера.

На этом письме переписка Мальшинского с П. Аксельродом оборвалась: 28 марта в № 34 «Вольного Слова» появилась статья М. Драгоманова «Обаятельность энергии», содержавшая резкие полемические выпады против Исполнительного Комитета «Народной Воли» и против революционеров вообще. Эта статья вызвала отказ П. Аксельрода от дальнейшего сотрудничества в «Вольном Слове» (см. ниже: 2-ое письмо М. Драгоманова и 1-ое письмо С. Кравчинского).

V

ИЗ ПИСЕМ М. П. ДРАГОМАНОВА

П. Аксельрод познакомился с М. П. Драгомановым в Женеве в 1876 г., еще будучи убежденным бакунистом. В то время М. Драгоманов представлял правый фланг русской эмиграции в Женеве, но находился в близких сношениях с революционерами различных направлений и взглядов (См. «Пережитое и передуманное», кн. I-ая, стр. 184—185).

В 1880 г. обе фракции революционного движения в России считали М. Драгоманова более или менее близким себе человеком. Так П. Аксельрод, посылая за границу своим товарищам эмигрантам-чернопередельцам проект программы «Великорусского Общества Земли и Воли», считал, что М. Драгоманов мог бы быть, с пользой для дела, привлечен к обсуждению этого проекта (см. примечание ко 2-ому письму С. Кравчинского П. Аксельроду). С другой стороны, А. Желябов в мае 1880 г. обратился к М. Драгоманову с письмом, в котором спрашивал его мнение о программе партии «Народной Воли» и от имени Исполнительного Комитета просил его взять на себя задачу «склонять общественное мнение Европы» в пользу народовольчества, «принять деятельное участие в злобе дня родной страны» и стать хранителем заграничного архива партии. По существу, это было предложение М. Драгоманову стать заграничным представителем партии «Народной Воли».

Но из этих попыток обеих фракций сблизиться с М. Драгомановым ничего не вышло, так как основывались эти попытки, в значительной мере, на слабом знакомстве российских кружков с действительными взглядами редактора «Громады».

Чернопередельцы-эмигранты (Г. Плеханов, В. Засулич, Я. Стефанович и Л. Дейч), считавшие М. Драгоманова либералом и украинским националистом, отклонили предложение П. Аксельрода о привлечении его к обсуждению проекта партийной программы. А от предложения А. Желябова М. Драгоманов сам отказался по мотивам, которые позже изложил в «Вольном Слове»: «взять на себя специальную миссию посредника между какою бы то ни было русскою партией и европейским общественным мнением» М. Драгоманов считал для себя невозможным, «так как, оставивши даже крупные теоретические разногласия с существующими русскими фракциями», он «ни к какой русской партии не принадлежал и, по своей специальной работе для своей украинской родины, и принадлежать не мог» («К биографии А. И. Желябова», «В. Слово», №№ 39 и 40).

С начала 1881, когда в России появились первые признаки земского либерально-оппозиционного движения, М. Драгоманов выступает с все большей определенностью, как идеолог этого движения, противопоставляя его, как движение децентралистическое, централистическим тенденциям революционно-социалистических течений. На этой почве его отношения с большей частью революционной эмиграции быстро испортились. Обострению этих отношений содействовало и то обстоятельство, что М. Драгоманов обвинял русских революционеров в великорусском шовинизме, а те считали его украинским националистом. К концу 1881 г. личные дружественные отношения у М. Драгоманова сохранились лишь с весьма немногими революционерами (П. Аксельродом, С. Кравчинским).

Второе из печатаемых ниже писем М. Драгоманова показывает его настроение по отношению к русским революционерам весной 1882 г. Это письмо, повидимому, написано в апреле, после того, как в № 34 «Вольного Слова» появилась статья М. Драгоманова «Обаятельность энергии», вызвавшая решительный разрыв с ним почти всех революционеров и отказ П. Аксельрода от сотрудничества в журнале, поместившем эту статью (см. примечание 3-ье к 1-ому письму С. Кравчинского П. Аксельроду).

1. М. П. Драгоманов — П. Б. Аксельроду

[Женева], 9 января 1882 г.

Дорогой Павел Борисович,

Сегодня я послал Вам депешу, предупреждающую о настоящем письме. Мысль же о письме явилась у меня после разговора с Ан[ной] Мих[айловной][1]), которую я встретил сегодня, возвращаясь от Мальшинского. Последний приехал вчера, и я имел с ним два разговора, которые еще раз убедили меня в нелепости сплетен, распускаемых на «В[ольное] Слово»[2]). Меня занимает только вопрос, — каким образом петербуржцы[3]) могли поддаться сомнениям, — ибо женевцам я не удивляюсь, да и не придаю никакого значения. Так как петербуржцы в своем письме, из которого В[ера] И[вановна][4]) мне сделала выписку, — были так любезны, что поручали предупредить меня, — то я попросил сегодня В[еру] И[вановну] передать им, что я, по размышлению зрелому, решился продолжать писать в «В[ольном] Сл[ове]». Кроме того, я просил передать им, чтоб они обратили внимание, с своей стороны, на начинающееся земское движение и издали манифест в роде первого послания к царю с указанием на то, что вот, мол, не мы одни требуем земского собора, а и другие[5]). В видах раздувания земского движения я и остаюсь в «В[ольном] Сл[ове]», хотя лично желал бы перервать публицистику для других дел, мне очень интересных.

По моему следует оставаться и Вам[6]), — при чем, по всегдашнему моему мнению, лучше бы Вам и подписываться. Это удобно даже на случай невозможного: если бы вышла какая-либо пакость, — Вы перед всеми чисты за свои писания. По крайней мере, я по совести не буду краснеть ни за что, написанное мною в «В[ольном] Сл[ове]», даже, если бы, паче чаяния, оказалось, что М[альшинский) сам Игнатьев[7]); мне бы только было очень жалко его самого, а не себя.

Так вот мое мнение. Вы, конечно, в себе вольны, — но я считал себя обязанным это мое мнение сообщить и Вам, так как принимал некоторое участие в Вашем знакомстве с М[альшинск]им. — Впрочем, думаю, что скоро увидимся и переговорим и на словах.

Ваш М. Драгоманов.

От меня и жены кланяйтесь Вашей жене.

1. Анна Михайловна Эпштейн (ум. в 1895 г.) — революционерка 70-ых годов, участница кружка Чайковского, работавшая, главным образом, в области транспорта через границу и помощи заключенным; близкий друг Д. Клеменца и С. Кравчинского. Эмигрировала в конце 70-ых годов; в 90-ых годах работала в качестве врача в Сербии.

2. «Сплетнями» М. Драгоманов называет утверждение, что «Вольное Слово» — орган гр. Игнатьева.

3. Петербургские народовольцы.

4. Вера Ивановна Засулич (1851—1919 г.) — известная русская революционерка. Привлекалась по делу нечаевцев (1869 г.). В 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Трепова, подвергшего телесному наказанию политического заключенного Боголюбова (Емельянова). Это покушение произвело огромное впечатление на широкие слои общества; присяжные оправдали В. Засулич, а когда жандармы пытались арестовать ее при выходе из здания суда, толпа отбила ее и дала ей возможность скрыться. Но, выступив первой на путь террористических покушений, В. Засулич не признавала террора методом борьбы за политическую свободу, и потому после раскола Общества «Земля и Воля» она примкнула к чернопередельческой фракции. В январе 1880 г. В. Засулич (вместе с Г. Плехановым, Л. Дейчем и Я. Стефановичем) эмигрировала заграницу и здесь, по поручению Исполнительного Комитета «Народной Воли» вместе с П. Лавровым, организовала отделение политического «Красного Креста». В 1883 г., вместе с другими эмигрантами-чернопередельцами (Г. Плехановым, П. Аксельродом, Л. Дейчем и В. Игнатовым), она приняла участие в создании группы «Освобождение Труда», первой русской с.-д. ячейки. В 1901—05 г была членом редакции с.-д. газеты «Искра».

5. После убийства Александра II-го 1 марта 1881 г., Исполнительный Комитет «Народной Воли» опубликовал открытое письмо к Александру III, в котором требовал созыва «представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Это «письмо» М. Драгоманов и называет первым посланием к царю.

6. П. Аксельрод не придал значения «сомнениям» петербуржцев, так как эти сомнения стояли в противоречии со всем направлением «Вольного Слова», порядочность которого, в глазах П. Аксельрода, гарантировалась участием в нем самого Драгоманова, связанного с теми же либеральными кругами, на близость с которыми ссылался Мальшинский.

7. Гр. Н. П. Игнатьев — министр внутренних дел в 1881—1883 г., один из вдохновителей «Священной Дружины».

2. М. П. Драгоманов — П. Б. Аксельроду

[май ?, 1882 г.]

Многоуважаемый Павел Борисович, — Л[юдми]ла[1]) мне переслала Ваше письмо еще в Париж, да там я, за беготнею, не выбрал времени ответить Вам. Впрочем, спешного ничего не было, кажется. «Вольнословские» вопросы[2]) мною предоставлены были на Ваше с А. П. [Мальшинским] решение. Дела же, меня касающиеся, всегда могут подождать. О Пл., Д., Р. Б.[3]) и т. п. писать больше не буду, потому что я Вам говорил об одном, а Вы мне три раза отвечаете о другом. — О Черкезовской клевете[4]) тоже не буду говорить, ибо меня это дело больше интересовало не ради меня, — а ради других: любопытно видеть, насколько подлы те, кто мог наврать Черкезову, и посколько слабы те, кто, имея возможность восстановить правду, молчанием поддерживают клевету. Во всяком же случае, дело не важное: мне ни к клевете, ни к зрелищу подлости одних и слабости других не привыкать.

Интереснее всего было бы поговорить о социалистах на Украине, — хотя практического проку из разговоров о сем с Вами я не вижу, так как Вы, очевидно,

никак не станете на точку зрения, с какой только это дело и понять можно, т. е., не посмотрите на это дело, как на свое, а не постороннее[5]). Вот и теперь Вы пишете: «как бы ни желательны были литературные опыты и проч., но если нет дела, то» и т. д. А я думаю, что никаких талантов мы в литературе нашей не проявили, — а все-таки дело литерат[урное] делали и делаем: об экономич[еском] вопросе для народа и о народе писали и пишем. Делают дело и те, кто наши писания разносил и разносит (вот и недавно два транспорта[6]) отправлено по требованию из России, откуда кстати жалуются, что «русские» просто барышничают с «хохлами» нашими изданиями).

В Одессе перед Вашим приездом сложилась группа и для других «дел», но не ее вина, если ее вывезли в Сибирь[7]). Мы о сей группе не кричали, боясь, что наша реклама своему знамени повредит живым лицам. После ссылки, конечно, наше дело должно было прилечь на время, — но какие подобные дела в России не прилегли, кроме террористических, которых от нас требовать и нельзя, ибо мы в принципе их не признаем (говорю это за себя и ближайших друзей, — хотя, наверное, между настоящими украинофилами есть люди, которые бы иначе отнеслись и к терроризму, если бы, например, Колодкевич[8]), что ли, стал на точку Березовского[9]) и сказал, например: я убивал А[лександра] II как тирана и палача моей родины, Украины. Правда, что им бы можно сказать: отчего же Вы сами не попробовали пальнуть в А. Н-ча[10]), но это можно сказать всем, не палившим; (а я, с боку, скажу, что, конечно, мужики украинские больше бы поняли в терроризме, если бы им рассказали это дело с такой точки зрения). Но как бы то ни было, — а наше дело все-таки дело свободы и социализма и при том в единственно-приспособленной к данной местности и населению[11]) форме. Оно идет медленно, ибо людей для него мало, благодаря обрусению и ополяченью интеллигенции. Но все-таки оно идет и идет, — и теперь его оценивать можно только помнивши Иисусову притчу о сеятеле, которую недаром так часто вспоминал Шевченко[12]). А когда семена вырастут и дадут от себя новые, уже всем видимые семена и ростки, — тогда с изумлением будут люди говорить о том, что наши первые ростки подрывали не только свиные рыла III Отделения, Киевлянинов и т. п., но и Белинские, Скабичевские, Впереды[13]) и т. п. Если мне и не доведется дожить до этого времени, — то все таки я умру с полным убеждением, что семена наши настоящие, и что они не пропадут. И это убеждение дает мне возможность быть спокойным в виду самых отрицательных и самых невнимательных отношений к нашему делу разных элементов и лиц, между прочим, и Вас.

А впрочем — будет говорить и об этом. Возвратимся каждый к своим делам.

Ваш М. Драгоманов.

1. Людмила Михайловна (урожденная Кучинская, 1844—1918 г. г.) — жена М. П. Драгоманова.

2. Вопрос о выходе П. Аксельрода из «Вольного Слова» и о помещении в журнале его заявления о мотивах выхода. К моменту, когда это письмо было написано, вопрос был уже разрешен, и П. Аксельрод больше не состоял сотрудником «Вольного Слова».

3. «Пл.» — Плеханов, «Д» — Дейч, «Р. Б.» — по всей вероятности, парижская «Русская Социально-Революционная Библиотека». Круги революционной эмиграции были возмущены статьей М. Драгоманова «Обаятельность энергии», появившейся в № 34 «Вольного Слова». По смыслу письма можно заключить, что П. Аксельрод, об'ясняя М. Драгоманову невозможность своего дальнейшего сотрудничества в «Вольном Слове», писал о впечатлении, произведенном на эмиграцию этой статьей.

4. Варл. Черкезов — революционер-шестидесятник («каракозовец»), последователь Бакунина, автор нескольких полемических брошюр. В это время вышла в Женеве его брошюра «Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами» с послесловием, посвященным статье М. Драгоманова в № 34 «Вольного Слова» «Обаятельность энергии». В числе многих других обвинений против Драгоманова, в брошюре Черкезова содержался намек на «задержание эмигрантом документа, ему не принадлежавшего, и о снятии им копии с него». Так как речь шла о документах, посланных в 1880 г. П. Аксельродом из России в Женеву, то Драгоманов считал, что П. Аксельрод должен был выступить в защиту его против «клеветы» (см. ниже, примечание 9-ое ко 2-ому письму С. Кравчинского П. Аксельроду).

5. П. Аксельрод не разделял украинофильских взглядов М. Драгоманова и, в частности, относился скептически к его стремлению создать украинский литературный язык.

6. Украинской литературы.

7. «Перед Вашим приездом» — то есть, перед приездом П. Аксельрода в Одессу в 1878 г. Речь идет об украинской группе Андреевского, Малеванного, Шульгина и др. (1878 г). Группа предполагала организовать собственную нелегальную типографию, для чего приобрела необходимый инвентарь; о передаче последнего (после ареста руководителей группы) русским революционерам П. Аксельрод вел переговоры с уцелевшими членами группы (см. «Былое», 1907, № 7, стр. 148; ср. также воспоминания Овсянико-Куликовского).

8. Н. Н. Колодкевич (1851—1883) — революционер, лаврист в начале 70-х годов, позже участник Общества «Земля и Воля», после раскола 1879 г. выдающийся член Исполнительного Комитета партии «Народной Воли»; в 1882 г., по делу «20 народовольцев», приговорен к смертной казни; получил замену казни бессрочной каторгой; умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. М. Драгоманов ставит в вину Колодкевичу, что будучи украинцем по происхождению, он отдал все свои силы общерусской революционной борьбе.

9. Ант. Березовский польский революционер, — в 1867 г. покушался на Александра II-го во время пребывания его в Париже. Французским судом приговорен к бессрочной каторге.

М. Драгоманов сочувственно относился к покушению Березовского, так как видел в нем выступление польского патриота против тирана, угнетающего его родину (ср. статью М. Драгоманова «К биографии А. И. Желябова» в № 39 «Вольного Слова»).

10. Александра Николаевича, т. е. Александра II.

11. К Украине и ее населению.

12. Тар. Григ. Шевченко (1814—1861 г.) — великий народный поэт Украины.

13. Здесь М. Драгоманов перечисляет противников украинофильства, при чем умышленно об'единяет охранителей-реакционеров и прогрессивных и даже революционных деятелей, которые выступали против украинофильства по совершенно различным мотивам.

«III Отделение Собственной Его Имп. Величества Канцелярии» ведало политической полицией. Упразднено в 1880 г. (при Лорис-Меликове), при чем его функции перешли к Департаменту Полиции.

«Киевлянин» — реакционная газета, выходившая в Киеве.

Виссар. Григ. Белинский (1809-1848 г.) — великий критик и публицист. М. Драгоманов называет его здесь, повидимому, имея в виду его неодобрительный отзыв о первой книге Т. Г. Шевченко.

«Вперед» — журнал и газета социально-революционного направления, выходившие в 1873—1877 г. г. под редакцией П. Лаврова, сначала в Цюрихе, затем в Лондоне.

VI

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С. М. КРАВЧИНСКОГО

Сохранившиеся в архиве П. Аксельрода письма С. Кравчинского (относящиеся к трем различным моментам — 1882 г., 1888—1889 г. и 1892 г.) дают ценный материал для характеристики этого выдающегося революционера и, в особенности, для выяснения его отношения к чернопередельческой группе и, позже, к группе «Освобождение Труда».

Окончив в 1871 г. артиллерийскую школу, С. Кравчинский в 1872 г. вступил в кружок «чайковцев». В 1874 г. принял участие в «хождении в народ», был арестован, но бежал и снова отдался революционной работе. В 1875 г. ему пришлось эмигрировать в Швейцарию, и здесь впервые встретился с ним П. Аксельрод, который так рассказывает о своей встрече с С. Кравчинским:

«Вскоре после меня в Женеву приехал Кравчинский, которого я знал уже по рассказам Клеменца. Кравчинский сразу завоевал мои симпатии. Это был человек не только весьма талантливый, но и активный, сильный и смелый — «не ведающий страха», по характеристике Клеменца, — одна из наиболее ярких фигур среди русских революционеров. Он оказался одним из самых блестящих представителей всего русского революционного движения 70-х годов» («Пережитое и передуманное», кн. 1-ая, стр. 142).

Как П. Аксельрод, так и С. Кравчинский были в это время правоверными бакунистами. Вскоре П. Аксельрод вернулся в Россию, а С. Кравчинский отправился в Герцеговину, чтобы принять участие в происходившем там восстании славян против турок. Оттуда он поехал в Италию, и здесь участвовал в предпринятой горстью революционеров-бакунистов (Коста, Малатеста, Каффиеро и др.) попытке произвести восстание в Беневенто. Попытка окончилась неудачей и арестом заговорщиков. Освободившись по амнистии из итальянской тюрьмы, С. Кравчинский вернулся в 1878 г. в Женеву.

Здесь, вместе с приехавшим еще раньше из России П. Аксельродом и др. бакунистами, С. Кравчинский работал некоторое время в газете «Община». Летом 1878 г. он выехал в Россию, вступил здесь в Центральный Комитет только-что сложившегося Общества «Земля и Воля» и стал редактором органа Общества. 4 августа он выполнил террористический акт над шефом жандармов Мезенцевым, которого Общество «Земля и Воля» приговорило к смерти за введение жестокого режима для политических в тюрьмах и за отягчение приговоров, вынесенных судом революционерам по известному «делу 193». Кравчинский, среди бела дня, на Михайловской площади в Петербурге заколол кинжалом Мезенцева. После этого товарищи заставили его уехать заграницу, и он уже до смерти не возвращался в Россию. Заграницей С. Кравчинскому пришлось прожить бурные годы народовольчества. В некрологе, посвященном ему в венской «Arbeiter-Zeitung», П. Аксельрод писал:

«Глубокой осенью 1878 г. Кравчинский вернулся в Женеву. Стало быть, как раз пред тем временем, когда Центральный Комитет партии [«Земля и Воля»] стал готовиться к своим смелым и величественным атакам на правительство. Горькая ирония для человека, бывшего одним из первых людей, толкнувших наше движение на путь «дел» и так к ним стремившихся! Несомненно, для такой яркой, героической натуры было не-

обыкновенно мучительно издали, в качестве спокойного наблюдателя, следить за исполинской борьбой «Народной Воли». Положение вынуждало его посвятить свои силы исключительно литературной деятельности».

В 1882 г. С. Кравчинский переехал из Швейцарии в Италию. Здесь он выпустил (за подписью «Степняк») свою известную книгу «Подпольная Россия». Эту книгу С. Кравчинский написал на итальянском языке, который изучил в 1877 г., сидя в тюрьме по делу о Беневентском восстании. Книга имела огромный успех и в короткое время была переведена на многие европейские языки. Этой книгой открывается ряд работ С. Кравчинского, посвященных ознакомлению западно-европейского общественного мнения с революционным движением в России.

В середине 80-х годов С. Кравчинский переехал в Лондон. Здесь он организовал «Общество друзей русской свободы», основал ежемесячный журнал «Free Russia» («Свободная Россия»), выходивший и после его смерти, до 1900 г. Ближайшим его товарищем в этой работе был приехавший в Лондон вскоре после основания журнала Феликс Волховской. Их общими усилиями был создан и «Фонд вольной русской прессы».

По натуре своей, С. Кравчинский не был человеком партии. Он был рыцарем-бойцом, с пытливым, независимым, вечно ищущим но не склонным к теоретическому углублению умом, с неукротимой жаждой борьбы, личного подвига, самопожертвования. Он умер от несчастного случая, попав под поезд городской железной дороги.

Оставшиеся труды С. Кравчинского отмечены не только большим художественным талантом, но и отблеском исключительно яркой личности.

Здесь мы печатаем, вместе с 5 письмами С. Кравчинского к П. Аксельроду и одним письмом П. Аксельрода, два письма С. Кравчинского к В. И. Засулич, сохранившиеся в архиве П. Аксельрода.

1. С. М. Кравчинский — П. Б. Аксельроду

(Милан, апрель 1882 г.)

Милый Пинхус![1])

Прежде всего, должен, конечно, извиниться за свое вмешательство. Впрочем, если к моему великому огорчению я опоздал, то ты, может быть, и не знаешь, в чем дело. Поэтому должен об'ясниться. Только сегодня получил я от Др[агоманова] письмо, в котором он, между прочим, уведомляет меня о том, что «на-днях» должен появиться в «Вольном Слове» твой «мотивированный выход»[2]). Факт этот я считаю до такой степени губительным, не только вредным, что я тот час же послал Др[агоманову] телеграмму (на которую я извел последние деньги, почему и посылаю не франкированное письмо) — чтобы он задержал печат[ание] протеста, и что всю ответственность за это [я] принимаю на себя. — Такой поступок я счел возможным сделать, конечно, вследствие личных наших отношений. Необходимым же я его считаю по мотивам совершенно общего свойства, ничего с личными нашими делами не имеющим.

Прочитай мой ответ Комитету[3]), и ты поймешь, почему в видах наших общих интересов я счел себя обязанным так поступить.

Здесь я хочу только высказать тебе, почему ты обязан взять назад свой протест.

(Мне ужасно неловко аргументировать на основании письма, пока ты его не прочел. Ну, да все равно. Прочтешь письмо (к Ком[итету]) и снова прочитаешь мое письмо к тебе; теперь читай дальше).

13 Grove Gardens
18 18/XI 98 N. W.

Милый Павелъ

Пишу тебе чтобы познакомить тебя съ однимъ рускимъ Юр. Грег. Рапопортомъ, который живетъ въ Цюрихе и очень желалъ бы воспользоваться твоими указаніями для практического и теоретического ознакомленія съ З. Яв. Сочиненіемъ. Лично я его не знаю но онъ рекомендованъ намъ самыми лучшими изъ нашихъ руских друзей (Моимъ однимъ специально) поэтому все что сделаешь для него будетъ как для меня. —

Давно мы голубчикъ не обменивались ни словомъ ни звукомъ но мы все-таки [illegible] о тебе [illegible] и узнавали кое что то отъ того то отъ другого. Вчера писала, (много поцелуя

Бернштейна пріѣхали къ намъ въ Лондонъ. Мы [illegible] отъ нихъ слышали и очень разспрашивали про ваше житье бытье. — Мы здѣсь

Пришлите обратно письмо П. Т. Шебуева чтобы я его сію минуту отдалъ

Фанни очень кланяется тебѣ и Надѣ и Егорочкѣ

Твой Сергѣй

Дело в том, что своими нападками на тебя в передовице и письме[4]) Комитет, по моему, посягнул на свободу мысли и притом выразил стремление окружить себя папской непогрешимостью, и т. п. — одним словом, обнаруживаются самые скверные тенденции, которые в дальнейшем своем развитии должны принести величайший вред партии. Праву свободной мысли и своб[одной] критики я придаю такое важное значение, что думаю, что от них зависит в знач[ительной] степени будущность партии. Это я развиваю подробно в своем письме. Здесь же скажу, что это право составляет единственный оплот тому ужасному развитию централизма, кот[орый] уже начался и который в России, при склонности все доводить до крайности, может достигнуть чудовищных размеров, просто погубить все живое. Ты человек образованный и понимаешь это, — свобода критики и мысли единственный оплот против этой крайности. Во всяком случае, единственное, что мы, заграничн[ые], можем противупоставлять ей и отстаивать и должны отстаивать до последних сил.

Своим письмом я стараюсь сделать все, что только возможно, чтобы помирить их с этим, по крайней мере, приготовить их к этому, т. е. к тому, что мы будем ее отстаивать. Очень может быть, что мое письмо окажет некоторое действие. Но может статься, что и нет. Во всяком случае, не на уговаривании самих противников известного учения в его справедливости должна основываться борьба за него, а на практическом сопротивлении. Чтобы отстоять право свободной критики и своб[одной] мысли, мы должны свободно критиковать их, не взирая ни на какое их неудовольствие и «отлучение» даже от партии, если на то пошло. — Если мы при первом их окрике будем только прощения просить, то какие-же мы после этого бойцы? Это срам один. — Понятно также, что если мы хотим отстоять свободу слова и мысли, то мы должны добиваться ее вполне, целиком, без всякого цензурного предостережения и т. п. Мы должны требовать и защищать свободу всякой мысли и всякой критики. Раз мы допустим дисциплинарные взыскания в виде протестов, отлучений и т. п. за «непочтительность» отзывов, за «резкость» осуждений, — хотя в высшей степени, мы тем самым авторизируем подобные же вещи и за самые низшие.

Перехожу специально к Драгомановской статье[5]).

Три дня тому назад я в первый раз прочел ее, и знаешь, что сделал? — Я написал тотчас же письмо Др[агоманову], в котором, упоминая, конечно, что с тем то и с тем несогласен, говорю, что пишу, чтобы поблагодарить его от души за статью, крепко пожать ему за нее руку. Когда будешь в Женеве, зайди к нему и можешь прочесть это письмо. И теперь, именно теперь больше, чем когда-нибудь, я готов повторить эти слова. Есть в ней несогласия. Но неужели ты не чувствовал, читая ее, сколько в ней жгучей, беспощадной правды! Неужели ты не чувствовал, что она внушена не личным раздражением, не желанием уронить кого-нибудь, а горячей любовью к известным идеям, которые и мы сами признаем, жаждой блага той самой партии, на которую он нападает. Разве не правда то, что он насчет централизма говорит? А ведь это

центр тяжести его статьи. Эта правда выражена резко и сурово. Но ведь даже цари прощают, за правду, за желание добра им, грубости.

Вы (или ты — не знаю) хотите, стало быть, чтобы Комитету[6]) ничего не смели сказать, кроме дифирамбов. Ну так чему же удивляетесь потом, если этот же Комитет Вас же будет третировать так, как тебя в своем письме. — Это дорожка очень гладкая: если за несогласие и за критику размеров можно «обидеться» и задать человеку встрепку (по мере сил обидевшегося, конечно), то Комитет может также строго отнестись и к мелкому погрешению, как твое, заключающееся, в сущности, только в том, что ты похвалил его, да не с той стороны. Это уж дело меры. Принцип абсолютно один и тот же. Только отвергнув самый принцип и заменив встрепку возражением, можно гарантировать себя самого от встрясок. Вы же отбиваетесь от Комитета за щелчки, тебе наносенные[7]), и сами тоже делаете относительно Драгоманова.

Знаю, конечно, что ты Комит[ету] ничего, кроме сладостей, не преподносил, а Др[агоманов] поднес очень горькую пилюлю. Но как ты, так и Др[агоманов] пользов[ались] правом высказывать мысли, взгляды, воззрения. Вы находите Драгомановские взгляды вредными для партии. Ну что ж вам мешает их опровергать. А то ведь и А[лександр] III скажет, что он находит взгляды соц[иалистов] вредными, и потому находит нужным рты зажимать мерами, у него в распоряжении находящимися. Свобода слова именно и заключается в том, чтоб неприятные вещи для господствующих воззрений можно было говорить.

Очень тороплюсь и пишу бессвязно. Но это не беда. Ты поймешь. Поэтому резюмирую:

В виду страшно быстро развивающегося централизма необходимо употреб[ить] все силы на сохранение и защиту своб[оды] мысли и критики.

Эта обязанность лежит на нас, заграничных, п[отому] ч[то] мы имеем в своем распоряжении и свободные станки, которых не имеют русские, а также перья и досуг для писания и для подготовки себя к писанию более основательному, чем русские. Другими словами, мы обладаем мыслью и орудиями ее выражения.

Защита своб[оды] мысли возможна лишь действительным практикованием ее.

Она действительна только тогда, когда самые крайние проявления имеют право гражданства.

Нападая на последние, мы сами отрицаем для самих себя право критики умеренной.

Поэтому, мы, самым положением своим поставленные в необход[имость] защищ[ать] это последнее убежище свободы и равенства и единств[енный] оплот против централизма, должны всеми силами защищать друг друга, когда дело касается этого права, и не допускать в области чистой мысли ничего, кроме возражений.

Ты своим «протестом» повредил самым жестоким образом и этому делу защиты своб[оды] мысли и нам всем.

Поэтому, если еще не поздно, ты обязан поправить дело, взять назад свой протест и послать вместо него возражение Драгоманову и снова начать там ра-

ботать, как ни в чем не бывало. Последнее — логическое последствие твоего отказа от протеста. Знаю, что это неприятно твоему самолюбию, и уверяю тебя, что теперь то я вовсе не хлопочу о твоих хлебных делах. Это необходимо п[отому], ч[то] иначе ты, значит, только переменил форму протеста. Протестовал выходом, а не заявлением. Но факт протеста против мысли и мнения остается. И этот факт — говорю без преувеличения — должен отразиться самым скверным образом на деле именно потому, что его сделал ты, ими же изруганный и оскорбленный так, что, скажу тебе откровенно, решительно не понимаю, как ты мог им письменно отвечать[8]). Я бы лично отвечал печатно на статью, либо вовсе не отвечал, п[отому] ч[то] на письмо отвечать нельзя было.

Пойми, что таким Huldigung [извинениями] они должны развратиться в конец и укрепиться в своем браминском самообоготворении. Можно восхищаться ими и преклоняться даже перед их подвигами, и я это делаю от всей души. Но требовать, чтобы про них не смели дурно думать или, если не думать, то говорить, ведь это не товарищеское восхищение, а какое то верноподданничество, какой то разврат мысли, что то отвратительное до последней степени, будучи перенесено в революционный мир. Не хочу сказать, что теперь и у тебя это так. Но утверждаю, и ты сам должен согласиться с этим, что это ведет к этому.

Поэтому, ты обязан написать в редакцию «Вольного Слова», что раздумал, посоветовался с товарищами и решил, что для твоей же партии выгоднее вместо протеста представить возражения. Поэтому просишь не печатать протеста и пришлешь им возражение, и от того, напечатают ли они его или нет, зависит [для] тебя возможность продолжать сотрудничество.

Вот, что ты должен сделать, и при том как можно скорее, п[отому] ч[то] я задержал телеграммой печат[ание] его лишь на неделю.

Если ты не согласен со мной, то попрошу тебя, во избеж[ание] недоумения, написать Драгом[анову], что ты остаешься при намерении протестовать[9]).

Но только тогда ты должен помнить, что как бы тебя потом они ни изругали, ты можешь только повторять: Tu l'as voulu, Georges Dandin, tu l'as voulu![10]).

Ну, а пока обнимаю тебя и ужасно буду жалеть, если окажется, что бучу я поднял понапрасну, и что уже поздно. К сожалению, только третьего дня, говорю, прочел Драгомановскую статью.

Прошу тебя, голубчик, мое письмо к Комитету по прочтении немедленно отправить Вере и Ж[еньке] через Жоржа[11]), п[отому] ч[то] за ними что-то следят, так, м[ожет] б[ыть], они уже уехали[12]). Хорошо бы заказным. Отправь им также, пожалуйста, и это письмо. Оно очень бестолково написано, но мне некогда писать другого, а нужно же им выяснить.

Ну, до свид[анья].

Мне отвечай по след[ующему] адресу:

All'Egregio Sig. Emilio Quadrio

Via Maravigli, 10, Milano.

Сбоку на конверте per Sig. Greig.

Поцелуй от меня Надю[13]). С.

1. С. Кравчинский, как и другие товарищи-сверстники П. Аксельрода, иногда называл П. Б. его еврейским именем.

2. Ближайшим поводом выхода П. Аксельрода из «Вольного Слова» явилась напечатанная в 34-м № (28 марта) журнала статья М. Драгоманова «Обаятельность энергии». В этой статье, перечисливши основания, заставляющие «бояться влияния теории исключительных мер и исключительной нравственности на самую революционную среду и для самого революционного дела», М. Драгоманов писал:

«Как последствие такой легкости отношения к принципам, видим, между прочим, потерю ясности положительного политического сознания в самих революционных кругах, — а затем неизбежное понижение требований от личностей революционных деятелей, чем об'ясняется существование, на ряду с лицами высокой энергии, — преимущественно, впрочем, практической, — такого сравнительно большого процента предателей во всех русских политических процессах последнего времени. А разве не поучительно, что тот же самый Гольденберг, который по принципу убил харьковского губернатора, по принципу же, в качестве «социалиста-народника», убивал «политиков-террористов» откровениями перед Лорис-Меликовым? А сколько можно процитировать примеров нетерпимости, мелочной грызни между революционными кружками, интриг, взаимного обмана, клевет, истребления и умышленного запрятывания публикаций, изданных не нашими и. т. д. Что же увидели бы мы, еслиб хоть какая-нибудь из теперешних русских революционных фракций действительно приблизилась к власти? «Исполнительный Комитет» представил собою только отдаленное подобие власти, а уже и теперь в известных кругах мы видим признаки своего рода придворных нравов: напр., боязнь противоречить ему в чем-либо, даже указать ему, для его же пользы, явные его ошибки, — безмолвие и поддакивание его централистической государственности со стороны вчерашних федералистов и анархистов, стремление помазаться его славою и т. п. и т. п. Эти же нравы принижают еще более идейную сторону в русском революционном движении, — и, мало того, приближают самую революционную среду к среде оффициальной, а, следовательно, приближают и тот политический строй, основанию которого русские революционеры могут способствовать, если не сами основать, к тому строю, который уже существует, подобно тому, как это случилось и в якобинской Франции».

Эта статья вызвала взрыв возмущения среди революционной эмиграции. П. Аксельрод, после появления ее, послал в редакцию «Вольного Слова» мотивированное заявление о своем отказе от дальнейшего сотрудничества в журнале.

3. В это время Я. Стефанович вел в России переговоры о воссоединении чернопередельцев и народовольцев. В связи с предпринятыми им шагами, Исполнительный Комитет «Народной Воли» решил основать заграницей журнал для теоретической, научной разработки стоящих перед русским социалистическим движением вопросов и поручить редактирование его П. Лаврову, Г. Плеханову и С. Кравчинскому, при ближайшем участии чернопередельцев (см. 3-ье письмо П. Лаврова П. Аксельроду и примечания к нему).

В связи с этим планом и с другими вопросами, стоявшими перед революционным движением, Исполнительный Комитет послал за границу несколько писем. В одном из них шла речь о хурской речи П. Аксельрода. С. Кравчинский, отвечая на приглашение войти в редакцию «Вестника Народной Воли», высказал свое мнение об этом письме, которому придавал особенное принципиальное значение. Копию своего ответа Исполнительному Комитету С. Кравчинский, при помещаемом здесь письме, переслал П. Аксельроду. Этот ответ, повидимому, предназначался для сравнительно широкого круга товарищей (о нем, между прочим, упоминает П. Лавров в своем письме П. Аксельроду от 14 апреля 1882 г.).

4. В № 7 «Народной Воли» (помеченном 23 декабря 1881 г.) был помещен отчет о международном конгрессе в Хуре, присланный в редакцию П. Аксельродом. В этом отчете П. Аксельрод следующим образом изложил свое выступление на конгрессе:

«На конгрессе присутствовал один русский чернопеределец в качестве гостя, приглашенного организационным комитетом. По настоянию бюро конгресса ему пришлось сказать несколько слов о революционном движении в России, смысл

которых был ложно передан одной газетой. Прежде всего он выяснил причины отсутствия делегатов от русских революционных групп: страшные преследования, необходимость сосредоточения сил на внутренних делах — вот ближайшая причина. Более же глубокая заключается в отсутствии осязательных точек соприкосновения между деятельностью наших и западно-европейских революционных партий. Но, добавил он, еслибы повсюду так энергически протестовали против зверств русского правительства как во Франции, то революционные кружки в России сознали бы интерес и выгоду от более тесного сближения с социалистами Западной Европы. Затем, перейдя к нашим двум фракциям, он указал на отсутствие того озлобления в их печатной полемике, какое встречается во взаимных отношениях социальных партий на Западе. Крупных принципиальных разногласий между «Народн[ой] Волей» и «Черн[ым] Переделом» не существует, так как политический радикализм первой проявился только в первое время и не обусловливался ее коренными воззрениями, а скорее потребностями минуты — стремлением возможно скорее избавиться от абсолютизма. Вообще, фракция Народной Воли развилась не под влиянием какой-нибудь доктрины, а чисто эмпирически, под влиянием страшных преследований правительства, неимоверных препятствий для систематической деятельности в народе. Разница между обеими фракциями состояла, главным образом, в том, что одна напирала на деятельность в главных центрах государственной жизни, другая на агитационную работу в деревне всеми способами, не исключая и террора. Далее, «Народная Воля» выдвинула, как политический лозунг, созвание Земского Собора, а «Черный Передел» — федеративное начало, имея в виду обширность империи, разнообразие национальностей и местных интересов. Но весной уже заметно было сближение фракций в тактическом отношении, так как одни реальнее начали сознавать необходимость специальной борьбы с абсолютизмом, другие — невозможность игнорирования, даже временно, массы народа. Вообще Исполн[ительный] Ком[итет] так же проникнут социализмом, как и члены «Черн[ого] Передела». Только относительно Желябова, социалистический образ мыслей которого не подлежит сомнению, можно сказать, что он серьезно стоял за демократически-политическую агитацию в данную минуту в видах более успешной борьбы с абсолютизмом. В настоящую же минуту, по слухам, лучшие элементы фракции «Черн[ого] Передела» готовы соединиться с партией «Народной Воли», благодаря тому, что обе стороны отказались от некоторых крайностей в практической постановке революционного дела в России».

Печатая этот отчет, редакция предпослала ему передовицу, написанную Л. Тихомировым, в которой, между прочим, говорилось:

«Мы готовы были бы поблагодарить и «Русского Гостя» (не знаем, имеем ли право называть его фамилию), взявшегося раз'яснять перед конгрессом положение русского революционного движения. К прискорбию, мы имеем однако гораздо более оснований высказать сожаление, что конгресс не имел перед собой человека, лучше осведомленного относительно этого предмета. Характеристика, сделанная «Русским Гостем», на наш взгляд, отличается чрезвычайной неточностью и несоответствием с истинным положением вещей. Мы не заявляем по этому поводу особенных претензий, п[отому] ч[то] ошибки очень извинительны для «Русского Гостя», слишком мало бывавшего в России; но в интересах восстановления истины, мы считаем, однако, необходимым сделать несколько поправок и с своей стороны.

«Прежде всего, едва ли основательно прилагать к «Народной Воле» слишком буквально европейские клички «политических радикалов», «социалистов» и т. п. В задачах народовольства есть элементы и политического радикализма и социализма, но они совершенно неразрывно слиты в одну цель и в одно дело...

«Русский Гость» совершенно ошибается, говоря о каких-то изменениях в нашем направлении. Читатели могут видеть, насколько неосновательны и другие утверждения — будто народовольство выросло не на основании какой-нибудь доктрины, и чисто эмпирически... Странно! Откуда мог «Русский Гость» почерпнуть такое оригинальное убеждение?»

«Не менее серьезное замечание мы должны сделать по поводу отношений народовольства к народу. «Русский Гость» говорит, что мы сначала игнорировали народные массы, а потом убедились в невозможности даже временно делать это. Когда же это мы игнорировали народные массы? Нам кажется, что мнение «Русского Гостя» происходит просто от привычки прикидывать к России европейскую мерку...»

«Русский Гость» может увидеть, соответственно всем подобным условиям, много варьяций в нашей деятельности. Но надеемся, что он никогда впредь до достижения цели не увидит уклонения нашей партии от нашего основного принципа: делать лишь то, что наискорее и наилучше ведет к перевороту, низвергающему правительство и передающему государственную власть в руки народа или, на худой конец, его революционных представителей...

«Недостаточное знакомство с принципами и задачами народовольства заставляет «Русского Гостя» сделать еще одну ошибку. Мы говорим о некотором выделении Желябова из нашей партии. Это в высшей степени неверно. Собственно говоря, нам кажется довольно странным уже то, что «Русский Гость» берет на себя судить о принадлежности Желябова к партии, в то время, когда Желябов сам себя причислял к ней, участвовал в ее формировании и затем со стороны партии всегда признавался одним из талантливейших и вернейших ее представителей».

(Об этом эпизоде см. также «Пережитое и передуманное», кн. 1-я, стр. 392-402.)

Я. Стефанович в своем «Дневнике карийца» рассказывает, что, ознакомившись в рукописи с этой статьей, он «нашел ее несправедливо резкой и по существу вызывающей основательные возражения». С его точкой зрения согласились и другие члены Исполнительного Комитета, и Л. Тихомиров обещал изменить ее. Тем не менее статья появилась в первоначальном виде, при чем Л. Тихомиров об'яснил, «будто он хотел внести поправки в корректуре, но заведующий сношениями с типографией не принес листов в назначенное место, а ему самому (Л. Тихомирову) зайти в типографию помешали шпионы» («Дневник карийца», 1906 г., стр. 60). По этому рассказу выходит, что Исполнительный Комитет не разделял приведенных упреков против «Русского Гостя». Тем не менее, повидимому, те же упреки были повторены в одном из писем, посланных заграницу от имени Исполн. Комитета.

5. «Обаятельность энергии» в № 34 «Вольного Слова».

6. Исполнительному Комитету «Народной Воли». Статью М. Драгоманова, касавшуюся всех революционных течений в России, С. Кравчинский считал направленной специально против Исполнительного Комитета.

7. Вся чернопередельческая группа эмигрантов считала себя задетой передовицей в № 7 «Народной Воли».

8. Нам не удалось установить, как именно отвечал П. Аксельрод Исполнительному Комитету. Сам П. Аксельрод об этом своем письме совершенно не помнит и предполагает, что мог писать лишь частным образом кому-нибудь из товарищей, выясняя недоразумение.

9. С точкой зрения С. Кравчинского П. Аксельрод не согласился (см. «Пережитое и передуманное», кн. 1-ая, стр. 419-420), и из «Вольного Слова» вышел. Но от печатного протеста на столбцах журнала он отказался. Вопрос о таком протесте потерял остроту, так как П. Аксельрод, вместе с Ив. Бохановским, Л. Дейчем, В. Засулич, и Г. Плехановым опубликовали (20 мая 1882 г.) «Открытое письмо господину М. Драгоманову», в котором протестовали против его статьи и требовали раз'яснений и доказательств по существу брошенных им обвинений и намеков, изображающих «в очень непривлекательном свете» русские революционные кружки.

10. «Ты этого сам хотел, Жорж Дандэн» — слова из комедии Мольера.

11. В Засулич и Л. Дейчу через Г. Плеханова.

12. В. Засулич и Л. Дейч жили в Швейцарии нелегально и были предметом особого внимания со стороны местной полиции.

13. Надежда Исаковна (урожденная Каминер) — жена П. Аксельрода.

2. С. М. Кравчинский — П. Б. Аксельроду

[Милан, мая 1882 г.]

Милый Пинхус!

Тысячу раз прошу извинения за свое долгое неотвечание. Да и теперь я не отвечаю, а так, на ходу, хочу бросить два слова. Мне хотелось ответить тебе пространно и обстоятельно, но тут как раз телеграммой получил от Станюковича[1]) (из «Дела») чрезвычайно спешный заказ. Так как у меня всегда срочные работы накопляются именно к первым числам месяца, то от совокупности получилось то, что абсолютно дохнуть некогда — тем более, что и книжка[2]), чтоб ее нелегкая побрала, тоже корректировалась эти же дни. Ну вот, я и не мог ответить ни тебе, ни кларанским философам[3]), от которых получил «коллективное» письмо, писанное Верой и «презлое», как она сама его Анке[4]) характеризует, хотя по моему оно совсем ничего себе: письмо, как письмо. Только очень уж «сурьезное». Все, конечно, за мою Драгомановскую ересь.

Я абсолютно остаюсь при всех своих прежних воззрениях и разовью это подробно, как только освобожусь немного[5]). Теперь хочу только сказать тебе, что с твоей мотивировкой прекращения работы в «В[ольном] С[лове]» совершенно согласен. Я, признаться, подумал в первую минуту, что ты хотел середину выбрать по русской пословице: грех пополам. Каюсь. Раз тебе вообще неприятно и раньше было, конечно, хорошо сделал!

Никогда мне и в голову не приходило обвинять тебя в том, будто ты хотел загладить свою вину пред нрвлц [народовольцами]. Я говорил только, что это будет иметь такой вид, — что совсем другое дело. Вероятно, второпях я плохо выразился.

В заключение радуюсь не меньше твоего, что мы совершенно сошлись по вопросу о централизме. Из-за этого еще много копий сломать нам придется.

Ну, до свидания. Уже третий час, а завтра вставать в 6 часов. Прощай. Пиши.

Пинхус, читал ли ты брошюру Черкезова? Если нет, прочти непременно. Там в конце есть место, где он делает темные намеки на мошенническое сокрытие и снятие копии с коллект[ивного] письма, посланного тобою из Питера (программа «З[емли] и В[оли]» и т. д.[6]))

Вопрос в том, посылал ли ты это только одним чернопередельцам и Жуков[скому][7]) или тоже и Драгоманову. Если последнее, как думаю, то он имел полное право снять для памяти и копию (о котор[ой] сам же он сообщил черноп[еределыцам] и котор[ую] тотчас же отдал, чего, если письмо было предн[азначено] для прочтения и ему, имел право не делать). Если это так, то ты обязан, как честный человек, опровергнуть такое гнусное обвинение, хотя бы оно относилось к твоему злейшему врагу, и ты один это можешь сделать, п[отому] ч[то] ты же и посылал всю эту «мегиле» [послание] и знаешь, кому что предназначалось[8]).

Ну, до след[ующего] раза. Целую Надю.

1. М. К. Станюкович (1844—1903 г.) — автор «Морских рассказов» и многочисленных романов; с 1882 г. перенял после смерти Благосветлова издание радикального журнала «Дело». С. Кравчинский был деятельным сотрудником этого журнала и помещал здесь переводы с итальянского (в частности здесь, был помещен его перевод романа Джиованиолли «Спартак»), а также статьи, преимущественно, по иностранной политике.

2. «Подпольная Россия». Эта книга вышла первоначально (в 1882 г.) в Милане на итальянском языке («La Russia Sotteranea) в издании fratelli Treves (братья Тревес), с предисловием П. Лаврова.

3. Г. Плеханов, В. Засулич, Л. Дейч и Игнатов жили в это время в Кларане.

4. А. М. Эпштейн.

5. Вскоре С. Кравчинский приехал в Кларан и здесь лично об'яснился с товарищами по поводу своего отношения к Драгоманову.

6. В своей брошюре «Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами» В. Черкезов, отвечая на замечание М. Драгоманова об «истреблении и умышленном запрятывании (революционерами) публикаций, изданных не нашими», писал, что «было одно дело о задержании эмигрантом документа ему не принадлежавшего, и о снятии им копии с него», после чего ставил М. Драгоманову вопрос: «Не помните ли, с кем была подобная история? — Не с вами ли? — Так, по крайней мере, мне говорили люди, правдивость которых вы не смеете заподозрить».

Дело, на которое намекал В. Черкезов, заключалось в следующем:

В начале 1880 г., после того, как чернопередельческий центр был разгромлен арестами и от'ездом заграницу Г. Плеханова, В. Засулич и Л. Дейча, П. Аксельрод пытался организовать уцелевшие элементы чернопередельческой фракции в Петербурге и Москве в «Великорусское Общество Земли и Воли». Имея в виду поставить заграницей издание органа этого Общества под редакцией старых чернопередельцев с Г. Плехановым во главе, П. Аксельрод послал им письмо и проект программы Общества. Отправленной в Женеву с этими бумагами делагатке (Е. Козловой) П. Аксельрод дал адрес Драгоманова, через которого она могла разыскать нужных ей лиц. П. Аксельрод предполагал, что Драгоманов, как человек с большими знаниями и при том сторонник федералистических принципов, мог бы принять участие в редактировании программы новой партии. Но эмигранты-чернопередельцы, бывшие в натянутых отношениях с М. Драгомановым и считавшие его либералом и украинским националистом, отказались от сотрудничества с ним и потребовали, чтоб он отдал им не только попавшие к нему бумаги, посланные заграницу П. Аксельродом, но и копию, которую он снял для себя с проекта программы. М. Драгоманов этому требованию подчинился. Когда 8—9 месяцев спустя П. Аксельрод приехал заграницу, вопрос о привлечении М. Драгоманова к партийным делам между ним и его товарищами по чернопередельческой фракции уже не поднимался. Это не помешало, впрочем, возобновлению добрых отношений между П. Аксельродом и М. Драгомановым. Но в эмигрантских кругах история со «снятием копии» не была забыта. Этому способствовало и то, что М. Драгоманов, считая, что при окончательном редактировании проекта программы из него был вытравлен первоначально проникавший его федералистический дух, высказывал намерение опубликовать оказавшиеся в его руках сведения об «истории одной программы».

П. Аксельрод лично считал, что в этом деле не могло быть речи о «мошенничестве» со стороны М. Драгоманова, а можно было говорить лишь о большем или меньшем такте, проявленном обеими сторонами (Ср. рассказ об этом эпизоде самого Драгоманова, опубликованный Франко: «М. Драгоманов, Листи до Ів. Франко і иньших», т. I, стр. 135-37).

7. Николай Иванович Жуковский (ум. в 1895 г.) — эмигрант шестидесятник, бакунист, член редакции «Общины» (1878 г.).

8. П. Аксельрод предложил выяснить все это дело, как и обвинения, выдвинутые М. Драгомановым против социалистов, путем третейского разбирательства, но это предложение не было принято М. Драгомановым.

3. С. М. Кравчинский — П. Б. Аксельроду

[Милан, 1883 г.?]

Милый Пинхус!

Получил от Веры клочек твоего письма[1]). Ты напрасно не написал мне прямо: в тысячу раз проще и скорее. Ведь у тебя есть же мой адрес. Если потерял, то повторяю: All Egregio Sig. Emilio Quadrio, Via Maravigli 10 (per Sig. Greig), Milano. Это адрес мой постоянный. Так напиши же, пожалуйста, немедленно, так как из отрезанного клочка я не все понял или, лучше, оч[ень] мало, почти ничего не понял:

1) Кто этот Бернштейн[2]): сам ли издатель или только издателеискатель?

2) Если он сам издатель, то сколько он может заплатить за издание, п[отому] ч[то] даром я ни за что не издамся — и не могу, п[отому] ч[то] книжка[3]) стоила мне 2½—3 месяцев труда, а получил за нее всего 300 фр. от Тревеса да 200 от Пунгала[4]). Кроме того, скажу тебе по правде, при теперешних книжных порядках, издаваться даром значит либо быть Емелюшкой-дурачком, либо признать, что вещь ничего не стоит. Ну, да все равно. По всем соображениям, я хочу получить за свою книгу деньги и при том, чем больше, тем лучше. Конечно, жильничать не буду, но дарить того, что можно получить, тоже не могу и не хочу.

Итак:

3) Сколько он предлагает, и каковы условия продажи: т. е., для одной Швейцарии ли, или для всех немецких государств: Германии и Австрии, и полное ли право или только за одно издание, как у меня, напр[имер], договорено с Тревесом и, кажется, будет с французом Dantu[5]). Все это нужно знать ясно, ибо все это имеет свое нумерическое выражение. За Швейцарию я удовольствуюсь чистыми пустяками. За все страны немецкого языка, конечно, нужно больше. С своей стороны, скажу, что как в том, так и в другом случае желал бы покончивать за все издания разом, т. е. продать в полную собственность, а не за одно только первое издание.

Так вот, милый, ты это все узнай — если не знаешь — и напиши.

Если же он издателеискатель, то, конечно, я буду очень благодарен, если он кого-нибудь мне найдет, где бы то ни было, и если он не свой человек, а коммерсант, то предлагаю ему даже, как и следует, коммисионерский процент в 25%. (У меня с одним аферистом такой точно договор, хоть он мне и приятель: только социалисты имеют право работать даром).

Право перевода на все языки в моем безусловном распоряжении. В случае соглашения в условиях, я посылаю тебе, или кому напишешь, два документика: один бланковое заявление от издателя Тревеса, что право перевода за автором Stepniak'ом [Степняком]. Другое письмо личное мое, в котором заявление о передаче на таких то условиях такому то.

Condicio sine qua non [непременное условие] деньги тотчас же, ибо нужны, очень нужны.

Ну, до свиданья. Некогда очень. Кланяйся Соне[6]) и Наде.

Ах да! Предисловия Лавровского[7]), по-моему, трогать невозможно. (Но ты напиши, что Бернштейн советовал изменить. Это мне так — любопытно. Кое-какие весьма незначительные изменения я сделал бы в тексте и приложил бы к биографии Перовской ее письмо к матери из брошюрки[8]). Из-за каждого слова приходилось с ним [П. Лавровым] дебаты вести. Я хотел, нап[ример], выбросить на XII странице несколько не совсем умеренных комплиментов моей особе, как совершенно излишних, потому что дело идет не о моей особе, а о моей книжке, и, кажется, уж это то я имел право сделать больше, чем что другое. Но он обиделся и сказал, что я превысил свои права. Ну, понимаешь, что какие-нибудь изменения в «корпусе», в сущности, потребовали бы целых месяцев переписки, на которую ни времени, ни охоты у меня нет. Да и вздор ведь это. От трех лишних слов предисловия книжке не убудет и не прибудет. Значит, нужно помириться и оставить tel quel [как есть].

Ну, до свиданья. И так, напиши поскорей. Понимаешь, конечно, что я радрадешенек издаться, но нужно все с расчетцем. Во избежание лишней переписки, вот еще что прибавляю: комбинация Швейцария и Швейцария с Германией мне была бы удобнее, чем с всеми тремя (т. е., с Австрией), так как в последней у меня ведутся переговоры с одним издателем. Впроч[ем], ничего не решено, и это не безусловно.

Ну вот и все. Так, пожалуйства, ответь немедленно.

Приписываю еще два слова, чтобы разом ответить — еще на одну возможную комбинацию. Может статься, что этот Бернштейн не издатель и не издателеискатель, а социал-демократ, и книжку мою хотят издать социал-демократы. Может быть, даже с благотворительной целью. Во всяком случае, с целью пропаганды в единственной соответствующей для этого среде. Ну, так могу только сказать, что в таком случае мне издаться будет еще приятнее, но опять даром не могу: это значило бы обращать себя в водовозную клячу для революции, в переводчика по профессии — что мало чем от клячи отличается. Ну, а я думаю, что могу послужить революции чем-нибудь большим, чем сотней-другой франков — хотя бы написанием нескольких книжек для той же пропаганды заграницей, как намерен, лишь только мои дела финансовые поправятся.

И потому положение относительно платы остается в безусловной силе. Но я бы предложил тогда такую комбинацию: чтоб мне уплатили вперед, в счет будущего, небольшую сумму, например, 200—300 франков, и назначили затем известный процент с каждого распроданного экземпляра. Конечно, все это по-божески. Начну получать только с того времени, когда заполнится выданная мне вперед сумма. Без суммы вперед не могу — продамся за грош первому буржуа, п[отому] ч[то] нужны деньги до зарезу, так не знаю, напр[имер], даже, чем Фанни[9]) из Парижа воротить, куда она уехала на болезнь Зины[10]).

По одному месту твоего клочка, где [...[11])] речи, догадываюсь, что мое предположение на счет социал-демократизма моих будущ[их] издателей вернее других. — Да и какой другой к тебе бы, Пинхусу, полез?

Так если можешь, устрой. Буду очень благодарен. Это было бы прекрасно еще потому, что они могли бы одновременно перевести ее на английский для Америки*), где у них связи обширные. Это нужно сделать именно теперь, пока не появилось перевода на французском, п[отому] ч[то] лишь только появится — американцы сейчас переведут и ничего не заплатят, п[отому] ч[то] конвенции нет. — Так похлопочи. Я не сомневаюсь, что книжка разойдется очень хорошо, и мы оба набьем карманы, т. е. я и издатели. Говорю это, ей-ей, не как автор, п[отому] ч[то], по чистой совести, я вовсе не особенно удовлетворен своей книжицей. Говорю это по тем положительно восторженным (извини за выражение) отзывам, которые получаю ото всех, и при том, заметь, не от русских и не приятелей, а литераторов по профессии. Даже Тургенев, пишут, «в восторге» — его собственное выражение. Меня, впрочем, больше радуют отзывы таких прохвостов, как «Neue Freie Presse»[13]), потому что больше денег обещает, что для меня, пока, гораздо интереснее славы. — И так, книжица, наверное, пойдет. Только ты мне ответь, смотри же, немедленно. Сумму 200—300 франков я поставил, конечно, как минимум... Ну, да бог с ним. Больше 300 фр. ты не проси, если согласятся на комбинацию. Но только все это нужно устроить поскорей, п[отому] ч[то] за это время может подвернуться либо венский, либо даже берлинский издатель, п[отому] ч[то] о книжке моей, Клячко[14]) пишет, были фельетоны целые не только в «N[eue] F[reie] P[resse]», но и в берлинском «Börsen-Courier», «Berliner Tageblatt» и (кажется) «Kölnische Zeitung»[15]) (кстати, если видел что то, пришли — у меня только «N[eue] F[reie] P[resse]» есть). Ну с так, если, говорю, за это время подвернется немецкий издатель, предложит хорошую сумму и потребует немедленно ответа, я ведь продамся, ибо лучше синицу в руку, чем журавля в небе.

1. П. Аксельрод в письме к В. И. Засулич высказал мысль, что С. Кравчинский мог бы выпустить «Подпольную Россию» на немецком языке, воспользовавшись для этого посредничеством Эдуарда Бернштейна. Позже (в 1887 г.) книга Степняка вышла на немецком языке в переводе Trautner'a в изд. Jenni, Bern.

2. Эдуард Бернштейн (род. в 1850 г.) — известный немецкий социал-демократ, с 1880 г. был редактором органа германской с.-д. партии «Социал-Демократ», выходившего в Цюрихе. В 1887 г. был выслан из Швейцарии и переехал в Лондон, куда было перенесено и издание «Социал-Демократа».

3. «Подпольная Россия», незадолго до того вышедшая на итальянском языке.

4. Тревес — «Fratelli Treves» — издательство, выпустившее «Подпольную Россию». Пунгал — («Pungalo») журнал, в котором печатались в виде фельетонов очерки, вошедшие в «Подпольную Россию».

---

*) Говорю, для Америки, а не Англии, потому что в последней ведет дело Чайковский. Кажется, с Чатам или Чомер[12]) или что то в этом роде. Но и Америка страна достаточно обширная! Мне очень советовал на счет Америки Реклю. Говорит, что там наверное блистательно пойдет. А на счет Франции он говорил, что ручается за 10-15 тысяч экземпляров, если только перевод будет хорош, и сам вызвался поэтому проредактировать его. Видишь, сколько деньжищ сулят впереди. А пока... Misericordia! [беда!].

Ну, будет. Я столько должен был писать о разных гипотетических комбинациях, что уж надоело, особенно, как подумаешь, что все не попал. Если так, то я буду на тебя зол, что ты подвел меня тем, что не написал прямо.

5. Dantu — французская издательская фирма. «Подпольная Россия» вышла в переводе на французский яз. в 1885 г., в издании Jules Levy

6. Софья Исаковна Каминер — сестра жены П. Аксельрода.

7. Предисловие П. Лаврова к «Подпольной России».

8. Софья Льв. Перовская (1853-1881 г. — знаменитая русская революционерка, участница хождения в народ, член Общества «Земля и Воля»; после раскола в Обществе вошла в партию «Народной Воли», играла выдающуюся роль в Исполнительном Комитете партии и в террористических покушениях против Александра II, руководила последним покушением, завершившимся убийством царя 1-го марта 1881 г. Повешена 3 апреля того же года. Брошюра, о которой говорит Кравчинский, — изданная отдельно Заграничным отделом Красного Креста «Народной Воли» биография С. Л. Перовской; в этой брошюре было напечатано потрясающее по силе чувства и простоте предсмертное письмо С. Перовской к ее матери.

9. Фанни Марковна Морейнис — жена С. Кравчинского.

10. Жена эмигранта С. Клячко (см. примечание 14-ое к настоящему письму).

11. Два слова не разобраны.

12. Нам не удалось установить, с каким издательством вел переговоры Чайковский.

13. «Neue Freie Presse» — умеренно консервативная венская газета.

14. С. Клячко (ум. в 1914 г.) — лаврист начала 70-х годов, член московского кружка «чайковцев», в 1874 г. эмигрировал вместе с Н. Чайковским в Америку, где участвовал в коммуне проповедника богочеловечества Маликова; в начале 80-х годов вернулся в Европу и поселился в Вене; работал в рядах австрийской с.-д. партии, оказывая вместе с тем содействие Р. С.-Д. Р. П.

15. «Börsen-Courier» — берлинская биржевая газета.

«Berliner Tageblatt» — большая берлинская газета либерального направления.

«Kölnische Zeitung» — кельнская газета, орган католического центра.

4. С. М. Кравчинский — П. Б. Аксельроду

Лондон, 18 ноября 1888 г.

Милый Павел!

Пишу тебе, чтобы познакомить тебя с одним русским Юр. Гр. Рапопортом[1]), который живет в Цюрихе и очень желал бы воспользоваться твоими указаниями для практического и теоретического ознакомления с з[ападно]-ев[ропейским] соц[иалистическим] движением. Лично я его не знаю, но он рекомендован нам самыми лучшими из наших русских друзей (моим одним специально), поэтому, все, что сделаешь для него, будет, как для меня.

Давно мы, голубчик, не обменивались ни словом, ни звуком, но мы, по кр[айней] мере, о тебе нет-нет и узнавали кое что, то от того, то от другого. Вера [Засулич] писала, потом Бернштейна пригнали к нам в Лондон[2]). Мы с ним виделись, и он рассказывал про Ваше житье-бытье. Мы здесь...

Пришлось оборвать письмо, п[отому] ч[то] требуют, чтобы я его сию минуту отдал.

Фанни очень кланяется тебе и Наде и Верочке[3]).

Твой Сергей.

1. Юр. Гр. Раппопорт — см. ниже, отдел VIII.

2. В 1887 г. Э. Бернштейн был выслан из Швейцарии и переехал в Лондон.

3. Дочь П. Б. Аксельрода.

5. П. Б. Аксельрод — С. М. Кравчинскому

Кларан, 4 июня 1889 г.

Милый Сергей!

С полным сознанием своей вины принимаюсь за перо, чтобы напомнить тебе о своем существовании. Получив твое письмо[1]) (больше полугода тому назад!), я, разумеется, сейчас хотел ответить. Но что то помешало мне, а затем все откладывал и откладывал... как водится. Впрочем, я могу сослаться на одно смягчающее мою вину обстоятельство: твое письмо вызвано было чисто случайным поводом и по характеру своему не требовало ответа от меня. И так, надеюсь получить от тебя великодушное прощение.

О поездке Жоржа [Плеханова] в Париж для представительства на с'езде[2]) я уже возмечтал недели 3 тому назад до получения приглашения Лафарга[3]). С этой целью я попросил кое кого делать сбор, — по Цюрих страшно истощен сборами в пользу лиц, бывших замешанными и изгнанными по делу о бомбах[4]). Может, удастся сколотить несколько десятков франков, но на эти деньги, конечно, не поедешь в Париж. А ты бы написал об этом Раппопорту[5]) — твое мнение, как беспристрастного, могло бы на него и Ко произвести некоторое впечатление. Ведь эти господа — олухи, с позволения сказать: ни теорией, ни литератур[ным] или ораторским талантом их не проймешь. Кто то из парижан имеет быть представит[елем] — вероятно, на конгрессе поссибилистов[6]) (который, кажется, будет Rumpfkongress [осколок конгресса]). Растолкуй ты, пожалуйста, Рапп[опорту], что раз его компания выступает с органом[7]), стоящим на нашей точке зрения, их прямая обязанность помочь делу отправки на конгресс наиболее даровитого представителя соц[иал]-демокр[атического] направления среди русских[8]).

Мечтал и я попасть в Париж, надеялся там и с тобою встретиться, но не сбыться этому из-за финансовых соображений[9]). Вот разве брошенный мною в обращение проект о конференции русских, группирующихся около «Социалиста», приведен будет в исполнение[10]). Тогда уж придется сделать отчаянное усилие — и поехать в Париж, а то от нас очутится там один только Ж[орж] против полтора или больше десятков противников и полупротивников. Я уже, брат, должно быть, приближаюсь к старости — судя по тому, что я судорожно цепляюсь за старые связи по революц[ионному] движению. Чувство нравственного одиночества страшно пугает меня. А между тем, ряды нашего поколения страшно поредели, а к немцам целиком все-таки трудно пристать. Ну, довольно, однако, разводить иеремиады.

Обратил ли ты внимание на заявление Драгоманова об устранении «Чернопередельческой соц[иальной] демократии» из «В[ольного] С[лова]»[11]). Надеюсь, ты не забыл, что именно Драгоманов больше всего удерживал меня от выхода из «В. С.», и что выступил то я после его известной статьи «Обаятельность энергии», при чем послал в редакцию мотивиров[анное] заявление о своем выходе, заявление, взятое мною обратно по настояниям Др[агоманова], а главным образом твоим.

После этой заведомой лжи с его стороны, я верю и тому, что Черкезов писал о скопировании им письма к Дмитру и Евгению[12]). Я намерен послать редакции «Своб[одной] России» опровержение, в котором должен буду сослаться на тебя. Впрочем, по справедливости, ты сам должен бы послать им от себя такое заявление.

Сердечный привет Фанни. Обнимаю тебя Твой Павел.

PS. Вера (Засулич] собирается писать длинное письмо и, вероятно, только завтра, а может и послезавтра окончит его, а потому посылаю свое отдельно. Я тут останусь, вероятно, еще с месяц.

1. См. предыдущее письмо С. Кравчинского П. Аксельроду.

2. В 1889 г. в Париже созывался международный социалистический конгресс. На этом конгрессе было установлено празднование 1-го мая, намечен план международной борьбы за 8-часовой рабочий день и положено основание 2-му Социалистическому Интернационалу.

3. Поль Лафарг (1840—1910 г.) — французский социалист, ученик и зять К. Маркса, член 1-го Интернационала, участник парижской Коммуны 1871 г., автор многочисленных популярных брошюр и памфлетов. Один из основателей социал-демократического движения во Франции.

В 1889 г. Лафарг участвовал в Комитете, образованном французскими социалистами марксистского направления и бланкистами, вместе с немецкими социал-демократами, для созыва международного социалистического конгресса. Приглашение участвовать в этом конгрессе было послано также и группе «Освобождение Труда».

4. Зимой 1888—1889 г. несколько молодых русских народовольцев в Цюрихе из группы «Социалистического литературного фонда» (см. примечание 9-ое к 5-му письму П. Аксельрода П. Лаврову, отд. III) занялись изготовлением бомб, при чем 6 марта 1889 г. во время испытания бомб недалеко от города (на Цюрихберге) один из них (Дембо) был убит. Дело раскрылось, и замешанным в нем пришлось покинуть Швейцарию.

5. Юр. Гр. Раппопорт.

6. Одновременно с конгрессом, который созывался в Париже марксистами, там же созывался другой международный социалистический конгресс, представителями умеренной фракции французского социализма, «поссибилистами» (течение, соответствующее реформизму позднейшего времени).

7. «Социалист»; об этом издании см. в письмах Ю. Раппопорта П. Аксельроду.

8. П. Аксельрод имеет в виду Г. Плеханова.

9. П. Аксельрод все же попал на конгресс: на его поездке настояли его жена Надежда Исаковна и живший с ним Я. Кальмансон; они же, несмотря на царившую в доме нужду, достали ему деньги для поездки в Париж. После конгресса П. Аксельрод, вместе с Г. Плехановым, по приглашению С. Кравчинского, поехал к нему в Лондон.

10. Этот проект не был осуществлен.

11. В феврале 1889 г. в Женеве начал выходить под редакцией Вл. Бурцева и Вл. Дебагория-Мокриевича журнал «Свободная Россия», защищавший идеи политической свободы и самоуправления и стоявший по программе близко к «Вольному Слову». М. Драгоманов, бывший одним из ближайших сотрудников нового журнала, поместил в его 1-м номере статью «Земский либерализм в России (1858-1883 г.)». В этой статье, излагая историю «Вольного Слава» и отметив несогласие этого органа с «якобинскими» («централистическими и даже диктаторскими») тенденциями «Народной Воли», М. Драгоманов писал:

«Из других направлений в русском социалистическом движении даже довольно широко представлено было в «Вольном Слове» 1881—1882 г. направление социально-демократическое, заграничные публицисты которого не задолго перед тем издавали «орган социалистов-федералистов» («Черный Передел»). Но с течением времени обнаружилась невозможность согласия между земским самоупра-

вленством и чернопередельческой социаль-демократией, которая все больше принимала антилиберальный и централистический характер (см. особенно в 34 и 35 №№ «Письма о рабочем движении» и «Заметку от редакции»). Чернопередельческая социаль-демократия была устранена из «Вольного Слова», и газета приняла более цельное направление...».

12. Дмитро — Я. Стефанович, Евгений — Л. Дейч. Относительно скопирования письма смотри примечание 6-ое ко 2-ему письму С. Кравчинского. П. Аксельрод просил нас отметить, что высказанное им здесь суждение о М. Драгоманове было вызвано минутным раздражением и не выражало его действительного отношения к М. Драгоманову, которого он всегда считал человеком, заслуживающим полного уважения.

6. С. М. Кравчинский — П. Б. Аксельроду

Лондон, 30 августа 1892 г.

Милый Павел!

Пишу тебе наскоро в надежде, что еще не поздно.

К тебе может на-днях зайти человек расспрашивать про кефир[1]), — его лекарственное действие, производство и проч. — Так это будет от меня. Пожалуйста, прими его хорошо и об'ясни ему, что понадобится. Здесь устроили люди маленькую кефирную фабрику, затратили деньги, и потом оная фабрика попала на мое попечение. Вот я и подыскиваю человека с капиталом (в этом здесь все: с капиталом дело может разрастись до прекрасных размеров, без капитала никакого движения). Если представитель фирмы, которая заинтересовалась этим делом, поймет возможность большого развития, деньги будут, а стало быть, и нам перепадет кое-что. Разумею себя и вас всех (группу), п[отому] ч[то] никогда не отделял себя нравственно, хотя мы и носим несколько разные мундиры. Так уж ты, голубчик, постарайся не ударить в грязь лицом.

Спешу отправить на почту и больше ни о чем писать не успею.

Твой Сергей.

1. Об обстоятельствах, при которых Над. Ис. Аксельрод взялась за изготовление кефира, см. примечание к 6-ому письму С. Гринфеста.

7. С. М. Кравчинский — В. И. Засулич

Лондон, 11 октября 1892 г.

Милая Вера!

Большое спасибо за письмо, которое больше, чем что либо, доказало мне Ваше истинно товарищеское ко мне отношение. Спасибо большое.

Теперь по существу. Буду говорить насколько могу хладнокровно. Читая Ваше письмо, я глазам своим не верил точно так же, как Вы, читая идиотскую статью. Этой статьи я, каюсь, еще не читал да и немецк[ую] «Free Russia»[1]) не вижу почти никогда. Мне и английская надоедает довольно. Сперва было условлено, что немецк[ая] будет абсолютной перепечаткой, т. е. переводом. Так что

читать не стоило. Недавно, месяца два тому назад, Волховский[2]) взял у меня согласие, чтобы немецкий ред[актор] вставлял кое-что специально интересное для немцев.

Так как редактор — как меня уверили, по кр[айней] мере — социал-демократ, то я предполагал, что он социал-демократии туда будет напускать. Этого я не боюсь и потому был совершенно покоен. Мне и не снилось, что возможно будет как раз нападение на русск[их] соц[иал]-демократов, что верх политической бестактности, еслиб было сделано в самой джентльменской форме (наш журнал вовсе не принципиально полемический). Если же, как заключаю из Ваших кратких цитат, статья заключает личные нападки и при том такие грубые на членов вашей группы и, особенно, на Вас, то это величайшая пакость, какую только могли устроить приятели приятелям.

В следующем же номере английском я пишу за своей подписью статью о вашей группе, вашей деятельности и наших отношениях к вам, которая будет опровержением всего вранья и гадостей той [статьи], которую Вы поминаете[3]). Эта статья будет переведена и помещена в немецком издании. Затем, со следующего же номера прекращаются всякие специальные немецкие статьи, и немецкое издание станет снова перепечаткой английского, — разве что другого немецкого редактора мне найдут, и тогда я уж у вас спрошу, достаточно ли он благонадежен, прежде чем согласиться[4]). — Это я поставлю кабинетным вопросом. Я готов не только Free Russ[ia] не иметь вовсе, я даже из Фонда[5]) готов уйти, скорее, чем рисковать возможностью повторения такой мерзости. — Надеюсь, Вы этим удовлетворитесь. Выступать в немецком издании с коллективным протестом против статьи № 9-го, я, не читавши пока статьи, думаю, нам было бы неблагоразумно. Это значило бы раздувать на свою же голову этот неприличный и для нас весьма предосудительный казус. Моя статья, о которой я говорил, будет, в сущности, тем же протестом и, вместе с переменой редактора, будет достаточно ясно показывать, в чем дело всем внимательным людям. — Впрочем, я это говорю, не читавши статьи. Завтра я ее прочту и напишу Вам либо сам, либо Волховского попрошу. Мне только не хотелось, чтобы Вы одну лишнюю минуту оставались в сомнении относительно нашей нравственной непричастности в этом деле. Мне едва ли нужно говорить Вам, что, как политически, так и лично, нет группы, хорошим отношением с которой я бы так дорожил, как с Вами. — Ну, вот. За сим обнимаю Вас крепко и прошу написать, если можете, тотчас по получении этого письма. Я могу не увидеть Волховского завтра, и мое второе письмо может затянуться: придется разговаривать, совещаться и т. п. Что Вы про себя ничего не пишете? Как Ваше здоровье? Это много важнее идиотской статьи.

Ваш Сергей.

1. «Free Russia» («Свободная Россия») — ежемесячный журнал, выходивший с 1891 г. по 1900 г., как орган английского «Общества друзей русской свободы» под редакцией С. Кравчинского (до 1895 г.) и Ф. Волховского. Журнал был беспартийный, радикальный, с уклоном в сторону социализма, и имел целью привлечение симпатий Западной Европы к русскому освободительному движению. Издавался журнал на английском языке; в 1892 г. была сделана попытка параллельного

издания на немецком языке под названием «Frei Russland». В № 9 (сентябрьском) этого немецкого издания была помещена на первом месте статья «W. A.» (W. Anderfuhren) под заглавием «Eine Auseinandersetzung» («Раз'яснение»). Статья доказывала невозможность в России социалистического движения до свержения абсолютизма и была пересыпана грубыми выпадами против русских социал-демократов, т. е. группы «Освобождение Труда», которой, впрочем, автор нигде прямо не называл. Не была названа в статье и В. Засулич. Но выпад против нее, и при том крайне грубый, был сделан в форме характеристики состава заграничного кружка русских социал-демократов.

2. Фел. В. Волховский — видный революционер 70-х г. г., впервые был арестован в 1868 г.; привлекался по «нечаевскому» делу (1871 г.); по процессу 193-ех в 1878 г. сослан в Сибирь, откуда бежал в 1891 г. заграницу. Заграницей, в Лондоне, вместе с С. Кравчинским, организовал «Фонд вольной русской прессы» и работал над привлечением симпатий английского общества к русскому революционному движению.

3. Эта статья в английском издании «Free Russia» не появилась, так как решено было ликвидировать инцидент в пределах немецкого издания журнала.

4. Повидимому, такого редактора для немецкого издания «Frei Russland» не нашлось: на 11-м номере издание было прекращено, о чем читатели были извещены об'явлением:

«С настоящим № впредь до начала следующего года «Frei Russland» временно приостанавливается, так как обнаружилось, что при существовавших до сих пор условиях наше немецкое издание не может дальше вестись с успехом и в согласии со взглядами английской редакции...»

Позже немецкое издание журнала не было возобновлено.

5. «Фонд вольной русской прессы», основанный при ближайшем участии С. Кравчинского и Ф. Волховского. Фондом были выпущены некоторые вещи В. Короленко, Л. Толстого, С. Кравчинского, Ф. Волховского и др. С 1894 г. по 1899 г. выходили (под редакцией Ф. Волховского) «Летучие листки фонда вольной русской прессы».

8. С. М. Кравчинский — В. И. Засулич

Лондон, 1 ноября 1892 г.

Милая Вера!

Посылаю Вам всем заявление в новой редакции[1]). Я вычеркнул все, что относится к теоретической стороне вашей программы, так что, с этой стороны, никакого огорчения вам не будет. — Нам пришлось для этого уничтожить весь старый набор и все издание листков[2]), которое уже совсем готово, только не разослано.

Говорю это, чтоб показать, что мы все возможное готовы сделать, чтоб вас не огорчить. Я не понимаю вашего огорчения и стою на том, что программу вашу суммирую верно, и решительно не понимаю, что обидного в моей суммировке. Программы определяются центром тяготения работы партии. «Народную Волю» вы называли ведь якобинской[3]) партией и ничем больше и были совершенно правы, хотя у них и стояли разные пунктики социалистические на счет пропаганды и среди рабочих, и крестьян, и интеллигенции — одним словом, во всем свете и во многих других местах. Ведь были у них все эти пунктики, и обижались они, когда их называли русскими бланкистами[4]) и обижались напрасно. Довлеет дневи злоба его. Специализация в политике, как в науке и искусстве, вещь не только не предосудительная, а, напротив, весьма похвальная. Так и на вашу работу я смотрю. Социал-демокр[атия] в Германии, Англии и Франции — держится пролетариа-

том. Она привлекает в свои ряды членов других сословий, но эта случайность нисколько не противоречит определению соц[иал]-дем[ократии] (немецкой, в особ[енности]), как партии, опирающейся на фабричный пролетариат, стремящейся организовать пролетариат и воплотить в жизнь идею пролетариата. — Вы хотите делать в России то же, что соц[иал]-дем[ократы] делают в Германии, ну и исполать вам! Чем меньше вы будете разбрасываться, тем больше шансов на успех. Но вы обижаетесь, как обижались народовольцы, и, как они, ссылаетесь на пунктики, показывающие, что вы профессора всех наук и многих других.

Этой обидчивости я, действительно, не понимаю. Но раз вы обижаетесь, мне этого достаточно, чтоб устранить повод к обиде. Против полемики против нас даже с (не, как говорит П.) полемическим задором я лично решительно ничего не имею. Валяйте на здоровье. Мне что? Если задор будет хорошим, настоящим — racy [резвость], как говорят англичане — прочту с истинным удовольствием.

1. С. Кравчинский написал для № 10 «Frei Russland» заявление от редакции по поводу статьи «W. A.» в предыдущем номере. Русский текст заявления он прислал В. Засулич для предварительного ознакомления с ним членов группы «Освобождение Труда», и этот текст вызвал возражения с их стороны. К настоящему письму была приложена новая редакция заявления.

2. Заявление редакции по поводу статьи W. A. в № 9 «Frei Russland» появилось в виде особого листка, приложенного к № 11 журнала. В этом заявлении, написанном С. Кравчинским, между прочим, говорилось:

> «Капитализм пустил корни в России и растет день ото дня, создавая этим почву для развития социал-демократии. Мы можем лишь удивляться тому, как автор немецкой статьи не заметил, что, нападая со столь непонятной и неприличной резкостью на определенную группу, он, в действительности, нападает на всех русских социалистов. Что, в частности, касается до наших товарищей, об'единившихся вокруг (сборников) «Социал-Демократ», то эта группа своей неутомимой деятельностью, талантом и прежними заслугами своих членов составила бы гордость любой социалистической партии, даже в самых передовых странах Европы».

3. В конце 70-ых годов «якобинцами» назывались в России последователи П. Н. Ткачева, защищавшие идею захвата власти и проведения социалистической революции путем воздействия сверху. После того, как идея захвата власти, хотя и в не вполне последовательной форме, была усвоена руководящей группой Исполнительного Комитета «Народной Воли», в 1882—84 г.г., Г. В. Плеханов применил этот термин («якобинцы») — для характеристики политической позиции этой партии.

4. Огюст Бланки (1805—1881 г.) — знаменитый французский революционер, считал, что революция является делом инициативного меньшинства, и признавал основным методом революции — заговор. Бланкисты — последователи Бланки. Здесь — в переносном смысле — сторонники заговорщических методов борьбы.

VII

ПИСЬМА С. ГРИНФЕСТА

Саул Гринфест участвовал в революционном движении с конца 70-х годов. В 1880-1881 г. он, вместе с Рольником и Гецовым, организовал в Минске для чернопередельцев типографию, где и печатались издания фракции. В конце 1882 г. все трое вынуждены были покинуть Россию, приехали в Цюрих и явились к П. Аксельроду. С С. Гринфестом у П. Аксельрода установилась некоторая близость.

Когда оформилась группа «Освобождение Труда», С. Гринфест примкнул к ней и — не будучи ее членом — активно помогал ей. В конце 1883 г. группа командировала его в Россию. Об этой командировке П. Аксельрод во 2-й книге «Пережитого и передуманого» пишет:

«Мы не рассчитывали на то, что этому товарищу удастся стать организатором нового течения в России, но он должен был разыскать уцелевшие народнические кружки или хотя бы отдельных лиц, на которых мы могли бы опереться, познакомить их с нашими взглядами, установить правильные сношения между ними и нашей группой и, таким образом, подготовить почву для дальнейшей работы, для которой предполагал ехать в Россию Дейч».

Вскоре С. Гринфест вернулся заграницу. В цитированных воспоминаниях П. Аксельрод отмечает:

«Он привез самые неутешительные вести: положение революционного движения в России еще безнадежнее, чем мы предполагали, нет ни кружков, ни людей, ни связей. Допускаю, что такая мрачная картина получилась в передаче Гринфеста отчасти и потому, что он оказался не на высоте возложенной на него задачи и не сумел разыскать те революционные элементы, которые в то время еще оставались в России».

Незадолго до возвращения Гринфеста заграницу, в Фрейбурге (в герцогстве Баденском) был арестован Л. Дейч, прибывший туда из Швейцарии с транспортом изданий группы, предназначавшимся для дальнейшей отправки в Россию. Русское правительство потребовало выдачи его, как уголовного преступника (обвиняемого в покушении на убийство предателя Гориновича). Все усилия П. Аксельрода и В. Засулич, выехавших в Фрейбург в надежде вызволить Л. Дейча из тюрьмы или добиться от баденского правительства отказа в его выдаче, оказались тщетны, — Л. Дейч был отвезен в Россию, предан военному суду и в апреле 1885 г. приговорен к 13 г. 4 мес. каторги.

Арест Л. Дейча нанес группе «Освобождение Труда» тяжелый удар. «На плечах Л. Дейча, рассказывает П. Аксельрод во 2-й книге своих воспоминаний, лежали все материальные и административные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли в каком бы то ни было отношении оказаться полезны для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различным городами, где была русская революционно настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий, — вообще, вел всю административную работу группы. Через него шла также вся деловая

переписка между мною и женевскими товарищами». (Цитируем по находящейся в нашем распоряжении подготовленной к печати рукописи П. Аксельрода).

Из пяти человек, первоначально составивших группу «Освобождение Труда» (Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейч и В. Игнатов), теперь, в виду ареста Л. Дейча и тяжелой, безнадежной болезни В. Игнатова, осталось лишь трое, — Г. Плеханов и В. Засулич в Женеве, П. Аксельрод в Цюрихе. К тому же В. Засулич, потрясенная судьбой Л. Дейча, некоторое время не могла принимать активного участия в политической работе.

Для группы «Освобождение Труда» настали черные дни.

«Дейча, на котором лежала главная тяжесть практической работы группы, пишет П. Аксельрод, заменить было некому. Некоторую часть его функций мы поручили Гринфесту, который для этого дела поселился в Женеве.

«Но, разумеется, у Гринфеста не было ни известности Дейча, ни его связей, ни его инициативы и энергии! И вскоре наши материальные дела, которые и раньше обстояли далеко не блестяще, пришли в полное расстройство».

К этому периоду и относятся печатаемые ниже письма С. Гринфеста П. Аксельроду.

Читатель легко заметит, что в освещение различных вопросов и событий, о которых он сообщает П. Аксельроду, С. Гринфест вносит большую долю суб'ективизма. Как видно из его писем, он смотрел на группу «Освобождение Труда», как на кружок единомышленников, который должен непрерывно расширяться путем привлечения новых членов; себя он считал полноправным членом этого кружка и стремился вводить в него всех, кто только заявит о своем сочувствии принципам группы. Между тем, основатели группы смотрели на себя, как на литературную ячейку, которая должна вербовать сторонников и создавать вокруг себя соответствующую периферию, но не растворяется в этой периферии и сохраняет свой строго замкнутый характер. Этот взгляд проводился настолько последовательно, что за все время существования группы в нее был принят лишь один новый член — С. Ингерман, — а о приеме С. Гринфеста не было даже и речи.

Будучи человеком активным, С. Гринфест тяготился своим положением в Женеве, и это нашло выражение в том неудовольствии против Г. Плеханова, которое во многих местах звучит в его письмах.

Со всем тем письма С. Гринфеста представляются ценным источником для характеристики обстановки жизни группы «Освобождение Труда» в наиболее тяжелое для нее время, во вторую половину 1884 и в начале 1885 г.

1. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, 10 июня 1884 г.

Дорогой Павел!

Письма Ваши и деньги[1]) получены, о чем я своевременно уже известил Вас картой. Из присланных Вами 50 рублей и 50 франков уплатили долг в 45 фр., сделанный раньше для уплаты за кв[артиру] типографии, и 10 фр. переплетчику. За кв[артиру] уплочено теперь до 15 августа. Остальные деньги лежат у Розы[2]) и предназначены на покупку бумаги, которой совсем уже нет. Завтра выпишем ее.

Жорж [Плеханов] продолжает свой ответ Лаврову и, косвенно, Тихомирову[3]). Корректуру пришлем Вам, когда наберется много. 1-й № «Социал-демократа»[4]), посланный Вами Вере [Засулич], отослан ею Вам обратно. С ней теперь нельзя говорить о чем-либо, не касающемся дела брата[5]). Она уже высказала свое безапелляционное решение ехать для этого в Россию. Она для нас, по крайней мере, на некоторое время, потеряна. Если нужная статья[6]) из этих №№ «СД» уже переведена, то пришлите ее с №№ сюда, я ручаюсь Вам за их целость. «Misère de

la Philosophie"[7]) давно уже могла бы́ть напечатана, если бы они[8]) толковее поступили. — Целых 2 месяца Рольник[9]) сидел без работы, и они все ждали предисловия Энгельса, в то время, когда можно было прекрасно напечатать всю брошюру, предисловие же печатать особым тиражем, и это стоило бы лишних 10 фр. Кажется, не стоило из-за 10 фр. сидеть Рольнику, который получает 80 фр. в месяц, 2 месяца без работы.

Я говорил с Жоржем о переезде в Цюрих, но он не разделяет наше мнение[10]) о необходимости быть Вам вместе, если же этому суждено будет совершиться, то он предпочтет Ваш приезд в Женеву. Впрочем, серьезно мы еще об этом не говорили, ибо это еще вилами по воде писано, т. к. Ваш ли переезд в Женеву, его ли в Цюрих требует предварительной уплаты Ваших долгов в Цюрихе или его в Женеве, при теперешнем же безденежьи об этом и думать нечего.

Жорж очень мало думает о переорганизации группы[11]); будь теперь несколько сот франков в кассе, он считал бы положение группы вполне удовлетворительным. Очевидно, что он рассчитывает вполне на свою практичность, но я абсолютно не доверяю ей. Одно странное явление набрасывает тень на Жоржа, как на практика, это то, что он нравится людям только в начале знакомства, а как только поближе познакомятся с ним, то он перестает им нравиться и даже еще хуже. Чтобы несколько успокоить Вас, спешу прибавить, что это явление нисколько не коснулось моих отношений к Жоржу. Я с ним в самых лучших отношениях, и он мне даже очень нравится, но я только констатировал факт, замеченный мною в отношениях других к нему. Я лично прежде всего вижу в нем теоретика и одного из редакторов «Б[иблиотеки] Сов[ременного] Соц[иализма]»[12]), как такового я ценю его очень высоко, до других же черт его характера мне ровно никакого дела нет.

Как бы то ни было, Жорж не может остаться администратором группы, по одному хоть тому, что на нем лежит довольно много других обязанностей к группе. Необходимо нам сговориться о дальнейшем ведении дела, распределить всякие отправления между всеми членами и определить обязанности всякого члена к группе и группы к каждому члену. Если же мы оставим дело в теперешнем его хаотическом положении, то я уверен, что оно не пойдет.

На пост администратора более всех кажется мне подходящей Иванова[13]). Она, кажется, очень энергичная, живая и довольно умная девушка. Она сказала мне, что если ее помощь нужна, то она готова переехать даже в Женеву. В Цюрих она бы очень охотно переехала и не одна, а с целым кружком знакомых. К сожалению, мы все очень мало знаем ее, но делать нечего. Если бы мы на этом порешили, я бы ее вызвал сюда, ознакомил бы ее ближе с делом, дал бы ей разные советы и инструкции, словом, я мог бы с гораздо большей пользой употребить время, которое придется мне прожить здесь в Женеве, еслибы мы определили будущего нашего администратора. Напишите Жоржу письмо с требованием выяснить и определить дальнейшее ведение дела. Об'ясните ему, что он не должен взять на себя слишком много обязанностей, что довольно много времени отнимают у него литературные нужды группы и заботы о расширении литературных сил группы.

Я предлагаю следующий план:

Вы и Жорж заведуете литературой группы, пишете сами и заставляете других писать или популяризовать под своим руководством всевозможные политико-экономические статейки для рабочих с целью печатать их здесь или для печатания или литографирования в России. Надя [Н. И. Аксельрод], Роза [Р. М. Плеханова] и Иванова, если последняя будет принята в группу, заведуют сообща административными делами группы. Иванова, как более свободный человек, заведует типографией и всем ее касающимся, ведет приходо-расходные книги. Затем, все они следят за приезжающими из России и уезжающими туда, чтобы елико возможно извлекать от них пользу в смысле привлечения новых членов или денежной поддержки или, наконец, отправлять чрез них в Россию письма или издания. Они должны вести сношения с Россией, исполнять всякие поручения оттуда и, наконец, заведуют доставкой книг до русской границы.

Вам и Жоржу назначается группой пока по 150 фр. в месяц жалованья. Я знаю, что подобное назначение в данное время может показаться смешным, но так как мы надеемся, что дела группы поправятся, иначе мы бы ничего не предприняли, то это постановление будет иметь своим последствием одно только хорошее, а именно — более справедливое и толковое распределение средств группы. Если у группы не будет возможности в первое время платить редакторам аккуратно, то каждый месяц будет за ней считаться долг в 300 фр., долг настолько же обязательный, как плата за кв[артиру] типографии и жалованье наборщику.

Я только-что получил Ваше последнее письмо. Письма Дрезденского[14]) еще не отобраны; пусть он их вытребует или напишет, чтобы выдали Рольнику.

Скоро пойду к Жоржу и передам ему на счет едущего на юг в Россию парня[15]). Надо было бы знать, что он за парень, можно ли дать ему адрес, и когда он едет и куда именно, если можете, узнайте все это. Из Цюриха, вероятно, многие уедут на каникулы в Россию; следовало бы узнать, кто именно, и нельзя ли будет воспользоваться. Рабиновичи[16]) едут, кажется, в Ковно, если они согласны будут, я бы через них послал несколько книг в Вильно для тамошних и для москвичей, также подробные письма. Узнайте и напишите мне об этом. Что слышно с барынями[17])? Когда я был в Берне, то они получили при мне письмо от поверенного, в котором тот сообщал, что можно продать имение, что нашелся покупатель, у которого он выпросил [запросил?] 40 000 руб., но тот столько не хочет давать, одним словом, известия довольно благоприятные, они также поговорили тогда с Reichel'ем[18]) на счет заклада имения в Бернском Кантональном Банке; тот сказал, что можно будет; он сам считается в банке каким-то членом. Нельзя ли будет им на самом деле одолжить в Бернском банке под залог имения 1000 или 2000 фр. для группы. Обыкновенно в банках одалживают на год; если к сроку денег нет, то можно уплатить только проценты. Если в течение этого времени им удалось бы продать имение, тогда они сами могли бы уплатить этот долг; в противном случае или в случае несчастия с их имением, то группа наша обязуется уплатить этот долг. Этим путем они бы гарантировали также хоть

незначительную сумму от конфискации и опекунства правительства. Будучи в Берне, мы с ними условились, что они достанут несколько денег для моей поездки в Россию, и я должен немедленно ехать в Россию по их делу, но до сих пор они мне ничего об этом не написали, т. е. получили ли деньги, не раздумали ли на счет моей поездки и т. д. Спишитесь с ними о вышеупомянутом займе; я бы сам с ними списался об этом, чтобы избавить Вас от лишнего труда, по думаю, что Вам будет удобнее. Сумма в 2000 фр. может нас теперь положительно спасти. Напомните Сабсовичу[19]) об обещании его супруги собрать в Одессе несколько денег; пусть он ей об этом напишет.

Жорж просит Вас взять у Бернштейна брошюру Ткачева „Offener Brief an Herrn Fr. Engels»[20]). Эта брошюра ему необходима для теперешней его статьи[21]); получите ее, пожалуйста, поскорее и пришлите ее сюда, а то он не может продолжать свою статью.

Готовлю для Александры Ивановны[22]) громовое письмо.

Получили ли обратно из Freiburg'а от Utza[23]) посланные туда 100 фр. и паспорт? Что с карточками?

Засядьте, Павел, наконец, за писание своей брошюры[24]).

По моему, теперь, уже совершенно бесполезны всякие конспирирования по делу брата; если он даже в Пруссии, то мы ничего для него сделать не можем[25]). Могут только, и то с большим сомнением, немцы сделать для него кое-что. Пора уже нам, право, подумать о себе. Без Вашей брошюры я в Россию не поеду, хоть бы там баррикады строились. Городищу[26]) можете писать на наш адрес, т. е. адрес Chaussard, но пообождите маленечко своим писанием ему. Мы тоже затеваем здесь нечто подобное, так что я боюсь, чтобы мы ему не надоели больно. Я Вам сообщу, когда писать ему. Узнайте, может быть, на адрес Frau Wolf или Lübeck, получены ли какие-нибудь письма из России, на адрес Lübeck'а пишут с передачей Ferdinand'у.

Сердечный поклон Наде [Н. И. Аксельрод]. Желаю Вам всякого благополучия.

Ваш Саул.

PS. Жорж ничего не имеет против принятия Ивановой в Группу. Вчера я с ним говорил о практических делах группы; он согласился, что надо назначить администрацию, против Ивановой он имеет только то, что она женщина, и он думает, что ей неловко будет возиться с типографией. Может быть, он прав, но что ж поделаешь, когда мужчин нет.

Напишите ему письмо и, со своей стороны, об'ясните ему необходимость выяснить и определить положение группы.

Еще раз желаю Вам всего хорошего. Напишите, какие теперь у Вас настоятельнейше-подлежащие платежу долги.

Ваш Саул.

1. Деньги, собранные П. Аксельродом в Цюрихе для группы «Освобождение Труда».
2. Розалия Марковна (урожд. Боград) — жена Г. Плеханова.
3. «Наши разногласия». В следующих письмах отмечается как, лист за листом, печаталась в типографии группы эта брошюра, вышедшая в начале 1885 г.

4. Речь идет о берлинской газете «Der Sozial-Demokrat», выходившей с 1865 по 1870 г., в начале как орган Всеобщего Германского Рабочего Союза (под редакцией Гофштеттена и Швейцера), а затем как орган Германской Социал-Демократической Партии. В середине 80-ых годов это издание было уже библиографической редкостью, и этим об'ясняется заботливость П. Аксельрода о судьбе №№ его, одолженных, повидимому, у Э. Бернштейна. В №№ 16, 17 и 18-ом этой газеты за 1865 г. (1, 3 и 5 февраля 1865 г.) было помещено (в виде литературного фельетона) письмо в редакцию К. Маркса, посвященное характеристике взглядов Прудона. Перевод этого письма был приложен к выпущенной (в январе 1886 г.) группой «Освобождение Труда» брошюре К. Маркса «Нищета философии». Перевод брошюры был выполнен В. И. Засулич.

5. Дело Л. Дейча. В Засулич предполагала ехать в Россию для освобождения его из тюрьмы, но позже должна была отказаться от этого плана.

6. Письмо в редакцию Карла Маркса.

7. «Нищета философии» Карла Маркса.

8. Г. Плеханов и В. Засулич.

9. Рольник в это время работал наборщиком в типографии группы «Освобождение Труда».

10. Это был личный план Гринфеста, к которому П. Аксельрод, по его сообщению, относился, как к фантазии.

11. Тоже личный план С. Гринфеста.

12. Редакторами «Библиотеки Современного Социализма», издаваемой группой «Освобождение Труда», считались Г. Плеханов и П. Аксельрод.

13. Иванова — бернская студентка, вскоре уехавшая в Россию и в дальнейшем не игравшая сколько-нибудь заметной роли в движении.

14. Дрезденский — Слободской, студент Дрезденского политехникума, сочувствовавший группе и оказывавший ей услуги. В 1889 г. был арестован в Елисаветграде и сослан на 5 л. в Сибирь.

15. Личность установить не удалось.

16. Рабиновичи — две сестры, цюрихские студентки, сочувствовавшие группе.

17. Е. О. Конева — женщина-врач, сочувствовавшая революции и позже примкнувшая к с.-д. движению, и ее подруга В. Стаховская.

18. Рейхель — швейцарский юрист.

19. Сабсович — цюрихский студент, сочувствовавший группе.

20. П. Н. Ткачев (1844—1885 г.) — революционер, писатель, привлекался по «нечаевскому делу»; в 1872 г. эмигрировал; с 1875 г. по 1881 г. выпускал в Женеве журнал «Набат», теоретически обосновывавший и развивавший революционную тактику, связанную с именем С. Нечаева, и отстаивавший идею совершения революции путем заговора, подготовляющего захват власти. Сторонники П. Ткачева в эмиграции называли себя «якобинцами» и держались резко обособленно от других революционных течений, последователей которых обвиняли в трусости, отсутствии решительности, склонности к примирению с господствующими классами. Характерно также было для Ткачева и его последователей презрительно враждебное отношение к западно-европейскому рабочему движению, особенно, к социал-демократии.

Брошюра «Offener Brief an Herrn Fr. Engels» («Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу») была выпущена Ткачевым в 1874 г. В ней доказывалось, что Россия ближе к социальному перевороту, чем какая бы то ни было страна Запада. Г. Плеханов в введении к своей книге «Наши разногласия» посвятил отдельный § взглядам Ткачева, при чем характеризовал их, главным образом, цитатами из его «Открытого письма». В ткачевской теории захвата власти он видел предвосхищение взглядов Л. Тихомирова, как теоретика Исполнительного Комитета «Народной Воли» (см. «Наши разногласия», Введение, § 6).

21. Для брошюры «Наши разногласия».

22. Александра Ивановна (фамилию ее нам не удалось установить) еще с 1883 г. оказывала денежную поддержку группе «Освобождение Труда».

23. Фрейбургский рабочий, оказывавший содействие группе во время ее хлопот в связи с арестом Л. Дейча.

24. Эта брошюра вышла в серии «Рабочей Библиотеки» в начале 1885 г. под заглавием «Рабочее движение и социальная демократия».

25. Л. Дейч был передан баденским правительством в руки общеимперского германского правительства для выдачи русскому правительству. Немецкие социал-демократы оказались не в состоянии помочь ему.

26. Городищ — студент Кенигсбергского университета, помогавший группе деньгами и оказывавший ей услуги при отправке литературы и писем в Россию.

2. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, 24 июня 1884 г.

Дорогой Павел!

На днях получили из России от уехавшего на юг знакомого Жоржа [Г. Плеханова] письмо следующего содержания[1]): «Питер производит удручающее впечатление: каждый день приносит новые аресты; люди, считавшиеся ветеранами революции, почти из'яты из обращения. В самые ряды внесено недоверие, непонимание друг друга, словом, столпотворение. Благодаря условиям подбора членов бывшего Исп[олнительного] Ком[итета] в состав его входили, как члены или как агенты, лица, преданные каким-угодно интересам, кроме интересов И. К. Эти негодяи так ловко вели свои дела, что успели нанести слишком большой вред, прежде чем получили за то должное. — Появление Дегаева, этого яркого метеора шпионской атмосферы, характеризует это положение дел. Он не был известен, как шпион, до тех пор, пока успел предать все, потеря чего составляла чувствительный урон для дела революции. — Странно, что парижским братьям русских революционеров была давно известна настоящая миссия Дегаева, но они почему-то не считали удобным сообщить об этом во время . . . .»

Тут следует шифр неразобранный. Вероятно, говорится о присылке книг.

Продолжение письма.

«Настоятельная нужда в нем понятна сама собою. — Надобно, к величайшему утешению, заметить, что подобное опустошение произведено только в центре боевой организации, тогда как огромные залежи местных и рабочих групп почти не тронуты. Собственно, здесь идет теперь дело созидания разрушенной организации с существенным изменением прежней программы в более разумную сторону. Подробности об работе я считаю более удобным отложить до следующего письма. Сообщу только, что дело осложняется появлением каких-то 10 лиц из Парижа, именующих себя Исп. Ком. Лица эти никому неизвестны и сводят формулировку своих практических задач к слову «жарь». На какой предмет и в виду чего рекомендуется «жарить», поясняют различно, изменяя с обстоятельствами одну точку зрения на противоположную ей. Подобная универсальность принята ими самими, как способ лавирования между разными взглядами разных лиц. В виду кризиса существующего направления и обилия новых взглядов на пути революции, такой способ может быть и необходим, но только никак не в истинных интересах революции. Этот новый децимвират сообщает, к увеличению путаницы, что он «назначен» Тихомировым. Я не допускаю мысли, чтобы умный опытный человек мог взять на себя роль самодержца русской революции. Поэтому, товарищи, расследуйте до тонкостей это дело и сообщите поскорее. А еще лучше, если

приедете сами. Я полагаю, что Ваше присутствие в России теперь было бы весьма кстати и даже необходимо в виду желательной разработки и окончательного утверждения в головах путей революции, принятых группой Осв[обождения] Тр[уда]. Если задумаете приехать, то, предварительно, устройте как можно надежнее дело издания, передайте его в надежные руки, ибо кто знает, может быть, Вас и слопают. Дело издания нашей библиотеки встретило здесь чрезвычайное сочувствие: обещают доставить способы провоза, литературное сотруднич[ество], предлагали уже материальные средства 400 руб., если я ручаюсь за надежность завязывающихся отношений. Я просил несколько обождать . . . . ». Идет неразобранный шифр.

«Если нам не повезет на первый раз, мы испробуем все возможные способы. В этом месяце я надеюсь прислать Вам денег, сумма которых определится обстоятельствами. С величайшим нетерпением жду транспорта. Поэтому, если Вы недостаточно торопитесь, то поторопитесь, потребность в литературе сильная, и я не вижу нужды искушать ее медленностью удовлетворения.»

Конец.

Это письмо и последовавшее за ним второе, шифрованное, но не разобранное письмо, пролежали в Женеве, одно месяц, другое 1½ у адресата, Жука[2]); последний, встретивши случайно Герасимова[3]), сказал ему, что имеет письма для Плех[анова]. Не будь этой случайной встречи, то письма пролежали бы у Жука еще целый год. При этакой аккуратности мало делов наделаешь. Я сегодня получил письмо из Вильны; там все наши здоровы, видно, у Евгения [Л. Дейча] не забрали их адресов. Они пишут, что выслали подробное письмо, но я его еще не получил; должно быть, письмо это послано чрез Дрезден или Цюрих на адрес M-me Wolf. В сегодняшнем письме они очень мало пишут, отвечают только о получении высланной мной им книги, начиненной «Митрофанушкой» для пересылки автору[4]). Ссылаются они на предыдущее письмо и обещают скоро еще писать.

Следовало бы мне поскорее уехать в Россию; есть слухи о расколе внутри Народной Воли и о разрыве ее с парижскими; в такое время очень полезно было бы быть мне там, но не предвидится абсолютно выхода из теперешнего положения. Теперь у нас ни одного сантима денег нет, бумаги выписали в долг, так как оказалось, что следовало фабриканту от Евгения 83 фр. 55 с. и присланных Вами денег не хватило на уплату долга; к счастью у меня еще было тогда несколько франков от Ал[ександры] Ив[ановны]; я еще не получил ответа; она, вероятно, согласится одолжить несколько сот фр., но вопрос, где их одолжить, у нее ведь денег, по обыкновению, нет, у немцев[5]) навряд ли удастся одолжить, так как недавно сделали у них заем Городища. Нельзя ли будет устроить заем для нее в цюрихском кантональном банке за поручительством какого-нибудь швейцарца? Я думаю, что она обратится к Вам с устройством этого займа. Я ей недавно только об этом написал, так как до последнего времени не имел предлога для письма, а писать исключительно о деньгах не хотел. Но если она даже достанет пару сотен франков, то что мы с ними сделаем, теперь надо нам иметь

минимум 1000 фр., чтобы мне можно было уехать, а Вам в первое время существовать и типографию содержать. Я думаю, что Вам бы все-таки следовало написать Стаховской о займе, о котором я уже писал Вам раз; если она только достанет поручителя, то ей возможно будет сделать этот заем; при чем она ничего не потеряет, так как в течение года мы, по всей вероятности, будем сами в состоянии выплатить этот долг.

Вера [Засулич] едет со мною вместе в Россию[6]), но не для дела Евгения, как прежде думала, а для Группы. Я очень рад этому; ее присутствие в России будет очень полезно для внешней политики нашей группы. Мы думаем скоро по приезде в Россию приступить к изданию «Рабочей Газеты», редактором, которой она и будет. Поедет также с нами «Липа» (Кутузова[7]). Вы, должно быть, знаете ее, обе они предполагаются быть хозяйками типографии. Я уже писал в Россию насчет паспорта для Веры, и мне ответили, что сделают. Если не будет средств, чтобы нам вместе уехать, то я уеду раньше.

Вы, может быть, получили известие от Либкнехта[8]) или Бебеля[9]) насчет доставки наших изданий в Германию? Следовало бы уже начать пересылать понемногу. Посылать можно, вчера я получил письмо от пограничного еврея. Плохо, что даже на посылку денег не будет.

Пришлите, пожалуйста, поскорее корректуру 2-й главы брошюры Жоржа[10]), надо уже отдать ее в печать. Что с Вашей брошюрой[11])? Ждем ее с нетерпением.

Я только что получил Ваше письмо, в котором сообщаете о высылке 1-й главы брошюры Жоржа. Я вполне разделяю Ваше мнение о ней, она очень остроумно и тактично написана; вторая глава еще лучше выйдет, судя по тому, что уже написано и набрано. Брошюрка выйдет на славу, остроумная, тактичная и серьезная, последним качеством обладает вторая глава. Вы удивляетесь, почему я Вам не пишу о том, что у нас делается; я бы писал, если бы было о чем; здесь ровно ничего не делается; Жорж пишет, Рольник набирает, очень часто случается быть последнему без работы, так как Жорж не успевает; я списался в это время с российскими. С пограничным евреем больше ничего не делается. Я вот все уговариваю Веру написать брошюру для рабочих; она, было, уже согласилась, но раздумала, я все-таки еще не отчаива[юсь] в этом, хотя говорят, что она туга на этот счет, что чуть ли не целый месяц пришлось Евгению просить ее написать предисловие к «Развитию»[12]) Энгельса.

Денег, как я уже писал Вам, нет у нас ни одного сантима в полном смысле этого слова, долгов чисто типографских — франков около 300, положение куда хуже губернаторского. В других отношениях тоже не лучше, нужен человек, который специально занялся бы административными делами, расходо-приходными книгами, экспедицией книг, заведывать типографией, перепиской и т. п.: все в этом уже согласны, хотя Роза [Р. М. Плеханова] одно время думала, что она сможет [с] этим справиться, а такого человека нет. Иванова, может быть, и годилась бы для этого, но она теперь уезжает, на время, положим, в Россию;

главным образом, она человек легальный и может, занявшись всем этим, скомпрометировать себя. Без такого человека дела абсолютно не будут клеиться. —

Узнайте, едет ли кто из Цюриха в Россию, куда, когда, согласны ли будут взять с собою кое что известным путем, и можно ли им дать. Было бы тоже хорошо, еслибы могли достать в 2-х или одном, по крайней мере, экземпляре, №№ «Социал-Демократа»[13]) с начала 84 года и прислать их мне. Одновременно с этим посылаю Вам корректуру нашей программы, пересмотрите ее и отмечайте, где находите нужным изменить, пополнить и т. д., и пришлите ее обратно; мы думаем отпечатать ее, думаем так же, как Вы, печатать в виде проекта[14]). Я думаю, что некоторые места следует яснее формулировать, яснее высказать взгляд группы на крестьянство, на аграрные нужды его. В программе, например, сказано в числе ближайших требований: «пересмотр аграрных отношений» — фраза слишком общая[15]). Сделать в программе ссылки на соответствующие места первой и второй брошюры Жоржа[16]), где известные положения развиваются подробнее; пункт о сочувствии «Народной Воле» в ее террористической борьбе с правительством следует, по моему, тоже изменить. Во-первых, слово «сочувствие» не удовлетворяет русск[ую] публик[у], во-вторых, «Нар[одная] Воля» не представляет более собою партии, она не живет, а доживает, гораздо лучше будет, если группа выскажет свой взгляд на политический террор без всякой зависимости от «Народной Воли»[17]). Программе нашей следует придать не кружковое значение, а рекомендовать ее всем русским социалистам-революционерам, в том числе и наро[до]вольческим кружкам, так как все они не имеют теперь никакой программы и сознают это. —

Говорить теперь с Городищем о деньгах нет никакой возможности; он, бедненький, сам без сант[има] денег, он все время ждет из России денег и не получает. Уж нам его так жалко стало, что Жорж одолжил ему из присланных Вами денег 10 франков, а потом я еще 10 фр. одолжил ему.

Перейдем теперь к вражескому лагерю. Злые люди распускают о заседающем ныне в Париже Исп[олнительном] Ком[итете] следующие превратные толкования: Лавров, говорят, взбунтовался, никак не хочет печатать продолжение статьи Тарасова[18]), еще больше, не дает ему книг из своей библиотеки, чем и лишает его возможности продолжать писать свою статью, стало быть, прямо против основ идет. Не знаю, удастся ли Исп[олнительному] Ком[итету] усмирить бунт и как скоро, но пока типография у них частенько шабашует. Бунт сей хранится пока в тайне. Финансовое положение парижского двора, говорят, скверное, что и подтверждается вполне нашим термометром, т. е. Гецовым[19]); но не думайте, что сей последний выдает тайны Исп. Ком.; во-первых, его содержат [в] черном теле, и он никаких тайн не знает, во-вторых, он правоверный народоволец, но вот, как это случилось. Надо Вам сказать, что термометр, соглашаясь вполне в теории с статьей Тарасова, на практике придерживается материалистического взгляда на историю, и вот в последнее время, благодаря ч и с т о экономическим факторам, — политические тут совершенно отсутствуют, — и так, благодаря чисто экономическим факторам температура его защиты Исп. Ком. и Нар[одной]

Воли понизилась на неполученное двухмесячное жалованье; еще два таких градуса, и он дойдет до точки замерзания. —

Говорят также (все злые языки, и верить этому воспрещается под страхом наказания), что после 3-й книжки «Вестник»[20]) прикажет долго жить, и на его место Исп. Ком. будет командирована «Библиотека», само собою понятно, «Народной Воли».

Вот все, чем мог поделиться с Вами о вражеском лагере. Продолжение будет в следующем письме.

Пока прощевайте, дорогой Павел. Мой сердечный поклон Надо [Н. И. Аксельрод].

Пришлите мне адрес Сабсовича.

Ваш Саул.

PS. 2 №№ «Социал-Демократа» и перевод получил; получил [ли] Жорж 3 №, не знаю, но полагаю, что да. Телеграмма еврея[21]) меня несколько беспокоит, она, видно, выслана после письма, о получении которого я Вам сообщаю в письме.

1. Личность «знакомого» Г. Плеханова нам не удалось установить. П. Аксельрод предполагает, что это был кто-нибудь из революционно-настроенной учащейся молодежи. Повидимому, при от'езде из Швейцарии в Россию этот «знакомый» получил от Г. Плеханова связи к уцелевшим в России чернопередельцам.

Картина состояния революционного движения, которую рисует приводимое С. Гринфестом письмо, нуждается в некоторых об'яснениях.

В начале января 1883 г. начальник политической полиции Судейкин организовал фиктивный побег поступившему к нему на службу члену военной организации «Народной Воли» С. П. Дегаеву. В ближайшие после этого месяцы, при содействии Дегаева, были арестованы наиболее видные представители «Народной Воли» — В. Н. Фигнер, Спандони, центр военной организации и т. д. В результате этих арестов Дегаев стал фактически в центре всех уцелевших народовольческих групп. В мае 1883 г. он поехал заграницу и там, при свидании с членами Исп. Ком., Тихомировым и Оловенниковою, покаялся в содеянном. Тихомиров и Оловенникова скрыли предательство Дегаева от всех остальных членов организации (даже от Герм. Лопатина, которого осенью 1883 г. они послали в Россию для восстановления организации) и разрешили Дегаеву вернуться в Россию при условии прекращения выдач и организации убийства Судейкина. Дегаев очень тянул с последним делом, — Судейкин, сношения с которым Дегаев поддерживал все время, был убит только 16 XII 1883 г. За этот период оформленной центральной организации в России не существовало; после убийства Судейкина стал функционировать Исп. Ком., назначенный на совещании в Париже в составе Г. А. Лопатина, Н. М. Саловой, В. Н. Сухомлина, В. А. Караулова и К-ва [Кашинцева?]. Несколько позднее в Комитет были введены А. Н. Бах и С. А. Иванов. Этому составу пришлось в течении 1884 г. выдерживать ожесточенную борьбу с народовольческой оппозицией («молодыми народовольцами»), которая группировалась преимущественно вокруг «центрального кружка союза молодежи» и петербургской «рабочей группы» (Якубович, Манухин, Флеров и др.), при чем наибольшим упорством отличалась именно рабочая группа, оставшаяся в оппозиции даже после об'единения (летом 1884 г.) «молодых» (с Якубовичем во главе) с «лопатинским» Исп. Ком. В основе этой борьбы, как видно из документов, приведенных в «Обзорах важнейших дознаний» (т. т. VIII и IX) лежало недовольство народовольческой молодежи тем, что партия пренебрегала деятельностью в народе, главным образом, среди рабочих. Даже в постановке вопроса о терроре, решительными сторонниками которого «молодые» были до конца, сказывалось это желание приблизить партию к настроениям масс, сделать ее действия доступными пониманию последних; именно под этим углом зрения «молодые» отстаивали целесообразность аграрного и фабричного террора (см. напр., записку отобранную у Н. М. Флерова

и цитированную в т. VIII «Обзоров», стр. 19). Исп. Ком. решительно боролся против этих тактических уклонов молодых, выдвигая на первый план центральный, политический террор; повидимому, именно эту тенденцию автор приводимого в тексте письма из России характеризует термином: «жарь!».

Особую остроту в отношения «молодых» с Исп. Ком. вносило негодование «молодых» на поведение Тихомирова и Оловенниковой, в течение 7 месяцев скрывавших от партии предательство Дегаева и потому ответственных «за гибель целых сотен людей, за потерю обаяния партии в обществе, за деморализацию в революционной среде и т. д.» (из записки Якубовича, которую последний готовил в качестве запроса на предполагавшийся в 1884 г. с'езд народовольцев, — «Обзор», т. VIII, стр. 15).

2. Н. В. Жуковский.

3. Герасимов — псевдоним Рольника.

4. Насколько помнит П. Аксельрод, речь идет здесь о книге с написанным между строк, химическими чернилами, письмом.

5. Повидимому, немецкая с.-д. организация иногда приходила группе на помощь и ссужала ей небольшие деньги.

6. Поездка в Россию В. Засулич для издания «Рабочей Газеты» — один из планов, не получивших осуществления.

7. Олимпиада Кутузова — участница революционого движения 70-х годов, вышедшая замуж за итальянского анархиста Каффиеро.

8. Вильгельм Либкнехт (1826-1900 гг.) — один из вождей германского с.-д. движения, друг и ученик К. Маркса, один из основателей немецкой с.-д. партии, член рейхстага, редактор центрального органа партии «Vorwärts» («Вперед»). Как и Бебель, оказывал содействие группе «Освобождение Труда» в ее работе.

9. Август Бебель (1840—1913) — рабочий-токарь, вождь немецкого рабочего движения, один из основателей германской с.-д. партии.

10. «Наши разногласия». Первая глава этой книги («Некоторые исторические справки») носит более полемический характер, чем вторая глава («Капитализм в России»), изобилующая статистическими данными и фактическим матерьялом.

11. «Рабочее движение и социальная демократия».

12. «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса. Русский перевод этой брошюры был издан группой «Освобождение Труда» еще в начале 1884 г. в переводе и с предисловием В. Засулич.

13. Орган германской с.-д. партии, цюрихское издание.

14. «Программа социал-демократической группы «Освобождение Труда», отпечатанная в типографии «Группы» брошюркой в 6 страничек.

Программе было предпослано примечание:

«Предлагаемая нами на суд товарищей программа отнюдь не рассматривается нами, как нечто, совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы внести в нее всякие поправки, если только они не противоречат основным понятиям научного социализма и соответствуют практическим выводам, вытекающим из этих понятий по отношению к деятельности социалистов в России».

15. В напечатанном тексте программы эта фраза была заменена более полной формулировкой: «радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п.».

16. «Первая и вторая брошюры Жоржа» — «Социализм и политическая борьба», вышедшая в октябре 1883 г., и «Наши разногласия», в то время находившаяся еще в наборе. В напечатанном тексте программы ссылок на эти брошюры нет.

17. В напечатанном тексте программы этот пункт получил такое выражение:

«Преследуя эту цель [пропаганду современного социализма в России и подготовку рабочего класса к сознательному социально-политическому движению] всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение Труда» в то же время

признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса».

18. К. Тарасов — Н. С. Русанов (род. в 1859 г.) — публицист, социалист-революционер, позже видный сотрудник «Русского Богатства», где он писал под псевдонимами Кудрина и Подарского. В № 2 «Вестника Народной Воли», вышедшем в конце апреля 1884 г., была помещена его статья «Политический и экономический фактор в жизни народов», посвященная критике марксизма. В подстрочном примечании П. Лавров отметил свое несогласие с этой статьей. Продолжение статьи было обещано в следующем № «В. Н. В.», но там не появилось, и вообще статья осталась незаконченной: печатание ее было оборвано по требованию П. Лаврова, который заявил, что в случае невыполнения этого его требования он выйдет из редакции «Вестника». Слухи о том, что П. Лавров не давал К. Тарасову книг и т. п. были лишены, как нам сообщил Н. Русанов, всяких оснований.

19. Гецов — товарищ С. Гринфеста по минской чернопередельческой типографии (см. вступительные замечания к настоящему отделу). В 1884—85 г. г. Гецов работал наборщиком в женевской народовольческой типографии.

20. «Вестник Народной Воли» прекратился на 5-й книжке, вышедшей в декабре 1886 г.

21. Контрабандист, через которого переправлялись в Россию издания группы.

3. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, 22 августа 1884 г.

Дорогой Павел!

Сегодня утром я отослал Вам письмо и корректуру двух глав первого выпуска Вашей брошюры[1]).

Только что получил пересланное Вами мне письмо от еврея. Последний сообщает, что он все устроил, и присылает адрес для присылки товара[2]). Я думаю начать уже посылать понемногу; поэтому, напишите мне немедленно о Вашем способе доставки товара до известного пункта в Германии. Вы давно уже писали мне об этом, т. е. о том, что Вам доставка обещана, обещали скоро написать подробности, но до сих пор незачем было переписываться об этом, теперь же это нужно. Но, пожалуйста, напишите мне об этом поскорее, мне надо ответить еврею. Когда напишете мне об этом, то прибавьте к адресу на конверте Вашего письма передачу мне, так как все те письма, которые адресуются Герасимову [Рольнику], вскрываются им, если он их получает; в большинстве случаев, письма Ваши бывают такие, что он может их читать, но что касается доставки книг, места границы и т. п., то я считаю лишним, чтобы он обо всем этом знал. Сегодняшнее письмо еврея получилось тоже в мое отсутствие, и он его, по обыкновению, вскрыл, и, вероятно, прочел, так как парень он несколько любопытный и желает всегда узнать то, что от него скрывают.

Книги Ваши Жорж получил. №№ С[оциал]-Д[емократа] отослать еще нельзя, так как Жорж не проверил еще перевода[3]). Хотя он теперь очень занят (он ведет себя очень благородно в работе, т. е. не заставляет себя ждать), но я попытаюсь

все-таки попросить его пересмотреть перевод, если же не добьюсь этого, и немцы очень настаивают, то, я думаю, можно отослать пока №№, но, конечно, в том только случае, если возможно будет получить их, когда они понадобятся.

Своему ростовскому знакомому Жорж писал обо всем. Результатом переговоров Веры с Лизой[4]) получилось пока 100 фр. и 60 руб.; может быть, удастся еще что-нибудь получить.

От Ивановой получил я открытое письмо уже из России; письмо писано дорогой из Вильны в Москву.

Сердечный поклон Наде. M-elle Рамм[5]) скажите, когда увидите, что я получил ее письмо.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Саул.

PS. По забывчивости забыл отправить Вам сегодня это письмо.

1. «Рабочее движение и социальная демократия».

2. Издания группы, предназначаемые для отправки в Россию. Издательская деятельность группы развивалась крайне медленно. С ареста Л. Дейча до момента, к которому относится настоящее письмо, ею была выпущена лишь крошечная брошюрка («Программа») и было начато печатание двух брошюр («Наши разногласия» Г. Плеханова и «Рабочее движение и социал-демократия» П. Аксельрода). Переписка с «евреем», о которой идет речь здесь и в предыдущем письме С. Гринфеста, связана с первой (после провала Л. Дейча) попыткой группы организовать транспорт изданий в Россию. До Германии книги предполагалось отправлять при помощи немецких социал-демократов, и об этом П. Аксельрод должен был сговориться с лицами, заведывавшими экспедицией цюрихского «Социал-Демократа».

3. См. примечание 4-ое к 1-ому письму С. Гринфеста.

4. Лиза Хотинская, сестра землевольца Хотинского, умершего в 1882 г. в Кларане.

5. M-elle Рамм — цюрихская студентка.

4. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, 9 октября 1884 г.

Дорогой Павел!

Может быть, Вы уже знаете об этом, на всякий случай пишу Вам, как мне это [ни] неприятно: нашего бедного Евгения [Л. Дейча] должны были сегодня судить в Одессе военным судом; это мы прочли в «Одесском Листке», от защитника он отказался и очень глупо сделал. Положение Веры [В. Засулич] можете себе представить, она вчера уехала в Кларан к Лизе [Хотинской], так как и та уже узнала об этом. Бедный Евгений, какие неприятности он теперь переживает!

Брошюру Энгельса получили; когда Вера несколько успокоится, она приступит к переводу. Она уже написала Энгельсу и попросила о его позволении переводить ее[1]). Корректуру брош[юры] Жоржа я не послал Вам, потому что сделаны им большие поправки, в виду чего я решил послать Вам ее в исправлен-

ном виде; завтра я вышлю вам последнюю корректуру, которую сможете оставить у себя. Я прибавлю также все, что было после этого набрано из его брошюры. Вчера приехал сюда из России один мой знакомый; хотя он считал себя в России народовольцем, но я все-таки имею его в виду в наборщики. Он парень очень честный, хотя не особенно далекий, как подобает народовольцу. Самое лучшее качество его это то, что совсем без средств и, если дадим ему возможность хоть кое-как просуществовать, то будет служить верой и правдою; парень же он, как я сказал, очень честный. В Лондоне будет издаваться коммерческая газета на русском языке[2]), издатель-англичанин; туда и едет Рольник. О мотивах, побудивших Рольника предпочесть ту типографию нашей (за исключением, конечно, материальных), я напишу Вам в другой раз, так как для этого мне необходимо охарактеризовать некоторых членов нашей группы, что потребовало бы много времени, мне же предстоит еще сегодня держать типографскую корректуру двух листов, завтра встать рано на работу, а теперь уже 10 часов ночи.

Ящик с кефиром[3]) я сегодня вечером получил и тотчас же отослал обратно. Я послал «Porto». Ради бога, Павел, не стесняйте себя деньгами. Я просил Вас, хотя был уверен, что не удастся Вам, одолжить, где-нибудь на две недели 100 фр., через две недели Дрезденский [Слободской] обещал прислать несколько денег, и я был бы в состоянии тогда возвратить их Вам, но чтобы Вы из своих денег прислали, в то время, когда Вы кругом в долгах, я считаю даже грешным думать[4]). — Умоляю Вас, Павел, не думайте пока о присылке из Ваших денег. Я себе представляю, как Вы теперь, благодаря Вашим хлопотам, выглядываете, вероятно, и на себя — непохожего не похожи. Кроме всего прочего, то в интересах группы я умоляю Вас думать побольше о себе. Я как-нибудь обойдусь, надеюсь, что Александра Ив[ановна] пришлет. Письмо я давно уже написал, но до сих пор все еще не отослал. Думая, что мне лично она гораздо скорее сделает эту услугу, чем группе, я и пишу в письме, что деньги эти нужны мне просто до зарезу, что она мне этим сделает неоценимую услугу, и до сих пор как то не мог решиться отправить это письмо, как то неловко все-таки для себя просить; теперь, плюнувши три раза, я решил отправить это письмо, увеличивши несколько сумму.

Валентина[5]) давно уже уехала в Лондон по известному Вам делу. Письма ее содержали в себе нехорошие сведения: оказалось, что нужно ей свидетельство о смерти мужа, подобного же свидетельства она не надеется достать никогда. Последние дни я не видел Коневой и не знаю, что Валентина пишет. Конева с Олей[6]) живут здесь в Женеве; Конева собирается уехать в Берн; Олю она оставляет здесь на пансионе у одной француженки.

Теперь перейду к полувеселым вещам: У нас давно уже ведется здесь конспирация, не писал я Вам о ней, потому что не верил в осуществление ее. Я и теперь еще весьма скептически отношусь к ней, но все таки решил написать Вам.

Здесь давно уже проживает один господин, который бежал из России за недобросовестное отношение к своим обязанностям по службе, а быть может,

там у него было и маленькое злоупотребление. У этого г-на было в России имение, которое хотели конфисковать, но ему удалось через своих знакомых продать его и теперь, по словам его знакомых, у него есть капитал в 22 тыс. рублей. Далевич[7]), Вы, конечно, помните его, давно уже возится с ним и, раньше, чем тот получил еще деньги он обещал Далевичу 10 000 фр. в пользу революции, впрочем, специально на цареубийство. Когда же он получил деньги, то, само собою разумеется, сделался скупее, но Жорж [Плеханов] тогда познакомился с ним и попросил одолжить нам на два года 2000 фр.; тот обещал. Деньги его лежат в билетах восточного займа, которых здесь в Женеве не меняют. С тех пор, как этот г-н получил свои деньги, то он каждый день проживает фр. 50 или больше; большой, конечно, шалопай, но возможно, что он эту сумму одолжит. Он уже старик, лет за 50. Если мы деньги эти получим, а это может случиться каждый день, то мы думаем выписать Вас сюда, поговорить о всякой всячине, а потом я махну в Россию. Дай бог, чтобы это поскорее осуществилось, я бы охотно уехал из Женевы, надоела же она мне! Представьте себе, 4 месяц быть в положении гостя! Разве может быть что-нибудь хуже этого положения?

Обращаю, Павел, Ваше внимание на то, что денежную конспирацию следует держать в величайшей тайне; впрочем, Вы сами это понимаете, ведь личность более или менее все-таки темная.

Будьте здоровы, дорогой Павел, желаю Вам всего хорошего. Мой сердечный привет Наде [Н. И. Аксельрод].

Пожалуйста, Павел, если Вы еще не выслали, то вышлите немедленно Жоржу брошюру «Enthüllungen über den Kommunistenprozess» [«Разоблачения о процессе коммунистов» К. Маркса].

Из-за одной выписки не можем печатать двух листов[8]).

Крепко жму Вашу руку

Ваш Саул.

1. Речь идет о брошюре Ф. Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства». Письмо В. Засулич к Ф. Энгельсу, о котором упоминает С. Гринфест, сохранилось в архиве германской социал-демократии. Приводим его полностью:

5 октября 84 г.

«Прежде всего, гражданин, извиняюсь за то, что не ответила на Ваше последнее письмо. Я получила его почти одновременно с печальной вестью об аресте Дейча и, будучи в течение нескольких месяцев в от'езде из Женевы, не могла дать свой адрес. Очень благодарю Вас (хоть и с запозданием) за присылку статьи Карла Маркса*), которая заставляет меня с еще большим нетерпением, чем до сих пор, ожидать появления второго тома «Капитала», где, вероятно, мы найдем соображения великого учителя об экономическом развитии России. Я перевела статью, и мы в ближайшем будущем времени издадим ее. Что касается до «Нищеты философии», то мы все же считаем, что лучше дождаться Вашего предисловия к немецкому изданию. Оно, вероятно, будет не безынтересно для русской публики. Доказательство тому, между прочим, — об'явление «общества распространения социальных знаний», только что выпущенное типографией «Вестника Народной Воли» и обещающее, в первую очередь, издание «Капитала» Родбертуса.

*) Повидимому, письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок», появившееся в 1886 г. в № 5-ом «Вестника Народной Воли» и позже получившее в русской легальной литературе известность, как «письмо Маркса Михайловскому» (Прим. ред.).

«Я предполагаю также перевести Вашу новую работу «Происхождение семьи» и т. д. и очень прошу Вас разрешить нам издать ее.

«Преданная Вам Вера Засулич.

«Мой адрес: «Mme Plekhanoff, 47 Grand Bureau Carouge, Genève (для В. З.)».

2. Нам не удалось установить, о каком издании или о каком плане издания здесь идет речь.

3. О кефире упоминается, как в дальнейших письмах С. Гринфеста, так и в помещенном выше письме С. Кравчинского. Считаем поэтому полезным привести здесь, со слов П. Аксельрода, справку об обстоятельствах, при которых его жена и позже он сам взялись за изготовление кефира.

Первоначально, весной 1884 г., Над. Ис. Аксельрод принялась за приготовление этого продукта в небольшом количестве, для домашнего лечения мужа, состояние здоровья которого внушало тревогу его близким. Успех этого опыта подал ей мысль изготовлять кефир на продажу, чтобы снять с плеч Павла Борисовича заботы о заработке и дать ему возможность отдавать все время и все силы революционно-литературной деятельности. Положение семьи П. Аксельрода было в это время крайне бедственное: у него было трое детей и никаких видов на заработок, так как прогрессивные русские издания, в которых он мог работать, были все закрыты цензурой.

Но кефирное производство оказалось делом более сложным, чем предполагала в начале Н. И. Аксельрод. Об этом П. Аксельрод в своих воспоминаниях рассказывает:

«Мечты моей жены взять на свои плечи всю тяжесть работы для заработка и освободить меня от материальных забот не осуществились. Вышло так, что через короткое время мы оба оказались заняты по горло и еле-еле справлялись с делом.

«Но на попятный двор идти было поздно. Уже были произведены затраты, появились долги. А кроме того, нас не оставляла уверенность, что наше дело должно, в конце концов, увенчаться успехом...

«Кроме того, воодушевляла меня надежда, при помощи нашего предприятия, поправить дела группы «Освобождение Труда». В самом деле, я высчитал, что через короткое время «Швейцарское Кефирное Заведение» упрочится настолько, что доходами его можно будет покрыть весь бюджет наших изданий. Но на этом моя фантазия не останавливалась: еще немного усилий, — и кефир должен был дать нам средства для устройства побега из Сибири Стефановичу и Дейчу!» («Пережитое и передуманное», кн. 2-ая.)

Всем этим планам было суждено остаться в области фантазии. Кефирное производство ,особенно в первые годы, не избавило П. Аксельрода от гнета нужды. Но все же, несмотря на нужду и угнетавшие его долги, он имел возможность помогать в особо острые моменты, как отдельным товарищам, так и группе в целом. Упоминания об этом мы находим и в дальнейших письмах С. Гринфеста.

4. Речь идет о деньгах для группы. Долги П. Аксельрода — «кефирные долги», появившиеся в связи с начатым Над. Ис. Аксельрод делом.

5. В. Стаховская. В Лондоне она устраивала фиктивный брак с одним американцем-анархистом, в надежде получить этим путем возможность свободно распоряжаться своим имением.

6. Девочка В. Стаховской.

7. Далевич (Дм. Петров.) — эмигрант с 1883 г., проживавший в Женеве. Будучи человеком со средствами и ведя, по эмигрантскому масштабу, широкий образ жизни, он не раз знакомил Г. Плеханова с людьми, которые могли быть полезны группе «Освобождение Труда» в денежном отношении; позже через него Г. Плеханов познакомился с Гурьевым, предоставившим в распоряжение группы средства, на которые были изданы четыре книги «литературно-политического обозрения» «Социал-Демократ» (1890—1892 г.). Кто такой тот «господин», о котором пишет С. Гринфест, установить нам не удалось. Во всяком случае, описываемая здесь «конспирация» кончилась ничем и денег группе не принесла.

8. Эту брошюру Плеханов цитирует в «Наших разногласиях» (женевское изд. «Сочинений Г. Плеханова», 1905 г., стр. 345—46).

5. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, 30 ноября 1884 г.

Дорогой Павел!

Я пока не могу Вам дать определенный ответ на счет поездки своей в Кларан[1]). Впрочем, я сам за себя мог бы дать Вам подобный ответ, который заключался бы, конечно, в «да», — но один я этого не могу решить и предоставлю решить товарищам. Хотя подобные правила у нас до сих пор не соблюдались, и весьма трудно было бы решить: составляем ли мы одну группу с одним общим делом, более или менее одинаково для всех дорогим, или мы не более не менее, как отдельные индивидуумы, из которых каждый про себя великую думушку думает, но я все-таки всегда считал и буду считать себя связанным с известной группой людей, и покуда моя особа нужна будет этим людям, вернее, этой группе, я предоставлю этой группе право распоряжаться моею особою. Завтра или послезавтра устрою заседание группы по этому поводу.

Давно уже, до получения Вашего письма, я сказал Вере [В. Засулич], что по окончании брошюры Жоржа [Г. Плеханова] я уеду к Вам, чтобы помочь Вам в кефирном деле; она тогда ответила мне на это, что в случае моего от'езда она предложит об'явить группу не существующей, прибавляя к этому: «Что же вы все нас бросаете, кто же тогда останется в группе, я с Жоржем?» Я ответил ей тогда, что перемена местожительства не есть бросание группы, и что, принимая участие в кефирном деле, я имею в виду интересы группы; с одной стороны, финансовое положение ее, если кефирное дело пойдет хорошо, с другой стороны, освобождая Вас для группы, считает же она нужным, — и я вполне разделяю ее мнение, — освободив одного редактора[2]) от всяких забот о своем пропитании, чтобы дать ему возможность учиться и писать для группы; я рассуждаю так по отношению к другому редактору. Тогда наш разговор на этом и кончился, так как я без особенной надобности и начал его. Сегодня я ей сказал, что Вы желаете устроить кефирное заведение в Кларане, если я туда поеду, что у Вас на это есть деньги и только на это; откуда Вы их взяли я, конечно, не сказал и сказал, что желаю, чтобы все сообща решили: выгоднее ли для группы, чтобы я остался при типографии и вся группа в таком же безнадежном положении, как до сих пор, или разрешить мне уехать в Кларан, в виду того, что тогда хоть коекакие надежды будут и, наконец, надо же что-нибудь предпринять, нельзя же вечно ничего не делать и ждать, может, кто пришлет несколько фр., может, всякими правдами и неправдами удастся содрать с того или другого несколько франков. В виду всего этого, может быть, группа найдет более выгодным для себя отправить меня в Кларан, не смотря на то, что мое отсутствие может причинить временные затруднения для группы. На-днях это решится, и я думаю, что получу отпуск. Я думаю, что и Вам не бесполезно будет ознакомиться с практической стороной вопроса. Содержать наборщика мы теперь не можем; самый лучший из них, как человек, Рольник, желает иметь определенное жалованье, минимум которого определяется 80 франками. Я работаю теперь в

типографии, и хотя я наборщик плохой, так как мало работал, но так как я сам заинтересован в том, чтобы что-нибудь вышло и чем скорее, то это сводится к тому, что я работаю больше времени, т. е. вместо 8 часов, которые работал Рольник, я работаю 11-12 и успеваю столько же. Своего человека, которого можно было бы поставить в типографии без определенных условий, у нас нет. Есть тут один человек, умеющий набирать, который вертится около нашей группы, но он очень бестолковый и ленивый парень, так что если он останется один при типографии, то бессомненно, что он будет манкировать работою. Как видите, что в сущности мне не на кого оставить типографию. С другой стороны, как бы я ни относился к делам группы, [но] по природе своей требую каждый день корма и так или иначе проживаю в месяц франков 50 минимум (один обед стоит мне в месяц фр. 28—30, обедаю я в Kafé, начал было обедать у Жоржа, но скоро перестал; работая же целый день, необходимо обедать). Если я уеду, по кефирному делу, то группа освобождается от этого расхода, т. е., иными словами, имеются 50 фр. для наборщика. Если наборщику платить 80 фр. в месяц, и если я при этом занят буду при кефире, скажем, 4 месяца, и кефир все это время не даст никаких доходов для группы, то группа рискует 120 фр. за все это время. Я думаю, что из-за 120 фр. не пробовать это дело, раз есть какие-нибудь шансы на успех, будет очень безрассудно; но в случае же неудачи я всегда могу вернуться в Женеву, занять свое старое место, и все пойдет по старому, хотя далеко не по маслу. Это есть все данныя с точки зрения интересов типографии за и против моей поездки в Кларан. Мое мнение за, как Вы думаете? Но вот на что я хотел еще обратить Ваше внимание: обдумали ли Вы хорошенько это предприятие с точки зрения своих собственных интересов? Не запутаетесь ли окончательно в случае неудачи в Кларане? Подумали ли Вы о предстоящем для Вас в январе «судном дне», ведь у Вас 1500 фр. долгу в Цюрихе, какие у Вас виды для уплаты? Ведь кларанское предприятие, надо полагать, первые 2—3 месяца доходов еще не даст; наконец, что сделается у Вас в Цюрихе, если Надя [Н. И. Аксельрод] уедет; все это обдумайте хорошенько, прежде чем приступить к кларанскому делу. Обстоятельства эти Вы, конечно, лучше всего сами можете решить, надеть же себе петлю на шею ради группы для Вас тоже не резонно. Наконец, гожусь ли я для Нади в Кларане, не зная по-французски. Все это обдумайте и решите, я же надеюсь выхлопотать себе отпуск.

Евгению [Л. Дейчу] пишите Вы, это мы давно уже решили, т. е., чтобы Вы сами писали ему на этот раз. Я думал, что Вера напишет Вам об этом, но она, должно быть, с своей стороны, думала, что я напишу Вам о этом. Итак, пишите ему теперь немедленно. Намекните ему как-нибудь, что предыдущие письма были от Веры, она об этом просит... [3]).

Ну, будьте здоровы, дорогой Павел, мой душевный привет Наде и всем Вашим. Крепко обнимаю Вас всех.

Ваш Саул.

PS. №№ С.-Д. давно уже отосланы Бернштейну. «Deutsch-Französische Jahrbücher»[4]) уже у меня, завтра вышлю.

1. В виду хронического бедственного положения группы, П. Аксельрод предложил Гринфесту открыть в Кларане отделение для изготовления и продажи кефира. Среди больных, стекавшихся в Кларан, было много русских и это подавало надежду, что дело разовьется и даст группе необходимые средства. Предполагалось, что Н. И. Аксельрод приедет на некоторое время в Кларан, чтоб обучить Гринфеста производству. Деньги, необходимые для того, чтобы начать дело, — речь шла о нескольких десятках франков, самое большее о 100 фр., — П. Аксельрод предполагал либо выделить из своих средств, либо одолжить как-нибудь в Цюрихе под свою ответственность.

2. То есть, Г. Плеханова.

3. Несколько строк выпущено редакцией.

4. «Немецко-французские ежегодники», выходившие в 1845-1846 г. под редакцией К. Маркса и Руге. П. Аксельрод брал эти книги у Э. Бернштейна для Г. Плеханова.

6. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, [декабрь 1884 г.]

Дорогой Павел!

Вы получите одновременно, вероятно, с этим письмом письмо, писанное мною сегодня днем. В том письме я писал Вам только о приехавшем к Вам Волянском[1]). Теперь буду писать о наших делах в общем. Теперь у нас работает снова Рольник. Мы его опять взяли в виду предстоящей мне поездки в Россию, когда получим известные уже Вам 1000 фр.

Брошюра Жоржа [Г. Плеханова][2]) будет готова недели через 2. Вчера мы отпечатали один лист, 8, не пославши Вам корректуры; это случилось потому, что нам нужны были шрифты, и, пославши Вам корректуру, пришлось бы нам несколько дней не работать в типографии. До последней корректуры не имело смысла послать Вам его, так как при последней корректуре Жорж его совершенно переделал. Мы бы все-таки не позволили бы себе такой вольности, если бы могли ожидать какие-нибудь замечания с Вашей стороны по поводу этого листа, но весь этот лист состоит почти исключительно из цыфр и цитат. Завтра я вышлю Вам отпечатанный лист и корректуру следующего листа, 9-го. Кроме 9-го набрано еще 2 листа, предстоит набрать еще один, 12-й или, пожалуй, 2, т. е. 12-й и 13-й. Во всяком случае, через 2 недели брошюра, или, вернее, книга будет готова. К тому времени было бы хорошо получить Вашу рукопись[3]). Скоро, вероятно, приедет к Вам Дрезденский [Слободской]. Приехать мне к Вам не удастся, во-первых, будет работа в типографии, во-вторых, денег на дорогу не будет.

Почему Вы так долго не пишете? Что у [Вас] слышно? Как дела Ваши с кредиторами, какие у Вас шансы для уплаты этих долгов к новому году?

Пишите о своих делах. Поклон Наде [Н. И. Аксельрод]. Обнимаю Вас.

Ваш Саул.

С Волянским Вы, конечно, устроите все, как следует. Листки для Аронсона[4]) вышлю завтра или послезавтра, хотя не думаю, чтобы что-нибудь из этого вышло, ведь он сумасброд.

1. Н. Волянский — революционер, приговорен в 1879 г. киевским судом в ссылке на поселение по делу Крыжановского и др.; в 1883 г. бежал из Сибири; принимал участие в подготовке ограбления почты в Каменец-Подольской губ., был арестован, но отбит товарищами, после чего эмигрировал за границу.
2. «Наши разногласия».
3. Окончание брошюры «Рабочее движение и социал-демократия».
4. Аронсон — студент-медик, оканчивавший университет в Цюрихе; позже уехал в Америку. В Могилеве, будучи гимназистом, П. Аксельрод давал ему уроки.

7. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, 4 февраля 1885 г.

Милый Павел!

Сегодня мы уже совсем кончили брошюру (?) Жоржа [Г. Плеханова], завтра приступим к набору Вашей, поэтому, я не послал Вам никаких кусков Вашей рукописи. Набор оставленной Вами мне рукописи продолжится не больше недели, Вы уж лучше сделайте больше поправок в корректуре, во-первых, для Вас удобнее будет, и для меня в распределении работ также выгоднее будет. Не беда, если при корректуре придется нам потратить лишних несколько дней, — другой работы для типографии пока еще не предвидится, и я думаю, что, по окончании Вашей брошюры, придется нам несколько времени попраздновать. Вы, вероятно, ругали меня за то, что опоздал несколько присылкой «Die Lage»[1]) но я в этом не виноват, в субботу вечером я получил Ваше письмо, а в воскресенье утром я выслал Вам книгу, но, по какому-то недоразумению, я в понедельник получил ее обратно по адресу Exp. [отправителя].

100 франков Вера [В. Засулич] выслала Вам, остальные просьбы Ваши я передал Жоржу. На-днях Городищ сказал мне, что посылает Вам для немцев[2]) 150 фр. Получили ли Вы их? Сегодня вечером получился в типографии ящик с двумя бутылками кефира. Меня тогда не было в типографии, а была там Вера; она же, не заметивши, на адресе, что надо это передать Городищу, вскрыла ящик и выпила одну бутылку кефира, когда я скоро после этого пришел в типографию и заметил это недоразумение, то уже не мог помочь горю. Оставшуюся бутылку я хотел отдать Городищу, для чего я и отправился к нему тотчас же, но не застал его дома. Сегодня у них студенческое собрание, и он поздно вернется домой. Постараюсь завтра до обеда передать ему эту бутылку.

Отчета о пожертвованиях при книжке Жоржа не будет, мы его отложили до Вашей брошюры[3]).

Вы пишете, что за январь у Вас будет от кефира 100—25 фр. У нас здесь возникли по этому поводу разногласия. Я понял это так, что за январь месяц у Вас останется чистого дохода от 100 до 125 фр., Вера же понимает 100 или 25; кто из нас вернее понял Вас?

В субботу у нас будет первое собрание нашего клуба. Жорж обязался читать два раза в месяц лекции по политической экономии, остальные два раза (будем собираться каждую неделю) будут происходить всякие другие умные раз-

говоры[4]). В субботу или в воскресенье вышлю брошюру Жоржа, для продажи пошлю Ал[ександре] Ив[ановне]. Постарайтесь побольше продать и на наличные. Цена ей будет 5 фр., можно ее продать и за 4 и 3½, но дешевле нельзя, она самим столько стоит.

Желаю Вам всего хорошего. Сердечный поклон Наде. Обнимаю Вас крепко.

Ваш Саул.

1. Ф. Энгельс «Die Lage der Arbeiterklasse in England», «Положение рабочего класса в Англии».

2. См. письмо 2-ое, примечание 5-ое.

3. Отчет — «список пожертвований в пользу рабочей социалистической литературы» — был помещен на 3-ей стр. обложки брошюры П. Аксельрода «Рабочее движение и социальная демократия». Этот отчет, охватывающий, повидимому, довольно значительный промежуток времени — может быть, месяцев 9-10 — является красноречивым дополнением к содержащимся в письмах С. Гринфеста данным о материальном положении группы «Освобождение Труда». Приводим его полностью:

«По листу № 13: Альфа — 30 мар., студент — 50 мар., Иван — 5 мар., Семен — 5 мар.

«Из России через X — 70 руб.

«Из Цюриха через Павла — 25 фр., из Америки через Б. — 17 фр. 50; с цюрихского вечера для одного заключенного — 140 фр.

«Из Б. через Э-на для одного ссыльно-каторжного — 100 фр.; сбор в Б. для Е. — 100 фр.

«От Ал. — 20 фр.; от Як. — 20 фр.

«Для ссыльных и заключенных.

«С вечера в Иц. через Б-ну — 100 фр.; из Америки через «Доктора» — 35 фр.; через него же — 80 [фр.]; сбор в Женеве через Д-кую — 33 фр.»

Конечно, помимо этих сумм, по которым требовалась публичная отчетность, группа получала некоторые частные пожертвования, о которых идет речь и в письмах С. Гринфеста, но из этих же писем видно, насколько эти пожертвования были недостаточны.

4. Такие собрания лиц, более или менее сочувствующих группе, устраивались и в Цюрихе. Этим путем закладывалось основание для создания вокруг группы идейно примыкающей к ней периферии.

8. С. Гринфест — П. Б. Аксельроду

Женева, 9 февраля 1885 г.

Дорогой Павел!

Одну бутылку кефира я передал Городищу в тот же день поздно ночью, но до сих пор он еще не передал ее своему французу.

Вы просите меня прислать [Вам] обратно 2 ящика с 4 бутылками, между тем, как Вы прислали только один с двумя, из которых одна бутылка, вероятно, останется у француза, так что я не знаю, что мне делать: попросить ли Городища забрать у француза бутылку обратно и выслать Вам эти 2 бутылки с ящиком или послать одну; заметьте, что, пославши одну, мне не в чем будет потом послать другую, если француз отдаст назад. Итак, решите Вы этот вопрос.

Сегодня я выслал Вам один экземпляр брошюры Жоржа [Г. Плеханова]. Желание Ваше, чтобы напечатали, что отчет будет при следующей книжке, не могли исполнить, так как брошюра была уже готова, когда получилось Ваше последнее письмо.

Александре Ивановне я послал 8 экз. для продажи и один ей самой, больше я не мог ей послать, потому что остальные еще у переплетчика. Постарайтесь продать побольше и подороже. По моему, лучше продать 10 экз. по 5 фр., нежели 20 по 3. Для неимущих можно с 5 фр. уступать 1 или 1½ фр., но не больше. Даже здесь у нас продали мы уже 4 экз., чего никогда не бывало. В Берн я послал 6 экз., когда готовы будут, пошлю еще. Кроме того, послал я один экз. Коневой и один Ивановой.

Статьи Жоржа о Родбертусе напечатаны в «От[ечественных] Зап[исках]» за май и июнь 1882 г. и сентябрь и октябрь 83[1]). Затем, выписки, которые Вам нужны, он не нашел. Он советует Вам поискать следующую книгу: Molinari «Evolution économique du 19 siècle». [Молинари, «Экономическая эволюция 19-го века»]. Он брал эту книгу в Société de lecture [библиотеке], пользуясь билетом одного знакомого, теперь он не имеет право получения там книг.

Сегодня мы получили на адрес типографии письмо от одного петербургского кружка, который желает войти с нами в сношение. Письмо это адресовано к Рольнику, и пишущие просят его узнать у Группы Осв[обождение] Тр[уда], получила ли она предыдущее их письмо с их программой, которое они некоторое время тому назад послали в группу через редакцию «Вестника Нар[одной] Воли», так как последняя обещалась доставить это группе; если редакция «Вест[ника]» не дала этого нам, то они просят нас вытребовать это от редакции, если же не поможет, то они просят прислать адрес; тогда они пришлют в другой раз. Об их благонадежности, пишут они, можно узнать в редакции «Вестника». Они пишут, что сношения с нашей группой для них необходимы. В сегодняшнем письме они пишут адрес для переписки и шифр. Подписываются они «петербургские социал-демократы»[2]).

Это письмо послано ими через человека, который ехал заграницу, с тем, чтобы человек этот бросил письмо в почтовый ящик где-нибудь заграницей. Мы получили это письмо из Парижа. Сегодня Вера [Засулич] написала Лаврову и требовала письмо и программу.

Вы, конечно, не меньше нашего будете радоваться этому; наконец, русские стали нас искать.

Что с Смирновым[3]), может быть, он уже у Вас в Цюрихе. Завтра я Вам вышлю корректуру почти половины Вашей рукописи; если за Вами остановки не будет, то Ваша брошюра может быть скоро готова. Постарайтесь прислать конец к пятнице, и покуда мы будем его набирать, то Вы будете править корректуру 3-й главы, так что время у нас не пропадет даром.

Очень рад за успехи кефира. Пишите, как теперь Ваше здоровье, выздоровели ли глаза? Привет мой Наде [Н. И. Аксельрод].

Ваш Саул.

1. «Экономическая теория Карла Родбертуса Ягецова» и «Новое направление в политической экономии». Обе статьи подписаны псевдонимом «Г. Валентинов».

2. «Петербургские с.-д.» — группа первой русской с.-д. газеты «Рабочий», выходившей в Петербурге в 1885 г.; в состав ее входили бывшие чернопередельцы — врачи В. Е. Благославов и Латышов и студенты П. П. Артаулов, Дм. Благоев (по имени которого группа часто называется «благоевцами»), Н. А. Бородин, А. А. Герасимов, В. А. Кугушев, В. Г. Харитонов, П. П. Шатико и др. Группа начала складываться зимою 1883—84 г. г.; к концу 1884 г. она выработала свою программу, которую послала для отзыва заграницу, в редакцию «Вестн. Народн. Воли» и группе «Освобождение Труда». Проект этот дошел до группы с запозданием (что было вызвано, вероятно, тем, что проект был прехвачен и скопирован Департ. полиции). Но отзыв о нем группы оказался далеко не благоприятный (проект был написан с большим уклоном к лассальянству и лавризму), и «петербургские социал-демократы» отложили печатание его (см. № 13 «Былого» за 1918 г., где опубликован этот проект программы и даны некоторые подробности о группе). Переписка «петербургских с.-д.» с группою «Освобождение Труда» продолжалась в течении 1885—86 г. г.; в 1885 г. группа «Освобождение Труда» в лице Аксельрода и Плеханова, приняла участие в органе «петербургских с.-д.» —в № 2 «Рабочего», а в 1886 г. она послала им, прежде опубликования, текст так наз. второго проекта программы русских с.-д.

3. Смирнов — он же Дрезденский-Слободской.

VIII

ПИСЬМА Ю. Г. РАППОПОРТА

В литературе совершенно отсутствуют биографические сведения о Ю. Г. Раппопорте, — сохранившиеся письма которого к П. Б. Аксельроду мы печатаем ниже; равным образом нет почти никаких данных и о том предприятии, — издании в 1889 году одного номера журнала «Социалист», — с которым Ю. Раппопорт тесно связал свое имя... Об этом нельзя не пожалеть: и «Социалист», и его редактор имеют право на большее к себе внимание...

Участник какого-то южно-русского (едва ли не одесского) народовольческого кружка периода последних попыток оживить деятельность «Народной Воли» (1887—88 г.г.). Ю. Раппопорт в 1888-89 г.г. жил заграницей, где, несмотря на свою молодость (ему было всего около 20-21 года), играл роль одного из руководителей формировавшейся тогда в Швейцарии из молодых эмигрантов и студентов группы молодых народовольцев (Прекер-Гнатовский, Дембо, Н. Рудевич, Н. Слепцова-Випярская и др.) и был редактором органа этой группы, — упомянутого выше единственного номера журнала «Социалист». Группа эта была по тем временам очень деятельной организацией: она наладила издание ряда брошюр за-границей («Процесс 21-го», Каутский: «Экономическое учение К. Маркса», Маркс: «К критике Гегелевской философии права»), поддерживала живые связи с народовольческими кружками в России, посылала туда своих представителей (одной из них была, повидимому, так трагически погибшая потом в Шлиссельбурге, Софья Гинсбург), мечтала о возрождении террористической борьбы, готовила для этой цели так неудачно взорвавшиеся в марте 1889 года под Цюрихом бомбы (убит Дембо-Бринштейн, ранен — Дембский), принимала какие-то, нам еще неизвестные, шаги для перехода в этой области от слов к делу (о чем свидетельствует найденный у С. Гинсбург черновик прокламации на случай убийства Александра III). И при всем этом, на ряду с крайним увлечением террором, в области идеологии группа делала ряд уступок только начинавшему тогда крепнуть русскому марксизму: статьи «Социалиста», — особенно программная передовая (о помещенных в этом номере чисто с.-д. статьях Плеханова и Аксельрода мы не говорим), — достаточно убедительно говорят за это, несмотря на некоторые противоположные показания, напр., сильное раздражение против группы «Освобождение Труда», звучащее в письмах С. Гинсбург к П. Л. Лаврову (см. «Голос Минувшего», № 7—8 за 1917 год).

Эта передовая статья целиком по Плеханову («Наши разногласия») анализирует «коренные изменения в устоях русской жизни» и доказывает необходимость в России «создания социалистической рабочей партии со строго определенною программой», — при чем элементом, на который эта партия должна рассчитывать, по мнению редакции, является городской пролетариат. Нужно впрочем отметить, что этот процесс, так сказать, диффузии марксистских идей в народовольческий, террористический лагерь в то время далеко не был исключительным явлением, — напомним, что незадолго перед этим погибшая группа 1 марта 1887 г. (А. И. Ульянов, И. Д. Лукашевич и др.), как видно из опубликованного А. Поляковым (в «Голосе Минувшего» за 1918 г., № 10—12) наброска ее программы, теоретически была также под сильным влиянием идей группы «Освобождение Труда», и вообще основная линия водораздела между народовольцами и с.-д. проходила в то время, повидимому, не по линии «марксизм—народничество», а по линии: непосредственная политическая борьба, что тогда было синонимом террора, или пропаганда, подготовка «кадров будущей рабочей партии».

Группа «Социалист» просуществовала недолго. 1889 год был для нее роковым. Взрыв бомбы в Цюрихе вызвал полосу обысков и арестов за-границей и, — не говоря уже о том, что расстроил налаживавшийся в Цюрихе центр группы и вырвал из рядов последнего одного из деятельнейших ее организаторов (Дембо), — благодаря попавшим при обысках в руки полиции швейцарской, а затем и русской, документам, повлек за собою большие аресты в России; почти одновременно случайная неосторожность С. Гинсбург, забывшей в магазине ридикюль с черновиком заготовленной на случай убийства Александра III прокламации, навела полицию на след и с другой стороны. Эти неудачи, разбив организацию группы, были причиной и смерти ее органа: № 2 его не увидел света. Впрочем, есть основание предполагать, что причиною этого было, отчасти, и недовольство некоторых членов самой группы слишком определенно марксистским тоном статей № 1-го.

Ю. Раппопорт, повидимому, не хотел мириться с разгромом организации. В следующем, 1890 году, он попытался отправиться нелегально в Россию, но, прослеженный из заграницы шпионами*) был 12 апреля арестован на русско-румынской границе; после продолжительного предварительного заключения, он получил в административном порядке 5 лет «Крестов», ужасный режим которых этого периода описан М. Александровым-Ольминским, Ю. О. Мартовым и др. Этот режим сломил много организмов, — сломил он и Ю. Раппопорта: в «Крестах» он психически заболел, и притом безнадежно. Освобожденный, он уже не смог оправиться и дальнейшая его судьба точно не известна: передают, что он жив до сих пор, доканчивая свои дни где-то в одной из психиатрических больниц в России.

Все сохранившиеся письма Ю. Раппопорта к Аксельроду относятся к марту-маю 1889 г. и касаются работы П. Б. Аксельрода в «Социалисте». Переговоры о привлечении членов группы «Освобождение Труда» к сотрудничеству в «Социалисте», как видно из писем Г. В. Плеханова к Аксельроду, были начаты Ю. Раппопортом в Женеве с Плехановым, — именно о них говорится в первом письме Ю. Раппопорта к П. Б. Аксельроду. Плеханов, как видно из его письма, содержащего рассказ о начале этих переговоров, был очень приятно поражен близостью программы «Социалиста» к идеям группы «Освобождение Труда», и настаивал перед Аксельродом о необходимости принять участие в органе: «если-бы, — писал он, — «молодые народовольцы», которые теперь будут называть себя социалистами-революционерами, только напечатали ту программу, которую мне показывал Раппопорт, то и это уже было бы огромным шагом вперед в смысле идейного развития нашего движения».

Эти же письма Г. В. Плеханова к П. Б. Аксельроду бросают некоторый свет и на последний период отношений группы «Освобождение Труда» с Ю. Раппопортом; последний летом 1889 г. был в Париже во время международного социалистического конгресса и, повидимому, подпав под влияние «старых народовольцев» (Лаврова, Ошаниной-Полонской и др.), или под давлением более народовольчески настроенных членов своей группы, — уклонился от предложения группы «сговориться» и «сойтись ближе». Это вызвало сильное раздражение членов группы; Плеханов писал Аксельроду: Ю. Раппопорт «поступил с нами так маккиавелистически, что я решительно не хочу сотрудничать у них».

1. Ю. Г. Раппопорт — П. Б. Аксельроду

26 марта 89 г. Женева.
Адрес — Genève, Chemin neuf, 12,
Mme Simond, pour Y Rappoport.

Уважаемый Павел Борисович!

Еще когда я был (на прошлой неделе) в Цюрихе, я имел в виду обратиться к Вам кое с какими предложениями. Но неожиданная для меня смерть Б.[1]) и другие причины заставили меня немедленно ехать в Женеву для упорядочения

*) Есть указания, что Раппопорт был выдан знаменитым впоследствии Гартингом-Ландэйзеном; ехавший вместе с Раппопортом в Россию В. Л. Бурцев во время заметил слежку, задержался в Яссах и в Россию потом не поехал.

тех дел, кот[орые] были расстроены этим казусом. Т[аким] о[бразом] я и не успел поговорить с Вами.

Дело в том, что одна практическая группа соц.-рев., в которую входят, как лица, действующие теперь в России, так и некоторые из заграничных революционеров (последние в самом непродолжительном времени также будут работать в России), взяла на себя инициативу создания социалистического органа. Группа эта, в лице своих членов входя в различные рев[олюционные] русские кружки, пользуется самыми широкими связями со всем, что есть в настоящее время живого (в рев[олюционном] смысле этого слова) в России. Являясь в нек[отором] роде средоточием всех групп (особенно центральных) — группа эта выражает собою мнения всех их. Орган пока будет только оффициозным, через нек[оторое] время он сделается оффициальным органом действующей в России соц.-рев. партии. В мат[ериальном] отношении, в отношении доставки и распространения, также и в лит[ературном] отношении — орган вполне будет обеспечен. Мне, как представителю и уполномоченному этой группы, поручено обратиться с предложением к литераторам-эмигрантам. Я имел уже возможность обратиться к Г. В. [Плеханову], который вполне согласился принимать участие в издании своими литературными произведениями. Для № 1, кот[орый] предположен к выходу не позже 20—25 апр[еля], он обещал уже статью. Программа органа такова, что товарищ Ваш заявил мне, что на ней мы всегда можем сойтись[2]). Вообще же г-н Плех[анов] обещал всячески поддерживать это предприятие. Подробнее обо всем этом мы поговорим при личном свидании. Я обращаюсь к Вам, уважаемый П[авел] Б[орисович], с таким же предложением — участвовать в издании своими произведениями. И так как я уверен, что мы с Вами сойдемся, что с программою Вы наверное согласитесь, то я бы предложил Вам приготовить статью для первого же №. Между прочим, в органе предполагается особая рубрика «Хроника рабочего движения в З. Европе и в Америке». Это, кажется, Ваш любимый предмет. Так вот — не соблаговолите ли взять на себя этот отдел и ведение его начать с № 1. Конечно, если Вы почему-либо найдете для себя более удобным высказаться по другому вопросу в № 1, то редакция с большим удовольствием примет Вашу статью. Желательно было бы только, чтобы Вы взялись за работу еще до нашего свидания, так как нужно спешить с набором. (Место для статьи может быть уделено — 3, максимум 4 страницы такого формата, как «Своб[одная] Россия»[3]).

Все, о чем здесь пишу, должно остаться между нами, по крайней мере, до наших окончат[ельных] переговоров. О том же, что дело ведется через меня, вообще должно быть в самой строгой конспирации. Причины, конечно, понятны, и Вы сами наверное согласитесь с этим.

Уваж[ающий] Вас

Ю. Раппопорт.

Орган носит имя: «Социалист», соц.-рев. обозрение. Издание период[ическое]. Выходит ежемесячно.

1. Б. — Исаак Владимирович Дембо (живший в Цюрихе под фамилией Бринштейна), убитый 6—18 марта 1889 года в Цюрихе при опытах с бомбою; член виленской народовольческой группы, оказывавшей помощь петербургской группе Ульянова, Шевырева, Лукашевича и др. в организации покушения на Александра III; после того, как виленская группа была выдана привлеченным к делу Канчером, И. В. Дембо бежал за-границу, где был одним из деятельнейших организаторов группы молодых народовольцев.

2. Г. В. Плеханов писал о ней Аксельроду: «программа этой организации... почти целиком списана с нашей. В ней есть несколько наивностей, несколько неловкостей, но общий дух ее несомненно наш».

3. «Свободная Россия» — орган, выходивший в 1889 г. (всего вышло 3 №№) под редакцией Дебагория-Мокриевича и Бурцева.

2. Ю. Г. Раппопорт — П. Б. Аксельроду

Le 14 avril 1889.
Адрес — Chemin neuf, 12
Monsieur Rap[poport].
Chez Madame Simond.

Уважаемый Павел Борисович!

Прежде всего позвольте Вам выразить благодарность за обещание и готовность немедленно приступить к работе. Мы дорожим каждым днем, так как нам важно поспеть с транспортировкой в Россию к тому времени, когда народ раз'езжается на каникулы. Это нам нужно для более правильных сношений с провинциями.

Место для Вас в № 1 отводится на одну статью, но, если Вы успеете написать две (к концу апреля номер обязательно должен быть составлен вчерне), тем лучше: мы будем очень рады и с удовольствием поместим, если только номер не разрастется до размеров à la «Своб[одная] Россия»*).

Ну, а теперь отвечаю на Ваши другие вопросы. Прежде всего должен сказать, что был несколько удивлен, прочитав в Вашем письме о том, что я де обещал Плех[анову], что из парижских эмигрантов обращусь только к одному Лаврову[2]). Тут, очевидно, недоразумение. Я этого не говорил, потому что мне не было дано таких полномочий. Наконец, сам Г. В., если не забыл, посоветовал мне, между прочим, обратиться и к Серебрякову[3]). — Ваши опасения, что орган потеряет в своей солидности и единстве направления — мне кажутся не основательными. Со всеми заграничными эмигрантами-писателями, которые согласились принимать участие своим трудом, никаких обязательных отношений, в смысле помещения статьи во что бы то ни стало — не установлено. Всем предлагалась одна программа, с которой они в большей или меньшей мере согласились. Поскольку вопросы, затрагив[аемые] авторами, не будут идти в разрез с общим направлением, которое будет дано редакцией, и только постольку статьи будут помещаться. Так, например, Рус[анов][4]) совершенно не

*) номер предполагается максимум в 28 страниц[1]).

согласен с нашею программою, но т[ак] к[ак] орган социалистический, то он и будет участвовать в нем, затрагивая такие вопросы, за которые ему «по шапке» (его собств[енное] выр[ажение]) не дадут. Так что о том, что Париж[5]) испортит направление, по меньшей мере, преждевременно говорить. Остался еще один вопрос. Вы говорите, что для Вас неясно, кто же редакторствует? В первом письме я сообщал, что орган — это дело группы людей. Я обращался к Вам, как представ[итель] этой группы. Говорил я также, что часть в России, часть заграницей. Все статьи, присылаемые из России, редактируются оставшимися там нашими товарищами, здешние-же статьи, за исключением самых экстренных случаев, редактируются здешними членами организации. Здесь для перег[оворов] и вообще ведения всего дела — выбран я, как человек, имеющий все связи с Россией. Т[аким] о[бразом] ответственным перед сотрудниками являюсь я. Вот и все. Надеюсь, что теперь ясно. Должен, кстати, заметить, что оффициально я не буду выступать, т[ак] к[ак] я имею еще надежды на легальность в России.

Жму Вашу руку

Ю. Р.

PS. Пришлите, пожалуйста, темы и краткое сод[ержание] статей, к[оторые] Вы предполагаете писать. Сделайте это поскорее, т[ак] к[ак] могут быть две статьи об одном и том же вопрос, сходные между собою. Если Вы согласны взяться за «Хр[онику] раб[очего] движения», то желательно было бы предпослать в первом же № маленький общий очерк об интернациональном характере рабочего движения.

1. № 1 «Свободной России» вышел в об'еме 52 страниц.

2. В цитированном выше письме к Аксельроду Г. В. Плеханов, сообщая о своих переговорах с Раппопортом, прибавлял: «не забудьте, что из всех других заграничных писателей будет приглашен только Лавров». Большого значения привлечению других народовольческих писателей к работе в органе группа «Освобождение Труда», как видно из других писем Г. В. Плеханова, не придавала и возражений против такого расширения круга сотрудников больше не выдвигала. В № 1 «Социалиста», кроме неподписанной редакционной передовицы и статей Аксельрода и Плеханова, помещены статьи народовольцев Лаврова, Тарасова-Русанова, Серебрякова и Кашинцева.

3. Эспер Серебряков (умер в 1921 г.) — морской офицер, член военной организации партии «Народной Воли»; с 1883 года эмигрант; сотрудник «Вестника Народной Воли», член группы «старых народовольцев»; написал воспоминания «Революционера во флоте» («Былое» за 1907 год и отдельное издание); о своих отношениях к группе «Социалист» вкратце говорит в воспоминаниях о Лаврове (сборник «П. Л. Лавров», изд. «Колос», 1922 г., стр. 462—463); в «Социалисте» помещена его статья: «Революционеры и общество».

4. Николай Сергеевич Русанов; в «Социалисте» им помещены статьи: «Политический переворот и минимальные экономические требования» и «Очерк финансового положения России».

5. Париж был тогда центром «старых народовольцев», — там жили П. Л. Лавров, М. Н. Ошанина-Полонская, Русанов и др.

3. Ю. Г. Раппопорт — П. Б. Аксельроду

Уважаемый Павел Борисович!

Сегодня получил письмо от Сан[1]), в котором он пишет о том, что Вы просите последние страницы Вашей статьи для пополнений, так как Вы спешили. По некоторым, независящим от меня причинам, мы не могли пока приступить еще к набору Вашей статьи. Помешало этому, между прочим, и то, что Г. В. [Плеханов] запоздал с своей статьей. Шрифту у нас не столько, чтобы можно было все сразу набрать. Приходится по листам набирать, а так как Плех[ановская] статья для 1-го листа назначается, то нельзя было приступить к набору второго, пока 1-й не окончен. Могу, поэтому, прислать Вам для просмотра всю Вашу статью. Сделайте, пожалуйста, те изменения и поправки, к[оторые] найдете нужным и пришлите рукопись снова. Только, пожалуйста, поскорее. К пятнице рукопись должна быть уже снова здесь. Это непременно.

Затем, меленькое предостережение. Я получил сегодня письмо из Берлина, где пишут, что было там 4 обыска и между прочим на одном из них найден Ваш адрес[2]). Примите к сведению.

Уваж[ающий] Вас Ю. Р.

Пришлите на адрес Полозова[3]). Он живет там же, где я. Я, вероятно, переменю квартиру.

PS. Желательно было бы, Павел Борисович, чтобы Вы не удлиняли статьи, т[ак] к[ак] у нас очень немного места.

1. О ком идет речь — установить не удалось.
2. В апреле 1889 г. в Берлине были арестованы и затем выданы России русские студенты Гуревич и Самсонов («Социалист», № 1, стр. 39); в письме речь идет, повидимому, именно об этих арестах.
3. Под именем Полозова в это время жил Николай Рудевич, молодой народоволец, эмигрировавший из России в связи с делом 1 марта 1887 года.

4. Ю. Г. Раппопорт — П. Б. Аксельроду

Уважаемый Павел Борисович! 13 мая.

Рукопись Вашу получил. К сожалению, она слишком поздно уже пришла. Я ведь просил Вас прислать ее в четверг непременно, а я получил ее лишь вчера. Для 1-го номера теперь у нас уже столько материалу, что если весь напечатать, то нужно 7 листов. Мы решили разбить материал на два номера. Ваша статья и нек[оторые] другие войдут в № 2, печатание которого начнется немедленно после первого. С первым нам обязательно надо спешить, так как если наш транспорт не поспеет к 22 мая, то мы принуждены будем остаться до осени. Так что мы спешим теперь, а потому не можем дать больше 3 листов на номер.

Жму Вашу руку.

Ю. Р.

5. Ю. Г. Раппопорт — П. Б. Аксельроду

[Середина мая 1839 г.]

Уважаемый Павел Борисович!

До сих пор не получал от Вас ответа на последнее мое письмо. Странно.

В виду известий, получ[енных] мною от моих товарищей в России, мы можем еще поспеть во время, если поместим и те статьи, кот[орые] опоздали, а потому и предполагались к № 2 — это нас не задержит. Поэтому мы и решили поместить Сер[ебрякова], Тар[асова] и Вашу. Но мы стесняемся размерами Вашей статьи: мы можем напечатать только половину, а другую вместе с началом след[ующего] письма поместить в № 2. Напишите, пожалуйста, сейчас же по получении этого письма, где удобнее, по Вашему, остановиться?[1])

Адрес мой: Chemin de Pont d'Arve, 15. Mue chez M-me Schutzlé Genève.

1. Статья напечатана целиком в № 1.

IX

ЦЮРИХСКОЕ «ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ С ГОЛОДОМ» (1891—1892 г. г.)

Голод 1891 г., породивший в России широкое движение помощи голодающим, вызвал и среди русской учащейся молодежи заграницей попытки организации сборов. Под впечатлением этих попыток, П. Аксельрод пришел к мысли, что для русских революционеров единственный действительный путь борьбы с голодом и его последствиями заключается в том, чтобы в новой обстановке со всей энергией развить борьбу против самодержавия, как первопричины голода, то есть, борьбу за конституцию, — или, как тогда выражались, за созыв Земского Собора. Представлялось необходимым создать на этой почве об'единение революционных партий в виде «Лиги борьбы с голодом». Прежде всего, вместе с группой «Освобождение Труда», должны были войти в эту «Лигу» существовавшие в то время заграничные революционные кружки: народовольческий кружок П. Лаврова в Париже и только что перед тем основанный при участии Ф. Волховского и Степняка «Фонд Вольной Русской прессы» в Лондоне. Между прочим, «Лига» должна была предпринять издание общего органа, которому П. Аксельрод полагал дать название «Земский Собор» (См. «Пережитое и передуманное», кн. 2-ая).

Этот план П. Аксельрод изложил в письме Г. Плеханову и В. Засулич, проживавшим в то время в Морне (близь Женевы). Товарищи ответили ему просьбой приехать к ним, чтобы подробнее обсудить задуманную кампанию. При свидании в Морне группа «Освобождение Труда» приняла намеченный план и решила обратиться с соответствующими письмами в Париж и Лондон. Вместе с тем, группа решила поручить Г. Плеханову написать брошюру о голоде, которой здесь же придумали название: «Всероссийское разорение».

Вернувшись из Морне домой, не дожидаясь ответа из Лондона и Парижа, П. Аксельрод организовал в Цюрихе межпартийный кружок, который должен был положить начало предположенному об'единению «снизу» и этим оказать воздействие на «верхи». Со стороны народовольцев в «Общество борьбы с голодом» вошла группа молодежи, преемственно связанная с группой «Литературного Социалистического Фонда» 1887 г. (См. примечание 9-ое к 5-ому письму П. Аксельрода П. Лаврову, отд. III). Но преобладающее влияние в Обществе получили социал-демократы, — преимущественно, из местной учащейся молодежи. Секретарем и непосредственным руководителем Общества был Як. Кальмансон. Деятельность Комитета началась с печатаемого ниже обращения к П. Лаврову.

1. Комитет «Общества» — П. Л. Лаврову[1])

Многоуважаемый Петр Лаврович! [Цюрих, декабрь 1891 г.]

Вековое бесконтрольное хозяйничанье самодержавного правительства, всегда находившееся в резком противоречии с жизненными условиями развития России, получило теперь особенно яркое выражение в грозном бедствии, постигшем

целую треть русскаго народа. Нет сомнения, что глухое недовольство, всегда существовавшее в различных слоях населения, особенно широко разольется в наступающем году. Поэтому, социалисты-революционеры[2]), развивая широкую агитацию в пользу конституции, в пользу созыва земского собора, встретили бы в данный момент больше сочувствия, чем когда бы то ни было прежде. Было бы более чем непростительной ошибкой с их стороны, если бы они не воспользовались таким общим настроением и не направили бы всех своих усилий на борьбу с деспотизмом.

Мы надеемся, что наши товарищи на родине так и поступают. Но и проживающие заграницей русские социалисты-революционеры могут, по нашему мнению, внести в это дело и свою лепту. С этой целью представители различных групп цюрихской революционной молодежи решили оставить на время в стороне разделяющие их программные пункты и образовать из себя общество «для агитации в пользу политической свободы, пользуясь современным кризисом в России. Общество имеет в виду содействовать созданию, переправке и распространению в России соответственной литературы среди всех слоев населения, обращаясь за помощью ко всем оппозиционным элементам»[3]). Чтобы дать возможность участвовать в этом деле и людям, заинтересованным в сохранении своего легального положения, а также, чтобы подчеркнуть исходный пункт будущей агитации, общество приняло название «Общества борьбы с голодом».

Успех нашего предприятия будет, конечно, зависеть от той поддержки, которую мы встретим как в революционной среде, так и в обществе.

Мы располагаем пока кой-какими связями с Россией и с некоторыми заграничными кружками[4]).

Обращаясь к Вам, многоуважаемый Петр Лаврович, с настоящим письмом, мы не только рассчитываем на Ваше сочувствие вообще, но и просим Вас сообщить нам, не возьмете ли на себя труд составить не особенно обширных размеров*) брошюру, которая выяснила бы задачи русского революционера в виду переживаемого кризиса[5]). Это тем более необходимо, что, как нам известно, часть молодежи, отдаваясь непосредственному чувству, бросается на всякие филантропические затеи. Поэтому, теперь особенно важно напомнить, что для социалиста-революционера действительная борьба с голодом возможна лишь на почве борьбы с самодержавием и требования политической свободы.

Позволяем себе просить Вас о возможно скором ответе.

(Приписка карандашем: По решению комитета состав его и местопребывание должны пока оставаться в тайне.)

1. Сохранившаяся в архиве П. Аксельрода копия этого письма снята Як. Кальмансоном, который и подписал письмо в качестве секретаря кружка. Я. Кальмансон (1860—1907 г.) вступил в революционное движение в начале 80-ых годов, в 1882 г. был арестован в Киеве за пропаганду среди рабочих, в 1887 г. отправлен в «административную ссылку, в 1888 г. выехал за границу и поступил на медицинский факультет цюрих-

*) Необход[имость] чего обусловлив[ается] финансовыми соображ[ениями] и требов[аниями] транспортировки.

ского университета. В Цюрихе, под влиянием П. Аксельрода, примкнул к группе «Освобождение Труда» и был в конце 80-ых и в начале 90-ых годов одним из наиболее деятельных представителей учащейся молодежи, поддерживавшей группу. В 1900 г. вернулся в Россию, но на границе был арестован и вновь отправлен в административную ссылку. В 1906 г. уехал за границу, умер в Болгарии, где работал в качестве железно-дорожного врача.

2. Слова «социалисты-революционеры» употреблялись в 90-х годах не для обозначения какой-либо одной партии, а для всех партий и групп, стремящихся к социализму революционными путями.

3. Повидимому, цитата из платформы Об-ства. Ср. «Воззвание» Комитета, помещенное ниже.

4. Такой кружок намечался в Берне. Были надежды, что создадутся ячейки в Женеве и в некоторых университетских городах Германии. Определенных организационных связей с Россией не было, но Комитет рассчитывал на личные связи входившей в состав его молодежи.

5. Брошюру на эту тему в это время писал Г. Плеханов («Всероссийское разорение»). Как сообщил нам П. Аксельрод, Комитет обратился с настоящим предложением к П. Лаврову не столько в виду действительного желания получить от него рукопись, сколько в видах соблюдения требований беспартийности и беспристрастия между двумя течениями, которые предполагалось об'единить (социал-демократическим и народовольческим).

2. П. Л. Лавров — Комитету «Общества»

[Париж], 28 декабря [1891 г.]

Любезные товарищи!

Только-что я отправил письмо в Цюрих на адрес секретаря другого комитета[1]) (это лицо входит в состав и Вашего) по делу, близко подходящему к тому, о котором Вы мне пишите, и сейчас получил Ваше письмо. Вы желаете скорого ответа: я отвечаю немедленно, предлагая Вам прочесть только-что отправленное мною письмо, так как оно заключает многое, что мне пришлось бы теперь говорить[2]). Но в введении (или в послесловии), которое я имею в виду написать, я полагаю именно высказать, как, по моему мнению, должен относиться к современному национальному бедствию России русский революционер[3]). Но я неизбежно стою не только на точке зрения требования «конституции», а самым определенным образом на точке зрения социализма. Если до Вас дошли какие-либо сведения о тех рефератах, которые я читал в нынешнем году в Париже, и о тех письмах, которые я писал на брюссельские конгрессы[4]), то Вы могли видеть, что именно теперь, когда столько русских социалистов готовы спрятать красное знамя в карман, я считаю необходимым подчеркнуть, что наши политические требования вытекают из наших социалистических убеждений[5]). Я готов идти, если понадобится для общего дела, с какими-угодно социалистами, но ни с Бурцевыми[6]), ни с «Free Russia»[7]) вместе не пойду.

Брошюра, которую имеется в виду напечатать по поводу голода, будет не более 2 листов, следовательно, размер подходящий[8]). Если она удовлетворит

Ваше «Общество», то я буду очень рад. Если Вы к 5 январю пришлете мне оффициальное заявление о целях «Общества борьбы с голодом», то я прочту это заявление в составе моего реферата. В противном случае напишите, можно ли открыто упоминать об этом «Обществе» и в каком смысле.

Привет товарищам.

П. Лавров.

1. Повидимому, группа молодых народовольцев, входившая в О-во (см. вступительные замечания), поспешила запросить П. Лаврова об его отношении к цюрихскому плану общей кампании и вообще к возможности совместных действий с социал-демократами.

Как видно из письма П. Лаврова, эта группа своему запросу придала оффициальный характер: это был запрос секретаря партийного комитета, обращенный к лидеру направления.

2. Текст этого письма нам не известен. Около этого времени П. Аксельроду было показано «конфиденциально» одним из цюрихских народовольцев обширное послание П. Лаврова, заключавшее, между прочим, соображения о несвоевременности сближения народовольцев с социал-демократами. Повидимому, это и было то письмо, на которое ссылается здесь П. Лавров. Если так, то печатаемым здесь письмом, то есть предложением прочесть ответ, посланный цюрихским народовольцам, П. Лавров снимал с этого ответа конфиденциальный характер, который он ему первоначально придал.

3. Речь идет, очевидно, не о введении (или послесловии) к письму, отправленному к цюрихскому народовольческому кружку, а о введении (или послесловии) к какому-то труду, посвященному вопросу о голоде и упомянутому в письме к цюрихскому кружку. Повидимому, П. Лавров имел в виду брошюру «Голод в России» Ивана Сергеевского (Н. С. Русанова), которая в это время была уже написана автором и несколько позже действительно вышла с введением и послесловием П. Лаврова.

4. 16—23 августа в Брюсселе происходил международный социалистический конгресс (второй конгресс основанного в 1889 г. 2-го Интернационала). Анархисты, исключенные из состава конгресса, устроили ряд собраний, которым пытались придать характер параллельного конгресса. Повидимому, это и дало П. Лаврову основание писать о «брюссельских конгрессах». На социалистическом конгрессе было оглашено письмо П. Лаврова, являвшееся его ответом на приглашение участвовать в конгрессе. П. Лавров писал о невозможности для эмигрантов представлять страну, от которой они отрезаны самим своим положением.

5. Народовольцы обвиняли в это время социал-демократов в том, что те «прячут свое социалистическое знамя» ради политических, конституционных требований. Расхождение во взглядах обоих течений, лежавшее в основе этого обвинения, сказалось и в вопросе о задачах социалистов в борьбе с голодом. Для характеристики этого расхождения, определившего, между прочим, исход кампании, предпринятой цюрихским комитетом, приведем соответствующие заявления из «Всероссийского разорения» Г. Плеханова, с одной стороны, и замечания, которыми П. Лавров сопроводил брошюру Ивана Сергеевского, с другой стороны.

Г. Плеханов, в заключение «Всероссийского разорения», наметив ряд «действий и реформ», непосредственно необходимых для помощи голодающим, писал:

«Эти реформы могут быть предприняты лишь по почину всей русской земли и осуществлены лишь при ее деятельном участии. Осуществите их — и вы похороните русский царизм. Но никакое правительство никогда еще не поднимало на себя руки. Поэтому, ничего не ожидая от царизма, надо действовать вопреки ему. Все те честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, должны немедленно начать агитацию в пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль учредительного собрания, т. е. положить основы нового общественного порядка в России.

«Разумеется, в деле подобной агитации непременно должны обнаружиться партизанские и фракционные различия, существующие в среде людей революционного или оппозиционного образа мыслей. Но эти различия ничему не помешают. Пусть каждая партия и каждая фракция делает дело, подсказываемое ей ее программой. Результатом разнородных усилий явится новый общественно-политический строй, который во всяком случае будет большим приобретением для всех партий, кроме достаточно уже опозорившейся партии кнута и палки».

С другой стороны, П. Лавров в введении к брошюре «Голод в России» писал:

«И социалисты русские могут иметь и имеют общих врагов со всеми мыслящими несоциалистами в России. И они могут призывать всех русских в ряды общей армии борьбы против деспотизма, против эксплуатации русского народа, против его хронического голодания; но эту армию, если они искренни, они будут собирать под красным знаменем всемирного социализма...

«Да, единственное «доброе дело» для нас возможное, есть дело не филантропическое, но революционное. Да, наш единственный «долг», как социалистов — ускорить час падения капитализма и торжества социальной революции» (стр. 6).

И далее, в послесловии к той же брошюре:

«Принципы социализма остаются для искреннего, для мыслящего социалиста и теперь единственным руководством в личной деятельности и политической программы.

«Во имя этих принципов, общих для всех народов, русский социалист знает твердо и ясно в настоящее время, что его первым делом должно быть низвержение русского абсолютизма, который является главным препятствием развитию социализма в России, без устранения которого успешная пропаганда последнего невозможна...

«Эту задачу сознают все социалисты, хотя они расходятся между собой в приемах, для этого необходимых...

«Но одни считают нужным как бы умалчивать о своих социалистических убеждениях, доходя иногда в своих уступках до странной готовности временно отречься от принципов социализма; или даже до еще более удивительной готовности стать в ряды несуществующей и не имеющей никаких шансов организоваться «либеральной» русской партии. Другие ищут этого союза, громко провозглашая, что они ни на шаг не отступают от своих социалистических убеждений, что именно во имя этих убеждений они призывают в свои ряды всех врагов русского абсолютизма. Я полагаю, что лишь последний прием возможен и полезен для искреннего русского социалиста» (стр. 41-42).

6. В. Л. Бурцев — публицист и историк русского революционного движения. В 1889 г. редактировал вместе с В. Дебагорием Мокриевичем выходившую в Женеве радикальную газету «Свободная Россия». Позже выпустил в Лондоне один № журнала «Народоволец» и брошюру «Долой царя», был предан английскому суду по обвинению в призыве к цареубийству и приговорен к каторге. С 1900 г. издавал революционно-исторический журнал «Былое», выходивший до 1905 г. заграницей, в 1906—1907 г. г. в России и в 1908 г. снова перенесенный заграницу. В 1910—1912 г. г. выпускал журналы «Общее Дело» и «Будущность»; во время всемирной войны занял позицию крайнего оборончества и в духе этого направления вел в 1917 г. в Петрограде газету «Общее Дело», которую в 1918 г. возобновил в Париже, как орган, поддерживавший Колчака и Деникина, а позже Врангеля. Прославился разоблачением Азефа и других провокаторов.

П. Лавров считал вредным для революционно-социалистического движения направление «Свободной России», стремившейся растворить социалистические лозунги в требованиях буржуазного радикализма.

7. «Free Russia» — журнал, выходивший с августа 1890 г. в Лондоне под редакцией С. Кравчинского и Ф. Волховского (см. примечание 1-ое к 7-ому письму С. Кравчинского).

В то время, к которому относится печатаемое здесь письмо П. Лаврова, парижская группа народовольцев была вооружена против этого журнала за позицию, занятую им в вопросе о совершенном в Париже Ст. Падлевским убийстве русского жандармского генерала Сильвестрова. Французская либеральная и радикальная печать отнеслась к этому акту с нескрываемым сочувствием. «Free Russia», со своей стороны, отметила этот тон французской печати, как признак поворота французского общественного мнения в сторону симпатий к освободительному движению в России («Free Russia», 1891 г., № 6), но от принципиальной защиты акта Падлевского журнал воздержался, так как руководители его считали недопустимым перенесение террористической борьбы в свободную страну, дающую убежище политическим изгнанникам. П. Лавров, как и другие парижские народовольцы, склонен был об'яснять эту позицию «Free Russia» стремлением ее редакции приспособиться к общественному мнению Англии. (См. Э. А. Серебряков — «П. Л. Лавров по личным воспоминаниям», в сборнике «П. Л. Лавров», изд. «Колоса», Петроград, 1922 г.).

В письме «Общества борьбы с голодом», приведенном выше (1-ое письмо этого отдела), не было упомянуто о «Free Russia». Но из письма цюрихских народовольцев П. Лавров знал, что Общество предполагает связаться с лондонским кружком С. Кравчинского и Ф. Волховского, — это было существенным звеном в плане П. Аксельрода. Своим отказом идти вместе с «Free Russia» П. Лавров отказывался от сотрудничества с лондонским кружком, т. е. выступал против об'единения революционных сил в намеченных Обществом рамках.

8. Брошюра Ивана Сергеевского «Голод в России». Она была прочитана в Париже 22 января 1892 г., как доклад перед собранием русских граждан, со вступительным и заключительным словом П. Лаврова, и затем была издана «Кружком старых народовольцев».

3. П. Б. Аксельрод — Комитету «Общества»[1])

Цюрих, 31 XII 91 г.

Дорогие Товарищи!

Прежде всего, посылаем Вам наш товарищеский привет и горячее пожелание успеха затеянному Вами предприятию. Вы правы: со стороны революционеров-социалистов было бы непростительной ошибкой, вернее, преступлением перед собственным знаменем, если бы они не воспользовались кризисом, переживаемым теперь Россией, в интересах возбуждения конституционно-демократической агитации[2]) — в обществе и народных массах. Только такая агитация и может повести к избавлению русского народа от постигшего его бедствия и превратить голод в орудие освобождения нашей родины от царского и чиновничьего деспотизма, сковывающего развитие ее экономических, интеллектуальных и нравственных сил. Успех этой агитации будет, конечно, в значительной мере зависеть от степени энергии и целесообразности способов деятельности революционных групп в среде нашей интеллигенции и рабочих. Мы надеемся, при случае, еще печатно поговорить об этом вопросе, особенно, если политически сознательная и искренне относящаяся к общественным вопросам часть русско-заграничной молодежи энергично поддержит нас материальными средствами.

Мы употребили выражение «демократически-конституционная агитация» потому, что оно без обиняков, вполне определенно и конкретно обозначает совокупность главных практических задач, выпадающих на долю русских револю-

ционеров, в настоящий момент. Известно, что задачи эти являются с точки зрения социальной демократии, органической, составной частью социализма, а деятельность социалистов в сфере их решения — одним из важнейших фазисов в процессе подготовления социалистической революции. Поэтому, ни на йоту не поступаясь своими принципами, не делая ни малейшего насилия над своей социалистической совестью, мы можем со всей доступной нам энергией способствовать распространению в обществе и народе сознания необходимости конституционных порядков в России. И разумеется, чем активнее, последовательнее и самостоятельнее — что не исключает союзных отношений к другим оппозиционным группам — социалистические элементы примут участие в борьбе против самодержавия, тем плодотворнее будут результаты ее для народных масс.

Что касается до требуемой Вами брошюры, то по инициативе одного из членов нашего комитета, обещавшего доставить материальные средства для печатания, к составлению ее уже приступлено, и она уже почти готова[3]).

За редакцию «Социал-демократа»[4])

П. Аксельрод.

1. Чтобы сгладить в глазах цюрихской революционной молодежи не совсем благоприятное для целей «Общества борьбы с голодом» впечатление от приведенного выше письма П. Лаврова, П. Аксельрод, от имени редакции «Социал-Демократа», обратился к комитету Общества с настоящим письмом. Формально, это был ответ на будто бы полученное редакцией «Социал-Демократа» письмо комитета, тождественное с письмом, которое комитет послал П. Лаврову. Но, по существу, это был ответ на письмо П. Лаврова.

2. То есть, агитации за демократическую конституцию. Слова «конституционно-демократический» не имели в то время того партийного значения, которое они приобрели после образования партии под этим названием.

3. Брошюра «Всероссийское разорение», над которой в это время работал Г. Плеханов. Издание ее задержалось из-за отсутствия средств, и она была напечатана (с авторской пометкой 3—15 января 1892 г.) в четвертой книжке «литературно-политического обозрения» «Социал-Демократ», вышедшей весной 1892 г. Несколько позже эта работа была выпущена отдельной брошюрой, как издание «Русского социал-демократического союза».

4. «Трехмесячное литературно-политическое обозрение» «Социал-Демократ» начало выходить в феврале 1890 г. Деньги на это издание были предоставлены группе «Освобождение Труда» д-ром Гурьевым (шурином д-ра О. Веймара, осужденного в 1880 г. на каторгу по делу Квятковского и др. и умершего на Каре). В течение 1890 г. вышли 3 книги «Социал-Демократа» (в феврале, июле и декабре), затем издание приостановилось из-за отсутствия средств, и 4-ая (последняя) книга появилась лишь весной 1892 г. В четырех книгах «Обозрения» были помещены статьи: Г. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», «Русский рабочий в революционном движении», «Всероссийское разорение», «Наши беллетристы-народники (С. Каронин)» и др.; П. Аксельрод — «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг» и др.; В. Засулич — «Литературные заметки». Редактировал обозрение, главным образом, Г. Плеханов, но официально редакцией считалась вся группа «Освобождение Труда» в целом. Иногда группа в политических выступлениях предпочитала действовать не в качестве «группы», как таковой, а в качестве редакции «Социал-Демократа». Так, свой доклад брюссельскому международному социалистическому конгрессу (в августе 1891 г.) она подписала, как «la rédaction de la revue «Le Démocrate-Socialiste»». Подпись «за редакцию «Социал-Демократа»» под печатаемым здесь письмом П. Аксельрода означает то-же, что «за группу «Освобождение Труда»».

4. Воззвание Комитета «Общества»[1])

[январь 1892 г.]

Дорогие товарищи!

Нужна большая доля невежества или, в лучшем случае, наивности, чтобы в поразившем теперь Россию голоде видеть лишь случайное явление, а не неизбежный вывод из того порядка вещей, который так давно уже угнетает нашу несчастную родину. Нелепое и бесконтрольное управление финансами, огромная доля которых (большая половина нашего почти миллиардного бюджета) тратится непроизводительным образом на армию и проценты по займам, почти полная отмена земского самоуправления, безгласность печати, религиозная нетерпимость, возведенная в принцип, казарменный характер, приданный нашим университетам, — вот немногие из большого числа грехов русского деспотизма.

Последствия такого систематического нахального подавления всех живых элементов в стране, такого наглого попрания самых неот'емлемых прав человека и гражданина не могли не обнаружиться. С особенной выпуклостью несостоятельность нашего политического строя иллюстрируется, как самим появлением голода, так особенно сопровождавшими его обстоятельствами. Уже и теперь ясно, что могущественный, грозный, самодержавный властитель оказывается не в силах справиться с народным бедствием. И немудрено: общество, запуганное и забитое, отвыкшее от самодеятельности, знающее по горькому опыту, чего стоит соприкосновение с царскими слугами, предпочитает держаться в стороне. Состав земства, лишенного, по милости того же правительства, лучших своих сил, по справедливости никому не внушает доверия. Нет гарантий, что разоблачения, напечатанные в самом «Правительственном Вестнике»[2]) и касающиеся самарского земства[3]), — разоблачения, заставившие правительство устранить это земство от дела народного продовольствия, не окажутся применимыми и к тысяче других случаев, которым не доведется быть преданными гласности. Кто знаком с характером и традициями русской бюрократии, вряд ли может ожидать каких-либо плодотворных результатов и в том случае, если дело помощи голодающему народу будет поручено, как это делает теперь правительство, администрации. Словом, стоит только ознакомиться с картинами, вызванными современным голодом, и даже самый благонамеренный человек убедится, что узкие рамки патриархального домостроевского режима в политической области стали в противоречие с жизненными условиями России, что русское самодержавие делается страшной опасностью для самого существования страны. Нет сомнения, что глухое недовольство, всегда существовавшее в различных слоях населения, особенно широко разольется в нынешнем году, и что деятельная агитация в пользу конституции, в пользу созыва Земского Собора встретила бы в данный момент больше сочувствия, чем когда бы то ни было прежде. Было бы прямо преступным со стороны социалистов-революционеров, если бы они не воспользовались таким общим настроением и не направили бы всех своих усилий на борьбу с деспотизмом.

Признавая все предыдущее, несколько социалистов-революционеров, принадлежащих к различным группам революционной молодежи, решили составить из себя общество под названием «Общества борьбы с голодом».

Общество задается целью поднять агитацию в пользу политической свободы, пользуясь современным кризисом в России. Оно имеет в виду содействовать созданию, переправке и распространению в России соответственной литературы среди всех слоев населения, обращаясь за помощью ко всем оппозиционным элементам.

Сообщая об этом нашим товарищам, мы вместе с тем с удовольствием констатируем, что сочувственное отношение к затеваемому нами делу и содействие ему обещали, между прочим, редакция «Социал-Демократа», а также и П. Л. Лавров[4]). Обращаясь к товарищам за содействием, мы предлагаем им оставить на время в стороне разделяющие их программные пункты и соединить свои силы для общего дела. Одним из главных условий успеха его являются денежные средства, необходимые, как для издания литературных произведений, так и для перевозки. Для денежных сборов обществом изданы сборные листы за печатью общества. Просят также доставлять комитету всякого рода сведения, могущие оказаться полезными для его деятельности, особенно по части связей вне и внутри России.

Доверяя революционному чувству и политическому такту нашей молодежи, мы убеждены в ее посильной помощи общему делу[5]).

Печать (Общество борьбы с голодом)

1. Гектографированный листок, выпущенный Обществом в январе 1892 г. Автором его был, по всей вероятности, Я. Кальмансон.

2. «Правительственный Вестник» — ежедневная газета, выходившая до 1917 г. в Петербурге, как официальный орган правительства.

3. Самарскому земству правительство ставило в вину несвоевременное принятие мер помощи голодающему населению, неправильное составление списков нуждающихся (без различения крестьян состоятельных и бедных), нераспорядительность при закупке хлеба и приобретение недоброкачественного зерна. В поспешности, с которой были опубликованы результаты правительственной ревизии деятельности самарского земства, могло сыграть некоторую роль стремление правительства дискредитировать земство вообще и переложить на него ответственность за бедствия голода (см. «Русская Мысль», январская книжка за 1892 г.).

4. Из письма П. Лаврова секретарю комитета мы видим, что о сочувствии П. Лаврова предпринятому комитетом делу можно было говорить лишь в весьма ограниченном смысле.

5. Молодежь откликнулась на этот призыв, между прочим, изданием гектографированной брошюры за подписью «Глас народа». Экземпляр этой весьма любопытной брошюры сохранился в архиве П. Аксельрода, и мы приведем здесь из нее наиболее характерные места.

«По дошедшим до нас сведениям, — говорится в начале брошюры —, в Париже имеет быть — или даже уже был — с'езд представителей различных русских революционных партий и воззрений, с целью сконцентрировать свои общие боевые силы на том или ином пункте борьбы или, может быть, на всей целиком*).

«По разным другим причинам, а между прочим и потому, что нам точно неизвестно, представители каких партий и воззрений будут участвовать на с'езде, мы

*) В действительности, этот с'езд не состоялся. Прим. ред.

не в состоянии точно определить, к чему приведет их попытка соглашения; но уже a priori [заранее] мы уверены, что не может, в самом деле, не быть каких нибудь общих пунктов соглашения в общей для них борьбе.

«С радостью приветствуем мы поэтому, а также и вы, товарищи, вероятно, этот, как нам кажется, весьма важный шаг, который может и должен иметь весьма важное значение для дела, которое всем нам равно дорого.

«Концентрация всех революционных элементов — вот чего нам не достает. Против общего врага и борьба [должна] вестись общими силами; особенно в такое горячее время, как теперь, когда боевая линия открыта вся, когда фактическое положение вещей дает возможность вести борьбу на всех пунктах.

«А время для России очень горячее...»

Далее следует довольно пространное описание состояния России по данным легальной печати (сельское хозяйство, промышленность, внутренняя и внешняя торговля, финансы, бессилие земства), которое приводит авторов брошюры к выводу, что

«подобные общественно-исторические явления не могут пройти бесследно для нашего отечества...

«Не должны, да и не могут, они пройти бесследно и для тех, для кого мысль о «судьбах России», о своих отношениях к этим последним является центральной в их нравственно-интеллектуальном сознании.

«Сконцентрировать свои силы, как бы они ни были незначительны, на том, чтобы, по крайней мере, как можно сознательней пережить нынешний момент русской общественно-исторической жизни — против этой мысли нельзя возражать, можно только быть против нее.

«Итак, товарищи, сконцентрируемся по местным условиям в каждом отдельном городе. Изберем к[акую]-н[ибудь] существующую центральную группу или пригласим к[ого]-н[ибудь] из наиболее уважаемых русских политических эмигрантов учредить такой новый центр, в котором мы сосредоточили бы свои материальные и умственные средства*).

«Предложим ему (центру) разослать запросные листы по известным адресам с приглашением принять посильное участие в том, чтобы усилить деятельность к[акого]-н[ибудь] существующего органа или открыть новый в к[акой]-н[ибудь] форме; при чем пригласить адресат[а] указать определенно те умственные и материальные средства, которые он готов предложить для подобного участия.

«Постараемся завести более деятельные сношения с знакомыми в России для организации и более успешной передачи корреспонденции о положении дел там и вообще для привлечения их к возможному участию в нашем деле и своими средствами, если они не заняты по крайней мере чем-нибудь подобным у себя...

«Употребим особенные усилия для успешного транспортирования нашей революционной литературы, соответствующей запросам современной русской жизни, в Россию, если там не создают собственной.

«Для последних пунктов особенно недостаточно одних материальных средств — поэтому, не ограничимся только этими последними, а предложим также свои личные (конечно, зарекомендованные) услуги, кто считает это своим долгом и чувствует себя в силах...

«Став лицом к лицу непосредственно с тем, что происходит теперь в России, мы бы, по крайней мере, в смысле поучительности, так пережили бы современный общественно-исторический момент русской жизни, как едва ли нам удастся пережить его, при всех наших усилиях, по газетным корреспонденциям.

«А м[ожет] б[ыть], история призывает нас к «увеличению сил и средств, кото-р[ыми] будет располагать общественная помощь» в момент того «страшного неизвестного, но близкого будущего, наступление которого в страхе ожидается уже и теперь в русском обществе» (частн[ое] пись[мо])»...

В сопровождавшем эту брошюру «письме к товарищам» звучат нотки, характеризующие общественную атмосферу, в которой развивалась кампания цюрихского Комитета.

---

*) Мы предлагаем Петра Лавровича Лаврова или редакцию «Социал-Демократа».

«...Мы не преувеличиваем ни цены, ни значения [нашего труда]. Даже больше, если бы мы были уверены, что одновременно с ним издается нечто подобное, но людьми более нас сведущими, более компетентными, людьми, от которых мы и сами ждали подобного издания, — мы себе не позволили [бы] выпустить в свет нашего «письма»*).

«Но... товарищи, мы уже давно чувствовали, что «пора... пора»..., а между тем отовсюду слышится только: «сушь, смерть...»; не хватает жизненности даже для самооживления, помимо уже к[аких] н[ибудь] более широких жизненных задач...

«Еще раз, нашим «письмом» мы не имеем в виду сделать упрека тем, которые не могли не чувствовать, что на них устремлены напряженные взоры в ожидании услышать от них спасительное слово, тем, которые работой целой жизни, по справедливости, и завоевали себе право на это слово, но вместе с тем... обязанность.

«Наше слово относится к тем, которые ждут, ропщут, а между теми сами, под давлением каких то широких задач, чудодейственных программ, которых они ждут от других, отвлекают свое внимание от задач, менее широких, но также, по нашему крайнему разумению, вполне уместных в систематическом ряду прогрессивных жизненных задач нашего момента, задач, тем самым тоже благотворных, но зато им посильных».

Автор этой брошюры «письма» нам неизвестен. П. Аксельрод предполагает, что в составлении брошюры участвовал Б. Кричевский.

5. Секретарь «Общества» — С. М. Кравчинскому[1])

[Цюрих, февраль 1892 г.]

Многоуважаемый Сергей Михайлович!

По мысли, поданной одним из редакторов «Социал-Демократа», Павлом Борисовичем Аксельрод, в Цюрихе несколько месяцев тому назад основалось «Общество борьбы с голодом» с целью поднять широкую пропаганду в пользу созыва Земского Собора. С самого начала предполагалось, что идея, легшая в основание Общества, может об'единить вокруг себя все русские оппозиционные элементы, находящиеся заграницей. И действительно, Комитет цюрихского Общества составлен из лиц, принадлежащих к различным революционным фракциям; воззвание[2]), с которым этот же комитет обратился к товарищам, проживающим в других европейских городах, встретило всюду сочувственное отношение. Без «но» дело, однако, не обошлось. Со многих сторон делались и делаются заявления, что дело надо об'единить, что это не под силу безымянному и никому неведомому комитету[3]). Нечего и говорить, как это справедливо. Цюрихский Комитет и решил поэтому обратиться к Вам с предложением сообщить ему, не согласитесь ли Вы, вместе с гг. Плехановым и Лавровым, взять на себя в качестве Центрального Комитета, об'единение и организацию всех образо-

*) Брошюра Г. Плеханова в это время (февраль 1892 г.) еще не вышла, а брошюра Ивана Сергеевского с введением и послесловием П. Лаврова, если и была уже отпечатана, не могла удовлетворить авторов «письма». Прим. ред.

вавшихся в различных европейских городах комитетов «Общества борьбы с голодом».

Подобные же письма отправлены гг. Лаврову и Плеханову.

Надеемся получить от Вас скорый и положительный ответ.

С глубоким уважением

за Комитет

Секретарь Я. Кальмансон.

Печать („Общество Борьбы с Голодом").

Адрес: Zürich, Mühlegasse 33, Y. Kalmansohn[4]).

(Приписка П. Б. Аксельрода)

Дорогой Сергей!

Меня просят засвидетельствовать перед тобою политическую благонадежность здешнего комитета «Общества борьбы с голодом». Охотно исполняя желание членов этого комитета, я пользуюсь вместе с тем случаем напомнить тебе о своем существовании. Я хотел написать тебе подробнее и мысленно составлял уже довольно большое послание к тебе. Но мне в последнее время так много возни было (и есть) с письмами, что просто устал, обрыдло. При том же В. [В. И. Засулич] и Ж. [Г. В. Плеханов] с тобою и товарищами твоего кружка ведут переписку на ту же тему, на которую я намеревался писать[5]). Я, признаться, надеялся, что с твоей компанией гораздо быстрее и легче будет сойтись, чем с Лавровской[6]), у которой мелочные личные счеты на первом плане, а политические соображения уже на втором. Может быть, личные старые симпатии и традиции обманывают меня, но мне почему-то кажется, что между нами и Вами могли бы легко установиться очень тесные, искренние отношения, от которых выиграло бы наше общее дело.

Привет Фани и всем товарищам. Сообщи свой адрес.

Жму руку.

Твой Павел.

1. Печатается с оригинала, оказавшегося в архиве П. Аксельрода, получившего это письмо, как и некоторые другие бумаги, из Лондона через А. Зунделевича.

2. См. выше воззвание комитета «Общества», январь 1891 г.

3. Брошюра, цитированная нами в примечании 5-м к помещенному выше воззванию, была отчасти ответом на подобные заявления.

4. Адрес П. Аксельрода, у которого жил Я. Кальмансон.

5. Эта переписка началась еще в декабре 1891 г., когда П. Аксельрод был в Морне, где группа «Освобождение Труда» приняла его план политической кампании в связи с голодом.

6. Сравни печатаемое ниже письмо П. Лаврова.

6. П. Л. Лавров — секретарю «Общества»[1])

Париж, 25 февраля 1892 г.

Любезный товарищ!

Спешу ответить на Ваше письмо от 22 февраля, писанное от имени Комитета[2]). Искренне благодарю Комитет за доверие, но ни мои годы, ни мое здоровье, ни мои занятия не позволяют мне взять на себя нового трудного дела, как «организацию и об'единение всех образовавшихся в различных городах Европы Комитетов Общества Борьбы с Голодом», комитетов, состав которых мне неизвестен. К тому же образование «центрального комитета» из Г. В. Плеханова, Степняка и меня было бы, пока, несвоевременным, так как мы еще ожидаем здесь письма, обещанного Георгием Валентиновичем, которое должно послужить первым шагом к соглашению, им предложенному[3]), а Сергей Михайлович никаких переговоров по этому поводу с нами не начинал. Впрочем, я и вообще имею особое мнение о роли эмиграции в настоящую минуту. Это мнение я набросал в небольшой статье: «Революционеры внутри страны и вне ее». По некоторым соображениям эта статья напечатана вовсе не будет или, во всяком случае, не теперь. Но я могу прислать Вам копию с нее с тем, чтобы ее прочитали не публично, а лишь в заседании Комитета, или пригласили лишь тех, кто серьезно занимается вопросами о русском движении, а не вообще любопытствующую публику. Напишите мне, сочтет ли Комитет возможным выполнить это условие[4]).

Еще раз благодаря Комитет за доверие и сожалея, что не могу воспользоваться им, прошу передать мой привет товарищам.

П. Лавров.

1. Письмо послано на имя Я. Кальмансона.

2. Это письмо было сходно, а, может быть и тождественно с письмом С. Кравчинскому, помещенным выше.

3. После совещания группы «Освобождение Труда» в Морне (см. вступительные замечания к настоящему отделу) Г. Плеханову пришлось быть по делам в Париже, и он воспользовался этим случаем для переговоров с народовольцами (в особенности, с П. Лавровым) о совместной кампании в связи с голодом. Народовольцы условием своего участия в совместных действиях с группой «Освобождение Труда» поставили требование, чтобы группа публично отказалась от характеристики, которую она дала (в своем «Докладе» Брюссельскому социалистическому конгрессу 1891 г.) позднему народовольчеству, как русскому бланкизму. Повидимому, в феврале 1892 г. П. Лавров ждал еще от Г. Плеханова такого печатного заявления.

4. Это условие было Комитетом принято, и П. Лавров прислал в Цюрих копию своей статьи, которая и подверглась обсуждению в цюрихском кружке революционной молодежи, входившей в состав «Общества борьбы с голодом». См. ниже письмо этого кружка к П. Лаврову.

7. С. М. Кравчинскій — комитету «Общества»

Лондон, 21 марта 1892 г.

Дорогие Товарищи!

Письмо Ваше[1]) было доставлено мне всего два дня тому назад и потому не взыщите за промедление. — Извиняюсь заранее за краткость моего ответа, происходящую, поверьте, не от нежелания побеседовать основательно о Вашем предприятии, а от полного недостатка времени. — Это же обстоятельство служит главной причиной, заставляющей меня отказаться от роли, которой Вы меня почтили. О Вашем обществе я слышал от Веры Ивановны[2]) и, признаться, не совсем понимаю, что это такое. Оно названо «Обществом Борьбы с Голодом», насколько понимаю, только для формы, во избежание более яркого названия, которое бы могло запугать людей умеренных, стремящихся тоже к завоеванию политической свободы. Не знаю, насколько такая тактика основательна. Мне кажется, более ясное заглавие было бы предпочтительнее. Потом, не ясно, какая собственно деятельность намечается обществу. Оно заграничного происхождения, хотя к нему принадлежат многие из легальной молодежи, имеющие двинуться в Россию. — Я решительно и безусловно против заграничных организаций, которые бы вздумали руководить русскими делами. Заграница имеет одну функцию и только — литературу, теоретическую разработку общих и частных (практических) вопросов. Все, что сверх того, то от лукавого. Конечно, если Общество имеет в виду перенестись в Россию, то это дело другое: начало организации можно положить в Париже так же удобно, как и в Петербурге. Я только против практического руководства из заграницы, а не против обсуждения всяких вопросов. — Это, впрочем, все говорится только к слову. Еслиб оказалось, что общество задается целями вполне мне симпатичными (т. е., ведется путями симпатичными, так как о цели не может быть и речи), то и тогда я бы не мог взяться за то, что Вы называете организациею. Просто некогда. Нужно разделение труда хоть до некоторой степени. Литературная работа поглощает все мое время, а организационная работа вещь по меньшей мере такая же сложная и требующая такой же траты времени, как литература.

Перепиской ничего не сделаешь. Да и смешно соединяться и соединять людей, о которых не имеешь ни малейшего понятия. Нужны поездки по центрам, куда собираются русские, а об этом мне нечего и думать.

И так, любезные товарищи, могу, только поблагодарить Вас всех за доверие и пожелать Вам всякого успеха[3]).

Ваш Сергей Степняк.

1. Письмо 5-ое помещенное выше.

2. Повидимому, С. Кравчинский имел в виду письмо В. И. Засулич из Морне, от декабря 1891 г.

3. П. Аксельрод помнит еще о другом письме С. Кравчинского по вопросу о кампании в связи с голодом. В этом письме, уклоняясь от участия в кампании, он ссылался на то, что ни у швейцарской эмиграции, ни у лондонского кружка нет необходимых сил («у вас нет ничего и у нас нет ничего»). Возможно, что это было письмо С. Кравчинского В. Засулич.

8. Кружок цюрихских революционеров — П. Л. Лаврову[1])

[март 1892 г.]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

С благодарностью возвращаем Вам, многоуважаемый Петр Лаврович, присланную Вами рукопись[2]). Чтение ее вызвало в собравшемся для этой цели кружке товарищей довольно оживленный обмен мнений, и тут же было решено сообщить Вам в письме те соображения, которые заставляют нас прийти к выводам, существенно отличным от тех взглядов, которые изложены в Вашей записке. Мы надеемся, что вы тем менее будете иметь против того, чтобы выслушать наше мнение, что речь ведь идет о вопросах не принципиального характера, а свойства чисто практического.

На предпоследней странице (33) своей статьи Вы говорите:

«Революционная программа этой великой битвы должна сама собой*) выработаться на почве нашей родины людьми, которые там действуют под влиянием тамошних событий. Когда развернется знамя революции, имеющей шансы на успех, тогда русские эмигранты должны стать под это знамя, если только убеждения дозволяют им подобный союз».

Русских эмигрантов такая ничтожная горсточка, что, когда развернется знамя революции, они своим вмешательством ни на один волос не склонят победы ни в ту, ни в другую сторону. Их роль тогда не начинается, а кончается. Это, во-первых. Во-вторых, словами: «если только убеждения дозволяют им подобный союз», Вы допускаете возможность несогласимости наших убеждений с известного рода революцией. Не должны ли социалисты-революционеры постараться, по мере сил, направлять движение по такому пути, чтобы такая возможность не наступила. Правда, такие старания со стороны эмигрантов могут придти в столкновение с программой, которая сама собой выработается под влиянием тамошних событий тамошними же людьми. Но, право, это не беда. Тамошние события и обстоятельства вовсе не таковы, чтобы содействовать выработке ясных и научных программ, при чем, конечно, под программой мы понимаем не техническое ведение дела. Техника не программный вопрос и не может быть единообразна для всей России, а меняется с каждым городом и с положением каждого отдельного деятеля.

Далее, на той же странице, Вы делаете вывод: «А пока движение в России не определилось, пока программа завтрашних руководителей в борьбе с абсолютизмом не выставлена, русской эмиграции приходится лишь готовиться к этому великому дню». А мы думаем, что эмиграция, поскольку она действительно проникнута принципами научного социализма, имеет своей задачей содействовать тому, чтобы не определившееся пока движение в России определилось в духе исповедуемых этой эмиграцией социалистических принципов. Русской эмиграции надо не столько готовиться к «этому великому дню» (великий день обойдется,

*) Курсив в рукописи (примечание автора письма).

пожалуй, и без нее), а подготовлять его, поскольку это от нее зависит. А зависит от нее только одно: создание соответственной литературы и распространение ее — на наш взгляд, это дело огромной важности, а не только «почва для **будущего** дела».

Но, чтобы это дело делалось с успехом, необходимо сосредоточить на нем все свои силы, надо действовать планомерно, содействовать друг другу, а это возможно лишь тогда, когда все социалистические силы об'единятся. Мы решительно не можем понять, почему «теперь соединение фракций едва ли могло бы быть иным, как придуманным, искусственным и вызывающим сложные рассчеты при обсуждении спорных пунктов, которые завтра, может быть, в виду реальных событий, потеряют всякое значение».

Если иметь в виду пользу дела, то какие сложные рассчеты могут возникнуть при обсуждении спорных вопросов? И какие реальные события могут уничтожить значение соединения социалистических (об этих идет у Вас речь) фракций? Разве только осуществление социализма могло бы это сделать, но на него вряд ли можно рассчитывать в ближайшие годы. А до тех пор не может быть таких событий, которые сделали бы лишним об'единение тех соц. групп, которые теперь идут отдельно.

В заключение позволим себе заметить, что эмиграция имеет много преимуществ перед революционерами внутри России. Мы не то только имеем в виду, что эмигранту легче проникнуться духом научного социализма и глубже понять значение рабочего движения. Само положение дел в России, в общем виде, эмигрант может удобнее обозреть. До чего мысль многих революционеров внутри России беспомощна и запутана, Вы лучше всего могли убедиться из брошюры, изданной Емельянченком[3]).

1. Это письмо является ответом на статью П. Лаврова, о которой упоминается в его помещенном выше письме от 25 февраля 1892 г. на имя секретаря «Общества борьбы с голодом». Письмо написано Я. Кальмансоном. В архиве П. Аксельрода сохранился еще другой вариант этого письма, тоже написанный Я. Кальмансоном и являющийся, повидимому, первоначальным проектом, который получил в воспроизводимом здесь тексте более законченную литературную обработку.

2. «Революционеры внутри страны и вне ее» (см. письмо П. Лаврова от 25 февраля 1892 г.

3. **Емельянченко** — бывший симферопольский гимназист, в 1887 г. был сослан в Сибирь по народовольческому делу, бежал с места ссылки за границу, выпустил в Женеве две брошюры, не имевшие успеха и вызвавшие, в частности, неодобрительные отзывы со стороны П. Лаврова. Позже вернулся в Россию и в 1895 г. был выслан на 8 л. в Восточную Сибирь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПИСЬМА МАТРОСА АРСЕНИЯ СИЦКОГО

Арсений Сицкий — имя первого рабочего, по собственной инициативе обратившегося непосредственно к группе «Освобождение Труда», нашедшего у нее ответ на мучившие его вопросы о причинах эксплуатации и путях к освобождению рабочего класса и предложившего ей свои силы для распространения ее идей.

Сын дьякона в Городце, Нижегородской губернии, Арсений Сицкий прошел три класса нижегородской духовной семинарии, затем в 1884 г. уволился из семинарии и поступил на пароход, мечтая стать морским офицером. О своей дальнейшей судьбе он так рассказывает в одном из писем П. Аксельроду: «Здесь, на пароходах, испытал и выпил чашу рабочего до дна, и потому решительно отказался от всяких поползновений сделаться паразитом-бездельником — иметь труд более обеспеченный и свободный, не такой продолжительный, но быть помощником капитана, огрубеть, излениться, ничего не делать, привыкнуть волей-неволей грубо обращаться с матросами. Из боязни всех этих зол я забыл и думать о карьере».

Над общественными вопросами А. Сицкий начал задумываться с 1889 г., под влиянием переписки со студентом медицинской академии Н. С. Разумовым, бывшим нижегородским семинаристом. Будучи по всему своему душевному складу «искателем правды», первоначально он увлекся идеями Л. Толстого, сочинения которого были, по его выражению, «в моде» у помощников капитана на пароходе, на котором он служил, и следы этого увлечения нетрудно заметить во всех его письмах. Повидимому, с толстовства начался интерес Сицкого к «запрещенным книжкам». Плавая на частной яхте Кузнецова в Средиземном море, Сицкий имел возможность в заграничных портах посещать книжные лавочки и здесь напал на революционные брошюры, которые живо заинтересовали его и пробудили в нем желание лично сблизиться с социалистами.

Случайно в 1891 г. ему попалась брошюра М. Драгоманова, в которой автор приглашал желающих обращаться к нему за справками и раз'яснениями.

Сицкий, воспользовавшись этим приглашением, обратился к Драгоманову с просьбой «указать путь, по которому он мог бы сблизиться с социалистами, чтобы научиться познать истину, приобрести хоть какое-нибудь политическое образование и тогда, хотя бы на закате дней, принести свою лепту в сокровищницу жизни». Но это письмо, как и следующее, повторявшее ту же просьбу, осталось без ответа, — Драгоманов был в то время болен, и возможно, что письма матроса даже не дошли до него.

В это время Сицкому попалась одна из изданных группой «Освобождение Труда» брошюр, на обложке которой был указан адрес типографии для обращения с заказами. Он послал письмо по этому адресу. Группа заинтересовалась матросом, ищущим связей с социалистами. Г. Плеханов, получивший от работавшего в типографии группы наборщика С. Левкова письмо матроса, переслал его в Цюрих П. Аксельроду, и последний написал Сицкому письмо, в котором предлагал ему заняться распространением с.-д. брошюр среди знакомых, а также написать что-нибудь о матросском быте для изданий группы. Не имея адреса Сицкого, П. Аксельрод послал это письмо в Женеву Г. Плеханову, который и отправил его матросу со своей припиской.

О том, какое впечатление произвело это письмо на матроса, и как в дальнейшем развивались его отношения к группе, мы узнаем из печатаемых ниже его писем к П. Аксельроду.

Но не только для Сицкого эта переписка была событием величайшей важности, — бережно и любовно относился к этой переписке и П. Аксельрод. К сожалению, редакция не имеет в своем распоряжении его писем к матросу, и трудно даже предположить, чтоб они сохранились. Но по ответным письмам Сицкого можно отчасти восстановить содержание этих писем.

Письма А. Сицкого мы воспроизводим здесь целиком.

1. А. Сицкий — Левкову

[Канны, 27 января 1892 г.]

Будьте здоровы, многоуважаемый Г. Левков[1]) (иначе или точнее, к сожалению, не знаю Вас назвать).

Благодарю, благодарю Вас, Г. Левков.

Моя родина — село Скородум Нижегородской губернии, — от Нижнего Новгорода около 50 верст.

Я помню: когда меня отец вел, по окончании двухклассного училища в Городце, в Нижний Новгород, город далеко из луговой стороны был виден, расположенный на другом гористом берегу Волги. Я был страшно утомлен, так как уже с утра прошел больше сорока верст, но, когда увидел красивый город издали, как бы одетый легким, прозрачным, синим покрывалом, я тогда забыл совершенно усталость, почти забыл и тот страх, какой я ощущал, думая о тех учителях, каких мне придется встретить в новом училище. Отчасти похоже мое настоящее душевное состояние на то впечатление, которое я имел в детстве при виде Нижнего Новгорода. Положим, я очень хорошо знаю, что Вы все там трудитесь не ради того, чтобы получить благодарность, т. е. ради удовлетворения честолюбия или самолюбия, — но тем не менее я не могу молча принимать от Вас, г. Левков, те благодеяния, что Вы делаете мне. Спасибо Вам, г. Левков!

Судьба или просто слепой случай никогда меня не баловал, а всегда как то так случается, что чего бы я ни захотел получить или достигнуть, никогда мне не удается сразу, а вечно приходится выжидать или бороться до последней крайности, чтобы достигнуть хоть какой-нибудь ничтожной, низкой цели. Дело в том, что я послал Вам деньги — 15 фр. 5 (17) января и при этом совершенно не знал, пойдем ли мы куда-нибудь яхтой, потому что у нас и сам капитан ничего наверное не знает; вздумается владельцу, г. Кузнецову, куда-нибудь пойти или зачем-нибудь послать яхту, — пришлет он из гостиницы записку: «Сегодня сниматься туда то», скажет в записке. Сейчас зажгут печи, разведут пары, вира (поднимай) якорь, и пошли. Во время русских рожд[ественских] праздников был у нас строитель этой яхты инженер Ватсон из Гренока в Шотландии; потому что яхта только в прошлом июле прошлого года была построена окончательно, в

августе пришла в Севастополь с самим Кузнецовым, встретившим яхту в Гавре. На пути в Севастополь рассмотрели, что одна из главных принадлежностей очень сложной машины довольно плохого достоинства и долго прослужить не может. Решили яхту отправить опять в непродолжительном времени в Греной, — нашлись тут и другие принадлежности судовые, требующие или исправления или изменения; для осмотра и на совет был вызван Кузнецовым г. Ватцон, — к слову сказать, достойный всякого уважения. Но погода помешала нам выйти из гавани Канн на пробу для Ватцона — при Ватцоне, как на зло, свирепствовали в море сильные штормы — Ватцон так и уехал, а яхту решили послать с общего согласия и, конечно, главным образом, по желанию Кузнецова, не ранее апреля месяца, а до того времени яхта будет при Кузнецове самом, который если и снимется своей яхтой куда нибудь из Канн, то не далее южных портов Франции и при том отличающихся здоровым, полезным климатом, так как он чахоточный. Во время пробы предполагали зайти куда-нибудь, в Тулон или Марсель, чтобы запастись углем; потом слышно было, когда Ватцон не дождался хорошей погоды, что уголь нам привезут по железной дороге из Марселя. В видах вот этих слухов я и послал Вам деньги, не предупредив ничего о возможности ухода яхты из Канн. Потом вдруг 6 (18) января получается известие от Кузнецова, что яхта должна сняться завтра в Марсель, в док, покрасить подводную часть и потом принять в угольные ямы полный груз угля. Мы снялись (19) января, а 18 мне послано было письмо из Annemasse[2]) в красном конверте и писанное двумя господами, в котором, к моей большой радости, второй приписал несколько строк Г. Плеханов.

Право, я теперь невольно часто задаю себе вопрос: да стою ли я, достоин ли, чтобы со мной имели сношения какие-либо те господа, от которых я теперь получаю письма?!! Я скажу Вам содержание этого письма и другого, которое я получил из того же Annemasse, как раз вместе с Вашим, все здесь же — в Марселе. Главное содержание за подписью Г. Плеханова письма такого рода: говорит неизвестный[3]), что все книги, какие я просил, посылаются, потом предлагают прислать еще по экземпляру или по два Ваших Женевских изданий, если только я пожелаю и если у меня есть знакомые в России, интересующиеся книгами, и, главное, если я могу взять книги с собою; потом, мне неизвестный господин делает честь — предлагает написать что-нибудь о матросском быте, обещая поправить мой слог. Г. Плеханов успокаивает меня на счет начальства и подтверждает, чтобы я писал. Не зная адреса писавших мне это письмо, отвечу Вам на него, Г. Левков. Но прошу Вас, будьте так добры, сообщите им мой ответ.

За книги, конечно, я глубоко благодарен. Описать матросский быт в «Русском Обществе Пароходства и Торговли» и притеснения там матросов я уже сделал некоторого рода вступление или просто начинаю в свободные вечера понемногу писать[4]). Заранее покорнейше прошу извинить меня, когда я пришлю Вам свое описание матросского быта, потому что, кроме того, что я глуп и не образован, еще и помещение наше гораздо более моей неспособности мешает написать что-нибудь и сколько-н[ибудь] систематическое и порядочное. Представьте себе кубрик, в котором мы, матросы и кочегары, помещаемся в количестве 32 человек.

Вы сидите за общим столом, — с вами вместе рядом сидят 8—10 человек; играют в карты или поют, а чаще рассказывают все подробности про кабачки и дома терпимости, где они вчера или ранее, или же сегодня подвизались. Затем встаем мы на работу ½ шестого, а кончаем теперь, зимой, в 5 ч. чрез одну ночь, другую надо стоять на вахте — часовым по палубе. Поужинаешь, умоешься, сядешь писать или читать, но больше двух-трех часов заниматься нельзя, — иначе завтра тяжело будет работать, — даже будешь чувствовать себя немного как будто нездоровым.

На счет книг: мы в Россию не попадем ранее конца лета, потому что в апреле пойдем в Гренок, там пробудем наименьшее полтора месяца. А когда пойдем в Россию, то неизвестно, в какой порт, — в Петербург, Одессу или в Севастополь. Но всего вероятнее, что пойдем прямо в Севастополь, потому что яхта севастопольского яхт-клуба и потому, главное, что недалеко от Севастополя Кузнецов имеет роскошную дачу-имение — «Форос», в которой он желает пожить немного, потому что прошлое лето был в своем «Форосе» только два-три дня. А так как мы пойдем в Севастополь, то я легко могу спрятать книги, потому что севастопольская таможня непрактична в розыске запрещенных плодов даже в виде шелка, а о книгах им никогда и в голову не придет. При том же, когда придет яхта, чиновников таможенных, как дважды два, будут поить шампанским, а простые досмотрщики постараются напиться у нас в кубрике. Знакомые у меня найдутся такие, которые интересуются книгами, и я, конечно, буду на высоте счастия и блаженства, если мне удастся послать и раздать Ваши книги интересующимся ими. Да, я постараюсь, сколько моих сил хватит, распространить ваши книги, но, конечно, постараюсь также быть осторожным, чтобы не встретить contra (сопротивления). В этом случае особенно было бы прискорбно, потому что я только еще приближаюсь к тем вратам, за которыми жизнь человека, а не подобие ее только.

Я не знаю, какое количество книг, об'ем их вы намерены прислать, а потому и не могу наверное ответить Вам, куда и когда их удобнее для меня можно будет прислать. Если количество довольно внушительно и об'ем солиден, то по моему прислать их лучше в два-три раза с малыми промежутками времени; если нет, то можно разом все. Затем, есть слухи, что вскоре по возвращении в Канн, яхта с Кузнецовым в председательстве пойдет в Корсику, — какой порт, не знаю. Поэтому, подождите присылать, пока я не узнаю наверное, и тогда буду иметь честь сообщить Вам.

Передайте, прошу Вас, Г. Левков, Г. Плеханову мою глубочайшую признательность Ему за Его доброе внимание ко мне; что же, может быть, я когда-нибудь оправдаю Его внимание, может быть, я не настолько подл и бессилен, чтобы, хотя современем, не оправдать Его доверие! По крайней мере, я надеюсь. Передайте, прошу Вас, и тому Господину, что написал это письмо с припиской Г. Плеханова; я охотно — с радостью и благодарный принимаю Его предложение на счет книг; при том, может быть, те, которые будут читать Ваши книги, сами добровольно пожелают заплатить их стоимость, и тогда я перешлю Вам деньги. Письмо,

которое я получил в один вечер с письмом от Вас, многоуважаемый г. Левков, именно 14 (26) января, было за подписью Господина «Kouzma Lakhotzky»[5]); адрес господина Лакотского: Ch. Dancet, 15 II. Из этого адреса, пусть извинит меня г. Лакотский, я ничего не понял; не понял, главное, город или место, куда я должен послать Ему ответ. Покорнейше прошу извинить меня, что и на это письмо отвечаю Вам же, многоуважаемый г. Левков!

Что же я могу ответить г. Лакотскому? Только то, что спасибо и спасибо Вам всем, Господа! Я сожалею, что много хлопот Вам наделал с книгами, но впрочем иначе и быть не могло: я, начинающий учиться уму-разуму, естественно со страхом и трепетом приступаю к этому учению, а наше начальство в общем не совсем то либералы, но больше имеют закваску Р[усского] Общества П[ароходства] и Т[орговли]. Нужно признаться, — я раньше, чем послать Вам, многоуважаемый г. Левков, письмо с просьбой сообщить мне свой адрес для присылки денег на Ваше имя, — писал уже два раза г. Драгоманову — редактору «Громады»[6]); в письмах я просил г. Драгоманова, опираясь на post scriptum его книжки, имеющейся у меня, «Письмо Белинского к Гоголю» (все вопросы, заявления и предложения могут быть адресуемы на его имя, чтобы г. Драгоманов указал мне путь, по которому я мог бы сблизиться с социалистами, чтобы научиться, познать истину, приобрести хоть какое-нибудь политическое образование и тогда, хотя бы на закате дней, принести свою лепту в сокровищницу жизни. С этой же целью я и спрашивал о нем в предыдущем письме, не получая с своей стороны никакого ответа. Теперь читаю и узнаю из письма г. Лакотского, что он серьезно болен. Ужели прекратится Его деятельность?!!

Да! Я отвечаю г. Лакотскому, — я бы покорнейше просил Вас, г. Лакотский, будьте так добры, если это не затрудняет Вас, сообщите мне, как здоровье г. Драгоманова. Благодарю Вас, г. Лакотский, оставайтесь здоровы и счастливы! От души благодарный — к Вашим услугам Арсений Сицкий.

Теперь буду кончать свое послание Вам, многоуважаемый г. Левков. Я писал о матросах, начинающих знакомиться с книжными лавками заграницей, разумея именно себя и еще двоих-троих матросов, служивших со мной на пароходе «Русского Общества П. и Т.» «Нахимов». А мы познакомились благодаря сочинениям Толстого, который вошел было в моду у помощников капитана на «Нахимове»; один же из нас был во время оно подпоручиком армейским и потому имел милость старшего помощника, бывшего флотского офицера. Не надеюсь, чтобы он в настоящее время плавал на «Нахимове», потому что, когда я имел в Севастополе перейти на яхту с «Нахимова», знал, что он намерен был прожить зиму на берегу, не желая подвергаться на старом пароходе всевозможным штормам и непогодам. Но, во всяком случае, я во что бы то ни стало узнаю его адрес и сообщу ему великую радость на счет книг; мы с ним раньше все собирались выписывать книги, да некогда было ходить, разыскивать способ узнать адрес.

При этом я надеюсь, что через него еще несколько лиц уже познакомилось с женевскими изданиями, потому [что] в Р. О. П. и Т., да и вообще на пароходах, часто попадаются довольно грамотные матросы, способные читать не одни

сказки и рассказы. Я буду надеяться, — авось, на пароходах, постепенно, возрастет количество читателей таких книжек. Вот на яхте все грамотные, все читают газеты и книги-романы. Но читать женевские и лондонские книжки есть в некоторых охота, но боятся, страшно боятся, один другого боятся; отчасти эта боязнь основательна, потому есть такие суб'екты, [что] с пьяных глаз во время ссоры разблаговестят и тогда, наверное, со стороны начальства последует опала. Но мне страшно хочется завлечь их на доброе и полезное; в виду этого я осмеливаюсь просить у Вас, мой добрый многоуважаемый г. Левков, не пришлете ли Вы мне в кредит (потому у меня сейчас денег нет) несколько книжек легкого содержания вроде рассказов или повестей, чтобы мои сослуживцы легко могли понимать и понемногу осваиваться и терять страх свой пред социализмом. Тогда бы они, конечно, сами старались охранять друг друга от начальства. Может быть, тогда многие бы не так часто ходили в кабак и дома терпимости, т. е. незаметно для самих себя сократили безнравственное и беспардонное времяпрепровождение. Когда будем стоять на доке в исправлении в Англии, в Греноке, наверное, всего успешнее тогда, может быть, введено между нашими чтение о запрещенном плоде, так как Гренок город небольшой, скучный и всегда с пасмурными, дождливыми погодами, по рассказам. А я бы, как только раздобудусь деньгами, прислал бы Вам стоимость этих книг.

Извините, никак не мог отправить письма (27) 15 января; кончаю это письмо уже на пути в Канн — в море. Снялись из Марселя около 6 ч., вечера; расстояние — 12 часов обыкновенной скорости парохода — 11 узлов (миль морских) в час (миля — 1¾ вер.). Яхта «Форос» длиною 260 фут., водоизмещение ее — 2050 тонн; машина 2000 индикаторных сил; электрическое освещение повсюду; женский салон с продолговатым кумполом (светлый люк) из цветных стекол, отделан с царской роскошью; камин, как у петербургского аристократа на женской половине; ковры и при дверях подножные овчинки по всем каютам и салонам; идя из курительной вниз по лестнице широкой — внизу по сторонам около стен ружья и кинжалы стоят; затем прямо против лестницы широкие двери в столовую обширную, могущую накормить или вместить обедающих за двумя столами, которые там стоят, не менее 40—50 человек. Кузнецов помещается на яхте, как во дворце; роскошь всюду; комнаты высокие; электрические лампочки даже в иллюминаторах (окнах), которые прикрываются от нескромного глаза разноцветными матовыми окнами. В курительной довольно порядочная библиотека из отборных новейших научных сочинений в прекрасных переплетах. Спальная постель на широких кроватях в каютах — чисто царская; грешный человек, я ничего подобного раньше не видел.

Снялись из Севастополя 23 октября, пришли в Неаполь, простояли около недели или больше. — Приехала одна какая то Б... — женщина, как говорят, при здоровьи — с мужем стариком, которым, к слову, ворочает, как истуканом. Начались интимные отношения с Кузнецовым. С этими гостями отправились в Палермо на Сицилии — на выставку, потом в Торэ-дель-Анунциато, что по другую сторону Везувия. Скоро отсюда ушли мимо Кастелля-

Мары и Сорренто — в Чивита-Веккиа, — отсюда скоро ушли, оставив доброго старика Б... на берегу, как неспособного переносить качку. Пришли в Вилла-Франка, а на другой день пришли в Канн, где простояли около двух месяцев.

Завтра, быть может, я получу книги. Кузнецов чахоточный и питается морским воздухом в местах с здоровым климатом. В будущем он предполагает везде побывать.

Спасибо вечное Вам, низко Вам кланяюсь. Будьте здоровы и счастливы; благодарный — в большом долгу — Ваш слуга Арсений Сицкий.

Книг все таки не получил, хотя писали, что будет посланы до востребования. Мы пришли и стоим в Канне; адрес известный Вам — верный — прошу Вас, посылайте.

Простоим обязательно столько, чтобы Вы могли успеть прислать книги. Известный Арсений Сицкий.

1. С. Левков — наборщик и экспедитор группы «Освобождение Труда». Он получил не дошедшее до нас первое письмо Сицкого и ответил на его вопросы относительно выписки изданий группы.

2. Annemasse — деревушка на границе Швейцарии и Франции, вблизи от Женевы. Г. Плеханов, живший в это время в Морне, на французской территории, встречался здесь с женевскими товарищами, в частности, с Левковым.

3. П. Аксельрод. А. Сицкий не разобрал его подпись.

4. Это описание, или, как он его называет в другом месте, «повесть», А. Сицкий так и не закончил. Вместо этого, он дал изображение матросского быта в различных местах своих писем, в особенности же, в письме 3-ем.

5. А. Гр. Ляхоцкий (Кузьма) — наборщик типографии М. П. Драгоманова, заведывавший экспедицией «Громады».

6. «Громада» (по украински «Мир») — орган М. Драгоманова, посвященный украинофильской пропаганде. Упоминаемое ниже известное «Письмо Белинского к Гоголю» было издано в 1880 г. редакцией «Громады» с предисловием М. П. Драгоманова.

2. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Канны, 27 февраля 1892 г.]

Многоуважаемый г. Аксельрод! [1]

Письмо Ваше получил, — постараюсь ответить Вам решительно и определенно-точно.

Служа на пароходе «Нахимов», я неоднократно имел случай говорить с одним из своих сослуживцев по поводу моей будущей жизни, — ее смысла и цели деятельности. Теперь, наконец, я нашел путь, по которому во что бы то ни стало должен идти. Вы, многоуважаемый г. Аксельрод, в близком будущем надеетесь назвать меня своим товарищем по деятельности? Если я достигну того знания, при коем действительно, в полном смысле, буду полезным деятелем

в освобождении народа, — тогда цель моя будет достигнута, стремление к сознательной жизни борца за свободу, в обширном смысле, [за] равенство полное и за правду, — вполне будет удовлетворено. Да! я отлично понимаю и сознаю, — тех брошюр и книг вашего издания, какие у меня есть, более чем недостаточно для того, чтобы быть на деле истинным, непоколебимым и сознательным борцом против разноцветных эксплуататоров. Я должен и искренно душевно желаю учиться и знаю — придется много еще учиться и совершенствоваться умственно и нравственно; поэтому, я не могу и других обманывать, — близкое будущее нельзя, по всей вероятности, определить несколькими месяцами. Но тем не менее до того счастливого дня и часа, когда я почувствую себя на ногах и твердую почву под собой, — до тех пор ни в каком случае я не останусь и не буду жить, лишь бы жить. Всеми силами буду искать случаи и средства распространить понятия о свободе, равенстве и правах на обладание всякого всеми благами земными. Да, я повторяю, жить — бороться, бороться для того, чтобы жить, ни шагу не отступать назад и отдаться этому делу для достижения раз намеченной цели — вот мое искреннее пламенное желание. Я искал, думал, ломал голову, часто приходил в отчаяние, — не находил смысла в своей жизни, переносил все и вся от эксплуататоров и их усердных слуг, — не видел пределов всем угнетениям, еще ужаснее, не находил средств никаких бороться против притеснителей. Ломал голову, как, почему и когда появились, появлялись и появляются рабы и господа; почему с уничтожением крепостного права бедным, неимущим и малоимущим еще хуже живется; почему, например, городовой рабочего бьет по морде среди улицы и белого дня, а богатый губернатору брат, и губернатор для богатого всегда готов десяток бедняков посадить в «холодную» с приказом городовым «сокрушить члены и мускулы негодям»?!! Теперь я знаю чуть ли не причину всех причин, знаю и последнее следствие из предшествующих причин и следствий; мало того, я знаю теперь, что все это можно и нужно изменить, и что если мы сами не согласимся заранее разрубить узел, то все-таки придет время, он поневоле распадется, а потому, чем ожидать у моря погоды, нужно встать и идти по намеченному направлению. Теперь я отчасти знаю и средства, какие нужно употребить, чтобы вернее и скорее достигнуть той страны, где не темнеют неба своды и не проходит тишина. Отвечая, поэтому, многоуважаемый г. Аксельрод, на Ваши же слова, я сам обращаюсь к Вам и Вашим друзьям и товарищам: Прошу Вас, Господа, не оставьте меня своими советами, наставлениями и, наконец, помощью в приобретении тех знаний, какие только нужны всякому, кто желает не ради своей личной пользы, не из рассчетов своекорыстных и тем менее из тщеславия, — быть и жить сознательно для пользы всех угнетенных и слабых, — тем более, я сам угнетен и слаб, — но желаю во что бы то ни стало укрепиться для борьбы.

Право, мне порой кажется теперь, как будто я не Сицкий, а кто то другой, и как будто я или вступил в новую жизнь, умерши в старой жизни, или переселился в какую то чудную страну, где не боишься умереть с голоду, где никто меня не обругает и ничем не оскорбит, не обидит, как будто я теперь совсем

вольный и нет надо мной хищных и кровожадных чудовищ, которые раньше, еще недавно сосали безвозмездно из меня кровь. Конечно, господа, я Вам обязан и безгранично благодарен, что теперь я понимаю и чувствую, как должен теперь жить я, и как должен бы всякий жить при существующих условиях. Теперь я сознаю, — жить — значит бороться с сильными, потому что естественно пришел конец их господству. Спасибо Вам, господа! Мне теперь только остается всеми зависящими от меня силами оправдать Ваши надежды.

9. (12) февраля. Начал ответ Вам, многоуважаемый г. Редактор, писать тотчас по получении Вашего доброго письма, а продолжаю это письмо уже несколько дней спустя. Извините! Много было причин, от меня независящих, но против которых я не в силах был бороться: в числе этих причин скверные погоды — сильные штормы на море, — а мы стоим вне гавани, на рейде, катает нас с боку на бок, как ребенка в люльке, — писать не было никакой возможности; но в эти дни кроме того был я на паровом катере и каждый день, с утра до 11 ч. ночи, ходил от яхты до берега и обратно. Скажите, пожалуйста, г. Аксельрод, не та ли Вера Засулич — автор имеющихся у меня брошюр, имевшая во время оно столкновение с Треповым (сын его был на яхте «Форос», осматривал ее) и которую, вероятно, не одна тысяча русских вспоминает, симпатизирует ей и охотно, как бы о близкой родственнице своей, которую они уважают, рассказывают другим, почему-либо не слыхавшим о ней. Многие, знающие ее историю, говорят, что она после суда пропала без вести и потому предполагают, что Г-жу Веру Засулич схватили царские опричники и лишили жизни[1]). Если Ваш товарищ — та самая Вера Засулич, то привет ей и поклон от многих друзей ее из России!

Возвращаюсь к себе. Я теперь отлично сознаю, — мне не придется дожить спокойно и свободным в той степени, насколько я сейчас свободен; рано или поздно меня ожидает та же участь многих повешенных, расстрелянных и сосланных в каторгу за правое дело. Как говорится, сколько вору ни воровать, а острога не миновать, так в этом случае, в конце концов, меня одолеют враги, схватят и уничтожат; с этой мыслью я теперь стараюсь свыкнуться, стараюсь не думать о себе, о своей участи. Одним словом, я готов на все, ничего не боюсь (жертвы были и еще будут).

Очень грустно, что я слишком мало имею свободного времени. — Встаем мы на работу в 6 ч. утра, кончаем в 6 ч. вечера Поужинаешь, умоешься, — остается два-три часа в сутки, да и то не всегда и не каждый день, чтобы можно было заниматься делом, которое гораздо больше принесло бы мне пользы. Нет, решительно даже искры надежды на будущее лучшее, нет надежды когда-либо иметь больше свободного времени для занятий своих. Верите ли, могильный холод обдает меня, как подумаю, что придется в недалеком будущем снова возвратиться плавать в «Русском Обществе Пароходства и Торговли».

Я посылаю Вам, многоуважаемый г. Аксельрод, письмо, присланное мне с «Нахимова», парохода «Р. О-ва», где я служил в последнее время до поступления на яхту[2]). Из письма Вы увидите, как тяжело живется рабочим на русских коммерческих пароходах. Жизнь рабочих на «Нахимове» еще пока из лучших. На

других пароходах кормят гнилой солониной, ругают и бьют на каждом шагу, штрафуют и выгоняют за малейший проступок, чаще выгоняют совсем со службы в «Р. О-ве», т. е. просто — иди, куда хочешь, а в «Р. О-ве» служить и работать больше не можешь; на гавани возле каждого парохода стоит толпа голодных кочегаров и матросов, ищущих места; плата на пароходах из года в год уменьшается. Все идет по писанному Вами, господа! Прибавьте к тому сильный упадок в матросах и кочегарах нравственности, — причину этого упадка, может быть, мне удастся впоследствии об'яснить подробнее. Здесь более, чем на фабриках и заводах, чувствуется страшно деспотическое, бесчеловечное, чисто варварское угнетение рабочих, а потому необходимо скорее начать борьбу беспощадную против существующих порядков. Всего я натерпелся в «Р. О-ве». А натерпевшись, не могу больше быть бездеятельным, не могу больше дорожить своей личной свободой и безопасностью. Теперь я буду бороться, не смотря ни на что. Я вложу в борьбу все оставшиеся во мне силы; буду принимать все меры предосторожности, чтобы не быть открытым только ради того, чтобы сделать как можно больше. Что будет дальше, буду ли я счастлив, буду ли иметь какой-либо успех в борьбе, удастся ли мне найти товарищей в среде окружающих и часто меняющихся около меня рабочих, — кто знает??!

Мне кажется, чтобы склонить рабочего — недальнего ума и образования — к чтению социалистических книг и брошюр, приобрести его доверие и уважение к себе — к своим словам, — нужно быть более или менее нравственно-совершенным, развитым, иметь явный перевес своих сил, умственных и нравственных, над известным рабочим, чтобы данный рабочий незаметно для себя чувствовал вашу силу, со вниманием вас слушал и постепенно, таким образом, приобретал охоту к чтению таких книг, в которых говорится о способах освобождения труда его собственного и вообще. Страстно желая поскорее начать свою деятельность среди рабочих, теперь должен прервать чтение Ваших книг, чтобы иметь время переписаться с одним или двумя из своих знакомых в средине России, с братом (он учителем церковно-приходской школы в Нижегородской губернии) и отцом (чисто по сыновней обязанности). В общем, мне предстоит теперь масса переписки. С одним матросом, письмо которого Вам, многоуважаемый г. Аксельрод, я посылаю, уже переписался, т. е. сообщил ему адрес г. Левкова и предложил ему свои услуги переслать деньги за книги; ожидаю ответа от него.

На счет своих сослуживцев на яхте ничего не скажу, — надеюсь на свою энергию, — в будущем что-нибудь посеять, авось уродит; затем нужно покончить с своей повестью о жизни рабочих в «Р. О-ве».

Невозможно писать, пришли пьяные с берега и через час идти на вахту (часовым).

Проходил двухчасовую вахту (с 8 ч. до 10 ч. вечера) на открытой палубе под проливным дождем, при сильном ветре. Переписаться мне с знакомыми в Ниж[егородской] губ. необходимо, — потому надо приготовить себе цель для пересылки Ваших книг по приходе яхты в Россию. Мой отец жил в большом заводском селе, — там делают чугун, железо, проволоку и пр. железные и чугунные

изделия, — в Ардатовском уезде, селе Выксунском, заводе, а теперь живет в другом селе той же компании, заводском селе Виле или Верхнежелезницком.

Добрейший г. Аксельрод, Вы советуете мне прежде всего прочесть: «Программа работников» Лассаля, «Рабочее движение и социальная демократия», «Задачи рабочей интеллигенции» Ваши, о Лассале Плеханова, «Чего хотят социал-демократы» и «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Имею честь сообщить Вам, — к сожалению, подчеркнутых названий брошюр у меня пока нет, а есть следующие, которые я просил при посылке за них денег: 1) Ваша брошюра: «Задачи рабочей интеллигенции». 2) «Социал-демократ», — сборник. 3) «Социализм и политическая борьба». 4) «Чего хотят социал-демократы». 5) «Ежегодный всемирный праздник рабочих». 6) «Наемный труд и капитал». 7) Фердинанд Лассаль». 8) «Нищета философии». 9) «Речь о свободе торговли». 10) «Развитие научного социализма». 11) «Варлен перед судом исправительной полиции». 12) «Наши разногласия».

Подчеркнутое я уже прочитал, но бегло, недостаточно усвоил; когда окончу переписку, т. е. напишу и отошлю все письма, тогда дочитаю непрочитанные книги и снова повторю не торопясь. Г. Левков, между прочим, пишет мне, что семейная жизнь не особенно мешает заниматься другими делами. К сожалению, у меня выходит противное: благодаря в настоящее время безурядице в моих сношениях с несчастной женой (несчастной, — как стесняющей мою свободу, отвлекающей меня от цели настоящих стремлений и желаний моих, т. е. от стремления поскорее придти к сознательной жизни), я не могу написать Вам, многоуважаемый г. Аксельрод, систематически-подробное письмо; сильно хотелось бы изложить, выложить перед Вами всю свою душу, все свои помышления; много хотелось бы задать Вам вопросов, о том, чего не понимаю или не знаю. Но!... это «но» камень преткновения, голова, как свинцом, налита, ничто нейдет на ум, никак не могу собраться с мыслями, чувствую какое то отупение; к довершению этого несчастия, последние недели две вынес от своих некоторых сослуживцев (недоучек, как и сам я) поляков массу насмешек, оскорблений, язвительных, глупых и пошлых слов. Дело в том, эти 4—5 поляков учились в гимназии и реальном улилище или в уездном училище, выключенные из первых классов, здесь на море имеют непреодолимую претензию между матросами и кочегарами, не бывавшими далее приходской школы, чтобы их считали образованными и развитыми людьми, — берутся судить и рядить о всем, а больше о том, чего сами не знают и не понимают: проплавали на море каждый из них не менее 10 лет, загрубели, зачерствели под влиянием существующего гнета и деспотизма до бесконечности; а потому в среде своих однорядных сослуживцев всякое опровержение их суждений и взглядов невыносимо, на смельчака сыплется целый поток самых отборных ругательств, а потом долгое время ежеминутно изо дня в день преследуют смельчака самыми пошлыми, отменно глупыми насмешками. Нужно сказать, — здесь на яхте собрались матросы-сливки черноморских матросов, которые плавают давно, ни на

одном пароходе или парусном судне не уживались долго; всюду и всегда с сослуживцами дрались, ругались, доносили и шпионичали пред пароходным начальством. Вот среди подобных то суб'ектов особенно трудно встать на ноги и составить общий братский кружок. Благодаря им у нас постоянно идут ссоры, споры, брань, а подчас и драка. В будущем не знаю, что будет среди нас-яхтинцев.

Как жаль, я не имею такого образования, какое имел Лассаль, как бы много я мог сделать тогда! Теперь изо дня в день я думаю о цели своей жизни, — не могу изобразить, как много хотелось бы мне сделать, как сильно мне хочется бороться до последней капли крови, но в то же время я страшно боюсь, как бы не наступила реакция в моих горячих стремлениях; боюсь за себя, не уверен в своих силах, как будто, ужели в настоящем ненасытная моя жажда борьбы, впоследствии может прекратиться сама собою, как небольшое облако, гонимое ветром?!! Действительно, теперь для меня не должны существовать праздность, леность, удовольствия и какие-либо развлечения; должен сосредоточиться в самом себе, спокойно безостановочно идти вперед, ни перед чем не останавливаясь, быть твердым и сильным душой. А если порой на меня повеет холодом могилы или ослабеет во мне энергия, — поддержите меня, господа!!!

Вы, г. Аксельрод, спрашиваете, можно ли писать мне прямо из Швейцарии? У нас на яхте есть нанятый для посылок и разных поручений комиссионер-француз. Я упросил его не передавать моих писем никому, а прямо по получении на почте передавать мне лично; а потому, пожалуйста, будьте так добры, пишите, только посылайте простыми Ваши письма. Заказные приносит почтальон и расписывается, по обыкновению, старший помощник капитана. Да все равно, если, в конце концов, и выйдет за эти письма для меня какая-нибудь неприятность, — все равно, не могу же я себе отказать получать от Вас почаще советы и наставления, — по крайней мере, в настоящем, это для меня так же необходимо, как обыденная пища, тем более, пока я на яхте служу, вряд ли может представиться такое удобное время и место для переписки с Вами.

Мне хотелось бы знать о всех группах русских социалистов в Швейцарии. В бытность мою на пароходе «Нахимов», в Константинополе схватили наши русские сыщики какого то политического эмигранта и перевезли на катере «Барон Штейгер» «Р. О-ва П. и Т.» на пароход «Россия» для отправки в Россию. Схваченный, как видно, был молодой человек невысокого роста, в черном пальто и шляпе с небольшим чемоданом; сыщики были одеты, как зажиточные турки.

Кто этот господин, и какая его судьба?[3]) Мне до слез было его жалко. По дороге в Россию его стерегли, и сыщики не отходили от каюты, где он помещался.

Скажу немного о яхте. — Мы уже два раза ходили в Монако. Первый раз с дамами, и проиграли наши гости около 4 тысяч франков; дамы были все из знати, — одна разводная жена Анненкова — какого-то генерала, другие тоже не из простых; была и замужняя любовница Кузнецова. Интересно, — она является на яхту с дочками и мужем стариком. Сидит везде и всюду обыкновенно с Кузнецовым. Когда мужа нет, если при ней одна старшая дочь, пресло-

вутая Мария Павловна, не стесняясь при дочери, сидит и любезничает с московским купцом. На яхте перебывала вся русская и французская буржуазия и дворянство. Все, кто только живет в Канне и Ницце и в окрестных городах, все те русские князья, графы и бароны, что прожигают жизнь во Франции, замучили нас переодеванием в форму и рабочего костюма. Как они весело и беззаботно живут, ничего не делают, а мы трудимся изо дня в день, отдыха нет, кроме ночи, да и то неполной, а в салоне рекой льется шампанское, глупая и пошлая жизнь! Надеюсь, придет время, когда они содрогнутся, самодовольные и пошлые их лица исказятся в ужасе.

Пишите же, пишите, ради бога, г. Аксельрод!!! Вам, г. Плеханову, В. Засулич и всем Вашим товарищам и друзьям кланяюсь, глубоко уважая всех Вас, жму крепко Вам руки. Ваш слуга Арсений Сицкий. Будьте все здоровы!

1. Эти слухи — отголосок известного эпизода, попытки полиции арестовать В. И. Засулич после того, как присяжные оправдали ее в 1878 г.

2. Присланное Сицким письмо его товарища матроса Крестовникова, сохранившееся в архиве П. Аксельрода, содержит описание жизни на пароходе, жалобы на бездушное обращение начальства с матросами и сведения об общих знакомых автора письма и А. Сицкого.

3. Это был морской офицер Вл. Луцкий, член военной организации партии «Народной Воли», эмигрировавший в 1883 г. в период дегаевского разгрома; он был арестован в Константинополе 26 декабря 1890 г. Его арест русской полицией на турецкой территории вызвал выражения негодования в европейской печати (см. «Трехмесячное литературно-политическое обозрение», «Социал-Демократ», книга 3-ья, стр. 131—133). В Россию Луцкий был доставлен на пароходе «Нахимов» (а не на «России»). Это подтверждается и следующей фразой письма Сицкого.

3. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Канны, 7 марта 1892 г.]

Многоуважаемый г. Редактор[1])!

Будьте здоровы! У нас на яхте идет в роде какой то революции, где, главным образом, замешан я. Потому я счел необходимым поскорее сообщить Вам все яхтинские делишки, подробности которых, если не имеют смысла и отношения к делу, всецело занимающему Вас и Ваших друзей и товарищей, то наверно не безынтересно будет Вам знать некоторые эпизоды из матросской жизни, как факты, характеризующие быт рабочих на море[2]).

Я начинаю рассказывать. Набрали полный состав команды на яхту «Форос» и поехали помощники и механики в Англию, взять из Гренока яхту и привести ее в Черное море. Там, в Англии, команда, пользуясь заведенным издавна правом выбирать из своей среды продовольственного артельщика, предложила боцману выбрать артельщика, а прежнего сменить. Артельщик — он же и повар — не мог решиться упустить из своих рук легкую и полную возможность красть и наживаться из денег, выдаваемых ему на провизию для команды. Так

наш повар и просто «кок» добился полного расположения и доверенности тупоголового и неразвитого нашего боцмана, бывшего раньше во флоте на военной службе. Боцман во всем обвинил команду пред старшим помощником капитана. Некоторые из матросов не могли помириться с положением дел на яхте, и косвенно и явно враждовали против боцмана и кока; боцман в свою очередь приобрел в роде какой то партии приверженцев из числа особенно склонных и зараженных страстью к пьянству. Понятно, такие люди всегда готовы унизиться и попросить молчать свою собственную совесть. Пользуясь своим правом распорядителя работами палубной команды, а также плохим пониманием в этом деле старого помощника, малоразвитого, необразованного, да еще и слабоумного, и капитана-добряка, но простяка в полном смысле, соглашающегося большею частию с чужими распоряжениями и мнениями, с одной стороны, — с другой, опираясь на приверженную партию, — наш боцман старался притеснять непокорных грубиянов, а в общем давал своему грубому и скотскому произволу полную волю, — ругал, осуждал громогласно каждого, а большой частью громил площадной руганью на всю палубу всех матросов и, большею частью, в тех случаях, когда какой-нибудь из его приверженцев начинал пьянствовать. В этих случаях, не желая обидеть своего приверженца, тупоголовый наш боцман вымещал злобу на всех. В довершение подобной безурядицы, вероятно, благодаря его же советам и просьбам, составил наш старший помощник условие или контракт. (Этот контракт я имею честь послать Вам, многоуважаемый г. Редактор, на Ваше усмотрение и покорнейше прошу Вас сказать Ваше мнение, насколько этот контракт тяжел для рабочего и насколько наши начальники далеки от идеи братства и свободы![3])

18 (1 марта) февраля приносит нам в кубрик боцман целую стопу таких условий; бросились все нарасхват разбирать условия, и все начали читать. Многие сопровождали свое чтение страшными ругательствами по адресу тех, которые читали вслух. Дали час времени для подписки условий. Из матросов 15 человек решительно отказались подписать условия, несмотря на предупреждения боцмана: кто не желает подписать условия, может быть, им будет уволен и отправлен в России. Надо заметить здесь — обстановка нашей жизни несравненно лучше, чем на каком бы то ни было пароходе коммерсантов. Здесь мы получаем 25 руб. золотом, вся одежда и обувь, исключая только чулок, носовых платков и нижней половины спального белья, все это выдается во вполне достаточном количестве. А работа и отдых положительно несравнимы с теми же самыми принадлежностями нашей жизни на коммерческих судах. На наше продовольствие отпускается сколько нужно — неопределенно. Во всех подробностях нашей жизни наш владелец яхты поставил непременным условием, чтобы команда была всем довольна. Понятно, в виду всех этих, сравнительно, благ, все без исключения желали и желаем жить на этой яхте. Зато представили нам такое условие, которое за все данные нам блага [мы] отказались подписать, значит готовы были ехать в голодающую Россию. Подписались приверженцы боцмана в количестве 6—7 человек и почти все кочегары (к ним еще не проникло никакое сознание своего достоинства и прав); на нашей стороне большинство и рабочий интерес.

Вставлю про себя: при моем исключительном от прочих положении, при моих интересах и горячих стремлениях к правде, свободе, равенству и вообще к достижению тех прав, какие отняты от рабочего и бедного, но по существу всегда ему принадлежали и принадлежат, — мне следовало бы подписать всякое условие, лишь бы не лишиться возможности читать Ваши книги и возможности иметь с Вами сношения; но, многоуважаемый г. Редактор, бывают такие случаи, когда человек принужден жертвовать за сохранение своего достоинства самыми дорогими и святыми для многих интересами и стремлениями. Преподнесенное мне условие настолько возмутило мою душу и оскорбило меня, что я все забыл в этот момент и бесповоротно отказался подписаться.

До сегодняшнего дня во время работ неподписавшиеся продолжали острить, шутить и смеяться, как на счет подписавшихся, так и на счет предполагаемой своей поездки в Россию. Напр[имер], острили: «купим ослюка и повозку, сложим свой багаж, половина сядем, половина пойдем пешие — поочередно, а на дуге поставим на длинном шесте русский национальный флаг» и т. п. шутки и насмешки. Говорилось, обыкновенно, открыто, вслух, на палубе и среди работ. Кругом то и дело снует начальство и боцман. Напрасно я старался уговорить вести себя серьезно и толково, — дать понять свое собственное достоинство в другом виде, чтобы таким образом, если не для себя, то для имеющих заступить наше место на яхте приготовить хотя какое-нибудь уважение к правам рабочего вообще. Не бойся того, кто много говорит, а того, кто молчит.

В этом случае я пришел к тому заключению: социалисты одержали нравственную победу над правительством, но то были почти все интеллигенты в самом широком смысле; наши рабочие только начинают одерживать подобную же победу над теми, от кого зависит их существование, кусок хлеба. Так, у нас теперь находятся в сильном возбуждении, каждый знает, — по приезде в Россию холодно и голодно будет, тяжело, страшно тяжело, придется снова на каком-нибудь коммерческом пароходе или судне зарабатывать 15—18 руб. в месяц, быть вечно в грязи и измученным до бесконечности и носить из этого жалованья свою одежду, а другим, некоторым, содержать жену и детей; но все это забывая и видя пред собой только условия и ненавистного боцмана, никто не думает сдерживать себя, обсудить толково свое положение, составить из себя организованное целое и хотя бы не ради себя, а ради других, что будут здесь служить после нас, смело и решительно предстать пред светлые очи своего начальства и ясно, без всяких уступок, требовать своих прав, представить от себя свое условие, если наше пресловутое начальство решилось заграницей, во Франции и спустя уже несколько месяцев после выхода из России, составить какое-то условие как бы для подразумеваемых рабов и на основании каких то статей сводов закона и правил севастопольского яхт-клуба. Мы могли бы, не заботясь о том, примут ли наше условие или нет, не заботясь — рассчитают ли нас при первой возможности, как только придут из России свежие силы для эксплуатации этих сил, или мы догоним яхту до Севастополя, — представить свое собственное условие к утверждению и подписи на нем начальства нашего. При том же мы

рассчитали, для отсылки нас, 20 слишком человек в Россию и для переправки такого же количества из России в Канн, нашему яхтовладельцу пришлось бы израсходовать больше 6 тысяч франков, между тем как все вышеизложенные разногласия произошли исключительно благодаря старшему помощнику и боцману, первому — дураку, а второму — дураку-негодяю. Не упустили мы из виду и то обстоятельство, — Кузнецов не захочет без особой крайности скомпрометировать себя во Франции, потому что будет известно и в Париже об уходе более половины команды с всеизвестной русской яхты «Форос». Наша компания, отказавшись от условия, представляла собою Степана Парамоновича Калашникова[4]), только в другом костюме. Мы не представили своих прав; не дали понять и почувствовать глупому помощнику, что мы собственно должны представить условие, а не он нам. Мы, вместо того, чтобы отстаивать свои интересы, сложили на груди руки и своими шутками и остротами сказали: «Берите нас живьем, гоните нас в шею, отнимайте у нас кусок хлеба, мы готовы безропотно перенесть за свои права (а какие, спросите их, они и сами не знают определенно) и свое достоинство все — голод, холод и все лишения членов запасной рабочей армии!»

Говорил я все, что мог говорить, чтобы сколько-нибудь опомнились непокорные и трезво взглянули на свое положение. Так куда, — и слышать не хотят; в общем был один ответ: «Все равно, едем в Россию; все равно, рассчитают, не оставят, все равно, не выиграешь ничего. Напротив, нужно показать, что мы ничего не боимся, на все готовы, что мы смеемся над будущей поездкой в Россию, рассчитанными против своей воли!» (в душе, заметно, каждый думал и гадал, как бы уладить, устроить условие более выгодное для себя; каждый желал служить — про себя).

В одно время в кубрике во время завтрака я привел пример, только что прочитанный в одесской газете, — стачку извозчиков в Париже. Начал, было, развивать условия, при которых можно рассчитывать на успех в деле заключения хотя немного выгодного условия. Поднялся крик, шум, явное противоречие моим словам. Я и не разобрал, в каком смысле они опровергали меня.

Условие представили нам в Ницце, куда мы пришли на время карнавала и накануне ухода в Канн — во вторник 17 (29) февраля утром. На другой день около 3 часов мы были уже на рейде в Канне. Работаем, — вдруг слышу я: в кубрике повальный обыск. Команда ничего не знает; обыскивает старший помощник и боцман, а матрос-дневальный (что смотрит за чистотой общего нашего помещения и подает обед и ужин) только успевает укладывать, как попало, в ящиках наши вещи. Хаос наделали невообразимый у каждого в ящике. Кто им позволил, по какому праву?!! Никто, и по праву сильного, — по праву владельца средствами нашего существования. Вот что можно было только ответить в оправдание подобной подлости. Мне наперерыв сообщают кочегары и матросы: «Сицкий, книги ваши все забрали!» Мало-по-малу собрались все, один за другим, укладывать и приводить в порядок свои вещи и яхтинскую одежду, имеющуюся у каждого. Обыск продолжается: впрочем, он скоро кончился. Больше книг «запрещенных» ни у кого не нашли.

Матросы общим голосом в минуту решили, — донес такой то матрос — приверженец боцмана (Степан Гужелев), и обыск был главным образом направлен против Сацинского (поляка), который особенно много смеялся и острил без всякого стеснения на счет условия и подписавшихся на нем; глупец — старший помощник, получивши извещение боцмана о как бы несомненно имеющихся книгах, «запрещенных законом», у Сацинского или у кого-нибудь, сообразил, — вероятно, под влиянием книг этих он, Сацинский, восстал против условия и уговорил других (как будто все остальные дети и не могли видеть всю подлость и несправедливость правил, заключающихся в условии).

Вечером по окончании работ я пошел к ст[аршему] пом[ощнику] за об'яснением по поводу отобранных книг у меня. Встречаю его идущим по палубе в кают-кампанию обедать. Спокойно и без запинки я попросил его возвратить мне книги. Наш старший задрожал и побледнел и, громко отчеканивая каждое слово, в такт махая рукой, изрек: «А уж это мое дело, возвратить тебе эти книги, или удержать у себя, или уничтожить, или вместе с книгами препроводить тебя в Россию». Я возражаю: «По моему мнению, я имею полное право читать какие-угодно книги заграницей». «Ошибаешься, у меня есть своды законов и устав севаст[опольского] яхт-клуба, по которым русское судно везде представляет часть территории России, и я, как старший помощник, отвечаю за чтение «запрещенных книг» командой и всяким другим на судне». Было холодно, дул сильный, холодный ветер, не было расположения говорить и что-нибудь доказывать, да и он сам спешил обедать. Он предложил, уже более спокойно, чтобы я пришел после его обеда к нему в каюту говорить об этом деле. Сам он, Измаил Костюрин, призывает меня. Иду, вхожу, он разваливается на диване. Я, лицом к лицу стою, как защитник своих собственных интересов, пред своим властелином. «Ну, так вот как, голубчик, я отвечаю за благонравие и добропорядочность команды», начал он. Я представил ему доказательство: никто из моих или наших начальников по службе не имеет права вмешиваться в нашу частную жизнь. Чем бы мы ни занимались, им совершенно нет дела. Это все равно, говорил я, как если бы я был мастеровой завода, — отработал на заводе и пошел на свою квартиру; туда не смеет без моего позволения даже заглянуть владелец завода, не то, что вмешиваться в мои занятия. Все свое право этот молокосос-помощник основывал только на том, что у него есть законы и, главное, он старший помощник и распоряжается и поступает не как следует, не по принципам справедливости и свободы, а по собственному произволу, как только ему захочется. В высказанном им положении об его ответственности за добропорядочность и «благонравие» команды, я тоже его сбил с позиции, сказав, что если спросят его: «Почему у вас вся команда читает запрещенные книги», он всегда бы мог категорически заявить, что его дело следить за исполнительностью ее на службе, а в ее собственные занятия в свободное время от службы он не вмешивался и, по существу, и не имел права на то. Словом, он только и опирался на право и власть старшего помощника. Между прочим, высказал и такого рода свой взгляд: по его мнению, матрос не должен читать никаких книг, не забивать свою голову

ничем, не относящимся к матросской службе. В свободное время он, матрос, должен развлекаться, веселиться — петь, танцевать, пьянствовать, утопать в разврате и проч. и проч. Вот, тут предстоял мне повод высказать свой взгляд на самовоспитание умственное и нравственное рабочего; тут можно было пред ним нарисовать портрет его взглядов и убеждений, как тупоголового, пошлого негодяя. При других обстоятельствах, следовало бы Костюрину за его взгляды на рабочего забросать его пошлую физию грязью. Здесь я ограничился только тонким замечанием на толстые обстоятельства: я только сказал, что для его самолюбия и гордости должно быть приятным командовать и распоряжаться сколько-нибудь или более [или] менее развитыми матросами. Он возразил, что ему нужна такая команда, которая бы, выйдя на работу, исполняла свою службс, не думая ни о чем постороннем. И тут я нашелся ему возразить. Я сказал, что всякий труд естественно отвлекает от размышлений о постороннем. Тогда он перешел к одному случаю, когда Сацинский на площадке, стоя на часах, читал газету или книгу.

Я привел Костюрина к соглашению по поводу книг: я согласился с ним, что оффициально он мог запретить мне эти книги иметь, но частно, как между вольнонаемными, он может допустить иметь книги матросу. Он взял с меня слово (которое, конечно, я не могу исполнить) не распространять эти книги между командой и обещал возвратить книги на другой день.

Известно было, что в кают-кампании старший механик, помощник второй капитана, доктор и секретарь были против подобного образа действий старшего; из этого я заключаю, что говорил он со мной спокойно, без злобы и отдал мне книги, сдавшись более на мнения кают-кампанских обитателей, чем на мои доказательства и защиту своих прав. На другой день я был болен. Старший, завернув в газету, принес мне книги. Не были конфискованы только три брошюры: О Варлене, «Еже[годный] вс[емирный] пр[аздник] рабочих» и о Лассале. Эти брошюры находились у таких матросов, у которых не могли они надеяться найти что-нибудь подобное. При возвращении книг, я пересмотрел все книги. В одной брошюре, «Социализм и политическая борьба», были вырваны 16 страниц с начала; не могу с уверенностью сказать, — было ли это сначала, или вырвал наш контролер, или (чего я менее всего думаю) как-нибудь по ошибке мне эта брошюра с вырванными листами была прислана г. Левковым. Одно только могу сказать: на месте 16 первых после приложения страниц, находится одна пустая нитка, наверное тут на нитке держались листы, — философствую я.

Как я писал выше, мы остаемся по прежнему на яхте . Только, так как мы не умели постоять за себя раньше, когда был очень удобный случай, против нашей воли, толкавший нас на самозащиту, на борьбу, — теперь наше положение значительно ухудшилось. Раньше мы имели завтрак с 8 часов до 9 и обед с 12 до ½ второго ч., а кончали работу — шабашили, в 5 и 5½ ч. вечера, теперь же имеем ½ часа на завтрак, час на обед и ровно в 6 ч. вечера шабашим. Теперь взялась наша компания за ум, да поздно. Теперь наши придумывают снова хлопотать о сокращении рабочего времени. Я сомневаюсь, чтобы они что-нибудь выиграли; при том же они уже успели раньше своими остротами и насмешками возбудить

свое начальство, а теперь подобной просьбой унизят себя и приготовят, если не здесь, то обязательно в России полный и бесповоротный рассчет и в добавок не отстоят своего достоинства и прав, и для своих кандидатов на службу на яхте не приготовят ничего, кроме худого.

Теперь же и мое положение щекотливое: не пристать к компании в хлопотании или, вернее, в просьбе пред начальством — зазорно; пристать — повредить себе окончательно. А между тем, после этого обыска я довольно серьезно почувствовал, как для меня дорого и необходимо даже в материальном отношении остаться на яхте до России. Дорого, конечно, в виду моего провоза книг и вообще сношений с Вами, господа. Мне кажется, теперь нам остается одно средство к улучшению нашего быта на яхте: опубликовать в нескольких газетах здесь во Франции и обязательно в тех, которые получает Кузнецов, описать все смуты яхтинские и перепечатать наше условие с критическими заметками. Это, по моему мнению, верный путь поразить и усмирить гордыню наших притеснителей. Да и на будущее, для других могло бы послужить уроком. Но, во всяком случае, я покорнейше прошу Вас, многоуважаемый г. П. Аксельрод, не оставьте меня своим советом, если только, по Вашему мнению, дело стоит совета; а неприятно, слишком неприятно, находясь на яхте, где не может быть больших работ работать изо дня в день 10½ ч. в сутки, не считая времени обеда и завтрака!

Теперь я Вам, мои добрые господа, представлю условие то самое, которое имели все в руках своих для подписи на нем. В этом условии, в общем, протестующие не соглашались на правила, помещенные под цифрами: 2, 4, 5, 7, 9, 10, 13 и 14. Если судить с моей личной точки зрения, я не согласился бы и с некоторыми из тех правил, на основании которых лишаются увольняемые одежды, отправления уволенного до первого русского порта и подписки или расписки в своем удовлетворении[6]).

Вероятно, мы отправляемся в Англию не позже второй половины марта, по нашему счислению.

Добрый г. Аксельрод, Вы обещали прислать мне кое-какие брошюры, понятные для менее развитых рабочих. Если можно, то пришлите, пожалуйста, поскорее. Кроме того, я ожидаю с нетерпением от Вас письма, которое, наверное, меня чему нибудь научит или сообщит что-нибудь новое. Не получал ли г. Левков письма или денег от Николая Крестовникова с парохода «Пахимов»? Я что то не получаю от него ответа. Как тяжело невыносимо сознание своего бессилия и материальной необеспеченности. Каждый день мучит меня вопрос: если меня прогонят, если к получу увечие, куда я пойду, где преклоню свою главицу?!!

Старший наш как то сказал одному из моих старых сослуживцев, который просил его принять меня на яхту: «Вот ты просил за Сицкого, а он оказывается подлецом» (потому что не подписал условия)! Кому тут верить? Я, Сицкий, его, Костюрина, считаю глупым мерзавцем, а он, Костюрин, меня называет подлецом!? Вот не угодно ли тут разобрать квартальному! Думаю, думаю, — что делать, как быть, как поскорее улучшить жизнь своих собратий и свою собственную?! Да ведь невыносима до сумасшествия подобная жизнь! Если бы я еще был не

женатый, тогда бы в настоящее время я, наверное, имел бы уже сотни две-три рублей и теперь мог решительно поступать, а главное, имел бы возможность просидеть на квартире два-три месяца и поучиться. А тут, на тебе! Еще третий член (сын) явился на мои мозоли претендентом.

Я довольно хорошо сознаю: в изданных книжках социал-демократов, вообще и собственно наших, русских борцов за всех слабых и угнетенных, униженных, обиженных, обделенных и оскорбленных, — путь, указанный к достижению общего блага, — самый верный и надежный. Но!... Тяжело, тяжело жить под гнетом! Может быть, в ближайшем будущем я настолько буду счастлив, — буду видеть многих, идущих одной со мной дорогой; может быть, я буду товарищем многочисленного кружка единомышленников. О, тогда я забуду мой пройденный страдный путь и в тяжелые, трудные минуты и во время лишений буду чувствовать себя счастливым! А до тех пор мрачные думы, тяжелые сомнения и тревоги не дают мне покою. Положим, я здесь имею — два-три человека охотно берут предлагаемые мною брошюры, читают, — но говорить с ними, высказать свой взгляд и знание в этих вопросах представляется решительно невозможным. А мне, главное, дорого теперь, чтобы иметь таких товарищей, которые бы могли мне что-нибудь доказать, научить меня; словом, чувствуется необходимость высказаться словесно самому в кругу истинных товарищей и услышать от них задушевное слово.

Будете посылать книги, посылайте, пожалуйста, до востребования, а письмо пишите свободно и в одно время с книгами пошлите, отдельно.

Извините, прошу Вас, господа! Еще бы хотелось писать и писать Вам, да мало времени, — и то вот уже неделя, как пишу это письмо. А тут есть на очереди и другие письма. Особенно необходимо скорее написать моему другу, Николаю Сергеевичу Разумову, студенту С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии. Давно не получал от него ответа.

Когда мы предполагали, что нас отправят в Россию, я, было, уже решил поскорее просить Вас выслать мне книги и по железной дороге отправиться до границы, а там тихонько-тайно перейти ее с дорогой ношей, и дело в шляпе.

Воспользовались ли наши интеллигенты голодным годом в России? А если не прозевали и воспользовались, то в каких размерах и в каких местностях есть особенный успех в подрыве царского кредита в народе? Сообщите, пожалуйста, вы, наверное, все слышите и знаете, что деется в матушке России. А мы из газет решительно ничего не можем видеть. Все газеты о Западной Европе даже выражаются уж черезчур сдержанно, просто поджавши хвост и с поникшей головой. Кстати: чем кончилась стачка извозчиков в Париже? Нельзя ли мне (или есть ли, можно ли ожидать пользы для меня) получить возможность иметь сношения с обществом международных рабочих? Жив ли Г. Драгоманов? Какого он мнения о настоящих социалистических русских кружках? Он доказывал необходимость каждому значительному по количеству племени европейской России (при том имеющему какое-нибудь историческое прошлое и литературу) добиваться полной самостоятельности, под собственным управлением. В книге об историче-

ской Польше и Украйне[6]) т. Драгоманов что то говорил и о марксистах, да забыл я, к сожалению, что именно, а книги в настоящее время под рукой нет у меня.

Не оставьте же меня, многоуважаемый г. Аксельрод, своим ответом на мои вопросы и советами и наставлениями. Если же Вам нет времени, то, прошу Вас, будьте так добры, — поручите ответить которому-н[ибудь] из Ваших друзей и товарищей. Извините, Вы сообщили мне кроме своего адреса и другой еще адрес. Сознаюсь, я — олицетворение олуха в языках иностранных. Здесь во Франции предстояла возможность научиться хотя как-нибудь читать по французски, но за недосугом, неимением книг, самоучителей или грамматики и даже за неимением лишних грошей купить или выписать таковые, мои предположения и планы на счет изучения французского языка так и остались в мыльном пузыре. Немецкий язык я когда то немного учил и теперь могу кое-как читать. То есть, второго Вашего адреса я не разобрал, а между прочим иметь два-три различных адреса при моем положении очень полезно и, кажется, необходимо. Посему, покорнейше прошу Вас, напишите яснее. Осмеливаюсь через Вас послать мой искренний привет и сердечное пожелание г. Плеханову, г-же В. Засулич и пр. и пр. неизвестным мне Вашим товарищам, всего хорошего и быть здоровыми. Будьте здоровы, г. редактор. С почтением жму руки — Вас и Ваших друзей. Всегда готовый к Вашим услугам, уважающий Вас

Арсений Сицкий.

24 (6 марта) февраля, 10½ ч. вечера.

1. Письмо обращено к П. Аксельроду, которого Сицкий и в предыдущем письме называет «г-ном редактором».

2. Ответ на предложение, сделанное П. Аксельродом Сицкому еще в первом письме (шедшем через Женеву), описать быт матросов.

3. В контракте, на который А. Сицкий ссылается в дальнейшем, были установлены следующие «правила службы на яхте»:

I. Каждый поступивший на яхту обязан безусловно подчиняться всем правилам, указанным в XI т. св. З. и в уставе севастопольского яхт-клуба, соблюдая строго дисциплину, порядок и приличное поведение, которые особенно необходимы при службе на яхте.

II. Каждый, состоящий в числе палубной и машинной команд или прислуги, обязан беспрекословно повиноваться всем приказаниям и исполнять все требования своего начальства, хотя бы и не относящиеся к прямым обязанностям служащего.

III. Палубая команда исполняет, в случае надобности, работы наряду с машинной командой в машинных и угольных отделениях; равно как машинная команда, по первому вызову, является для участия в работах наряду с палубной командой. Каждый из вышеупомянутых исполняет какие бы то ни было поручения на берегу и вообще все, что относится к делу яхты и требованиям начальства...

IV. Время работ, отдыха, завтрака, обеда и ужина назначается по усмотрению ст. офицера.

V. В случае надобности команда обязана работать в праздничные дни, а также в часы отдыха...

VII. Получивший при отправлении должности увечья, раны или другие повреждения подлежит лечению за счет владельца яхты на основании статей 305, 306 и 307 XI т. уст. торг.

IX. За упущения по службе, нарушение порядка и дисциплины, за неблаговидные поступки, несоблюдение правил приличия пред начальством и посторонними лицами и за ослушание виновный подвергается штрафу согласно ст. 1260

улож. о наказ. или другому наказанию, по определению г. командира — смотря по степени вины, а также — увольнению от службы.

X. За отказ от работ, неповиновение, оскорбление начальства, возбуждение среди команды недовольства, подстрекательство к возмущению или другому противозаконному поступку виновный подвергается по определению г. командира, согласно морскому уставу, строжайшим мерам наказания на основании статей 1261, 1262 и 1263.

XI. Увольняемый отсылается до первого русского порта за счет владельца яхты морским путем по положению 3-го класса.

XII. В случае увольнения от рассчитанного отбирается все выданное ему платье и обувь.

XIII. Желающий сам оставить службу на яхте по собственной воле, обязан просить рассчета за две недели до ухода яхты в море; при чем, в случае надобности, г. командир может отложить рассчет до прихода в российский порт и заявивший об увольнении должен продолжать исполнение всех работ до окончательного рассчета.

XIV. Рассчитанный по собственному желанию получает жалованье по день нахождения на службе, но лишается отправки за счет владельца.

XV. Каждый увольняемый обязуется дать подписку в своем удовлетворении.

4. Из «Песни о купце Калашникове» Лермонтова.

5. §§ контракта 11, 12 и 15.

6. Повидимому, Сицкий имеет в виду исследование М. Драгоманова «Историческая Польша и великорусская демократия». Эта работа, печатавшаяся первоначально в «Вольном Слове», в 1882 г., вышла в Женеве отдельным изданием.

4. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Канны, 12 апреля 1892 г.]

Добрейший и многоуважаемый г. Аксельрод!

Извините, убедительно прошу Вас, что не тотчас отвечал на второе Ваше доброе письмо[1]). Причины были следующие: 26 марта (7 апреля) мы пришли из Алжира, куда в виде прогулки ходили с владельцем и с Герцогом Мекленбург-Шверинским и его свитой из 3 человек и 2 лакеев. По приходе я имел глупое по службе маленькое приключение, вышедшее благодаря деспотическим выходкам капитана. Вследствие этого приключения я на 27 марта (8 апреля) простоял всю ночь на вахте, ни на минуту не сомкнув глаз. На другой день, 27 м[арта] был на работе, как здоровый, а дождавшись свободного вечера — в 7 часов лег в койку и спал сном убитого. 28 была спевка церковная. Дело в том, что я, как ни увертывался от пения в церкви, а в конце концов таки принужден был сдаться. У жены герцога Мекленбургского, Настасьи Мих[айловны], есть свой поп и дьячек, которые приехали в Канн. В Канне у какого то богача, Гуренье, женатого на русской, есть в вилле церковь, вот туда то и собираются сливки вояжирующей русской аристократии и буржуазии молиться Богу о своем благоденствии под пленительным небом альпийских гор.

Ваше письмо до востр[ебования] я не получил. Вероятно, оно ушло обратно. Страшно сожалею. Будьте так добры, если Вы получите свое письмо обратно, перешлите с ответом на это письмо и первое Ваше письмо. Многоуважаемый г. Аксельрод! Вижу, Вы так сильно беспокоитесь за меня, благодарю Вас. Я пока нахожусь [на] яхте же. Результат недавнего нашего возмущения по поводу

условия получился исключительно для самих же бунтарей-поляков, трое рассчитались и уехали в Россию. Из трех, впрочем, один с звериной душой остался заграницей. Четвертый, брат младший из троих упомянутых матросов, поддержал компанию брату. Намеревалось наше пресловутое начальство уволить одного матроса Сацинского. Сацинский по своей бесхарактерности и склонности к беспардонному и бессмысленному бунтарству служил слепым орудием старшего брата, из двух Зубрицких, который добивался одной цели — быть артельщиком в продовольствии команды. В более свободное время я подробно выскажу свое мнение о них и вообще о поляках, тем более, мне очень бы хотелось знать Ваше мнение, в чем я прав и в чем ошибаюсь в понятии о поляках. Я теперь не имею времени подробно писать. — Спешу завтра послать это письмо, чтобы (если будете так добры) получить от Вас ответ, ответ сильно меня интересующий и важный.

Я получил письмо от моего друга, Н. Разумова, из Петербурга — студента — я уже писал Вам о нем. По моему сообщению о возможности купить здесь хороших книг, — он, Разумов, просит меня приобрести: Kapital und Arbeit [«Капитал и Труд»] Лассаля на немецком или русском яз[ыке] и Кенпа[а] о Сибири[2]). (О Сибири чье сочинение, не разберу наверное.) 1-й том «Капитала» Маркса и вообще по политической экономии редкие в России сочинения. Эти книги, конечно, я повезу в Россию, а потом перешлю ему, да и сам он это знает, что иначе невозможно. Он просит написать, что я могу добыть, а я пишу Вам, добрейший г. Аксельрод, и прошу Вас покорнейше, будьте так добры, сообщите, можно ли все эти книги достать у Вас и сколько они стоят. Как только раздобудусь деньгами, пришлю. Я думаю, он, Разумов, смешал — «Kapital und Arbeit» не Лассаля, а Маркса. Просмотрел о Лассале г. Плеханова, там нет об этом ни слова.

Прошу убедительно Вас, г. Аксельрод, насчет этих книг. Мне страстно хотелось бы исполнить просьбу моего друга. Еще он пишет и о французских книгах, потому что намерен изучать французский язык.

После праздников Пасхи мы двинемся в Англию, а теперь простоим всю 7-ю неделю поста и минимум 3 дня Пасхи. Поэтому, если Вы, многоуважаемый мой добрый наставник, не откажете, то пришлите ответ на это письмо мое тотчас по получении. На Ваш ответ я успею еще послать Вам письмо об уходе яхты и о пр. и пр. Письма до востребования я никак не ожидал, а ожидал прямо на яхту, потому что писал Вам только о брошюрах, чтобы они были посланы до востр[ебования], а письмо я надеялся получить через комиссионера нашего. А, может быть, перехватил кто-нибудь из наших эфиопов-начальников, — секретарь Кузнецова или доктор. Это было бы очень грустно и досадно.

Будьте здоровы, многоуважаемый г. Аксельрод. Прошу Вас, передайте Вашим друзьям и товарищам мой поклон и пожелание всего хорошего.

С нетерпением жму Вам руку.

В отлучке из Канна мы пробыли около двух недель. Неделю простояли в Алжире и взад и вперед около недели были в дороге.

Уважающий Вас

Арсений Сицкий.

1. Как видно из текста писем Сицкого, это было уже 4-ое письмо П. Аксельрода к нему (1-ое шло через Женеву, на 2-ое Сицкий отвечал 27 февраля, 3-ье, посланное «до востребования», не дошло до адресата). Повидимому, это письмо было кратко и выражало тревогу по поводу долгого молчания Сицкого и отсутствия от него ответа на предыдущее письмо, посланное до востребования.

2. Джордж Кеннан — американский журналист, посетивший Россию и давший описание русской каторги и ссылки. Его наиболее известное сочинение — «Сибирь и ссылка».

5. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Канны, 18 апреля 1892 г.]

Наконец, я могу ответить Вам, многоуважаемый господин Аксельрод. Письмо Ваше получил благополучно 3 (15) апреля, в пятницу поздно вечером, пришедши из церкви. В церковь ходить около 3 в[ерст] приходилось каждый день на этой неделе, по два раза. Прихожу на яхту, обыкновенно, в полном изнеможении и поздно. Хорошо, что заплатили.

Относительно книг поговорю. Я положительно разбит, болен, не чувствую под собой почвы, потому что не вижу, не нахожу средства получить от Вас страстно желаемые книги. До последних дней нам всем, начиная с капитана, было известно, что мы на днях Пасхи снимемся и постепенно будем подвигаться к Англии, заходя в попутные порты. Потом, как снег на голову с крыши свалился, — известие получается в таком роде: «кажется», в Англию не пойдем, а пойдем в Марсель. Владелец отправится в Париж (вероятно, со своей содержанкой, ее дочками и мужем). В Париже отец Кузнецова живет со своей второй женой, франц[уженк]ой и маленьким сыном, которые приглашали его в гости на Пасху. Скверное положение, между прочим, этого Кузнецова с его содержанкой. Все от нее сторонятся, а Кузнецов — почетный гость Мекленбургского и Михаила, называемого князя.

Слухи, будто мы простоим некоторое время в Марсели; приедет наш патрон и тогда отправимся в путешествие по всем большим и красивым портам, а по прошествии месяца пойдем в Россию. Предполагается в конце мая быть в России. Но это только слухи. Капитан, на все наши вопросы, куда адресовать нашу корреспонденцию, сердито махает рукой и, уходя, ворчит: «Я и сам ничего не знаю наверное!» Кузнецов тоже не знает сам наверное, знает наверное одна М-м Б. Но она знает только одно, — если она сегодня пожелает отправиться на яхте «Форос» в Москву, то на следующий же день яхту будут вытаскивать на берег и ставить на колеса. А если завтра М-м Б. пожелает на яхте отправиться открывать полюс, то опять на следующее завтра начнется приготовление к отплытию в Ледовитый океан, и будут хлопотать об оленьих шубах.

В виду всего мною сказанного, поневоле заболеешь и будешь метаться, как угорелый, из угла в угол. Да разве мало для меня риска провезти книги в Россию. Разве нужны еще эти препятствия?!! Помогите мне, если можете, получить от

Вас желаемое! Может быть, у Вас в Марсели есть кто-нибудь знакомый. Получить на яхту прямо, после всего случившегося, невозможно. Может быть, я найду какого-нибудь благодетеля в Марсели, на которого можно будет адресовать, хотя сомневаюсь. Но так или иначе, а если мы будем стоять порядочно времени в Марсели, то во что бы то ни стало нужно там получить, если только мы не пойдем в Англию. В Англии это было бы очень удобно. Но «бы»!!? За несколько часов до ухода из Канн я извещу Вас, куда пойдем — скажу.

Сходили мы в Алжир и капитан с 2-мя своими помощниками получили крестики. Вечером в субботу 4 (16) апреля привез сам герцог. Кузнецов, конечно, лучший крестик получил. Боцман медаль серебряную, именную, и на оборотной стороне: «per aspera ad astras» (?!!)[1]. А матросы, кочегары и машинисты по 20 фр. Матросам особенно досталось возить герцога на перворазрядной (вельбот) шлюпке по семи и пяти верст. Матросами князья и княгини очень довольны, потому что почти все бывалые и опытные и довольно рослые. С нами делают все, что хотят: «Песенники наверх!» — «Есть!» И мы поем, дерем глотку, из кожи лезем. — Надо угодить вельможным, развлечь их среди пира, гулянья или прощанья. В Канне ходили в поле за 6 верст плясать казачка и комаринской и петь — «вдоль да по речке-Казанке». Секретарь и доктор страстное имеют поползновение требовать от нас покорности, смирения и, главное, уважения к их особам. Секретарь, — поручик в отставке, бывший секретарь Константинопольского посольства; доктор — поляк. Слишком много между поляками нехороших людей. Доктор наш пользуется особенным расположением Кузн[ецова]. Заведует провизией, уходит и приходит на яхту. Больной кочегар или матрос слезно умоляет часового предупредить, когда явится доктор, или выйдет на палубу и стережет доктора. А если крепко болен, лежит и ждет чудесного исцеления. Придет к нему доктор в два-три дня, — о д н у минуту постоит, задаст один вопрос и пришлет пилюли. Сейчас лежит [с] ревматизмом кочегар и скоро месяц не может ни ходить, ни сидеть (вот он сейчас возле меня стоит, вылез на стол, — больной на верхней койке лежит, — уже ушел!) Этому больному почти никакой помощи не дается. Мучается он, — жалко смотреть, как начинает он подниматься, и глаза на лоб вылазят от боли.

Однажды вечером часовой пошел поправить фонарь от выходной лестницы. Два-три раза крикнул доктор на берегу, шлюпку чтоб подали. Часовой спешит, — садится доктор и начинает ругать. Часовой, из довольно смелых, вышел из терпения и по матросски ругнул его и сам начал кричать на него. Случилось [это] после от'езда 4 наших сослуживцев, и потому матрос не пострадал, так как люди нужны, и обращаются с нами осторожно. Нужно дойти до России, а там мы уже будем пересортированы, как огурцы. Думаю, и Вашему покорнейшему слуге не избежать сортировки этой. Мекленбургский герцог похвалил команду «Фороса». Доктор и секретарь поспешили заметить: «Только их наградами избаловали!»

Довольно о «Форосе». Многоуважаемый г. Аксельрод! У меня замерзло описание матросского быта. Может быть, благодаря Вашим трудам и вышло бы

что-н[ибуд]ь, но теперь едва управлюсь с корреспонденцией и читать нужно, много еще не прочитал, а прочитанное обязательно повторить со вниманием. Другу моему я послал первое письмо из Канн до получения Ваших книг, а потому высказал, что намерен совершенствоваться умственно и нравственно, а потом избрать путь для борьбы с существующим злом и порядком или посредством воздействия умственно и нравственно, или посредством самопожертвования, очертя голову. Вот, мой Разумов пишет мне по получении второго письма, где я писал, что читаю Маркса, Энгельса и пр. и пр., что я-де прочитал таких передовых учителей сочинения и не усвоил самого главного, с подавляющей убедительностью сказанного ими (Маркс и пр.) о невозможности второго рода борьбы. Это Вам, многоуважаемый г. Аксельрод, доказательство, как много я подвинулся вперед. Остается только благодарить и благодарить Вас и вообще Ваш кружок! Теперь уже я не папишу ему так, потому что я теперь живу и сознаю, хотя, быть может, не вполне ясно и отчетливо. Но главное-то я прозрел. Вслед за одним письмом от друга, я получил второе и в один день с Вашим письмом. Между прочим, вот, что он пишет: «Один из моих товарищей просит тебя сообщить, не можешь ли ты достать следующие книги: «Сущность соц[иализм]а» Шеффле[2]). «Развитие научного соц[иализ]ма» Энгельса, «Социальная и политическая борьба» господина Плеханова, «Манифест коммун[истической] партии», «Наемный труд и капитал» Маркса. Для себя мой друг просит, зная по моим письмам, что мы пойдем в Англию, достать за целый год «Социал-Демократ», 4 книжки лондонского издания[3]). В одной из них он прочитал господина Плеханова о Чернышевском и остался очень доволен. Дает и мне советы на счет политической экономии и пожелания. Очевидно, у него была та же книжка, что есть у меня и перечень сказанных выше сочинений, там же взял и цену проставил. Я думаю своему другу подсунуть эти же сочинения взамен «Социал-Демокр[ат]а» и пр., какие только от Вас получу. Для его товарища то-же нужно. С них я денег не возьму, а возьму слово распространять чтение между своими. Третий есть мой товарищ, которому думаю предпослать гостинец. Эх, добрый г. Аксельрод, говорить и строить планы хорошо, да удастся ли? Главное только провезти.

Мой добрый г. Аксельрод, я посылаю Вам 25 (двадцать пять) франков в счет будущих благ от Вас. Удастся мне получить от Вас книги, посчитаете за книги, нет, — пойдут в счет кассы Вашей библиотеки на издание Ваших и товарищей Ваших сочинений.

Что я не слышу о г. Плеханове и о В. Засулич? Здоровы ли они? Передайте, прошу Вас, мое искреннее им почтение и пожелание всего хорошего, пусть они будут здоровы! Мне Ваш кружок предложил прислать книги бесплатно, я посылаю деньги. Я думаю, от души уважаемый господин Аксельрод, Вы не обидитесь. Ведь я искренно делаю все по отношению к Вам и Вашим друзьям. Я желаю хоть чем-нибудь быть Вам полезным. Другие платят и жертвуют, отчего же мне нельзя!.. По крайней мере, я сердечно рад, что могу теперь послать Вам из моих трудовых грошей.

Спешу на почту отправить. Благодарю за пожелания! Буду писать, когда и куда будем сниматься. Уже получилось известие, что завтра не пойдем, простоим 2-3 дня. Да при том же нужно обед прощальный дать князьям.

Привет, поклон и все добрые пожелания шлю Вам, дорогой г. Аксельрод! Будьте здоровы! Взаимно с искренним почтением пожимаю Вам руку

Сицкий Арсений.

1. «Per aspera ad astras» — «Через препятствия к звездам», латинская поговорка.

2. Альберт Шеффле (1831—1903 г.) — немецкий экономист. Его сочинение «Сущность социализма» обосновывает идеи умеренного государственного социализма.

3. Речь идет о книжках «трехмесячного литературно-политического обозрения» «Социал-Демократ», которые выпускались группой «Освобождение Труда». Печатались они в Женеве, но первый сборник, из соображений конспирации, был помечен Лондоном.

6. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Марсель, 27 апреля 1892 г.]

Многоуважаемый г. Аксельрод!

Мы сегодня — 15 (27) апреля — пришли в Марсель утром, потому что только вчера вечером снялись с рейда из Канна[1]). Взяли с собой семейство Б. С князьями и княгинями разошлись тихо, без особенных балов и обедов. Только сходили в Ниццу, — отдали визит Лихтенбергскому, а на другой день (среди Пасхи) он к Кузнецову пришел своей яхтой.

Теперь о книгах. Как мне получить от Вас книги?!! По всей вероятности, у Вас никого нет в Марсели из Ваших друзей, товарищей или просто какого-нибудь знакомого — честного человека. У меня тем менее, может быть, возможность иметь знакомых в Марсели — чужом большом городе. А как же прислать книги по другому адресу, не на яхту? На кого? Кто может получить мои книги? Никто! А если на яхту адресовать, и вдруг узнает наше начальство, что тогда?!! Все пропало! Но что же делать? Книги надо получить мне от Вас. Если получу, тогда будет другой вопрос, — провезти их благополучно в Россию. Но в этом случае мне ничего не остается, как рисковать; могут быть препятствия, может представиться тысяча случаев попасться в руки хранителей деспотизма, но я постараюсь быть готовым. Да и не так же страшен чорт, как его малюют. Есть полная возможность и надежда провезти благополучно без особых приключений. Я теперь пришел к такому решению. — Дня через два или три наш патрон со всем своим кодлом уедет в Париж. С ним уедет и секретарь, который по своей обязанности шныряет по почте и телеграфу. Авось, уедет и доктор, останется одна судовая администрация. Тогда некому будет ходить на почту, авось, один из наших, молодой матрос — за неимением здесь комиссионера — будет продолжать ходить на почту за корреспонденцией яхтинской, всей. А я не проавоськаюсь?! Но если не так, то остается только Вам предупредить меня письмом

о высылке книг на мое имя, тогда я вечерком выскочу и спрошу свои книги. Нет, — на другой день опять приду. Мой дорогой господин Аксельрод, может быть, у Вас есть за истекший год журнал «Соц[иал-Дем[ократ]» лондонского издания[2]), в таком случае, пожалуйста, вышлите вместе с Вашими книгами. (Между прочим), все книги будут уплочены по их стоимости впоследствии. Покорнейше прошу Вас, добрейший господин Аксельрод, вышлите мне по 3 экземпляра сочинений Вашего кружка (но если их очень много, признаюсь, к крайнему моему сожалению, по разным уважительным причинам уже больше месяца, как не читаю имеющиеся у меня Ваши книги, а потому наверное и не знаю, как велико количество Ваших книг). Пожалуйста, если можно, пришлите все Вашего кружка сочинения или переводные.

Еслибы было возможно переслать мне книги на имя какого-нибудь постороннего господина, то это было бы очень хорошо. Я просто пошел бы, взял их, положил в чемодан и принес на яхту. Но что было, то видели, а что будет, то увидим! Авось!!?...

Простоим мы здесь не менее месяца. — Предполагают всю яхту вновь выкрасить, вычистить, чтобы в Россию прийти чистой-блестящей. Вероятно, проплаваем после марсельской стоянки некоторое время в Европе (в Испании, Италии и Франции) и в июне двинемся в Россию. Но тогда увидим.

Доктор и секретарь — поляки. Они частенько вслух высказывают на палубе капитану и старшему помощнику недовольство палубной командой. Одному матросу-несмелому, разбитому меркуриальным лечением, секретарь при встрече на берегу в Алжире имел пошлость и глупость заметить: «Вы, Рокачевский, совсем невежа». — «Как, в чем?» спрашивает последний. «А почему Вы не кланяетесь при встрече со мной?» ничуть не краснея, замечает секретарь Любовский. Рокачевский согласился, что, де, я действительно, может быть, невежа, и пошел себе. Другой раз, на Пасхе, секретарь ехал на извощике и, разговаривая с ехавшим с ним матросом, осуждал и смеялся над некоторыми матросами (ехали они извиняться перед священником в том, что приглашенный священник, в первый день Пасхи к Кузнецову на обед пришед[ши], получил от швейцара гостиницы ответ, что Кузнецов десять минут как выехал куда то. Матрос секретарю был проводником в поисках священника в гостинице). Этот матрос позволил себе смеяться. Секретарь в этот же день пожаловался старшему помощнику, что такой то матрос не умеет себя держать, — дерзок, неучтив и невежлив. Наш Костюрин делает означенному матросу выговор и, между прочим, замечает: «Только один Ященко умеет себя держать и обращаться с начальством», Ященко хохол, верующий во всех святых, снимает шапку и чуть не крестится при входе в пустой салон яхты, а при встрече с начальством жмется, тянется и говорит с ним таким кротким и покорным голоском, как запуганный ученик отвечает строгому учителю.

Доктор капитану указывает пальцем на матроса, который перевозил днем на шлюпке всех и всякого, кому нужно на яхту или с яхты. «Смотрите, — это у Вас позволяется?» А матрос тот сидел на шлюпке и курил алжирскую сигару. Другой раз секретарь жалуется, что команда, идя на берег, надевает хорошие костюмы,

и ее нельзя узнать, кто они такие. В таких случаях я смеюсь от души. Ничего больше и не остается.

Желаю господину Плеханову и г. Вере Засулич и всем Вашим друзьям от души всего хорошего и быть здоровым. С нетерпением, милостивый и уважаемый господин Аксельрод, жду от Вас ответа. Будьте здоровы! С искренним чувством уважения пожимаю Вам крепко руку. Получили ли Вы мое письмо с почтовым чеком на 25 франков?

Ночь 15 апреля. Арсений Сицкий.

1. Известить П. Аксельрода о выходе из Канн Сицкий не успел.
2. О присылке этого издания просил А. Сицкого его друг Н. С. Разумов.

7. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Марсель, 2 мая 1892 г.]

Добрый господин Аксельрод!

Письмо Ваше получил[1]) и так рассудил: я еще никакой пользы (или вреда для богатых) не принес и, кажется, мне нечего бояться нашего начальства. Они молчат все. — Чтение запрещенных книг не новость между моряками (хотя раньше читались такие, которые не отличались основательностью и вообще не имели под собой точки опоры). Наши паразиты с тем же презрением в поведении продолжают смотреть на эти книги. Второй помощник капитана ко мне отчасти расположен, — служил с ним в «Р[усском] О[бществе] Пароходства и Т[орговли]» на трех пароходах и чрез него поступил на яхту. Если опасаться кого, то некоторых скотоподобных кочерагов и матросов-пьяниц. Они скорее в рассказах в кабаке могут влопать. Но с этой стороны я постараюсь их расположить к себе или просто вести себя скромно и молчать. Письмо Ваше думаю отнести по адресу[2]), но отнести придется с переводчиком. Этот переводчик — француз, мальчиком плавал в добровольном флоте на старой погибшей «Москве». Он приходил к нам и так горячо высказывался в интересах рабочего класса, что я решился ему довериться, и он охотно дал согласие и тоном, не допускающим никаких опасений и сомнений, уверил, что будет молчать. Мы должны быть готовы к 1-у мая по нашему календарю, Ну, два-три дня еще простоим, но приказ патрона к 1 мая. Итак, я боюсь, чтоб не опоздать с книгами. Вот адрес этого француза. Он работает на какой то фабрике. женат, жив отец, мать и пр.

Marseille, Mr. Lairand, Boulevard de Paris, № 87.

Вчера, 1-го мая, он дал мне этот адрес, при чем я не разберу Lei или Lai, и потому прилагаю оригинал адреса. Не было времени хорошо расспросить, — стоял на вахте. Нас вчера никого не выпускали на берег по просьбе консула (известнейший между моряками за подлеца первоклассного), на яхту тоже никого не пускали. Был город сильно возбужден, много было войска, ожидали взрыв чрез какое то

письмо. Все обошлось тихо, говорят, рабочие ходили гулять в поле. Я нахожу не лишним все-таки отнести Ваше «письмецо», так как не думаю, чтобы адресат его вздумал мне повредить. А впрочем, я еще подумаю день, сегодня и завтра. Дело в том, что или довериться моему адресату или Вашему, не знаю, кому надежнее. Но в Марсели оставаться немыслимо, у меня ни копейки нет за душой. Здесь «пройдохи» матросы голодают и не находят работы — наши русские.

Мне кажется, что если мой адресат способен проболтаться, то проболтается, если и не получит мои книги на свой адрес, потому что знает уже, в чем дело. Поэтому, так или иначе, — одно и то-же. А потому, присылайте на его имя. Его имя Александр. Сейчас на работу. Прощайте, будьте здоровы, благодарю Вас, но прошу, менее беспокойтесь за меня, — я спокоен, относительно. Вашу руку с чувством признательности обязанный пожимаю.

Арсений Сицкий.

Обед, 20 (2 мая) апреля 1892 г.

1. Повидимому, в этом письме, как и в последующих, П. Аксельрод, выражая тревогу за судьбу Сицкого, просил его быть осторожным и беречь себя. Вместе с тем П. Аксельрод предлагал Сицкому новый, по его мнению, более безопасный способ пересылки брошюр.

2. Речь идет об установлении в Марселе надежного адреса, по которому группа могла бы посылать предназначаемые для А. Сицкого книги. В качестве такого адреса П. Аксельрод указал А. Сицкому редакцию марсельской социалистической газеты, с которой он сам познакомился в 1881 г., проездом из Румынии в Швейцарию (см. письмо А. Сицкого № 14). Этим адресом А. Сицкому не пришлось воспользоваться.

8. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Марсель, 2 мая 1892 г.]

Будьте здоровы, господин Аксельрод!

Сегодня послал Вам ответ на Ваше письмо, а вечером пишу другое. Прежде всего о том, что болит. Да, господин Аксельрод, я таки прихожу к тому заключению, — лучше, если Вы пошлете книги по моему адресу. Этот человек-рабочий знакомства ведет с нашими. Предположить его болтливым, — узнает кто-н[ибудь] из наших, в таком случае я буду видеть того постоянно, кого должен опасаться, — постараюсь себя обезопасить, — упросить, умолить держать свой рот закрытым матроса или кочегара. Но судя по его физиономии, его словам в интересах французских рабочих, так же и по тому, как он плавал в детстве между матросами русскими, ужели он вздумает или хватит у него совести рассказывать об этом кому-н[ибудь] из наших, зная, что я могу жестоко пострадать чрез это?!! Кстати: мы не долго будем стоять, в первых числах мая уйдем и, вероятно, с семейством Б., так что постить г. Лайру[1]) придется не долго, а Вас прошу покорнейше прислать книги к 1-му мая[2]). Зачем Вы, добрейший господин Аксельрод, так тревожитесь и беспокоитесь за меня? Уж не вините ли Вы себя в том, что на

яхте все знают, что читаю я Ваши книги; или не вините ли уже Вы себя, что поощряли меня в изучении политической экономии?!! Мой друг[3]) пишет, что рад сердечно за меня, так как я променял Толстого на политическую экономию, которая, по его мнению (конечно, я и без его мнения пришел здесь во Франции к тому же убеждению), — истинный руководитель в общественной деятельности на пользу других. Мне порой приходится испытывать довольно странное чувство: является какая то затаенная, где то там, внутри, глубоко во мне, жажда страданий, при этом с логической последовательностью доказывается, что пострадать, умереть даже или постепенно иссякнуть в тюрьме душой за правое, святое дело — можно и должно и своего рода есть счастие и наслаждение, высшее, неземное. И не для славы, думаешь себе, можно и должно вынести адские пытки, но просто, чтобы на твоей крови и костях прочнее, идеальнее, если можно так выразиться, и выше выросло здание братства и свободы, прежде всего, и равенства. Пусть я умру, рассуждаю, но после меня, не сегодня — завтра, по моим костям пройдут другие и дойдут до новой зари, изможденный от непосильного труда труженик вздохнет свободно и скажет: «Теперь я не боюсь за завтрашний день, семья моя не будет голодная и холодная, — я обеспечен!» Но, уверяю Вас, добрый многоуважаемый господин Аксельрод, я верю в себя, и мне ни малейшего предчувствия не является, что я могу пострадать. Я просто как то уверен, убежден, — все обойдется благополучно, и даже надеюсь пойти на яхте и на следующую зиму и тогда, быть может, снова буду иметь с Вами переписку и читать Ваши книги. Да, нет! ведь Вы посудите — не глупо ли было бы и черезчур непоследовательно со стороны моей звезды, если бы она вздумала померкнуть ни с того, ни с сего. Ведь я еще не все прочитал те книги, что у меня есть. Главное, лишь бы мне удалось книги провести до России, чтобы поменьше знали из наших об этом, и чтобы счастливо отделаться от таможни, а там я разошлю книги скоро и имеющие у меня остаться будут скрыты. Уже потому не решится никто из наших папков доносить на меня полиции, что они отлично знают, — нам очень много известно читающих и имеющих женевские книги помощников и капитанов. Я даже говорил во время оно нашему Костюрину, когда он забрал мои книги. Выдавая меня, они поопасаются за своих товарищей, знакомых, покровителей и протекторов, я думаю. Вот, если дознаются, что я получил и везу много книг, тогда они выкинут за борт их, а меня на берег в России. На счет сортировки нас самих положительно данных нет никаких, при том многие останутся сами, а потому не особенно удобно будет еще и рассчитывать, для самолюбия и чести Кузнецова не удобно будет. При том же теперь все тихо и смирно: ни против боцмана, ни против начальства никто не возмущается, хотя доктор и секретарь и косятся, но это потому, что не кланяются им при встрече. Я, напр[имер], кажется должен бы быть маленьким и кланяться им в пояс, чтобы до прихода в Россию расположить их к себе, но что будешь делать, когда только подумаешь «нужно поклониться», а внутреннее мое «я» говорит категорически: «Лучше я позволю тебе разбить свою голову, чем оказывать знаки почтения тому, который не заслуживает звания человека». Вот разве наделает чтонибудь серьезное то письмо, посланное Вами до востребования, если только оно,

действительно, перехвачено было секретарем, в чем я, впрочем, не уверен, — он между своими что-н[ибудь] да сказал бы об этом, и я стороной узнал бы об этом, но письмо это просто кануло в воду.

Разве еще нужно опасаться тех четверых матросов, что уехали в Россию, но это всего менее основательно. — Жизнь трудовая не даст им серьезно задуматься о постороннем, — сделать подлость человеку, который не сделал им зла никакого. Да, нет же, господин Аксельрод, я положительно не боюсь ехать в Россию. Здесь наши матросы не видят ничего серьозного, что я читаю книги загранич[ные] и бесцензурные.

Я был рад вчера, — у нас тоже происходили разговоры о рабочих часах и плате и о кассе рабочих. Теперь, слава богу, и наши понимают, что рабочим во Франции, сравнительно лучше живется, чем нашим русским. Вот придем в Россию и там порасскажут своим знакомым, и «это будет хорошо!», думаю я.

Теперь пора мне и пооткровенничать с Вами, дорогой господин Аксельрод. Быть может, и не придется больше иметь честь и счастие с Вами переписываться, главное, быть может, не удастся снова на яхте гулять во Франции, откуда так свободно вести переписку. Посему покорнейше прошу Вас, не забудьте меня; быть опять может, придется через несколько лет снова иметь счастие с Вами беседовать. А я, с своей стороны, отовсюду буду посылать Вам горячие пожелания всякого добра, прежде всего, быть здоровым и так же славно работать на пользу русского народа и сердечно искренно благодарить Вас. Передайте же и господину Плеханову и г. В. Засулич и всем Вашим друзьям единомышленникам, покорнейше прошу Вас, передайте им мой глубокий поклон. «Вас, г. Плеханов, я знаю только по Вашим сочинениям и переводам и от души благодарю Вас; будьте здоровы, многоуважаемый господин Плеханов! Будьте здоровы, г. В. Засулич! От души желаю Вам обоим всех благ и всякого добра. Я надеюсь, еще снова буду иметь счастие читать и учиться из сочинений Вашего кружка. Лишь бы только благополучно проскользнуть в Россию с книгами, что имею получить от господина Аксельрода, а там снова можно надеяться на получение Ваших сочинений. Читая Ваши сочинения, я чувствую себя человеком, — невольно закрадывается в душу луч надежды на светлое будущее; невольно самому хочется жить и бороться за освобождение народа русского от невыносимого гнета. Теперь, представляя себе возврат в Россию, мороз проходит по телу при представлении того деспотизма, что царит по всей России, и задаешь себе тогда страшный вопрос: да неужели не поймут наши правители, насколько они подлы и низки, ужели не поймут, что придет же конец их господству, и не лучше ли им заблаговременно, если не отказаться, то хоть исправиться, чтобы тем сколько-нибудь облегчить тяжелую жизнь народа и чтобы не дожить в противном случае, [до того дня] когда сила вырвет у них все, что они имеют и чем гордятся, как люди над скотами? и этот вопрос вызывает во мне только тяжелый вздох в ответ. С искренним чувством жму Вам всем крепко руки и от души желаю всего хорошего!»

Мое почтение, искреннее пожелание всего хорошего и быть здоровым, передайте, прошу Вас, господин Аксельрод, господину Левкову. Я особенно благо-

дарю его, — ведь благодаря ему я имел счастие познакомиться с Вами и столько получить сочувственных писем от Вас!

Теперь о себе: вероятно, Вам неизвестно кто я? В 84 г. я уволился по окончании экзаменов из третьего класса Нижегородской Духовной Семинарии, — сын дьякона. Мечтал быть военным флотским офицером, а попал в вольные матросы. Здесь, на пароходах, испытал и выпил чашу рабочего до дна, а потому решительно отказался от всяких поползновений сделаться паразитом-бездельником, — иметь труд более обеспеченный и свободный, не такой продолжительный, но быть помощником капитана, огрубеть, излениться, ничего не делать, привыкнуть волей-неволей грубо обращаться с матросами! Из боязни всех этих зол я забыл и думать о карьере. В 89 г. возообновилась моя переписка с моим другом Разумовым, который пошел в Казанский Университет, а нынешний год в С.-Пет[ербург]скую Медицинскую Академию на 3 курс переехал, — он пробудил во мне сознание жизни и жизни не для себя, а для других.

Остаюсь искренно уважающий Вас Арсений Сицкий. От глубины души крепко пожимаю Ваши руки. Будьте здоровы!!!

2 (20 апр.) мая, 11 ч. ночи.

1. Lairand, на имя и адрес которого А. Сицкий просил П. Аксельрода высылать книги в Марсель. (См. предыдущее письмо.)
2. К 1-му мая по старому стилю, то есть, к 13-му мая по новому стилю, которым помечены письма.
3. Н. С. Разумов.

9. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Марсель, 12 мая 1892 г.]

Дорогой Господин Аксельрод,

простите, — два дня прошло, а я все еще не могу иметь времени свободного сообщить Вам о благополучном получении Вашего доброго письма и книг[1]). Вечером сегодня иду снова забрать часть книг, так что сегодня не буду иметь возможности написать подробный Вам ответ и отчет.

28 апреля (10 мая) получил Ваше письмо и вечером пошел свериться и только в третьем часу за полночь имел возможность взять маленькую пачку присланных Вами книг. Благодарю Вас и вообще Вашу группу «Освобождения Труда». Спасибо сердечное и горячее Вам, господин Аксельрод! Через два-три дня подробно Вам отвечу[2]). Будьте здоровы!

30 апреля 92. Арсений Сицкий.

Благодарный от души крепко жму Вашу руку!

Вполне благополучно получил Ваше письмо, — ходит на почту наш матрос, но вполне всегда надеяться нельзя, может попасть в чужие руки, особенно с печатным адр[есом] отправителя письма.

1. Книги были высланы на имя Lairand. Повидимому, это был довольно значительный транспорт книг, который Сицкий должен был перевести в Россию. Сицкий переносил их па пароход частями. О дальнейшей судьбе книг см. его письмо 11-ое.

Письмо П. Аксельрода было ответом на оба предыдущие письма Сицкого, помеченные 2-м мая, и вместе с тем содержало ряд указаний о желательном направлении с.-д. работы в России. В следующем письме (от 24 мая) Сицкий, возвращаясь к письму П. Аксельрода, обещает следовать его «добрым советам». Сицкий сохранил это письмо и в России читал его со своим товарищем по революционной работе М. Мироновым. Между прочим, это письмо заключало соображения о желательности посылки русскими рабочими своего представителя на международный социалистический конгресс (см. письмо Сицкого 10).

2. Подробно ответить Сицкому не удалось. Следующее письмо он послал П. Аксельроду 24 мая, перед самым возвращением яхты в Россию.

10. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Марсель, 24 мая 1892 г.]

Дорогой Господин Аксельрод!

Завтра или, скорее, сегодня мы идем, а куда снимемся — неизвестно. Пишу на вахте в 3 ч. ночи. Телеграмма получена сегодня вечером от «патрона», что завтра приедут из Парижа они (стало быть, в обществе семейства Б., и можно поэтому с уверенностью предполагать, что на пути в Севастополь будем заходить в порта — «пообедать» или позавтракать а может быть, и погулять).

Книги почти благополучно перенес на яхту, но еще не спрятал от имеющего быть таможенного обыска в Севастополе. Извещу обязательно Вас по счастливом выезде с книгами с яхты. Предполагаю выпросить отпуск в Одессу. Да, еслибы мне удалось тотчас по приезде в Одессу войти в кружок тех рабочих, что имеют понятие о социаль-демократии и которые стараются следовать ее учению! Я вполне согласен в том, что Вы писали в последнем письме. Постараюсь и буду стараться следовать Вашим добрым советам. Я предполагаю, если будет возможно, остаться на яхте и на следующую кампанию или зиму. Говорят, наше начальство в Севастополе составит контракт горше первого, подпишусь, все равно.

Одного только мне остается желать себе для успешной деятельности, — иметь или место или обеспечение материальное, чтобы иметь свободное время для организации и выезда заграницу. В последнем случае я нашел бы способ ввозить в Россию книги Ваши, а в первом находил бы средства Вам для издания книг. Также, вероятно, скоро нашел бы представителя от Русских рабочих на международный конгресс. Но этого ничего нет, и мне остается пользоваться тем, что есть. По крайней мере, в будущем я смело надеюсь на сколько-нибудь (по моим силам) заметную деятельность в деле освобождения народа от деспотизма.

Может быть, я успею послать из Константинополя Вам, дорогой господин Аксельрод, известие о моем положении, но не обещаю.

Спасибо Вам Всем!

Сердечно желаю Вам всем быть здоровыми и также продолжать Вашу деятельность с возрастающим успехом.

Где бы я ни был, душевно буду посылать Вам, господин Аксельрод, горячие пожелания и Вашим товарищ[ам], вообще, Вашему кружку, полного успеха и всего хорошего. Будьте Вы все здоровы!!!

Крепко с глубоким уважением жму Вашу руку, господин Аксельрод! Придется ли вновь иметь счастие с Вами переписываться?!! Я решительно надеюсь, что да! Вам преданный, всем обязанный и много благодарный.

12 (23) мая, 4 часа утра. Арсений Сицкий.

11. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Ницца, 4 января 1893 г.]

Дорогой Наш г. Аксельрод!

Простите, что долго не писал Вам, причины тому Вы увидите ниже.

Будьте здоровы, дорогой мой г. Аксельрод! Прошу Вас, передайте так же г. Плеханову и г-же Вере Засулич искренние душевные мои пожелания им всякого добра, здоровья и пр. и пр. и пр.! Передайте, прошу Вас, низкий им поклон и почтение! Относительно говоря, я счастлив. Теперь я заграницей во Франции, и могу свободно и смело и откровенно писать Вам все и о всем. Как видите, дорогой, незабвенный мой г. Аксельрод, Вы жестоко ошиблись, когда в письме ко мне в Марсель предлагали и советовали отказаться мне от перевозки Ваших драгоценных сочинений в Россию. Я до сих пор здрав и невредим и благополучно избежал подводных камней, и это мне удалось, имейте в виду, в первый раз моей контрабандной деятельности, значит, на следующий раз или разы я должен быть еще счастливее. И знаете ли, как разошлись Ваши сочинения и книги? Половина пошла в Петербург, а половина осталась на юге России. Но скорее к делу: расскажу подробно, как это все мне удалось.

Снялись мы из Марселя около половины мая по нашему. Зашли в Тулон на 4 часа, сдали там Скрыдлова, капитана флотского, родственника содержанки Б. Кузнецова (он женат на сестре ее?!). Снялись из Тулона прямо до Мессинского пролива; там простояли только два часа, пока получили свободный проход и прошли прямо в Константинополь. Из Константинополя на другой день с рассветом вышли в Севастополь.

Снялись из Констант[инопо]ля; боцман по наказу старшего об'являет: «Господа! у кого есть запрещенные книги, выбрасывайте их за борт!» А вечером является старший помощник; надо сказать, подобное об'явление боцмана последовало как раз потому, что я в этом тоне и роде приводил пример из распоряжений на одном из Р[усски]х пароходов ст[аршего] помощ[ник]а нашему старшему тогда, как у меня им были конфискованы книги и брошюры Ваши[1]). Старший является в кубрик, созвав наперед всех хозяев кубрика (опять по моему!) и начинает с повторением тех же слов обыск якобы по ящикам. До меня очередь далеко, но

я приготовил на его усмотрение несколько брошюр, среди которых были и пошлые, вульгарные брошюры Алисова[2]). Старший спрашивает: «Это все?» — «Все», отвечаю я. И между прочим замечаю: «Я еще не прочитал их, но отдаю, потому что не желаю сам их держать у себя». Этот Костюрин возвращает мне со словами: «Выбросите их сами сегодня же, и я буду считать их выброшенными!» Перед вечером я действительно собрал лоскутки какой то флотской книги об'емистой, с описанием за несколько лет несчастных случаев с русскими военными судами, брошюры Алисова, брошюры Изгоева, 3 №№ соц.-дем. пропаганды, социалистов-общинников, «Индивид[уальная] и соц[иальная] культура» Девиля в переводе Афанасьева[3]), и весь этот хлам выбросил пред лицом половины всей команды. Я с 8 ч. вечера пошел на руль и об'яснил и уверил Костюрина, что выбросил все и вся. И тут Костюрин опять высказался в том духе, как я давно при известном Вам случае доказывал ему свои права читать, что мне угодно заграницей. «Дело то в том, говорит, что бы ты ни читал, мне все равно, но я не желал бы, чтобы, как прошлый раз, кто-нибудь пришел и сказал мне: а зачем Вы позволили Сицкому политич[еские] книги ввезти в Россию?! И таким образом нежелательно, дескать, мне самому попасть в неприятное положение». Я успокоил его. Тем дело кончилось.

На пути Кузнецова (он в Россию ехал сам, один) просили разрешить отпуск команде и получили ответ утвердительный. Пришли в Севастополь 20 мая. В этот же день Кузнецов отправился в Москву и простился очень радушно и через два месяца обещал увидеться. Получили мы награду денежную от него в размере месячного жалованья. На другой день собираемся в отпуск, и я из первых. Такие проныры, как Гужелев (в настоящее время боцманом) и еще некоторые негодяи, подозревая, что у меня есть что-нибудь опасное (для меня только), уселись около меня, укладывавшего вещи свои, рассчитывая на удовлетворение своего низкого любопытства. Но все интересное для них было уже уложено и заложено. Поехал 24 мая, 25 был в об'ятиях дражайшей половины и узрел своего сына. Пришлось волей-неволей посвятить ее в свои тайны, и, конечно, никакого не встретил участия, а наоборот. Взял все журналы «Социал-Демократ», К. Маркса и вообще все, что я получил от Вас для себя раньше, и всех присланных Вами, многоуважаемый г. Аксельрод, в Марсель книг половину, зашил, зашнуровал, а через несколько дней по моем от'езде из отпуска жена послала Разумову, который ответил долго спустя, что все благополучно получено и продано будет им в Петербурге, откуда он обещал выслать и деньги. Остальную половину жена моя привезла в Севастополь, приехавши жить на некоторое время. Мы все время стояли в Севастополе и только сходили на неделю в Ялту пред уходом заграницу (29 октября), а раньше на виноградный сезон отвезли Кузнецова, приехавшего из Москвы со всем своим кодлом, в имение его «Форос» на берегу моря и на половине между Ялтой и Севастополем. Пред приездом счастливый случай мне помог узнать одного нашего собрата и сотрудника в деле освобождения народа; пришел он к нашему «непутящему машинисту», бывшему мастеровому севаст[опольско]го адмиралтейства «Русского Об-ва Парох-ва и Торговли»: стоя на палубе яхты и

глядя вместе с нами на приготовления военных судов в поход на маневры для высадки десанта погруженных на них армейских солдат, этот мастеровой довольно ясно и определенно высказал значение слов пролетарий, капиталист, эксплуатация и т. п. терминов. Я постарался перевести его самолично без свидетелей на берег на шлюпке яхтинской, предварительно раньше аллегорически об'яснившись с ним относительно своих убеждений и рода своей деятельности и образования своего. На шлюпке я отчаянно высказал мои затруднения относительно сбыта имеющихся у меня книг. Тот (Михаил Миронов[4]), адрес: Севастополь, Корабельная слободка, собственный дом Сергея Миронова, Михаилу Сергеевичу Миронову) уверил меня в своей искренности. Жена привезла книги в 20 числах августа, и я их все отнес ему, а он уже начал распространять их между известными ему. Прочитали также и одно из Ваших писем ко мне.

Теперь расскажу со слов Миронова о последствиях доставленных мною книг. Кроме Миронова самого, есть еще в Севастополе несколько человек довольно развитых, на столько же опытных и не менее искренних. Между этими есть один молодой человек, страстно жаждущий правды, мира и добра и буквально пожирающий Ваши сочиненения, но довольно благоразумно держащийся сознательно в стороне, чувствуя свою молодость. Мужички-поденщики чернорабочие в заводе знают или, вернее, инстинктивно угадывают душу Миронова и простодушно при первой встрече наедине прямо просят: «Ей, дай, брат, Христа ради, што-небудь почитать». Здесь нужно сказать несколько слов о Миронове. — Теперь Миронов женатый и с детьми, а в молодости он читал Габриэль-де-Вилле[5]) (точно не знаю названия) и был чуть ли не агитатором, принадлежал к партии «Земля и Воля». В Харькове пойман был по уликам, но отделался острогом. Знаком был с сестрой Чернышевского и с некоторыми другими политическими деятелями. Так вот подобная личность не стесняясь входит в общение с мужичками по особому образцу. «Хорошо, говорит Миронов просителю, я дам, но только имей в виду: как только хоть на одну секунду рот разинул, кому-нибудь проговорился и пр. и пр., так ты, говорит, пропал навеки, — пойдешь навечно в каторгу или в заточение в крепость. А я, говорит Миронов, из воды выйду сухим, из огня невредимым, потому — волк травленный и перетравленный и всегда и везде выкручусь». Под такими то́ условиями Миронов мужичков просвещать начал понемногу, когда я представил ему в его распоряжение мое богатство. Между мастеровыми, нечего и говорить, чтение Ваших сочинений расширяется постепенно с подобающею осторожностью. Не избежал и черноморской флот Ваших брошюр. Матросы там тоже многие читают их и несколько офицеров. Между матросами даже приходится Миронову быть мировым посредником, — дает одному две-три брошюры, другой матрос, его товарищ, бросается на счастливца и старается вырвать у него брошюры. «Что же?» говорит обделенный: «Ты человек, а я собака что ли? Тебе нужно, а мне нет!? Или, говорит, отдай, или порвем — и ни тебе, ни мне не достанется все равно».

Миронов старается расходовать брошюры экономно и пустил в ход только один свод брошюр, — остальные лежат и ждут особого разрешения отправиться в

путешествие — в Ростов, в Харьков и Одессу, с которыми, Миронов был согласен со мной с первых слов, необходимо снестись и установить постоянные сношения. С Одессой предполагается иметь особые сношения и для получения от Вас книг и вообще правильных сношений с Вами, дорогой г. Аксельрод. Не знаю пока, севастопольцы имеют теперь [сношения] с которым-нибудь из этих центров мастерового народа, или нет. Но, по крайней мере, Миронов говорил и уверял, что в Ростов отправлено письмо с этой целью, а в Петербург поехал военный флотский держать экзамен на машиниста и постарается найти своих друзей по деятельности и убеждениям. С Одессой всего легче снестись, и я таки убедил Миронова принять решительные меры для сближения с последней. Нужно заметить, Миронов относится к одесским рабочим с предвзятым убеждением, основанным на поверхностном определении одесских нравов. Там, по словам Миронова, люди, в том числе и мастеровые, легкие, непостоянные, избалованные коммерцией и легкостью заработка; люди легковерные и сильно попорченные нравственно. Я убедил его немного в противном; я сказал, напр[имер], там много заводов и фабрик, и среди массы рабочих есть и должны быть люди развитые с твердым, закаленным характером, которые сразу откликнутся Вам и горячо возьмутся за общее дело умелой и привычной рукой, потому что раньше нас еще знакомы с группой «Освобождение Труда». Г. Засулич в «Очерках истории международного союза рабочих» упоминает о тех безумных жертвах социалистов, которые, очертя голову, шли на гибель и гибли, не принося никому пользы своей преждевременной и насильственной смертью. Мало того: все эти Кибальчич[6]), Перовские и пр. и пр., бесспорно очень благородные честные борцы за угнетенных и слабых, сумели иметь приверженцев и единомышленников среди рабочего класса и сами геройски шли на эшафот, не имея, к крайнему сожалению, истинной точки опоры в своем учении (я говорю об утопистах) и оставив сиротами беспомощными своих низших младших братьев, которым, в свою очередь, царские опричники также успешно произвели сортировку и отправили в «места не столь и столь»... Миронов это подтвердил. По его словам, после арестов среди рабочих в городах Ростове, Харькове и пр. фабрично-заводских центрах, в рабочем классе воцарилось уныние до крайней степени. У всех сознающих и бессознательных, развитых и крепкоголовых опустились руки. Почти все безнадежно и беспомощно начали глядеть на мир и влачат свою жизнь, ни во что не веря и не надеясь. А другие, с горячим сердцем, не помирившимся с положением вещей, стараются заглушить нравственные пытки и материальные лишения русской сивухой и развратом. Беда русского (могущество деспотизма): как только не везет, сейчас бежит в кабак и там разрешает или находит, т. е. правильнее, старается найти разрешение мировым задачам в шкалике «сивухи». Последствия этого уныния и соединенного с ним разврата обрушиваются со всей своей разрушительной-растлевающей силой на молодое поколение рабочего класса, обыкновенно тотчас со школьной скамьи представляемое отцами-мастеровыми в заводы, за станок или верстак завода. В субботу получка жалованья за неделю. В понедельник старики мастеровые пытают молодежь, работающую около них: «Ванька, ну как вчера (в

воскресенье)?» — «Как? отвечает юнец, как и всегда!» — «Да, поди с девчатами то ловко погулял, хорошо им пустил пыли, верно будут помнить тебя? Верно уже две любовницы завел?» Парень (хлопец), недавно начавший получать 50 коп. за рабочий день и пока честно до копеечки приносящий домой каждую получку, иногда с отвращением отворачивается от старых негодяев, которые не унимаются и развивают сальные картины с артистическим уменьем. А часто юнцы с наслаждением слушают сальные рассказы этого исчадия, будучи развращены еще дома чуть не с колыбели матери благодаря примерному распутнику-отцу. Против этого распутства и пьянства Миронов горячо и умело борется на каждом шагу и, надо отдать ему справедливость, имеет более успеха, чем я здесь на яхте среди моих сослуживцев.

Эх, дорогой г. Аксельрод! Если бы между упомянутыми городами упрочить сношения постоянные, тогда бы быстро распространилось слово правды, братства и равенства по всей России и быстро перешло бы в дело, имея за себя целую армию героев-борцов за освобождение пролетария и рабочего класса.

Ходил я редко к Миронову. К нему и так ходит много, а он, вероятно, находится под строгим надзором сыщиков царских. Я ничего не читал во все время пребывания в России и намерен был пред уходом заграницу зайти к нему взять по одному экземпляру с собой и те немногие пожертвования, какие Миронов имел собрать. Но, к сожалению, мы уходили в Ялту на неделю, и в это время Миронов переменил квартиру (он живет на окраине города и адрес — адрес его отца), и я перед уходом не мог найти его новой квартиры. На-днях послал ему письмо. Забыл сказать (пишу в Ницце, во Франции, и нездоров, простудился): я каждый визит мой к Миронову убедительно говорил о необходимости устройства скорейшего общей запасной кассы, постоянно пополняемой добровольными взносами. Цель кассы — распространение и пересылка книг, переезд и приезд агитаторов и делегатов на международный с'езд и пр. и пр. Миронов вполне и во всем согласен был со мной и дал слово и уверил, что это должно быть и будет...

Опишу Вам, многоуважаемый г. Аксельрод, жизнь Севастополя и в нем стоявшей яхты «Форос». Кузнецов, уезжая, очень любезно простился с командой. Мы все ездили в кратковременный хотя отпуск в Одессу. С'ехались все, живем — не тужим. Вдруг получается известие: приехал штурман флотский, поручик Осипов, представил пакет нашему командиру Фитингофу, в котором Кузнецов категорически требует сдать яхту немедленно Осипову и в награду в этом же пакете представлено ему, Фит[инго]ф]у двухмесячное жалованье. Точно таким же способом был уволен и ст[арший] помощник Костюрин. Одним словом, Кузнецов поступил не по джентельменски совсем (как и было опубликовано в «Одесских Новостях» — газете) благодаря советчикам, секретарю Любовскому и доктору Шмигельскому, своим рабам. Сильно были поражены Фит[инго]ф и Костюрин, оба плакали, униженные и оскорбленные. Я не буду разбирать их деятельность и жизнь на яхте, как начальников. Скажу вообще — в современном русском обществе «почти» сплошь все начальники и чиновники не выдерживают

никакой даже снисходительной критики относительно их деятельности и жизни вообще. Современный прогресс человечества решительно ни в чем и нигде не обнаруживается в России. Грубость, насилие, крайний деспотизм всякого старшего (по каким угодно условиям) над младшим, бесправие — вообще что то родное с варваризмом и людоедством, — это общая непогрешимая характеристика строя русской жизни. В виду всего сказанного замечу — наше яхтинское начальство было отчасти сносно. Сделаю маленькую оговорку. Наше начальство, когда были в Марсели, по всем работам и исправлениям на яхте не торговалось и перерасходовало крупную сумму (по понятию Кузнецова), за что и получили строгий выговор. Фитинго[ф] предложил Кузн[ецо]ву для пополнения лишних марс[ельски]х расходов уволить (безвозмездно) большую часть команды и тем наверстать проигранное. Кузнецов, довольный (как же не быть довольным, когда плясали и пели пред всеми и безгласно-охотно по первому требованию и получили одобрение от «властителей») командой, отказался от подобного проекта. В этом отношении я не извиняю Фит[инго]фу никоим образом. А о Костюрине нечего и говорить, — это молодой, неразвитой и неопытный, хотя и не подлец.

Осипов с рыжей бородой лопатообразной, с длинной сухой и развинченной талией, на тонких, подгибающихся ногах. Физиономия с мутными бесцветными глазами, толстым носом, моментально делающаяся рабски-подло-льстивой и услужливой тотчас при встрече с каким бы то ни было чином. Получил он отпуск не менее, как на год, и потому, благодаря, вероятно, протеже того же Любавского (армейского) поручика, поступил на яхту. Ходит он быстро, порывисто. Фитингоф представил нам его и ушел, а Осипов сейчас же состроил злую гримасу, глаза в сторону вниз и изрек: «Да встаньте сколько-нибудь по военному, в два ряда! Что это, в первый раз на яхте, что ли?» Здесь и начало нашего прозябания. Прежде всего — ни слова возражения. «Не рассказывать. Не рассуждать». «Я командир здесь, без моего позволения ни шагу...» Дла первого разу начал было делать пожарное ученье. Потом время провел в рассмотре яхты: отдавали паруса, спускали и вооружали парусные шлюпки. К приезду Кузнецова яхта была довольно запущена против прежней ее чистоты. Восстановил не менее сильно он и своих помощников и механиков. Приехал Кузнецов с семейством Б. в «Форос» (имение-дачу) на виноградный сезон, и тут начались жалобы прямым и косвенным путями. С этого времени Осипов начал обращаться с нами вежливее — на Вы, хотя не перестал за углом и из-за угла плевать во все стороны, размахивать руками (все от злости) и пр. и пр.

Пошли в плавание заграницу на яхте. Из матросов только половина старых. Два старых боцмана ушли, на них он особенно нападал со всех сторон и поминутно. Осипов никогда не был командиром и вообразил, что и здесь команда должна жить, как на военной службе, тянуться, руку под козырек, слушаю-с и т. п. Часовым матросам досталось в Севастополе: Осипов с кулаками, с пеной на губах мертвенно-бледных, с помутившимися глазами, носился над часовым, если тот как-нибудь прозевал проехавшего вдали по бухте главного командира

черном[орско]го флота Копытова, или командира порта Лаврова и не доложил нашему негодяю. Пред уходом заграницу стояли с неделю в Ялте, и здесь день и ночь (до 12 и до 1 ч.) парадная встреча (4 часовых в форме) производилась, начиная с тамож[енного] чиновника и кончая дочерью Б. Кузнецов наконец заметил и отменил.

Снялись заграницу из Севастополя 29 окт. На яхте пошли с нами семейство Б. (муж, жена и ст[аршая] дочь) и племянница «самой». В Константинополе простояли сутки, взяли карантинных двоих и прошли стоять карантин в Урлы около Смирны. Здесь 6 ноября, в день рождения М-м Б., команда поднесла корзину с цветами, за что удостоилась рукопожатия, а после обеда и до вечера команда же опять на площадке потешала публику всю песнями и пляской. Проезжал мимо на шлюпке карантинный врач, а Б. вздумалось (как бы «позадорить») заставить всех наших танцоров разом отделывать трепака: «А ну, молодцы, пляшите все разом. Да пляшите же скорее». В этом случае уж как раз вышло так, как будто ребенок — дернул за шнурок от механических кукол, и те моментально закружились на потеху шаловливого ребенка. Ох, я никогда не забуду этой мерзкой сцены.

Отстояли карантин и пришли в Смирну. Здесь Б., в счет, конечно, Кузнецова, накупила персидских ковров на 15 тысяч франков, а из России серебра из тех же источников вывезла два ящика пудов по семи весом. Из Смирны пришли в Сиру и здесь, по случаю царского дня, иллюминовались флагами. К спуску флагов под'ехали бродячие музыканты и возвратился с берега Кузнецов с семейством Б. Спускаем флаги, музыка подарила нашим царским гимном, и тут эта Б. задала свой тон: «Надо им прокричать ура» сказала, и командир, как оглашенный, бросился исполнять приказание («адмирала», по общему нашему прозванию). «Как кончат играть, прокричите три раза ура», обратился он к нам, стоявшим возле мачт и разбиравшим флаги. Что же делать тут? Прокричали ведь. И представьте себе, дорогой г. Аксельрод, снимаемся мы из Севастополя, и на все наши спросы, расспросы и даже просьбы сказать, куда идем и куда адресовать письма наших родных и знакомых, — один ответ: «Никто этого не знает, неизвестно ничего!» Как Вам покажется это? Еще хуже военного судна. А это значит — Кузнецов ничего сам не знает, куда он направится с своей дорогой особой. Да если уж строго судить, то и г-жа Б. не знала, наверное, куда ей пожелается придти яхтой и где простоять известное время. Сегодня она пожелала сняться яхтой и придти туда то, а утром проснулась и раздумала, и мы стоим под парами и ожидаем. А письма свои мы адресовали во все порта, где только были и стояли хоть несколько дней. Так вот что значит каприз самолюбивой бессодержательной содержанки. Теряюсь в выражениях, не могу подобрать точного и определенного выражения. Чем она живет, для чего и зачем и кто она такая эта г-жа Б.? Паразит, если еще не хуже. Да что еще невыносимее: муж при ней и свободно, повидимому, без всяких рассуждений живет тоже бесцельно и уж как то совершенно беспомощно. Дочь об'ясняет русской нашей горничной (специально для них нанятой), что Кузнецов родственник ее папы, а сама ежеминутно

свидетельницей не просто родственных отношений своей матери и нашего патрона. Племянница старается не замечать и больше читает.

Из Сиры мы снялись в тот же день в Пирей, в Грецию. Здесь Кузнецов перешел в Афинах в гостиницу в Гранд-Отель со всем «своим кодлом» (наш термин). Чрез неделю мы снялись из Пирея в 20 числах ноября в Патрац, греческий же, куда Кузнецов прибыл с ними железной дорогой. Погоды все время были бурные и дождливые, пугавшие нашего «хваленого» командира чуть не до помешательства, который в свою очередь тревожил нас (в Патраце) поминутно днем и ночью. Здесь же случился довольно интересный и мерзкий скандал, на некоторое время сильно команде повредивший в отношениях Кузнецова к нам. Кист, кочегар (ничем не отличающийся по своей безнравственности и вообще образу своей жизни от самой отчаянной последнего сорта проститутки), главное действовавшее лицо. С ним два кочегара завели попойку в носовой части, угостили двух пьянчужек-матросов и также боцмана, готового тоже подчас заложить изрядно за галстух. Присутствовала тут и горничная русская (при г-же Б. находилась горничная с мужем, французы, которые укатывались во время погоды) и тоже не отказалась от выпивки, любительница все и везде подслушать и посплетничать. Кист задумал ночью пробраться в барские каюты (или поживиться на счет кассы или до горничной, первое вернее) и пошел странствовать около двух часов и попал в каюту племянницы, встревожил, ее, начал целовать ей руки и читать стихи Лермонтова. Кое как его выпроводили проснувшиеся буфетчик и русская Елизавета. Утром в 6 часов Кузнецов распоряжается немедленно отправить Киста в Россию чрез консула и сниматься в Мессину. Кист попросил, было, прощения и получил, но командир, доктор и секретарь воспротивились и настояли на увольнении его, мотивируя распущенностью команды, что нельзя де давать им потачку и прощать. А командир еще с уверенностью выразился: «Теперь они у меня будут по струнке ходить». Пред этим случаем ночью как то, около 10 часов, при свежем ветре и проливном дожде, мы все до единого стояли в носовой части на открытой палубе, одетые в дождевики. Патрон наш сидел у занавешенного окна в верхнем помещении, в курительной, а мы только что сбегали на корму и постояли около швартовных перленей и цепей по приказанию командира, ожидавшего, что вот-вот начнут лопаться перлени и цепи. Стоим мы после этой из многих подобных и ненужных тревог, всеми овладела грусть. Я и еще один или двое затянули песню: «Ох, та нема гирш никому, як тый сиротыни»... За вторым и третьим словом понемногу один за другим все присоединились к пению, и чрез минуту все двадцать человек во все легкия с чувством пели, безотчетно и бессознательно выражая этой песней свое беспомощное состояние, безответную службу и, словом, каждый как бы наперерыв хотел страстно вылить наружу все, отчего исстрадалась, измучилась его душа, отчего так рученьки болят от работы, и ноженьки почему так набегались. Старший помощник, избегающий всеми силами близости командира, стоял тут же и слушал, видимо, не менее нас взволнованный. Только закончили третий куплет, как прибежал с кормы Осипов и закричал: «Что вы здесь все пособирались и распеваете? пошли

все на корму». Там строгий выговор боцману и старшему помощнику. На приказанье его идти на корму мы послали ему вслед свист и тюканье. Во время истории с Кистом этот негодяй Осипов не преминул вставить в уши Кузнецову, что вот-де ст[арший] помощник распустил команду и вместе с ними распевает песни. Пришли в Мессину. Чувствуем и видим косые взгляды Кузнецова, а командира в особенности. На другой день снялись из Мессины в Неаполь, здесь захватило нас первое число и получка жалованья. Стоим здесь тоже около недели и опять пишем письма и адресуем долженствующие быть ответы в Неаполь. Снимаемся из Неаполя и всем, начиная с командира и кончая угольщиком, известно, что идем в Геную, а в море узнаем порт назначения и по догадкам конец на некоторое время нашему скитанию — Вилла-Франка. Это порт, будущее которого будет спорить с Ниццей по количеству обитающих зимой в последней богачей, а теперь пока только удобная стоянка до сильного ветра с моря для военных судов, каковые и имелись во время нашего прихода. Пришли мы ночью около полуночи, и за три мили от якорной стоянки, около маяка, спустили шлюпку и отправился второй помощник с тремя гребцами искать якорную бочку, чтобы остановиться на ней без шуму. Долго не ожидая возвращения посланных, спустили другую шлюпку и отправили четырех гребцов со старшим помощником с той же целью. На последней был и я. Бочек мы не нашли; они были заняты французской эскадрой. Увидели мы первую нашу шлюпку возвращающейся с поисков и внезапно благодаря темноте напугали молодого помощника, вообразившего, что это посланы с эскадры арестовать его.

Мимоходом скажу несколько слов об этом помощнике, Якубовском Владимире. Якубовский—совершеннейший тип всех недоучек гимназистов первых классов, поступивших в мореходные классы (все равно, как поступают эти же шелопаи в юнкерские школы) и с трудом добившихся кое как диплома штурмана дальнего плавания. Человек он пустой, неразвитой, необразованный, в большинстве случаев попирающий своими собственными ногами свое человеческое достоинство. Он очертя голову бросается исполнять распоряжение начальника, над душой стоит у работающей команды; когда нужно и можно, закричит начальнически на матросов, а потом сам же вслух ругает своего начальника. Словом, он старается укрепиться на месте своем и, главное, выслужиться всеми средствами без разбора.

Посмеялись мы над испугом Якубовского, в противном случае желчи на командира не было бы меры и места. Так мы и не остановились, а дождались утра в открытом спокойном море. Утром 6 дек[абря] встали на якорь, к 12 ч., приготовились иллюминоваться флагами, приняли визит от эскадры и возвратили с предупреждением о нашем царском дне. В 12 ч. Кузнецов с г-жей Б., ее дочкой и племянницей вышли на площадку, и командир военный обращается к Марье Павловне: «Мария Павловна, как, прикажете поднимать?!!» (???) Потом, верно спохватившись, обращается с тем же вопросом к Кузнецову. За обоих ответила «сама»: «Я же не знаю, как вы сами хотите!» Подняли, эскадра тоже подняла наш военный флаг и сыграла двумя оркестрами русский гимн царский. Кузнецов

поздравил нас с праздником, а командир подсказал прокричать «опять» (опять и опять, да когда же этого не будет?...) ура трижды.

Простояли здесь два дня, выгрузили багаж Б. и большую часть ковров. Здесь соединился с ней муж, оставшийся в Неаполе, боясь снова терпеть качку, от которой страшно страдал между греческими портами в переходах. Здесь он как то вечером 7 или 8 д[екабря], ожидая от'езда с яхты в Ниццу своего семейства, выразился пред старшим помощником: «Эх, отравили меня мерзавцы, отравили!» Кто и чем отравил?! — предание умалчивает. Но, во всяком случае, жалко его, как человека простого и доброго (часто матросу на катере дает бакшиш — на чай). Он принужден силой каких то обстоятельств таскаться за своей дебелой, пышной, цветущей здоровьем женой всюду, куда и где обретается Кузнецов. Таким образом, мы пришли в Ниццу с одним Кузнецовым и вот, уже стоим здесь с 8 и до 17 декабря, со дня на день ожидаем мановения пышной ручки Б. отправиться в Канн. Здесь только по вечерам изредка появляется Б. на яхте и старается уехать в гостиницу одна через два-три часа после от'езда дочери и племянницы. В эти часы доктор и секретарь притаятся в своих каютах внизу, старший помощник тоже не смеет пикнуть, а командир в своей верхней каюте ожидает с нетерпением ее от'езда (около полночи) и по временам выглядывает в дверь, спрашивая стоящего на корме около сходни часового, стоит ли еще экипаж, дескать, уж не прозевал ли он случай поцеловать ей ручку. Таким образом, гармония сохраняется вполне безопасно. Выходит она с достоинством королевы в дорогой шубе, Кузнецов на ночной холод не выходит. Мигом со всех сторон выскакивают секретарь, доктор, командир и старший помощник. Первые двое ее провожатые, а последние целуют ей (может быть, и не совсем чистую) ручку.

Позвольте в рассказе моем о яхтинской нашей жизни немного вернуться назад. У нас есть еще механик старший, русский. По его рассказам, отец, его был другом Чернышевского и др. деятелей политических, а сам он — ничто: простой мастеровой с ограниченным образованием. Этот механик простой в обращении, и в бытность на военной службе получил закваску правдой и неправдой стоять за своих кочегаров и притом интересоваться и принимать участие во всех рассказах, сплетнях и даже делах команды судовой. Любит он услужливых, низкопоклонных льстецов с сладчайшим заискивающим голоском. К числу последних принадлежит наш «кок» — повар команды, — наглый до самозабвения вор и ограждающий свое хищничество услужливостью, низкопоклонством и льстивым голоском пред всеми старшими и начальствующими. Говорит он скоро и до одурения непоследовательно. Когда слушаешь его, с трудом разберешь суть дела, — о чем он рассказывает. О нем я уже, извините, писал Вам. Против нашего повара я снова (уже во главе) поднял опять борьбу. Меня поддержали еще 6 или 8 ч[еловек] матросов, а потом и все матросы. Машинисты тоже были с нами вполне согласны поставить очередного из команды каждый день ходить на базар с поваром — контролировать его расходы и брать хорошую провизию, особенно, брать коровье масло вместо употреблявшегося до сих пор сала и

расстроившего почти всем желудки и даже расстроившего некоторым (в том числе и мне) до болезни. Кочегары, исключая одного или двух, все куплены поваром. Между матросами нет таких почти совсем гуляк, пьяниц и полагающих весь интерес, смысл и цель своей жизни в ночных похождениях по различным вертепам. Кочегарам повар одному дает артельной водки похмелиться, другому даст закусить, поздно ночью явившемуся с берега, часто даст взаймы деньги. При этом еще и механик гроза и благодать (в последнем случае для старых служак — пошлых и низких льстецов) — задал им тон: не мешаться в артельное дело против повара. Кочегары этот тон поняли в смысле защиты за своего кредитора и благотворителя-кормильца повара. Из матросов половина, боясь потерять место, если их начальство каким-нибудь способом признает бунтовщиками, тоже замолкли и забились в угол. Чуть-чуть не произвели меня бунтовщиком. Много я говорил с нашим ст[аршим] помощником по этому случаю. Но Фокин (о нем я уже писал Вам, многоуважаемый г. Аксельрод, в прошлом году), по своей бесхарактерности и благодаря глупости отчасти командира-негодяя, не советовал и сам не соглашался об'явить его дело высшим властям (командиру, секретарю и доктору), чтобы командир не повернул наши расходы продовольственные (неопределенная сумма, можно 18-17 или, в крайнем случае, и 20 руб. в месяц на каждого) по военному — т. е. на кашицу, щи и кашу с уксусом. Так мое дело опять не выгорело. Опять продолжает повар безвозмездно воровать и ходить на базар без контроля. Скажу еще несколько слов о механике.

Есть между кочегарами один малый — пустой, неразвитой, но трудолюбивый и знающий свое дело. Часто на него нападает ст[арший] машинист, ругает и кричит на него поминутно, за все придирается и ни на минуту не оставляет его в покое, жалуясь при том на него каждый день старшему механику Рыбарскому. Вчера, 16 (28) декабря, опять этот кочегар поспорил с старшим машинистом; последний снова пожаловался ст[аршему] механику. А сегодня в 8 ч. утра 17 декабря Рыбарский пришел до нашего общего кубрика, встретил здесь свою жертву и на глазах команды яхты «Eros» Ротшильда, стоящей близко с нами рядом и при нас начал бить «по морде» и до того крепко бил его по морде, что сбил его с ног. Потом, во время завтрака нашего, является в кубрик и уже всех кочегаров начинает ругать. А я только что заявил старшему машинисту, чтобы он во время завтрака, обеда и ужина, словом, когда команда не на службе, а в кубрике, не смел ни с кем ругаться и заводить брань и ссоры с кем бы то ни было по поводу каких-нибудь служебных обязанностей. Как больно было видеть «наше чисто русское мордобитие» под открытым небом и публично. Что же делать тут? Как тут быть и горю пособить? Сегодня еще другой скандал. Якубовский — недавно из матросов и воображает, что он барин, а лакей, подающий ему кушать, — его раб. Придрался он к нему уже в третий раз, а сегодня распетушился, будто лакей ему не чистый чай и не свежий подал. Лакей — старик, по профессии и по годам, не выдержал и поспорил крупно с обоюдными вульгарными выражениями и фразами.

Итак, на яхте с начала ее постройки идет распря, несогласие, спор, драка «по мордам», сплетни, пересуды и жалобы. Состав обновленного комплекта матросов незавидный. — Половина или больше, в том числе и из старых, не имеет самостоятельности и готовы отдать и позволить надругаться и издеваться над своим человеческим достоинством, абы не прогнали с места. Я, видя, как они дрожат службой, нашел средство задобрить Кузнецова и возвратить его расположение к команде. Потому, в противном случае, эта же половина впоследствии накинулась бы на нас же — «разумных» и старых служак, что ничего мы не придумали ко дню имении «хозяина». И тогда же при том эта половина начала бы снискивать расположение хозяина и всех предержащих властей несравненно более низкими и пошлыми средствами, как то: низкопоклонством, услужливостью и сплетничаньем всего происходящего в кубрике. Я уговорил наших стариков поднести ценный подарок Кузнецову в день его имении и добился общего согласия; стакан с серебряным подстаканником, блюдечком таким же и ложечкой стоил нам 165 фр. Кочегары поднесли кубок в 60 фр. Снова встали на дыбы секретарь, доктор и командир и напали на старшего помощника. «Как Вы позволяете им подарки подносить, почему Вы не могли узнать раньше и предупредить нас?» Они, видите ли, сами то получая по 5 т. рублей в год, приготовили ему в подарок торт за 60 фр., или менее, кажется. Кузнецов был очень доволен подарками и вечером, ложась спать, своему евнуху признался (вероятно, будучи весь вечер у Б. в об'ятиях, и тоже получивши в свое время цветы, был ею настроен в нашу пользу). Говорит, я сознаю, что они не заискивают подарками, а просто любят меня; они трудятся все за их содержание. О командире он уже тоже выразился не в пользу его и назвал его мерзавцем. Но командир этот заключил с ним пред своим поступлением на яхту контракт в две тысячи рублей в случае неустойки со стороны Кузнецова.

Здесь на яхте мне нужно одно только содержание, как семейному, да и труд здесь легче труда на коммерческих пароходах. Днем и ночью я думаю и мечтаю: где бы и как бы найти свободный и обеспеченный труд и свободу для борьбы, т. е., правильнее, время и средства для борьбы со всеми эксплуататорами нашими и русским правительством включительно. Мучает меня мысль остаться матросом до старости. Среда сослуживцев убьет во мне все живое, человеческое, все то, чем я живу и дышу. Жизнь на море убьет меня нравственно и умственно раньше несравненно, чем физически. Отупею и поглупею я здесь скоро-скоро. А жизнь требует сил, борьбы беспощадной. Скорее надо учиться, обновить свою жизнь и деятельность, скорее надо приниматься за дело. Ужели никакие боги, никакой счастливый случай не поможет мне выбраться отсюда и раз навсегда. Да ведь здесь ужас и ледник, заживо меня похоронят. Здесь гранит превратится в жидкую грязь. Я из всех имею больше сил бороться против судовой заразы гниения и растления ума и сердца, но я не гений, не герой и не из стали броневой слит. Окружающие, погрязшие в омуте ночных похождений, разгула и пьянства, ничего человеческого, разумного и сознательно полезного не имеющие в себе, не представляющие себе никакой цели в будущем, не рассуждающие ни о чем, кроме

своих судовых сплетен и скандалов повседневных, эти люди — по образу наружному только — они своей массой и всем животным повседневным смыслом их существования задушат меня медленно и просто душу мою «вымотают на кулак» свой грязный.

Здесь есть доктор, кончивший курс университета, и этот доктор — не человек, а какое то грязно-пошлое и низкое животное. За больными смотрит он шутя и отделывается двумя-тремя пилюлями. Весь интерес его — услуживать Кузнецову и помогать помощью своего звания доктора устраивать аудиенции Марьи Павловны у Кузнецова. Обманывают они сами себя, а не окружающих. Доктор сильно восстановлен против команды, все ищет в ней раболепия безусловного. А уж о секретаре и говорить нечего: это самый низкий скот со звериной душой и заносчивым нравом главного холопа среди челяди. Он — поручик армейский. Оба поляки. Узнали, наконец, они, что Кузнецов разочаровался в своем командире, и себе признались, или вернее, переменили оболочку, и один говорит ст[аршему] механику: «Я думал, что вы одни только восстановлены против командира, а оказывается это какой то идиот». Другой не замедлил подтвердить: «Да, да, положительно психопат» (?) В Англии при окончании постройки яхты команда наша носила в трюм балласт и один надорвался. По приходе в Россию начал он требовать вознаграждения от командира на излечение, тот наотрез отказал. Доктор, до того времени с ним бывший в почти дружеских отношениях, сию минуту отвернулся от матроса, хотя как то по ошибке сам дал ему свидетельство в его неспособности к труду, происшедшей с упомянутым матросом во время службы на яхте.

18(30) д. сегодня поссорившийся лакей с Якубовским получил расчет и на днях будет отправлен в Россию. Как раньше я уже рассказал о споре этих суб'ектов, Якубовский неправ был более, и, однако, семейный лакей должен возвратиться в Россию — холодную и голодную, сам без средств и надежды в скорости найти себе место.

Во время стоянки нашей в Севастополе Победоносцев[7]), обер-прокурор, проезжал чрез Севастополь в имение Губонина за Ялтой невдалеке. Наш Осипов встретил его на вокзале и предложил проехать туда на яхте. Заключаете, значит, дорогой г. Аксельрод, я имел честь видеть его с женой и старым слугой (увешанным медалями и крестами) собственными очами и близко. По физиономии его я заключил: если бы он был просто старик обыкновенный и не богатый, каждый встречный не мог бы взглянуть на него без отвращения; кажется, я при подобных условиях непременно бы постарался его обругать, а наедине, пожалуй, и отколотить. Это — сухой, бледный старик с бесстрастными и злыми глазами. При взгляде на него кажется, как будто вся жизнь, смысл ее и цель существования злого и коварного старика — делать зло всем и всюду. Словом, его физиономия сильно схожа на физиономию средневекого инквизитора, испанского иезуита. Между прочим, во время нашего обеда я ненамеренно щелкнул старика-слугу по носу. Не замечая, что он сидит тут же в кубрике в углу, некоторые из рядом сидевших со мной за столом заметили, что должно-де старик то заслужил еще на

военной службе все медали и кресты. Разговаривающих другие под бок толкнули, давши тем понять его присутствие. А я не заметил и добавил: «Да, у таких господ, как Победоносцев, комнатные собачки и те увешаны крестами и медалями». Старина все расслышал, понял и поспешил выйти па палубу. В море было спокойно. Ночью пришли в Ялту, а утром снялись и пришли в Гурзуф, где и вывезли благополучно сего мужа со всем его скарбом. Кузнецов телеграфировал командиру, что рад де переезду Побед[оносце]ва на его яхте. 4 окт[ября] Кузнецов освящал свою церковь в Форосе, на коем участвовал Поб[едоносцев]в и другие «высокие». Победоносцев телеграфировал царю об этом освящении в память де крушения царского поезда 17 окт[ября] и их чудесного избавления. Получили ответ: «Радуюсь, говорит «Царь-батюшка» и поздравляю жертвователя».

Забыл еще упомянуть о приезде Алексея В[еликого] К[нязя] — генерал-адмирала и Чихачева с Копытовым. Последние раньше за много до Алексея посетили яхту. В севастопольском флоте в 28-ом экипаже, для которого только осенью окончен был новый броненосный корабль — «12 апостолов», — есть старший помощник командира Миклуха-Маклай — брат путешественника известного. С кем сравнить этого ст[аршего] помощника? Во времена крепостного права были помещики, которые травили своих мужиков собаками и забивали розгами до смерти, — помещики-палачи по призванию, по природе, без кнута и палки шагу не ступавшие. Миклуха-М[акла]й совершеннейший тип такого помещика. С раннего утра и до поздней ночи он ходит по казармам и раздает с чисто адским наслаждением оплеухи направо и налево, поминутно скулы матросские и кочегарские трещат от его ударов. Он так удачно другого ударит, что тот валится с ног. Много от его зверства заболело матросов и кочегаров, и многие собирались жаловаться Чихачеву, но их всех заперли куда то в темную и не выпускали, пока Чихачев осматривал экипаж. Да, говорят, и Чихачев сам распорядился убрать их. Чихачев был раньше директором «Р. О-ва Пароходства и Торговли». Выдвинулся он составлением какого то проекта относительно состава флотских офицеров. Чихачев был у нас при Фитингофе. Алексей был при Осипове. Пока пред от'ездом своим Алексей посетил яхту, мы целую неделю ожидали его посещения и практиковались каждое утро во фрунт. После посещения командир наш плакал от умиления и восторга и благодарил команду. Вечером иллюминовались электричеством и фальшфеерами проводили ген[ерал]-адмир[ала] на вокзал.

Прошу убедительно Вас, многоуважаемый г. Аксельрод, нельзя ли опубликовать во французских газетах о яхте «Форос» и о самом Кузнецове все подробно. Согласитесь, добрый г. Аксельрод, ведь больно, мучительно-больно служить на этой яхте, видеть, слышать и осязать всю грязь, пошлость и низость жизни «господ» всех на яхте и не иметь возможности или права сказать во всеуслышание: это подло, мерзко, гадко, отвратительно гадко. Ради всего, что для Вас дорого и свято, напечатайте в какой-нибудь газете во Франции. Авось, кто-нибудь из читателей тоже скажет: «Да, это подло и гадко!» Авось, свет поймет, что за люди, что за господа живут и наслаждаются на яхте «Форос». Все видеть, слышать, чувствовать всю соль этой жизни и не иметь возможности щелкнуть негодяев по

посу, — полно, мол, вам подличать, уже все про вас знают и понимают вас в истинном свете, что вы за птицы... Прошу Вас, г. Аксельрод, не откажите. Это так возможно и легко Вам сделать... Как бы я был Вам обязан за это...

Теперь я расскажу Вам, г. Аксельрод, о жизни рабочих в имении Кузнецова «Форос». Ах, умоляю Вас, присоедините и вот то, что я расскажу сейчас, к опубликации в французской парижской газете. Я расскажу об этих рабочих по рассказу нашего матроса Софрыгина, бывшего в «Форосе». Софрыгин ставил в «Форосе» на берегу моря мачту. Рабочие ему помогали. В летнее время там рабочих до 200 человек бывает, из них одна треть с женами и детьми малолетними зимует и вообще работает постоянно. Жалованье всем одинаковое — 20 руб. в месяц на своих харчах. Встают в летнее время с рассветом и работают до темной ночи, — это выходит около 16 часов в сутки. Работа их — равняют землю, выворачивают камни, прорывают дороги, расчищают, словом, все простанство, гористое и каменистое, в его имении. Вот здесь то уж начинается истинная каторга: жилище их глубокая четвероугольная продолговатая яма, покрытая сверху конусом плохо сколоченной досчатой крышей. Проход по яме сквозной. На кое как вбитых колышках построены досчатые нары по обеим сторонам в этой яме во всю длину. Остается проход посредине в полтора аршина. На этих нарах, с всем своим имуществом, женами и детьми подряд — покатом отдыхают от каторжного труда бедные, беззащитные люди. Пойдет ли дождь, — он свободно и безнаказанно льется на всех спящих мужчин, баб и детей, безразлично. После дождя бабы мокрые сами и с мокрыми, иззябшими и больными детьми, по Диогену просушиваются и согреваются на солнце. Боже милостивый! А грудных детей как эти злосчастные матери укрывают от непогоды?... это уж пусть решат читающие и представят себе. Чуть только народился на свет, и терпит хуже щенка паршивого, — последнему мужик непременно отведет подполье теплое.

Зимой снег тает на крыше и опять более стекает в жилище бедняков, чем на землю. Зимой детей валит в могилу болезнь простудная, как ветер валит поспевшие апельсины. Доктор есть в имении, и этот эскулап за свой труд получает не мало, а трудится столько, сколько сам Кузнецов, и, говорят, лечит точно так же, как в «Ревизоре» Гоголя Христиан Хр[истианы]ч. Нашему Софрыгину говорили рабочие: «Хоть бы Кузнецову гроб то такой самый сделали, как у нас жилище!» (?!!) Ночью летом, как в цыганском таборе, на свободном месте огоньки мелькают, то рабочие варят себе скудный ужин. Марья Павловна Б. отсоветовала, было, и такого бесполезного эскулапа держать в имении. На что, говорит, он здесь? Имение на половине расстояния между Ялтой и Севастополем, и больные могут отправиться за помощью (45 верст!) в город любой!? Но Кузнецов почему то не согласился.

Виноградники в «Форосе» занимают пространство в 60 десятин. В следующем году винокур будет вино делать и для него огромный дом, не дом, а дворец уже готов. Готовы и погреба винные и все орудия для выкуривания вина. Прислуга при доме в имении имеет хороший домик. Управляющий имеет отдельный дом прекрасный А к огромному красивому трех-или четырехэтажному дому

идет широчайшая каменная отлогая лестница с половины расстояния от берега. Церковь стоит наверху и еще на особой скале около проезжей дороги дачников ялтинских из Севастополя. К церкви от дому нужно подниматься витой дорогой зигзагами и расстояние верст пять.

Поправить желая неприятное впечатление, произведенное внезапным необ'яснимым удалением со службы Фитингофа, Кузнецов на призовую гонку яхточек (гадких и нестоющих названия яхты) подарил яхт-клубцам серебряную большую чашу. Тем все и кончилось и замолкло.

Теперь поговорю о Севастополе. На улице часто к нам придирались офицера с требованием отдавать им честь. Все почти они при Осипове перебывали на яхте и знали, что мы вольные. Потом уже, когда прочтут на ленте «Форос», уходят и оставляют обыкновенно нас в покое. Один раз в июне случилось следующее. На бульваре ночью офицер армейский остановил нижнего чина и начал пробирать по-офицерски, что тот небрежно отдал ему честь. Сидевшая на скамье напротив дама с господином обратилась к офицеру с вопросом: за что он так вульгарно ругает унтера? Офицер даму обругал, а господин вступился за даму и вежливо заметил офицеру, что он не умеет обращаться с дамами. Офицер выхватил саблю и удалявшегося господина несколько раз ранил смертельно в голову. Гуляющая публика была сильно возмущена, и полиция едва успела вырвать офицера из рук раз'яренной толпы.

Теперь расскажу из жизни адмиралтейства «Р. О. Пар-ства и Торговли». Года три уже в адмиралтействе мастеровым задают работу на аккорд (урок). Там строятся военные суда и, напр[имер], мастеровому назначают известное число поставить заклепок в корпусе судна и назначают плату. Мастеровой из сил выбивается, старается выработать побольше. Обыкновенная плата, не превышающая в большинстве 1 р. 50 коп. в сутки, а то и меньше, ясно очень недостаточна, и семейным мастеровым этот заработок только-только не даст умереть с голоду и ходить полунагими. Итак, мастеровые на аккорд стараются из всех сил и, обыкновенно, несмотря на предусмотрительность заводского начальства все-таки вырабатывают в неделю общим итогом до двух рублей на один рабочий день. В субботу идут получать заработок, и там выдают им все ту же поденную плату, что они получали без аккорда, работая спокойно, не надрывая изнуренных сил. Я при рассказах о подобных проделках в конторе адми[алтейст]ва замечал мастеровым, — отчего они не жалуются? Куда, кому и кто пойдет жаловаться? Каждый жалобщик на другой же день останется голодным со всем своим семейством. А кто, говорят, примет жалобу? Кто им поверит здесь в Севастополе?!! Выехать семейному отсюда не с чем и некуда. А если, говорят, осмелишься рот разинуть и спросить, как они смеют изменять условную плату аккорда, так вам сейчас же предложат оставить их в покое и не являться на завод.

Летом еще с ранней весны все пароходы «Р. О.» приходят в док на исправление и окраску, тогда требуется масса чернорабочих поденщиков, и плата поденная не превышает 70 коп. Прочитать Успенского о деревне русской, и тогда станет вполне понятно, откуда такая масса оборванных, худых, изнуренных му-

жиков с сыновьями-подростками набивается сюда в Севастополь. Зимой количество поденщиков с нескольких сот уменьшается до двух-трех десятков. А куда остальные деваются?! Э, земля русская велика и обильна, и голодным и холодным есть много места загинуть или разбрестись, куда глаза глядят.

А ведь все Александры и Александры творят. Рад, по крайней мере, хоть тому, что по газетам юзовцы, когда к ним полицейский воззвал именем государя разойтись, ответили свистом, шиканьем и другими знаками опровержения. Безвыходная нужда в средствах существования тоже, по моему мнению, рычаг, побуждающий мастеровых пить горькую и безнадежно смотреть на мир и в будущее. Адмиралтейство «Р. О», вероятно, в этом году перейдет в собственность правительства, у коего сейчас имеется небольшая мастерская. Там заводскому начальству нужно было выдать награды, вследствие чего мастеровым не хватило платить поденщину, и потому администрация военная, кроме воскресенья, постановила праздновать в заводе и понедельник (на похмелье!) В адмиралтействе «Р. О.» на зиму половину мастеровых увольняют и в предупреждение бунта не сразу всех, а небольшими партиями, по 15 и по 25 человек каждую субботу. Ермолаев (сын его здесь кочегаром на яхте находится) тридцать (боюсь, что больше) лет безвыходно работал в адмиралтействе и был еще годен работать, но его удалили безвозмездно под предлогом его старости. Живет теперь старик и кормит его служащий на яхте сын. Большая часть мастеровых адмир[алтейст]ва имеют свои домишки на Корабельной Слободке, и прадеды их еще работали в адмиралтействе, а теперь уж так их жмут платой и работой, что уже потеряли голову и только стонут и пьют. Зимой в адмир[алтейст]ве из экономии на освещение работы начинаются с рассветом и до вечера. Обед с 11 до 12 ч. Весной, при долгих днях, потерянное время зимой нагоняют: работают с 6 ч. и до 6 вечера, обед столько же времени. Пополнивши зимний период работ, начинают работать с половины лета с 6 до ½ шестого и обед с 11 до 1 ч. дня. Выходит, круглым счетом, по 11 часов рабочих в сутки, исключая обеденный срок. Штрафуют немилосердно и на каждом шагу. Опоздавший 5 минут лишается полуденной платы. Окалеченные получают вату, арник и т. п. медикаменты, и тем ограничивается вся помощь неспособному к труду калеке. В большинстве случаев на пароходах практикуется то-же самое.

Теперь на пароходах О-ва собирается касса в счет служащих на пароходах: из жалованья матроса или кочегара (от 12 до 15 руб. в месяц) удерживается 5% с рубля. Из этой кассы будут получать окалечившиеся на службе пароходской и состаревшиеся на службе. Не забудьте, О-во имеет десятки миллионов запасного капитала, никуда и никогда не расходуемого, и при том за время его существования (около 40 или больше лет) тысячи калек не получили никакого вспомоществования, а при том первое время именем закона О-во брало из приморских уездов в матросы молодых несовершеннолетних (от 17 и 16 даже лет) крестьянских сыновей, без разбора каких бы то ни было льгот и уважительных причин, к себе [их] брало на пароходы на пятилетнюю службу, в виде как бы на военную, и жалованье платило от 1 р. до 2 р. в месяц. Одежду выдавало О-во еще

экономнее, чем сейчас дают на военной. Капитаны делали с матросами, что хотели. Были случаи, матроса капитан при помощи помощников выбрасывал за борт и потом относились: пропал без вести и баста. Скулы сворачивали, зубы выбивали, ребра ломали за ничто, просто удовлетворяли свои зверские наклонности. Несколько лет, как только начали мировые судьи принимать жалобы на пароходское начальство, да и то 95% решений судьи всегда бывают в пользу капитана или помощника.

Полиция до сих пор сокрушает ребра, зубы, бьет и т. п., оставляет знаки препинания. Приведут в полицию, и дежурный надзиратель только скажет: посадить его и дайте ему там. А там имеются несколько дюжих инквизиторов, и начинается потеха бранная — палками, кулаками и подборами под бока. Года два тому назад или три забили до смерти пьяного моряка, долго служившего боцманом в добровольном флоте. Переломили ему несколько ребер и голову разбили в четырех или пяти местах, и он [в] ту же ночь помер в темной. Довольно об этой сволочи!

Дорогой г. Аксельрод, я не знаю каким способом получить от Вас ответ. Мы стоим теперь в Ницце и, говорят, 21 (2 января) д[екабря] выйдем, а куда, неизвестно. Вероятно, в Капи. Там, может быть, я найду возможность получить от Вас ответ, а здесь невозможно. Приносит письма почтальон и принимает всегда помощник и расписывается. Затем я Вас снова умоляю: пришлите мне, в ногах Ваших прошу Вас, все переведенные Вами сочинения Маркса, Энгельса, Лассаля и др. и Ваши собственные все изданные по одному экземпляру. В России я ничего не мог читать. Я все, что имел, частью отправил в Петербург, а частью оставил в Севастополе. Ответа от них еще не получал. Надеюсь в скором времени получить. Но как теперь получить что бы то ни было от Вас? Теперь особенно нужно быть осторожным при идиоте-командире. Но ради чего угодно, если я найду возможность получить, не откажите, вышлите!!! — Прошу Вас, передайте также мое почтение и искреннее пожелание всего хорошего г. Левкову. Миронов слишком был осторожен. На мою просьбу созвать верных искренних друзей поговорить сообща, отлавировался, и так я никого еще не видел и не говорил ни с кем из читающих.

Первый мой визит особенно будет для меня памятен: говорили оба наперерыв и с горячими взаимными пожеланиями успеха в добром деле разошлись. При благоприятных обстоятельствах надеюсь снова перевезти Ваши книги, авось, удастся побольше взять на этот раз. Мы должны пойти в исправление и неизвестно куда: в Англию или во Францию. Неизвестно также, пойдем на выставку в Чикаго или нет. Ничего и никогда заранее неизвестно здесь. Распоряжается яхтой, по капризу случайному своему, содержанка Кузнецова. Может быть, она посоветует продать яхту, и на это есть возможность рассчитывать.

Прочитал я два вторые тома Глеба Успенского (вероятно, Вам известна его болезнь? по газетам, физически он поправился), а раньше читал в Вашем «Социал-демократе» критику сочинений Успенского, написанную г. Плехановым[8]). Желал бы еще раз прочитать эту критику. Вообще я покорнейше осмеливаюсь

просить Вас, многоуважаемый г. Редактор, в случае возможности, не забудьте выслать и все изданные Вашей группой журналы — «Социал-демократ». Всем Вам до земли кланяюсь, крепко и сердечно жму всем Вам руки. Будьте всё Вы здоровы!!! Желаю Вам всем и во всем успеха. Ваш покорный всегда и на все готовый слуга Арсений Сицкий. 19 декабря 10 ч. вечера.

P. S. Получили ли Вы, добрейший г. Аксельрод, письмо мое из Севастополя?[9]) Кажется от сентября, подписано было: Аристарх Синицинский (?!!)? Все ли Вы здоровы? и все ли у Вас благополучно?!! Какие имеете сведения из России?

Стоим в Ницце и простоим праздники рождественские, а там не знаю. Все говорят о Греноке.

1. См. письмо 3-ье.
2. П. Алисов — эмигрант, автор нескольких десятков незначительных брошюрок.
3. Изгоев (псевдоним Н. О. Осипова) — «Значение социал-демократической пропаганды», Женева, 1879 г., изд. Элпидина.
«Извлечение из программы социалистов-общинников», Женева, 1883 г., изд. «Правды» (провокаторский орган Климова агента Судейкина).
А. Д. Девиль: «Индивидуальная и социальная культура. Воспитание личности и общества», перев. М. Афанасьева, Женева, 1886 г., тип. «Общего Дела».
4. Нам не удалось получить каких-либо сведений о личности Миронова, кроме тех, которые сообщает о нем А. Сицкий.
5. Габриэль-де-Вилле — французский писатель-социалист, последователь Гэда, автор книг о «Г. Бабефе и заговоре равных», изложения «Капитала» Маркса и др. Неясно, какой его труд мог читать Миронов.
6. Ник. Ив. Кибальчич, один из активнейших членов партии «Народной Воли», Повешен за участие в деле 1-го марта 1881 г.
7. К. П. Победоносцев (1827—1906 г.) — обер-прокурор Синода, один из виднейших представителей крайней реакции в царствование Александра III и Николая II.
8. В «литературно-политическом сборнике» «Социал-Демократ», вышедшем в 1888 г.
9. Это письмо не дошло до П. Аксельрода.

12. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Ницца, 17 января 1893 г.]

Многоуважаемый г. Аксельрод!

Хотя не получал еще от Вас известий, по тем не менее снова пишу Вам. Пишу собственно копию с письма моего петербургского друга[1]). Новости этого письма, надеюсь для Вас, как литератора, будут, вероятно, иметь большое значение.

«5—7 декабря в Казани арестовано до 30 человек, причем многие взяты в тюрьму по подозрению, другие — за знакомство с этими подозреваемыми личностями. Вот имена некоторых арестованных: 1) Михаил Егорович Березин (кончивший Казанский математический факультет), 2) с женой, 3) его брат, студ[ент]-медик, Егор, 4) Иван Капустин, 5) Курдов, 6) Мих[аил] Вечеслов, 7) Долгушин, 8) Клафтон, 9) и 10) два брата Малышевы — все студ[енты]-

медики, 11) Волков, 12) Талапцев — студ[ент]-естественник, 13) Кожухин — студ[ент]-юрист, 14) с сестрой, 15) Дегтярев, 16) Данилов, 17) Камарский — студ[ент], 18) Грейман, бывший студ[ент] медицины, 19) Ольга Булашева.

«При обысках ни у кого из перечисленных лиц серьезных доказательств их преступности не найдено, тем не менее они и по настоящую пору находятся в заключении. Многие из них, преимущественно студ[енты]-медики, обвиняются, как передают, в распространении по деревням каких то прокламаций и нелегальных брошюр; другие будто бы косвенно участвовали в том же деле. Понятно, подозрения синей команды не имеют границ. Петербургская молодежь пока не подвергается нападениям со стороны полиции. Трудно даже подозревать столичных медиков в чем-либо недозволенном, так как старшие представители медицины ничего не видят достойным своей деятельности, как только замазывание ран. Подобный именно взгляд они старались защитить на недавнешнем медицинском собрании по случаю годовщины almae matris[2]. Более молодая часть студенчества смотрит на свои задачи гораздо шире. Собрание состоялось с согласия градоначальника. Поэтому, многие говорили неопределенно, отделываясь общими местами. Ораторствовать начали специалисты. Один, указав на невежество крестьян, на их суеверия, предрассудки, доказывал, что медик исключительно должен лечить и распространять в массе гигиенические и вообще медицинские сведения. По его мнению, та громадная заболеваемость и смертность, которые мы замечаем в деревенском населении, главным образом зависят от отсутствия элементарных медицинских знаний, почему в распространении последних он и видит назначение медика.

«Другой выразил свое удовольствие по поводу того, что нынешним летом[3]) студ[енты]-медики лечили сельских обывателей и пожелал, чтобы тоже самое повторялось каждое лето, а не в такие только ужасные годины, когда страну постигает голодовка, холера и т. п. напасти. Против этих добродетельных лекарей и выступила целая компания более молодых студентов. Напр[имер], один из последних[4]) говорил: «Наша собственно медицинская деятельность при данных условиях сводится почти к нулю. Наша беспомощность в деревенской практике зависит вовсе не оттого, что мужик незнаком с гигиеной, а [от] того, что этот самый мужик не ест по целым дням, что он вынужден питаться лебедой вместо хлеба, спать в нетопленой избе да еще с раскрытой крышей». Кроме того, тот же студ[ент] доказывал необходимость [изменения не только] медико-санитарных условий, а и вообще экономических, политических, умственного и нравственного склада, так как, по его разумению, только в хорошо знакомой среде деятельность интеллигента может сопровождаться более или менее осязательными результатами. Далее, он советовал всмотреться в жизнь Западно-Европейских государств, полагая, что совместное изучение жизни нашей родины и иностранных государств укажет более верный путь к выходу из настоящего критического момента. Наконец, все тот же студент доказывал необходимость делиться своими знаниями с народом, дабы этот последний сам принял деятельное участие в улучшении своего быта»[5])....

Копия.

Его Превосходительству Господину Казанскому Губернатору (Полторацкий) крестьянок Лаишевского уезда Бетьковской волости села Пановки: 1) Дарьи Михайловой, 2) Аксиньи Макаровой, 3) Агафьи Макаровой, 4) Евгеньи Романовой, 5) Екатерины Ильиной, 6) Степаниды Осиповой, 7) Ирины Сидоровой, 8) Василисы Афанасьевой, 9) Татьяны Афанасьевой, 10) Домны Ворониной, 11) Матрены Матвеевой, 12) Марьи Воронцовой, 13) Авдотьи Ворониной, 14) Василисы Ильиной, 15) Неониллы Федоровой, 16) Елены Маловой, 17) Авдотьи Ефимовой, 18) Анны Михайловой, 19) Софьи Макаровой, 20) Феоктисты Михайловой, 21) Настасьи Кузьминой, 22) Василисы Никитиной, 23) Веры Ивановой и 24) Акулины Карповой.

Мы нижеподписавшиеся крестьянки села Пановки решаемся обратиться к Вашему Превосходительству, надеясь в Вас найти себе защиту в деле нашем с господином Земским Начальником 5-го участка Лаишевского уезда Михаилом Михайловичем Жадовским. Движет нами не одно чувство обиды лично, обиды вполне незаслуженной, но и вид избитых детей наших и ожидание, что со дня на день может повториться то же самое, что пришлось нам перенести на этих днях. Обстоятельства дела таковы: по условию нашему с г. З[емским] Начальником, хлеб, назначаемый в бесплатную раздачу, получался нами мукой по весу, выпекался нами и весом сдавался заведующей хлебопечением госпоже Жебровской. При чем считалось обязательным на пуд муки доставлять десять фунтов припека. О сдаче нами хлеба делалась отметка на накладной, вместе с которой мы доставляли хлеб в канцелярию. 21 числа сего июня месяца нами было доставлено караваев больше, чем накануне, что явилось вполне естественным, так как, во-первых, величина караваев не есть величина постоянная, так, во-вторых, при выпечке хлеба из пшеничной муки (накануне хлеб был выпечен из ржаной) получается хлеб более легкий и, следовательно, более об'емистый. Господин Земский Начальник, не проверяя в канцелярии веса хлеба, усмотрел в изменении (против вчерашнего дня) числа караваев доказательство того, что накануне и раньше мы его обманывали путем утайки хлеба во время его доставки от помещицы госпожи Жебровской в находящуюся неподалеку канцелярию, на что, по его мнению, не решились 21 числа июня потому, что, как заявил Г. З[емский] Начальник, помещица, госпожа Жебровская, или ее дочь, Надежда Александровна, заранее предуведомили нас об имеющей быть в этот день проверке. Подозревая только, как изволили выразиться г. З[емский] Начальник в копии с судебного над нами постановления, утайку нами хлеба и не желая слушать никаких с нашей стороны оправданий, г. З[емский] Начальник поочередно выталкивал нас из канцелярии, причем каждую предварительно ударял рукой по лицу и по шее. Затем, когда мы в испуге и со слезами направились домой, он начал кричать на нас, приказал вернуться, выстроиться в ряды перед ним на дворе и обратился к стоящим тут же татарам в числе до 4-х сот с следующими словами: «Братцы, вот те, из-за которых вы голодаете, они вас обкрадывают. Бейте же их не на живот, а на смерть, чем попало. Айда!» Раз'яренная толпа бросилась на нас и стала бить бежавших камнями и

палками. Затем г. З[емский] Начальник велел подать экипаж к канцелярии, сел и, проезжая позади татарской толпы, продолжал все время кричать им: «Бейте!» Доехав до усадьбы Жебровской и встретив здесь плачущих баб, он начал кричать на них, запрещая им плакать. Из нас особенно сильно пострадала крестьянка Вера Иванова, находящаяся на девятом месяце беременности, как вследствие удара г. З[емского] Начальника кулаком по спине, так и ударов, нанесенных ей татарами, когда она лежала уже в бессознательном состоянии на мосту. Тотчас затем она была доставлена для оказания медицинской помощи студ[ентами] Имп. медиц[инской] академии Н. Н. Плаксиным, Серг. Конст. Овчуковым и лекарскими помощницами В. Т. Рыковской и А. Н. Спевочевской, которыми она и была осмотрена. Кроме подательниц сей просьбы, 28 женщин, избиты и дети: 1) Егор Малов 11 лет, 2) Дарья Ильина 8 лет, 3) Степан Малов 7 лет, 4) Марья Малова 14 лет, 5) Степан Кузьмин 11 лет, 6) Александр Михайлов 11 лет. При этом считаем долгом упомянуть, что такого рода прием обращения, сопровождаемый побоями, употреблялся г. З[емским] Начальником и раньше, и не далее, как накануне, была избита крестьянка нашего же села Христиния Малова, у которой последствием побоев были обильные кровотечения. На следующий день 22 июня в камере г. З[емский] Начальник разбирал дело по обвинению им нас в краже и приговорил 23 женщин к заключению в тюрьму на три месяца, крестьянина же Фрола Егорова, отдельно обвиненного в краже, на шесть месяцев в тюрьму. Через три дня г. З[емский] Начальник, т. е. 25 июня, выдав нам копию с решения, в которой, после постановления о наложении на нас упомянутого наказания, прибавил к нему, что дело это считает подсудным Бетьковскому волостному суду. Обращаясь в настоящее время к Вашему Превосходительству, мы приносим жалобу нашу: 1) на превышение власти г. З[емским] Начальником и избиение им без какого бы то ни было повода, по одному, как он сам заявил, подозрению нас и наших детей, 2) в возбуждении против нас татарской части населения, последствием которого было буйство татар, кончившееся нашим избиением и могущее повести к самым для нас печальным последствиям».

Прошение это было представлено казанскому Губернатору Полтарацкому лично Н. Н. Плаксиным. Губернатор выразил удивление по поводу того, что медик взялся не за свое дело, напомнил студенту, что его долг идти рука об руку с местной администрацией; в заключение, обещаясь забыть об этом деле, советовал поступить в плавучий барак за высокое вознаграждение. Однако, студ[ент] не прельстился 200 руб. в месяц и толкнулся к товарищу прокурора, временно исполнявшему обязанность прокурора. Этот сочувственно отнесся к просьбе и передал ее на рассмотрение губернского по крестьянским делам присутствия, в коем в качестве члена состоит и прокурор. Присутствие командировало члена Аристова (гласный губ[ернского] з[емского] собр[ания]) исследовать дело на месте. Аристов горячо взялся за исполнение возложенного на него поручения и, в конце концов, жалобы обиженных подтвердились. К несчастию, г. Жадовский оказался крестником высокопоставленного лица, которое приказало дело прекратить. На Жадовского в то время было до 30 (?!!) жалоб, из коих в 21 он обвинялся в уголовщине.

Так, напр[имер], он выдавал на одни и те же предметы два исполнительных листа разным лицам, примирял враждующие стороны в отсутствии одной и т. д. В своем об'яснении по поводу приведенного дела, он считал его выдумкой молодежи.

А вот копия, выданная потерпевшим с решения[6])...

Кончаю пока. Г. Аксельрод дорогой, надеюсь Вы не оставите этого документа безгласным? Как видите этот документ поражает своей откровенностью, а подчас и бестолковостью. Для полноты характеристики г. Жадовского вот его письмо, адресованное студ[ентам]-медикам, вскоре после того, как возникло вышеприведенное дело.

«14 июля 1892 г.

«Милостивые Государи: Григорий Арсеньевич, Николай Николаевич и Сергей Константинович (все трое студ[енты] IV курса медицинской академии).

«Вы все трое пользовались под кровом моим самым искренним гостеприимством. Вы все трое были окружены с моей стороны самым тонким и предупредительным вниманием, и все это от меня заслужили Вы лишь потому, что предпринятое Вами доброе и христианское дело помощи бедствующим, в глазах моих, ставило Вас на достойный пьедестал (они устраивали столовыя). Между тем, один из Вас дозволил (Н. Н.) себе написать на меня прошение — жалобу от имени неграмотных, при чем во многом отступил от истины и, ложно освещая некоторые факты, не рискнул подписать свое имя, как то делают все пишущие от неграмотного. Полагаю, что не мне учить Вас тому, что людям, пользовавшимся у кого гостеприимством, зазорно писать пасквили. Верьте мне, что писак таких, в каковаго обратился один из Вас, имя им легион в пределах заведуемого мною участка, но они честнее, ибо, сколько мне известно и случалось видеть, всегда подписывают свое имя. Поясняю все это Вам, милостивые государи, к тому, что долг Ваш был уклонить себя от дела, недостойного, по мнению моему, с той Вашей высокой задачей быть в связи и по отношению человека, кого гостеприимством пользовался. (!!) Ваш, милостивые государи, покорный слуга и готовый к услугам Михаил Жадовский».

Опять та же безграмотность и наглая откровенность, что и в приговоре[7]).

Теперь несколько слов о себе. Живу я и мучусь. Ничего не читаю, кроме русских газет. Отношения мои с капитаном Осиповым обострились и вышли наружу. Как то я заболел, простудился, и доктору, сказал, что причина простуды дырявые сапоги (яхтинские), которые приходится надевать каждый день для мойки палубы. Один раз Осипов, как толчковый дикарь-пропойца, прямо открыто, во всеуслышание сказал: «А мы с Сицким посчитаемся»; другой раз говорит: «Я вас допеку!» Понятно, я должен теперь беречься, и потому не мог до сих пор найти безопасного способа списаться с Вами, многоуважаемый г. Аксельрод. Страстно хотелось бы получить от Вас известие и не найду никак берегового адреса.

Доктор и секретарь продолжают возмущаться на команду под управлением Осипова, который до остервенения злится на нас. Мы еще более всех их ненавидим и презираем. Каждый час в кубрике без числа и счета сыплются проклятия.

Выйдут матросы на палубу и сразу делаются сумными и озлобленными. Не весело даже со стороны на них смотреть.

Получил известия о способе распространения книг Ваших, привезенных мной. Часть осталась в Нижнем Новгороде (более ценная), часть расходится в Петербурге[8]). Приятель мой пишет, что из Нижнего до сих пор денег не выслали, а книги остались там. В Петербурге за мелочь — за чтение и продажу — он собрал только 4 р. 40 коп.

Посылал давно, из Неаполя еще, я письмо заказное в Севастополь своему знакомому[9]), у которого я оставил почти половину, оттуда тоже нет до сих пор ответа. Простите, я не виноват.

Мучает меня неизвестность: получили ли Вы, дорогой г. Аксельрод, мое длинное послание[10]) и какой ответ имеете мне сказать? Также безумно хотелось бы скорее получить от Вас Ваши сочинения вообще и все, что издано Вами за последние годы. Завтра, быть может, успею послать записки по всем известным мне Вашим адресам. Я беспокоюсь, попало ли в Ваши руки мое послание. Один служивший со мной матрос на яхте (он теперь служит на пароходе компании «Темди» — английской, плавает в Одессу, а в настоящее время стоит в доке в Марсели) просит меня сообщить адрес, по которому бы он мог выписать себе книг Вашего издания. Завтра сообщу ему адрес г. Левкова. Послезавтра или вообще на-днях мы отправляемся в Тулон в док или только за углем. Все это время мы не имеем определенной стоянки, и ничего нам неизвестно. Даже, представьте себе, не дают одесской газеты читать; между тем, все прочие, московские и петербургские, всегда кончают свое существование у нас в кубрике. Дорого бы я дал (если бы только имел деньги (?!!)) за возможность получить от Вас ответ и книги. Время то все уходит, а я бездельничаю. Несколько строк прочитал в брошюре Алисова о В[еликом] К[нязе] Мих[аиле] Мих[айлови]че Романове, что женат на девушке из рода Пушкина. Алисов восхваляет Мих[аила] Мих[айлови]ча за это, а того, должно быть, не знает, что этот Мишка, как мы его называем, живет в Канне и других местах с благодатным климатом и в ус себе не дует, — гоняется за женщинами без отдыха, упивается развратом. Жена вторит ему, и оба они проживают сотни тысяч, получаемые ими из России. Нашел кого хвалить... Этот Мишка просто повеса-бездельник, еще и тупоголовый.

Постояли несколько дней в Канне и пришли в Ниццу, куда изволила возвратиться из непродолжительной отлучки в Париж Б. В Канне были прощальные обеды сначала Михаилу с женой и ее родней, на другой день перед отходом Шверинскому Герцогу с Анастасией. Теперь мы встаем ½6, до половины 7 часу завтракаем, полусонные, и выходим на работу до 11 час. С 1 часу потом работаем до 5 по случаю зимнего времени, а летом будем так страдать до 6 и 7 ч. Тревожит часто ночью безапелляционно нас Осипов. Часто, чуть не каждый день, слышим мы, он кричит: «Команда вся подлецы, негодяи, сволочи и пр. и. пр. Их надо каждую минуту жать, давить и т. д.»

С почтением крепко Всем Вам жму руки. Будьте здоровы.

Арсений Сицкий, 17 января (29).

PS. Читая о всех бедствиях, что переносит народ русский, я вижу всеконечную причину в Александре III-м. Пришел к заключению, что необходимо его так же убить, как Александра II-го. Потому что слишком уже увеличились бедствия народа и слишком свирепствует сппяя команда. В критических обстоятельствах немыслима борьба систематическая, нужны решительные средства. Я догадываюсь: арест 5-7 дек[абря] в Казани студ[ентов] служит ответом на возбужденное дело подобными упомянутыми студентами летом против крестника высокопоставленного лица г. Жадовского. В Петербурге говорят, что теперь совсем не кстати резонерствовать молодежи. Ведь за шапочное знакомство с скомпрометированною личностью попадают теперь под надзор полиции во главе с дворником.

Получил сегодня письмо из Петербурга. Просят, nomina sunt odiosa[12]), в печати не называть имени и фамилии ничьей.

1. Н. С. Разумов. Аресты в Казани, о которых сообщается ниже, были вызваны предательством студ. Острянина и коснулись складывавшихся в эти годы в Казани с.-д. (М. Е. Березин, Барамзин, Таланцов и др.) и народовольческих (П. Аргунов и др.) кружков; об этих арестах см. в «Обзоре важнейших дознаний», т. XVII; «С родины и на родину», № 3 и в казанском журнале «Пути революции», № 1 за 1921 г. У Сицкого имеется ряд ошибок в фамилиях (так Егора Барамзина он называет Е. Березиным и др.).

2. Alma mater — мать-кормилица, университет; в данном случае — военно-медицинская Академия.

3. Летом 1892 г. в России свирепствовала холерная эпидемия.

4. Автор письма; Н. Разумов.

5. От письма Н. Разумова, Сицкий переходит к истории, разыгравшейся в глуши Казанской губернии, которая, по его мнению, об'ясняет произведенные среди казанских студентов-медиков аресты. Об этой истории ему тоже сообщил Н. Разумов, приславший ему для опубликования заграницей и приводимые в письме документы.

6. Следует копия с решения, основанного, главным образом, на показаниях двух «татарчат», из которых одного земский начальник не решился допрашивать, под присягой, «как недостигшего четырехлетнего возраста».

7. Эта характеристика документа принадлежит корреспонденту Сицкого, Н. Разумову, который далее пишет:

«...За стакан кофе извольте мириться со всякой гадостью.

«Недавно один знакомый обратился ко мне с просьбой указать книги для какого то рабочего, рвущегося к свету. Я, разумеется, ухватился за народническую литературу, т. е. Усп[енско]го, Златовратск[ого] и т. д. Но знакомый передал, сказав, что раб[очий] частью уже читал народников, в настоящее (же) время, читая в газетах про рабочих, интересуется будто бы рабочим вопросом. Тут я был поставлен в тупик, потому что мог назвать всего две-три книжки, как то: «Труд и капитал» (недавнее изд. Павленкова), «Экономические беседы» Карышева, «Через сто лет», роман Беллами, «Что такое рабочий день?» статейка, прочитанная мной как то в «Отеч[ественных] Записках», «Ассоциации и рабочий пролетариат во Франции» Михайлова; вот и все, известное мне. Не можешь ли ты прибавить к этому списку что-ниб[удь] из русской литературы, а также и иностранной, имеющейся в России?

«Напиши, как французское общество относится к панамскому скандалу? Когда вернешься в Россию? Как-ниб[удь] раздобуду денег, вышлю тебе для покупки более или менее редких у нас в Р[осси] вещей. Адрес на конверте. Об'емистых посланий, подобных настоящему, не скоро, вероятно, дождешься. Помни, что обо всем, везде и все болтают только олухи царя небесного. Искупил ли я свою вину перед тобой? Как твои семейные дела?

«27 дек. 1892 г. С новым годом! Извести о получении по возможности скорее, хотя бы запиской».

Это письмо оказалось в архиве П. Аксельрода. Повидимому, Сицкий передал его П. Аксельроду во время своего пребывания в Цюрихе. См. примечание 3-ье к письму 17-ому.

8. Как в Нижнем, так и в Петербурге книги распространял Н. Разумов.

9. Повидимому, М. Миронову.

10. Предыдущее письмо (11-ое). П. Аксельрод по болезни не мог сразу ответить на него.

11. Латинская поговорка: «об именах умалчивается».

13. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Ницца, 4 февраля 1893 г.]

Дорогой многоуважаемый г. Аксельрод!

Получил почти благополучно Ваше письмо сегодня 4 февраля вечером и спешу ответить. Я особенно рад, что опять имею от Вас известия. Душевно также рад, что Вы живы. Живы ли и здоровы ли Ваши друзья?

Значит, Вы получили от меня оба послания?[1]) Простоим мы в Ницце все время карнавала, который, говорят, продолжится до 14 февраля. После, по слухам, пойдем на капитальный ремонт в Тулон. Тогда, вероятно, в Тулоне простоим месяца полтора, если не больше. О стоянке нашей в продолжение карнавала Кузнецов телеграфировал в Москву и Париж (своему отцу).

Будьте так добры, если можно, может быть, припомните адрес Вашего знакомого в Ницце[2]), сообщите ему. Если он только говорит по русски, мне просто необходимо поговорить с живым человеком. Есть масса сомнений и недоумений, требующих во мне самом разрешения[3]). Вообще, необходимо говорить с человеком, который бы понял меня и сказал что-нибудь или в опровержение или в подтверждение. Кроме этих важных для меня причин, еще необходимо во что бы то ни стало получить от Вас все Ваши сочинения и переводы с иностранных писателей по одному экземпляру. Главное, из Ваших собственных сочинений — социал-демократ[ических] журнал[ов] я совсем не читал. По приезде в Россию я положительно не имел возможности читать и все отправил по известным Вам направлениям. Меня положительно накрыли (только, по всей вероятности, по неимению): я ни откуда не получил ни копейки. Тем не менее я снова Вас умоляю прислать мне просимое. Мой приятель из Петербурга просит, нельзя ли получить от Вас «Очерки гегелевского периода»[4]), критический очерк, эстетика. И еще просит те сочинения его[5]), о которых Вы упоминали в своих соч[инениях], все равно, если и на немецком языке.

Если его сочинений нет у Вас, то будьте так добры, сообщите, где можно достать, т. е. сообщите адрес, откуда их выписать. В недалеком будущем он вышлет деньги. Петербургская интеллигентная молодежь — круга моего приятеля — расходится с Вашей группой по некоторым вопросам и очень бы желала с Вами говорить по поводу этих разногласий. Я не все Вам выписал из письма моего

приятеля и на днях постараюсь сообщить Вам о тех вопросах, по которым расходятся с Вами медики (Петербургской Мед[ико]-хир[ургической] Академии).

Письмо Ваше сегодня принес почтальон на яхту, я случайно был на корме (с берега на корму сходня лежит) и усмотрел для меня письмо, взял его, не дожидаясь помощника, имевшего расписаться. Но все-таки видел боцман и прочел — Цюрих и марки рассмотрел (тот самый бывший матрос, который прошлый год донес на меня старшему помощнику, что у меня есть нелегальные книги). У нас действительно настолько плохое начальство, что всегда можно ожидать, может свободно позволить себе раскрывать наши письма. Напр[имер], второй помощник настолько глуп и низок, что удивляется, почему я получаю письма из Петербурга и даже имеет дерзость спрашивать меня, что пишут из Петербурга. А главное, он, вероятно, предупрежденный или просто узнавший происшедшую в прошлую зиму со мной историю по рассказу кого нибудь из наших панов, всегда при получении моих писем интересуется, смотрит по штемпелю и маркам, откуда это письмо. Извините, я немного в возбужденном состоянии и пишу шиворот на выворот. Ах, если бы увидеться с Вашим знакомым и получить от Вас желаемое. В данное время я беден. Желал бы очень получить от Вас подробный ответ. Сердечно жалею, что Вы нездоровы. А может быть, Вы для виду написали, что нездоровы. Во всяком случае, душевно буду рад, когда узнаю, что Вы все здоровы.

Россия положительно стонет. Сплошь снова неурожай и крестьяне в безвыходном положении. А Кит Китыч[6]) мало думает, охотится с графами и князьями, и газеты изображают картину обеда его в лесу на охоте. Синяя команда свирепствует. Нет возможности хладнокровно рассуждать о положении русского народа. Летом ожидается возобновление холеры.

Я, между прочим, сам над собой испытываю невыносимый гнет негодяев. Ищу выхода и не нахожу. По моему мнению, требуются решительные меры от революционеров. Предоставить естественному ходу вещей и продолжать систематически пропаганду, по моему мнению, бессмыслица. Миллион народа рус[ского] тем временем погибнет без вины виноватым. Принимая решительные меры, можно спасти жизнь (по крайней мере) многих мучеников. Кроме того, по моему мнению, необходимо сколько-нибудь очистить путь интеллигенции, или сама интеллигенция должна очистить себе путь для общественной деятельности.

Желал бы и с нетерпением ожидаю способа получить от Вас подробный ответ. Как утопающий, жду того дня, когда увижу Вашего знакомого доктора Эльсница. Жму крепко руку. Благодарю Вас. Перешлите, пожалуйста, мои душевные пожелания всего доброго г. Плеханову и В. Засулич. Всем Вам от души желаю быть здоровыми.

Арсений Сицкий, 4 фев. 10 ч. вечера.

1. Помещенные выше письма, 11-ое и 12-ое

2. Этим знакомым был д-р А. Л. Эльсниц (ум. 1907 г.), эмигрант с начала 70-х гг., бывший в 1875-1876 г. членом редакции бакунистского журнала «Работник». С конца 70-х гг. он отошел от революционной деятельности.

3. Под влиянием Разумова у Сицкого зародились сомнения в правильности взглядов Группы «Освобождение Труда». См. ниже его письмо 14-ое.

4. Очевидно, Разумов просил Сицкого выслать ему книгу Н. Чернышевского «Очерки гоголевского периода».

5. То есть сочинения Гегеля.

6. Владелец яхты, Кузнецов.

14. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Ницца, 24 февраля 1893 г.]

Поверьте, я чуть не плакал, дорогой г. Аксельрод, когда возвращался с квартиры Эльсница. Сегодня 11 (23) февраля случайно днем мне удалось вырваться на берег и справиться в справочном бюро. А вчера вечером мне на почте только указали адрес местонахождения самого бюро, но бюро было заперто. Вечером по данному адресу я нашел квартиру Эльсница. Самого Эльсница не было, вышла жена и об'явила на мой вопрос о письме на мое имя, что так как там говорилось, что яхта уйдет 15-16 февраля, и муж ее не имел совершенно времени «ходить и разыскивать» (?!!) меня, то и отослал письмо обратно. Крайне обидно и больно было эту тираду слушать. Положим, я матрос и г. Эльсниц совсем не желает что-либо иметь с матросом, все-таки, как бы он ни был занят, я думаю, можно было найти средства легко, чтобы известить меня. 10-15 сант[имов] на марку почтовую и дело в шляпе. Я просто взбешен до слез и в тоже время в отчаянии. Да где же найти адресат верный и надежный?!! После прошлого года, что со мной случилось в прошлом году, теперь рисковать — это капитальная глупость. Если снова отчаянно получать прямо, непосредственно, то в результате придется познакомиться с синей командой. Возвращаюсь к Эльсницу. Сам Эльсниц, может быть, иначе высказался бы, т. е. более политично и не дал бы мне сразу понять что-либо заднее. Но из слов его жены я только и мог одно заключить: она как бы хотела просто сказать: «Что Вам нужно, или что Вы можете иметь с нами общего? И притом имейте в виду, что мы решительно не желаем Вас видеть, не то что иметь какое-н[ибудь] дело с Вами!» Я только извинился и вышел. Жена дальше ни о чем не распространялась, только об'яснила, что письмо было получено и снова отправлено по вышесказанным причинам. Между тем, о яхте немедленно извещают в газетах, если она уходит куда-нибудь из порта. Да и русские все знают, стоит она или нет в порту, и знают даже, снимется она завтра или послезавтра, как было известно по словам самого. «Письмо отослано обратно»!!...

Да это хоть кого расстроит. Четвертый месяц заграницей, и я не могу как следует списаться с теми, кто мне дорог, не могу ничего получить. Представился маленький случай и снова неудача. Опять мрак беспросветный. Продолжай, значит, пресмыкаться в неведении, продолжай погружаться в вонючее болото и гнить! Нет, больше я к нему не пойду! Он житель противоположного по-

люса. Пойдем ли мы в Тулон в воскресенье, неизвестно наверное. Я во вчерашней записке[1]) передал Вам слова нашего командира боцману. Приготовлений мы не делаем никаких (впрочем до самого отхода и ненужно приготовляться). Да нет, я не могу переварить злополучной истории с письмом! Эх, доктор, доктор! Не могли Вы сообразить, может быть, это письмо было для меня, как лекарство, спасающее от смерти больного? Может быть, в письме были ответы крайне важные? Да что говорить и распинаться?!! Нет письма, и Эльсниц глух к нем для матроса. А кто его знает, может, он очень честный и благородный и не курит фимиам сильным и владыкам. Но мне от этого не легче, я все таки обижен и унижен им же.

Будьте здоровы, добрый многоуважаемый господин Аксельрод! Жму сердечно Вашу руку. Сегодня я чувствую себя как бы оплеванным. Простите! Не забывайте же меня, передавайте от меня пожелания сердечные г. Плеханову, В. Засулич и всем Вашим друзьям всего доброго и мое почтение им.

11 ч. ночи 11 (23) февраля. Арсений Сицкий.

P. S. Три часа просидел по возвращении и в кубричной болтовне старался развлечься и успокоиться. Удалось ли?!!

К этому препятствию присоединяются искусственным образом еще препятствия: в Тулоне, якобы, не в состоянии будут исправить салонных (попортившихся) наших больших зеркал. А посему предполагается привести Кузнецова к соглашению отправить яхту в марсельский док. Если мы на самом деле пойдем в Марсель, то у меня еще сохраняется то письмо Ваше к местному социалистическому органу печати, в котором Вы, г. Аксельрод, просили в прошлом году дать мне адрес для высылки Вами для меня книг. В этом случае я попытаюсь розыскать названную редакцию и представить это письмо. А впрочем предоставляю на Ваше усмотрение. «Может быть», Эльсниц согласился бы получить для меня и известить меня тремя-двумя словами. Притом, если предположить, что из дока мы двинулись бы далеко от Ниццы или Канн, то и в этом случае, по крайней мере, книги Ваши не затерялись бы, а возвратились назад. Но последнее весьма и весьма невероятно. А если допустить, что мы, паче чаяния, останемся в Марсели или Тулоне на капитальную ремонтировку и, значит, на долго, а потом по окончании ремонта двинемся в Россию, то и в этом случае, крайнем, я уже волей-неволей постарался бы разыскать адреса для высылки Эльсницем полученных последним книг. Последнее тоже невероятно. Яхта нужна Б. и составляет ее гордость и развлечение. Кроме того, при помощи яхты она постепенно лезет в круг князей и графов, исключая жен великих князей. Затем, должна состояться 13 или 14 марта нов[ого] ст[иля] гонка больших паровых яхт и парусных небольших яхт. Да и пасху Кузнецов и Б. пожелают и желают, вероятно, провести на яхте или с яхтой пред очами других и себя.

Четвертый месяц ничего из Ваших сочинений не читал или из переводов Ваших! Просто хоть волосы дери на голове!

Крепко, крепко жму Вашу добрую руку, дорогой господин Аксельрод! Как Ваше здоровье? Если узнаю завтра наверное порт назначения, то снова израсходую марку и извещу Вас, а в противном случае из места прибытия немедленно Вам.

11 ч. ночи 12 (23) фев. Арсений Сицкий.

1. Этой записки в архиве П. Аксельрода не оказалось.

15. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Ницца, 25 февраля 1893 г.]

Дорогой г. Аксельрод!

С часу на час ожидаю, не явится ли какой-нибудь благодатель от Вашего имени и не принесет ли каких-либо известий или ответа подробнаго от Вас. Не дождавшись, снова берусь за перо и постараюсь окончить выписки из писем моих знакомых в Петербурге интеллигентов[1]), а также насколько сумею изложу и свой взгляд на положение дела в России и выскажу свое мнение относительно способа борьбы с правительством. Прошу Вас извинить меня, если некоторые места из Петербургских писем я повторю: я не помню наверно, некоторые места переписал Вам в предыдущем моем письме[2]), или нет. Тогда я выбирал самые яркие и характерные места, но по зрелом обсуждении пришел к заключению, что необходимо все подробно переписать. Возвращаюсь к речам медиков на домашнем собрании в годовщину almae matris.

«На собрании участвовали: Н. М. Ядринцев[3]), Н. К. Михайловский — любимец молодежи и Засодимский[4]). Ядринцев указывал на значение ученых — медицинских обществ, советовал нам поступать в эти общества, дабы под защитой их заниматься общими вопросами, в роде изучения санитарных условий рабочих, их жилищ, питания, равным образом, под прикрытием ученого общества удобнее изучить и быт деревни. Твой знакомый[5]), соглашаясь с предыдущим оратором, доказывал... (Это, помню, я уже выписал Вам)[6]). Один студент развивал ту мысль, что на всякий данный исторический момент смотрят двояко: одни, ссылаясь на то, что он есть продукт известных исторических условий, требуют невмешательства в ход вещей; другие же, наоборот, призывают к энергическому действию, приводя то мнение, что существующие условия поддерживаются современными порядками, учреждениями, а потому де улучшение последних само собой и устранит общественное зло. Другой убеждал в необходимости для медика всестороннего развития, ссылаясь на то, что мы прежде всего люди и потом уже медики. Четвертый полагал, что самое лучшее, что мы можем сделать, это идти в народ, причем не раз'яснил, что нужно делать в народе, — лечить ли, отдавать ли деньги в процент и т. д. Вообще речи, как я сказал, отличались неопределенностью. Нельзя, конечно, и требовать подробных разглагольствований в подобной обстановке. Засодимский говорил, что занятия наукой

должны иметь нравственно-общественную подкладку, иначе наука, как вера без дел, мертва, а в заключение хвалил медиков. Михайловский только изливался в комплиментах пред студентами. Вообще, должен сказать, что писатели говорили ничуть не лучше студентов. Во всяком случае, двумя указанными типами не исчерпывается характеристика современной молодежи. Вспомни героев Зоологического сада, те совсем другие люди, а таких господ, к сожалению, порядочно таки. Нельзя увлечься и лучшими представителями молодого поколения. Они отличаются честностью мысли, готовностью поработать на пользу массы, но, к несчастию, нет у них основательных знаний по общественным вопросам, не достает им также и твердости убеждений. Многие из них в своих взглядах положительно наивны. Встреча с двумя-тремя толковыми мужиками порождает в них надежды на скорое улучшение крестьянской среды. Другие, напр[имер], самое могущественное средство для поднятия благосостояния народа видят в книжках, издаваемых комитетами грамотности и интеллигентными лицами, в роде баронессы Икскуль[7]). Подобная же тенденция проглядывает и в публичной лекции профессора политической экономии в Московском университете А. И. Чупрова[8]) — любимца студентов, читанной им в пользу Московского Комитета Грамотности».

Далее мнение автора письма ко мне: «Никто, конечно, не станет отрицать громадного значения знаний, но, во-первых, знание знанию рознь, — с книжками Московского Комитета Грамотности не далеко уйдешь; а во-вторых, бывают условия, которые не дают возможности как учить, так равным образом и учиться. Московский же профессор, судя по отчету газеты, не указал, какие знания наиболее полезны русскому простолюдину, и не поведал, каким путем предоставить ему возможность думать и познавать вместо того, чтобы постоянно выпрашивать и вымаливать для себя кусок черного хлеба. Другие через край хватают в своем преклонении перед К. Марксом и забыли совершенно мужика и нашу русскую действительность. В их глазах вполне безумно кормить умирающего с голоду крестьянина, заботиться о развитии и поддержке кустарной промышленности, так как эти и подобные мероприятия задерживают только развитие на нашей почве капитализма. Я лично не сторонник общины в том виде, как она есть. Думаю я также, что капитал-греховодник возьмет в плен и Россию. Но отсюда еще далеко до того, чтобы помогать кулаку обделывать мужика. Между тем подобные воззрения мне не раз доводилось слышать от узколобых марксистов. Все они забывают одно, очень важное, по моему, обстоятельство. Можно быть марксистом и в то же время стремиться к поддержанию крестьянского хозяйства. Помогая последнему, некоторые отнюдь не рассчитывают этим способом побить капитализм, они спасают только от голодной смерти мужика. Пусть эти теоретики настроят раньше побольше фабрик около деревень, где могли бы деревенские семьи приложить свой труд. Вот тогда они вправе громить русскую общину и ее защитников, утверждая, что община служит опорой реакционизма. Голодного же человека сытый обязан накормить, хотя бы первый был и крестьянин общинник, ждущий себе утешения на небе, или мелкий ремесленник, кустарь павловец[9]), задыхающийся под гнетом скупщиков. С этой точки зрения я совершенно оправдываю

я вполне сочувствую обществам для содействия русской кустарной промышленности, устройству складов для кустарных изделий, организациям по истине дешевого кредита для крестьянина и т. д. Наш мужик не потому держится за неблагодарную землю и остается в поработившей его деревенской общине, что он до нельзя глуп и консервативен, а потому, что ему некуда идти. Он ищет, где лучше, но не находит. Что заставляет русского крестьянина тянуться тысячи верст на развалившейся телеге? Ярые русские марксисты из молодежи — противники помощи переселенцам, так как крестьянин собственник неспособен усвоить что-нибудь путное. Ясно тебе, я думаю, и то, что я не во всем соглашаюсь с твоими знакомыми[10]), которых, благодаря тебе, я узнал. Я никак не могу понять их вражды к тем образованным деятелям, которые стараются внести свет в крестьянскую среду и помочь материальной нищете ее представителей. Наше государство по преимуществу земледельческое, почему бросить на произвол судьбы земледельца я считаю крайне нежелательным, да и невозможным. Твои знакомые (это Вы) не ведают, к кому они обращаются. Значительнейшая часть интеллигентов силою вещей вынуждена жить рядом с мужиком, а отнюдь не в промышленных центрах. Нельзя всех юристов, учителей, докторов и т. д. расселить по городам, где половина их, при таких условиях, должна помереть. Они, повидимому, не допускают, что для большинства интеллигенции также неизбежно жить в деревне, как неизбежна в России капиталистическая форма производства. Утверждать противное значит идти против рожна. С удовольствием я послушал бы их, если бы они рассказали, как и что делать в деревне, чему надо учить провинцию. А провинции то очень уж жутко становится. В 14 губерниях оффициально признан недород. Газеты снова полны ужасных картин. Там за 1 р. и за 1½ р. распродали почти всех лошадей, в другом месте (в Вятской губернии), читаешь, люди на себе пашут и боронят; тут половина озимых полей осталась незасеянной, здесь с сентября уже нет своего хлеба, в третьем месте на каждую душу приходится до 30 р. недоимки, в 5-м выбившиеся из сил крестьяне чуть не даром отдают свои наделы своим более состоятельным односельчанам. Подобные корреспонденции и известия читаешь в каждом номере газеты. Земские кассы без денег. Многие земские собрания снова ходатайствуют о выдаче ссуды на продовольствие и обсеменение полей. Об общественных работах пока что-то не слыхать. Общество русское в течение одного года как бы истощило свою энергию и не думает предпринимать что либо в пользу голодающих. Не смотря на это, новый министр финансов не унывает (г. Витте). Роспись государственных доходов и расходов, как передают в виде слуха газеты, дает 17 миллионов излишка первых над вторыми. Уж подлинно, устами бы министра да мед пить! Вдаваться в подробности, в суждения о рекомендованных тобой книгах, я не стану (о Ваших книгах, которые я переслал ему). Статья, написанная по поводу недавней смерти Великого русского мыслителя, лучше всех других[11]). К сожалению, некоторые главы, например, о капитале, страдают излишней краткостью. Можно было также обойтись и без того рабского поклонения гению немецкого ученого, которым проникнута вся упомянутая статья. Не могу признать удачной манеру критики:

выставив сначала положение немецкого мыслителя, затем уже сравнивать с ним учение русского. Интересны и не без пользы прочтутся отчеты о развитии учения на Западе[12]). Хороши также указывающие на ошибки передовой части нашего общества[13]). Из самых мелких работ я придаю значение только той, в которой выясняется смысл требования восьмичасового рабочего дня и какие отсюда вытекают последствия[14]). Ума не приложу, каким образом помещена заметка, ликующая по случаю запрещения принимать в гимназию детей прачек, дворников и вообще тех, доход и жалованье которых невелики[15]). Сильные мира сего от такого распоряжения нисколько не пострадали, напротив, выиграли, избавившись от конкуренции; слабые же лишились возможности узнать, где корень зла, и как от него отделаться.

Денег у меня всего только 4 р. 40 коп., собранные за чтение и вырученные за мелкоту, ничего не дающую ни уму, ни сердцу. Тащить за безделицы много я просто совестился. Товарищ мой обиделся, что ты прислал ему пустяки, от которых он и отказался. Вина моя, пожалуй, вот в чем. Дело в том, что все более или менее ценное из предназначавшагося не мне, я отдал одному интеллигентному пролетарию в Нижнем, где, по его словам, не услышишь и не прочитаешь живого слова. Вот уже 4 месяца прошло, как я расстался с ним, а я до сих пор не получил оттуда ни копейки, нет и вещей».

Вот все, что относится не к одному мне, а и к Вам, многоуважаемый г. Аксельрод. Вскоре за сим посланием я получил оттуда небольшую записку, в которой мой приятель просил передать его отзывы о Ваших сочинениях и просит Вас, т. е., Вашу группу, воспроизвести эти письма, а также печатно и ответить на них. Он говорит: «Мне очень хотелось поговорить с ними по поводу наших разсогласий». Я послал ему свое послание, от него на малюсенькой записке получил ответ о получении и, между прочим, уведомление, что во Владимирской губернии случилась точно такая же история, как в Казани, только не знаю, арест ли учащейся молодежи, или побоище крестьянок каким-н[ибудь] земским благодетелем[16]). В скором времени он обещал выслать подробности.

Из всего, что я сообщил Вам, дорогой г. Аксельрод, Вы видите, как тяжело положение и вообще жизнь русского народа. Тяжело и так тяжело, что невозможно хладнокровно даже вспомнить о тех событиях, какие произошли и происходят в русской земле. Чудовищный, варварский до самозабвения деспотизм давит сотни и тысячи бедных тружеников и учащееся молодое поколение. В последнем случае, нельзя не сознаться, русский царь помощью своих опричников действует в высшей степени умно в интересах своего самодержавия. Он уничтожает нарождающуюся оппозицию на корню. Оставшиеся и уцелевшие смирятся, затихнут, а по выходе в жизнь и, получив теплые места, успокоятся страсти, все благородные порывы и стремления в них уснут непробудным сном, да так и не воскреснут. Правда, из оставшихся воспитанников выделятся твердые характеры; они всей душой возненавидят деспота и, «может быть», будут искать средств для борьбы, но только может быть. Притом же, благодаря своей молодости и кипучей ненависти, могут скоро также быть арестованы и отправлены в места не столь и

столь. Остаются родные и знакомые потерпевших. Но все эти папеньки и маменьки в большинстве старого закала и потому будут видеть в поступках правительства законность и справедливость. Каждый день здесь, заграницей, по получении подобных известий от моего приятеля, я все рассуждал и придумывал средства защиты против свирепствующих опричников. Какие же средства могут быть? Где тот святой выход, где двери, через которые можно было бы выйти из этой инквизиторской тюрьмы? Вот когда тысячу раз прав Некрасов: «укажи мне такую обитель... где бы русский не стонал». Ужели ожидать, наблюдать, пропагандировать и предоставить естественному ходу все и вся? Значит, пусть сажают в тюрьму, пусть ссылают, пусть казнят десятки и сотни тысяч молодых, талантливых, честных, благородных, с горячим отзычивым на все доброе сердцем людей? Пусть, значит, гибнут крестьяне сотнями тысяч по дороге в Сибирь с детьми и скарбом не тачках? Итак, выходит, нужно спокойно ожидать восстания, ожидать революции? Но революцию подавят, уничтожат войска. Ужели и нам придется идти путем Франции, ужели и нам придется за свободу и существование в материальном отношении залить всю равнину Российской империи своей собственной кровью? Я и то понимаю, что подобные события, все эти зверства сами собой приближают к развязке. Но к какой, в каком направлении и в чью пользу она произойдет? По моему мнению, в высшей степени подло радоваться и ликовать по поводу беспрерывных арестов и заключений в тюрьму учащихся то в одной, то в другой губерниях. Что же? Продолжать распространять знания и постепенно, осторожно организовать рабочую партию, приводить постепенно частные требования раб. класса и вообще пролетариата в одно целое-неразрывное, имеющее быть связанным единством идеи, — это уничтожение монархии и капитализма? А до той поры, когда рабочий класс окрепнет, соединится в большинстве и заявит или пред'явит свои требования, когда и армия поймет свое родство с рабочим классом, до тех пор государь-царь батюшка будет пить свежую кровушку и пить будет строго систематически? И учащиеся из года в год ужели, как теперь, будут подвергаться десятками и сотнями сортировке в «места не столь и столь»? Признаюсь, я в настоящее время остановился на мысли, что нужно убить Александра III-го возможно скорее. Нужно его убить с меньшими жертвами, чем II-го убили. В настоящее время могли бы составить партию, наученные опытом до 81-го года, гораздо разумнее, и можно было бы сразу кончить. Народ истощен, измучен, еле дышит, еле таскает ноги. Трудно рассчитывать, что при подобной развязке народ, земледельцы, поднимутся с вилами и будут искать виновников смерти царя-деспота. Вернее, мужики в своих лачугах погалдят и успокоятся, зная, что царский дом велик, и будет новый царь. Да захотят ли, наконец, Романовы народного восстания? А покончив с III-м, как дважды два, можно получить конституцию и большую свободу печати и многие другие привилегии. А до тех пор? Пиши пропало. Во время освобождения крестьян доктора некоторым интеллигентам прописывали, как лекарство, удирать заграницу и не слышать никаких известий из России. Тогда многие интеллигенты видели грубые ошибки правительства в устройстве быта освобожденных крестьян, имеющие впоследствии

произвести (и произведшие) неисчислимые народные бедствия. Но теперь и заграницей не скроешься от вопиющего зла: раз уж получил такую весть, как арест казанской молодежи без всяких доказательств их преступности, вот эта весть и засела вам в голову, сверлит и водоворотом там крутит, душу вымотает на кулак. Я лично постоянно нахожусь под гнетом, уже 9-й год терплю за свое существование все притеснения, несправедливости, тяжелые, бессмысленные, никому ненужные работы, грубость начальства и пр. и пр. А между тем, при получении подробностей этого зверства синей команды, я забыл все свое горе и нужду. Во всей картинности мне представились арестованные в тюрьме ни за что, ни про что. О, в тюрьме побыть, по рассказам бывавших там, стоит неделя одного года службы на пароходе «Русского О-ва и Т-ли» матросом и еще под командой первоклассного негодяя-капитана.

В России земледельческая община действительно быстро разлагается. Неурожаи особенно сильно тому помогают. Земля все более и более быстро сосредотачивается в руках крупных землевладельцев, в большинстве, кулаков. Наш мужик превращается в пролетария, но способного только к черной работе и земледельческому труду. Хорошо ли это? Не следует ли идти в земледельческой стране на помощь земледельцу, гибнущему под гнетом царя, чиновника и кулака? Не следует ли интеллигентам сосредочить свои силы на переустройстве сельской общины и на устройстве общественных сельских мастерских и ремесленных школ рядом с научными школами?... Так, по моему мнению, народ быстро пойдет вперед. Молодой деревенский парень дома научится ремеслу и в город на фабрики и мастерския придет опытным мастеровым и окрепший в деревне не развратится в городе, — туда он придет взрослым, довольно развитым умственно и нравственно и устоит против попыток развратных городских мастерских привести первого к уравнению с ними. Первый иногда, пожалуй, может внести еще обновление в среду развращенной фабричной молодежи. Не пора ли также двинуться в большие промышленные села с пропагандой социал-демократии? А оставлять разлагающуюся общину, оставлять без помощи миллионы голодных и холодных невозможно. Я согласен с моим приятелем.

А в Европе какие теперь крупные события происходят? Панама во всех государствах вызвала панамы. Это блистательное первое поражение капиталистов народом-рабочим. А в России втихомолку продолжают сажать в тюрьму и отправлять в места не столь и столь. Ах, как мне нужно поговорить с Вами, получить от Вас ответ. Что-же, Эльсница нет или не припомните адреса? Это невыносимо. Я не найду способа получить от Вас ответ. Простоим мы, самое меньшее, до 1 марта или может быть больше. 2 м[арта] (18 февраля) здесь будет гонка парусных небольших яхт, и Кузнецов купил в Гавре м[аленькую] яхту, привезут жел[езной] дорогой, и будет она участв[овать] в гонке.

Крепко, сердечно жму Вам, дорогой г. Аксельрод, руку. Будьте здоровы.

1. Имеются в виду письма Разумова, который рисуется Сицкому представителем целого кружка.

2. Письмо 12-ое, от 17 января 1893 г.

3. Ник. Мих. Ядринцев (1842-1894 г.) — писатель, сибиряк- областник народнического направления, автор книг «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирь, как колония», «Сибирские инородцы» и др.

4. Пав. Влад. Засодимский (1843-1912 г.) — писатель-народник, автор книг «Хроника села Смурово», «Грех», «Повести из дальних лет» и др.

5. Автор цитируемого письма, Н. Разумов.

6. См. письмо 12-ое.

7. Баронесса В. И. Икскуль фон Гильдебрандт в девяностых годах играла большую роль в прогрессивных рядах петербургской интеллигенции.

8. А. И. Чупров (1842-1908 г.) — профессор, статистик и экономист, сторонник государственного социализма.

9. Село Павлово Горбатовского уезда, Нижегородской губернии — центр кустарной промышленности.

10. С социал-демократами, членами группы «Освобождение Труда». Дальнейшие рассуждения Разумова отражают взгляды, которые были довольно широко распространены в начале 90-х годов среди радикальной учащейся молодежи.

В то время в Петербурге наряду с с.-д. группами работала среди рабочих и учащейся молодежи «Группа Народовольцев», образовавшаяся в конце 1891 г.; она пользовалась в частности значительным успехом среди студентов-медиков (см. ст. М. С. Александрова «Группа Народовольцев» в № 11 «Былого» за 1906 г.) Возможно, что Н. Разумов был в сфере влияния этой группы.

11. Статья Г. Плеханова «Н. Г. Чернышевский» в 1-й книге «трехмесячного литературно-политического обозрения» «Социал-Демократ». Н. Г. Чернышевский умер 17 октября 1889 г.

12. Повидимому, статья П. Аксельрода «Рабочее движение в начале 60-ых годов и теперь» в «литературно-политическом сборнике» «Социал-Демократ», Женева, 1883 г.

13. Возможно, что автор письма имеет в виду статью Симплициссимуса (Г. Плеханова) «Как добиваться конституции» в том же сборнике.

14. Этого вопроса касается вскользь помещенный в первой книге «трехмесячного литературного-политического обозрения» «Социал-Демократ» (1890 г.) отчет о международном социалистическом конгрессе в Париже (14-21 июля 1889 г.), подписанный псевдонимом «Новый товарищ» (псевд. Я. Кальмансона). Последствия 8-часового рабочего дня перечисляются в приведенной в отчете выписке из венской «Arbeiter-Zeitung».

15. Имеется в виду сатирическая заметка в «сборнике» (1883 г.) «Министр-демагог», подписанная Ю. А. (Эфрон). В этой заметке подчеркивалось революционирующее действие на общество реакционных мероприятий министра народного просвещения Делянова. Заметка заканчивалась такими строками: «Словом, г. министр ловко орудует в пользу низвержения русского абсолютизма; он искусно сеет недовольство и смуту во всех слоях общества... Самый коварный подрыватель основ, поверьте, никогда не добьется такого успеха! Но само собою разумеется, что было бы крайне несправедливо взваливать на плечи Его Высоко превосходительства все трудности агитационной работы. Наши революционеры придут на помощь».

Н. Разумов странным образом не понял иронии этой заметки.

16. Повидимому, Н. Разумов имел в виду произведенные в сентябре 1892 г. аресты кружка Н. Е. Федосеева, В. Кривошеи и др. (см. «Обзор», т. XVII, стр. 87; сборник «Н. Е. Федосеев», изд. Истпарта, стр. 15 и др.).

17. Ср. письмо Сицкого № 12.

16. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Марсель, 4 марта 1892 г.]

Дорогой г. Аксельрод, будьте здоровы!

Во вторник (7 марта) или среду мы возвратимся в Ниццу. Из Ниццы мы выйдем в Канн не ранее 12 марта или 28 февраля, по нашему. По приходе в Марсель я сообразил, что если бы по прошлогоднему Вашему письму мне и удалось

получить адрес для высылки Вами Ваших книг[1]), то я всё таки не успел бы их забрать. Нужно у нас быть теперь очень осторожным. Приехал старый боцман и начинаются старые междуусобия. Но об этом в конце, а сейчас поговорю на счет адреса. Не могу придумать ничего на вопрос: как получать книги и письма от Вас? Остановился на доктора Эльсница адресе. Хотя он и обидел меня крайне[2]), но я согласен десять раз потерпеть такие обиды ради возможности получать книги и письма от Вас, дорогой мой господин Аксельрод. Да чем он пострадает в этом случае? А я всегда в состоянии перенести много ради такой высокой цели. Здесь цель оправдывает средства. Пусть он смотрит на меня, как на раба, как на кого угодно, но пусть он получит для меня все, что Вы пришлете и передаст мне. Я больше ничего от него не желаю и не ищу. Мне не нужно его общество и его собственное приятельство. В России у меня есть приятели, могущие заменить для меня всякие знакомства с интеллигентами. Или пусть он даст мне какой нибудь адрес, что это стоит для него? Я рассчитываю снова взять у Вас книги в Россию и даже желал бы побольше взять.

Поговаривают, что пойдем на капитальную ремонтировку в Шотландию в Гренок. Зеленый, капитан I-го ранга, бывший казенный агент в Англии, как надсмотрщик за строящимися русскими судами, теперь назначен на фрегат «Дмитрий Донской» и проездом (чрез Ниццу) в порт, где стоит теперь упомянутый русский фрегат, уговаривал нашего патрона отправить яхту в Гренок, и тот будто бы согласился. Зеленый вчера приехал из Ниццы сюда в Марсель и пересел вчера на снимавшийся пароход «Мессаджери» компании «Australien». Наш идиот устроил ему почетную встречу. Зеленый его порекомендовал Кузнецову. А Кузнецов теперь страшно недоволен ими обоими. — Первый недоволен за постройку яхты. Четверых матросов отправил он на вокзал с целью носить багаж. Попал в число их и я. К счастию, багаж уложили в омнибус железнодорожные носчики. Потом двоих отправил курьерским бегом на извозчике на яхту с передачей приказания приготовить чай. Двое нас отправилось в омнибусе с багажом. Приехали на пароход. Один был послан на розыски ожидавшего где то по близости парохода нашего вельбота с шестью гребцами. Искали, бегали и не нашли. Господину Зеленому пришлось в сопровождении Осипова, англичанина-механика и секретаря Кузн[ецо]ва отправиться на берег, откуда недалеко до яхты и [их могла] перевести наша маленькая шлюпка. А от парохода пассажирского до этого берега тоже нужно пройти только чрез склад и дорогу между складами. Видите ли, Осипову нужно было его с триумфом встретить и представить на яхту.

Я ошибся, написав Вам, что мой петербургский товарищ просит Гегеля. Нет, он Чернышевского сочинения желают иметь и некоторые капитальные сочинения немецких писателей, которых, конечно, если нет в России. Это Гегеля, Бебеля, Ланге[3]) и др. известных Вам лучше, чем мне. Ах, ради бога, помогите мне, дорогой господин Аксельрод, получить от Вас книги и подробный ответ... Раз я получу, тогда уже всецело на мне одном будет лежать обязанность обеспечить себе безопасность и спокойствие. Тогда я уж буду стараться лишь о том, чтобы команда окружающая смотрела сквозь пальцы, и чтобы Осипов не знал. Но лишь

бы получить, а там будет видно. Ведь невыносимо, что до сих пор ничего не имею. Между прочим, мой приятель в денежном письме сообщает следующее: «Неумело протестуют и недовольные из учащейся молодежи, 8 января слушательницы Рождественских курсов женских, фельдшерских были оскорблены директором курсов, доктором Бертенсоном, который выгнал из анатомической аудитории одну из слушательниц за то, что она в не лекционное время читала в аудитории газету, чем, по мнению Бертенсона, оскорбила храм науки. Такое грубое обращение со стороны 30 подруг потерпевшей вызвало протест сначала в форме требования извинения от Бертенсона. А когда этот господин обругал их снова, то они подали прошения к увольнению. Учащаяся молодежь (разумею известную долю) относится к этому поступку, в общем, сочувственно, хотя и не одинаково. Может быть, я когда нибудь вернусь к этому предмету, тогда же, вероятно, расскажу о кулачной расправе одного моего товарища (в Медико-Хирургической Академии на втором курсе) с служителем-солдатом и об отношении курса к такому действию, а также взгляд некоторых товарищей на холеру. Все, батенька, знамения времени».

Сегодня коротенькое письмо от того же приятеля опять получил. Здесь он называет все книги, какие от Вас я имел и половину прочитал, советуя прочитать не менее двух раз. Я и сам знаю, что нужно и как нужно читать, да как их получить так, чтобы другие не видели и не поняли, что за книги у меня есть. В команде решительно не знаю ни одного суб'екта, который бы был в состоянии читать что-нибудь подобное; иначе вдвоем было бы легко прятаться и скрываться. Да впрочем, я надеюсь избежать благополучно всех подводных камней. Эльсниц, Эльсниц! Опомнитесь! Пусть он вспомнит свою молодость, когда еще не был так привержен к благам для себя только, когда он мечтал о благе народа — страдальца работника.

Во Владимирской губернии есть село Орехово-Зуево, где много фабрик. Там, по слухам (сообщ[ает] приятель мой), существует организация, но какая, пока он не знает. Я прихожу к надежде, что у нас не сегодня-завтра образуется великий союз рабочих со всех концов необ'ятной России.

Еслибы можно было выслать на кого-нибудь в Ницце, то я и из Канна мог бы приехать, если бы не застали присланные книги меня в Ницце. Старый наш боцман, я писал Вам, уволился в Севастополе. Изленившись на яхте, он не пошел плавать на коммерческие суда, а унизился и письменно просил Осипова принять его вновь. Осипов принял его (имея в виду тем уязвить и помощников и матросов), а до его приезда часто и помощникам (они в Неаполе просили Кузн[ецо]ва уволить их от службы, находя невозможным служить с таким негодяем) и некоторым матросом говорил неоднократно: «Вы все такие, как Костюк: уволитесь, а потом снова кланяетесь и проситесь служить». Между прочим, это раз он говорил помощникам во время обеда, и один из последних заметил, что они не были на военной службе (Костюк — военный), и потому не могут быть никоим образом Костюками. Костюк явился и получил презрение большинства, но не унывая, сейчас же начал собирать возле себя партию мелких людишек, имеющих

стать оборонительной армией, а также занять вакантные места шпионов, сплетников, доносчиков и т. п. представителей, дабы знать все, что говорится о Костюке. Этот идиот желает силой заставить себя любить и уважать. Первый раз вижу такого ничтожного, но в тоже время неутомимого агитатора в пользу своего представительства. Теперь снова смутится весь монастырь и подерется вся братия между собой. Я стараюсь закупорить себя в раковину и не видеть окружающего.

Нет, я не могу получить ничего от Вас, любезный господин Аксельрод, прямо на яхту. По утрам я никогда не кланяюсь Осипову. При первой возможности, Осипов выставит свои рога и направит в меня. С Осиповым мы далеко не сходимся и оба питаем непримиримую вражду. Говорят, он в мае уходит. Если пойдем в Гренок, то там можно будет получить для России книги, сколько угодно, да и Осипов, может быть, не пойдет. А пока крайне бы хотелось получить для себя и для друга. Дальше у меня, кажется, уже терпения не хватит. Ей богу, нет сил больше ждать. Время, время идет, а я ничего не читаю. Будьте же здоровы, дорогой господин Аксельрод.

От Арсения Сицкого, Вечер 10 ч. суббота.

1. Адрес редакции марсельской социалистической газеты. Ср. письмо Сицкого 7.
2. См. письмо 14.
3. Фридрих Ланге (1828-1875 г.) — немецкий философ и экономист, близкий к социалистическому направлению, автор книг «История материализма» и «Рабочий вопрос в настоящем и будущем».

17. А. Сицкий — П. Б. Аксельроду

[Ницца. 3 апреля 1893 г.]

Дорогой многоуважаемый господин Аксельрод!

Как Ваше здоровье, поправилась ли у Вас рука? Владеете ли ей?[1]). Вчера мы возвратились из Алжира с герцогом Мекл[енбург]-Швер[инс]ким и его свитой. Измучил нас командир за это время. По приходе в Алжир день и ночь четыре человека должны были стоять через каждые полчаса у трапа для встречи Мекл[енбург]-Швер[инско]го или В[еликого] К[нязя] Александра с адмиралом Казнаковым и пр. и пр. чинов и орденов русско-французских. Работать тем не менее заставлял с утра и до темной ночи. В Алжире мы застали «Димитрия Донского», полуброненосец русский, куда и перебрался со своим (княжеским) холуем отрасль Романова. В этот же день и начались визиты герцога на «Донской», а оттуда приехавшего на другой день Казнакова — обратно. Стояла из 22 судов французская эскадра. Пальба продолжалась почти безостановочно целую неделю.

Алекс[андр] Мих[айлови]ч выдал награду команде деньгами, а помощникам и механикам запонки ценные. Из-за награды между командой и администрацией

(исключая командира, последний не знал) произошла целая баталия. Отправляясь менять наградные деньги, старший помощник показал некоторым список распределения количества франков каждому из команды. Чиновные, т. е. боцмана и машинисты, имели получить и получили вдвое-втрое больше, чем матрос (матрос рядовой (?) получил 10 фр.). Кочегары — простые получили по 20 фр. Против последнего то распределения и поднялись рядовые матросы. Спросили второго помощника, а тот об'яснил, что это так распределил В[еликий] К[нязь], но будто бы заметил, что, если что неправильно, по усмотрению ст[аршего] помощника, а последний несколькими часами раньше об'явил нек[оторым] матросам, что в этой неправильности виноват исключительно командир. Командъ-матросы, видя их противоречивые об'яснения, решилась отказаться от награды. На другой день старший помощник явился в кубрик раздавать наградные деньги. Матросы отказались. Кочегары получили по 20 фр. Ст[арший] пом[ощни]к выскакивает, подходит к механику ст[арше]му около машины и бледный, встревоженный заявляет: «Вот видите, N. N., я вам говорил!» Механик, в свою очередь, побледнел, побежал к кубрику и тут стоявшим некоторым матросам клянется крестом без шапки: «Клянусь, вот вам крест, я бы этих негодяев (крепкие площадные фразы затем (?!!)) всех разбил и зубы повыбивал! Это все либералы и пр. и пр.» Второй помощник всех больше распетушился и по палубе всем протостантам об'яснял, что только одному ст[аршему] помощнику сделаете зло и никому больше. Потом говорил, что это Кн[язь] так распределил. Во время обеда в кубрике он снова просил прекратить эту стачку. В кубрике его подняли на смех и чуть не затюкали. После обеда ст[арший] помощник является в кубрик, сзывает всю команду и начинает раздавать по 20 фр., а мне и еще одному матросу по 30 фр. Мы отказались взять его добавочные собственные деньги, но он не унялся, оставил деньги на столе, заплакал и побежал в свою каюту изливать в слезах свое горе. Мы взяли по 10 фр., остальные возвратили. Затем мы поняли, что ст[арший] пом[ощник] свалил раньше вину неравномерной награды на командира просто из личной ненависти к последнему, желая тем еще «больше» восстановить команду против командира, между прочим, совсем не предполагая, что матросы могут восстать открыто, и тогда выяснится его наглая преступная ложь. С другой стороны, ст[арший] пом[ощник] тоже оказался виновным, так как не отстоял своих матросов, не распределил поровну, а оставил по данному ему списку без изменения в силу своей бесхарактерности и давления ст[аршего] механика, уговорившего ст[аршего] пом[ощника] кочегарам выдать больше, как и было назначено В[еликим] Кн[язем] (или вернее, сопровождавшим Его Выс[очество] командиром — военным капитаном из корпуса флотских штурманов его же яхты «Тамара», Якубовским).

В этой баталии я энергично поддерживал протестантов, между которыми есть несколько военных, знающих порядки распределения (царских) наград. Кочегары в кубрике служили репортерами и все слышанное немедленно передавали ст[аршему] механику. Понятно, что я больше всех говорил, и потому меня признали главным виновником и якобы (?!!) желающим больше получить. Словом,

меня выставили предводителем бунтовщиков. Я отнесся к подобному решению наших помощников и ст[аршего] механика с полным презрением. Теперь я с ними во враждебных отношениях.

Представьте себе мое положение, дорогой господин Аксельрод: уже сегодня командир об'являет, что в четверг уходим (а куда, неизвестно!). Слухи настойчиво носятся, что пойдем после пасхи нашей (или, вернее, на пасхе же) в Гренок, в Шотландию на ремонт. А до ухода в Англию пройдем, говорят, по испанским портам. Всем и во всем крутит адмирал — г-жа Б. Вчера Кузнецов отправился к обедне, а оттуда к Швеpинскому завтракать со своим доктором, командиром и секретарем. Катер ожидал их у пристани. Вдруг наши видят г-жу Б. со своим подпаском-мужем. Спросили, где Кузнецов, и пошли ожидать в ближайшем ресторане. Кузнецов подпрыгнул, когда ему матрос сообщил, что его ожидает эта особа, приехавшая так неожиданно из Ниццы. Приехали все на яхту. В честь благополучного приезда герцога (командир распорядился) иллюминовались флагами. Явился наш адмирал, и звезды померкли, и луна не дала своего света. Сейчас же флаги опустили и отправились в Ниццу, между тем, как раньше располагали пробыть страстную неделю и первые дни пасхи в Канне. Вот как адмирал здесь поворачивается.

Бог мой! Да что же это такое?!! Я не прочитал ни одной строчки из Ваших произведений за все время плавания в этом году?! О, умоляю Вас, дорогой господин Аксельрод, помогите и научите меня, как получить от Вас Ваши капитальные произведения. Друг мой из Петербурга тоже неотступно просит Вас доставить ему чрез меня все ценное и капитальное, хотя бы и на немецком языке, также просит продолжение и Ваших собственных серьезных работ. Я теперь понемногу изучаю французский язык. Но время, время то уходит, дорогой господин Аксельрод! Ведь целый год уже прошел, я ничего не читал из Ваших произведений. Поверьте, многоуважаемый господин Аксельрод, я не могу в настоящее время при данных условиях, в каких мы живем, рискнуть получить от Вас даже письмо прямо на мой адрес. Я теперь слишком дорожу надеждами на мою близкую деятельность в будущем на пользу угнетенных и страдальцев русских, чтобы так рисковать, очертя голову. Где нет серьезных и больших результатов, там риск — несомненная глупость. Но имей я возможность получить от Вас окольным путем, я нашел бы уголок на яхте, где мог бы читать в свободные часы спокойно и почти безбоязненно.

Но где же найти окольный путь? Ни одного знакомого, кому можно бы довериться, кому довериться? Не первому же встречному подставить свою голову. А вдруг шпион, сплетник, болтушка или просто негодяй окажется случайный мой адресат, — и погубит меня? Получил я книги, тогда уже все зависело бы от меня одного, от моей осторожности, умения ладить с окружающими. Словом, здесь только читать (а не получать) урывками есть возможность. Хотя одну бы книжку проштудировал. Простите, я никогда не прощу г-ну Эльсницу! Нет, не забуду! Что бы ему стоило помочь мне в такой безысходной моей нужде? Одна теперь надежда: если пойдем в Гренок, будем там жить в Селерсгоме и тогда,

может быть, найду я возможность получить от Вас все, что Вы согласитесь прислать. А теперь, со дня на день, ожидай, что уйдем куда нибудь и нечего думать что нибудь получить от Вас.

Сегодня герцог Мекл[енбург]-Швер[инс]кий приезжал на яхту и просил от имени своей жены, чтобы Кузнецов пасху простоял в Канне с тем, чтобы некоторые способные из нас (в том числе я) могли ходить в церковь петь. Вероятно, завтра или после завтра перейдем в Канн. К чести герцога нужно сказать: он очень симпатичный с виду человѣк, не любит, чтобы ему оказывали почести, рано встает и зорко, в бытность свою на яхте, присматривался к нашим порядкам и работам. Русские похуже будут. В[еликий] Кн[язь] Алекс[анд]р Мих[айлови]ч страшно горд, скуп и, судя по физиономии, выглядит совершенным дураком. Он от своих родственниц везет в Америку какие то изделия на выставку. Очевидно, благородные, царской крови дамочки хотят за чужие руки получить себе на выставке награду.

Сегодня получил от моего друга [2]) письмо и делаю из него выписки буквально. Он пишет:

«Извести меня немедленно, как только увидишь успех моей просьбы относительно «серьезного и капитального». Безделушки никогда не помогут разобраться в сложных современных явлениях. Надо понять жизнь, а для этого необходимо серьезно учиться. Газетные фельетоны и непосредственные впечатления не ахти как просветляют мозги. К сожалению, этого никак не могут понять некоторые из молодых прогрессистов. 19 февраля — исторический день, я присутствовал на одном собрании, состоявшем исключительно из наших студентов. В разговорах коснулись и нашей студенческой жизни. При этом высказано было сожаление о том, что в настоящее время консервативная часть взяла верх над прогрессивной. Некоторые в утешение себя выразили надежду, что предстоящая поездка в деревню радикально изменит многих и именно в хорошую сторону. Нервный человечек (это мой друг, что пишет мне) таких иллюзий не разделяет и вступил в горячий спор. Он начал с заявления о темных сторонах академической жизни, а затем критически отнесся к мнящим себя прогрессистами. Прогрессисты, по его мнению, представляют крайне хаотическую массу. Лучшими чертами большинства из них это готовность дать копейку на какое нибудь доброе дело и соглашаться с доводами умного человека. Мыслить самостоятельно они не могут. Направление их нередко определяется последней прочитанной книгой. Они не выработали критического отношения к людям и ко всему окружающему. В доказательство этого нервный человек ссылался не только на свой личный опыт, но и указал на безалаберность чтения, о которой можно заключать на основании некоторых об'ективных данных. Оказывается, что большинство из прогрессистов читает, что попадет под руку, системы нет никакой. Серьезные книги по общественным вопросам читаются очень редко. Если, продолжал знакомый (мой), мы теперь стараемся выработать миросозерцание, не хотим уяснить себе текущую жизнь, то из нас едва ли выработаются хорошие общественные деятели. Деревня и вообще провинция не спасет, а, напротив, погубит нас.

Нужно теперь же запасаться силами, чтобы не погрязнуть в мелочах провинциальной интеллигенции. Трудно предполагать, чтобы мы, начиная самостоятельную жизнь, более сочувствовали слабому, чем своему же брату чиновнику. Даже и в первом, мало вероятном случае, угнетенный не может рассчитывать получить от нас пользы. Чувство не подскажет и путей, которые бы вывели из настоящего положения. Самое большее — мы будем возмущаться поступками других и умывать собственные руки. Может быть, одному подадим кусок хлеба, другого вылечим бесплатно, вот и все, на что подвинет нас деревня. Но этого для нее слишком мало. Нужно дать массе больше того, чем снабжают ее сердобольные дамы и служащие в разных филантропических учреждениях. Эти рассуждения некоторым казались неосновательными. Приводили в опровержение людей очень развитых, но заботящихся не [смотря] на свое широкое образование, только о себе и о своей семье. Поэтому, говорили они, нужен особенный импульс, который бы побуждал человека на служение ближнему. Роль этого импульса, по их мнению, и играют впечатления крайней нищеты, невежества, порабощения и т. д. Всякий студент, побывав в деревне, должен вернуться оттуда защитником народа. Все такие разглагольствования кажутся, в свою очередь, твоему знакомому смесью сантиментализма с мистицизмом. Напрасно доказывал он о необходимости подниматься выше непосредственных впечатлений; напрасно ссылался на такое бедствие, как голод, о котором теперь уже все забыли, хотя он в 14 губ[ерниях] свирепствует; напрасно горячился он, доказывая, что мало видеть несчастия человека, надо стремиться освободить от них, а это требует понимания современных условий. Противники стояли на своем. Я всецело присоединяюсь к нервному человеку. Чувство изменчиво и непродолжительно. Мало того. Действия, вызванные им, имеют подчас какой то фатальный, роковой характер. Поэтому, такая деятельность, не освещенная разумом, не очистившись критикой, сплошь и рядом приносит исключительно плохие плоды. Нечего, вероятно, доказывать тебе странность предположения, что молодежь, после того, как увидит вплотную мужика, проникнется к нему любовью и уважением. Тут, очевидно, допускается врожденная симпатия к крестьянину, или же рука Провидения. До сих пор, однако, было наоборот. Дети наших помещиков с самого дня рождения находятся в деревне и по теории «непосредственности» должны быть бойцами за наш народ. Факты, к сожалению, красноречиво опровергают такое заблуждение. Да оно и понятно. Всякому, даже не обучавшемуся в семинарии, известно, что своя рубашка ближе к телу. Полотняная же рубашка помещика и его деток получается из холстяных рубах крестьян. Что является плюсом на одной стороне, то на другой будет минусом. Ну кто добровольно пойдет в петлю и откажется от привольного житья в пользу своих противников? Чудаков таких в жизни мало. Нужны ли тебе доказательства наивности моих товарищей? Не забудь, что это лучшие «представители»... Причем, от брошюр необходимо перейти к капитальным трудам, напр[имер] к тем, которые я так желаю приобресть. Справься у знакомых, нет ли чего-нибудь еще хорошего. Твоим знакомым собрал еще 4 рубля, вышлю после»...

Вот и все, что может интересовать Вас, многоуважаемый господин Аксельрод. Нет, я просто с ума схожу при мысли, что вдруг почему либо мне так и не удастся получить от Вас ничего ни для себя, ни для моего друга [3]).

1. В период, к которому относится вторая группа писем Сицкого (12-17), П. Аксельрод мало писал ему, отчасти вследствие болезни, а отчасти потому, что опасался частыми письмами подвести матроса.

2. Н. Разумов.

3. На этом переписка А. Сицкого с П. Аксельродом оборвалась. Вскоре после отправки этого письма Сицкий должен был оставить яхту, — капитан нашел, наконец, повод избавиться от беспокойного матроса. На берегу Сицкий очутился без всяких средств. Из Ниццы он отправился пешком в Цюрих, где надеялся получить от П. Аксельрода ответ на накопившиеся вопросы, а также найти любимые книги. П. Аксельрод так описывал нам приход к нему Сицкого: «Пришел он ко мне совершенно неожиданно, в конце апреля или в начале мая. Он был среднего роста, хрупкого сложения, и по виду в нем трудно было бы признать матроса. Лицо у него было славное, симпатичное. Он рассказал мне, что рассорился на яхте с начальством, уволился и решил вернуться в Россию, при чем хотел бы отвезти в Россию наши книги. Я просил его остаться некоторое время в Цюрихе, он охотно принял приглашение и поселился в комнате, которую я нашел для него недалеко от дома, где я жил. Пробыл Арсений Сицкий в Цюрихе недели три-четыре. С утра он приходил ко мне и оставался до поздней ночи, почти не отрываясь от книг. Читал он со страстью, запоем, глотая книгу за книгой. И, пожалуй, чтение его увлекало больше, чем устная беседа. Порой он спрашивал меня по поводу трудных мест, попадавшихся в книгах, но это не очень часто. Затем он уехал в Россию, взяв с собой небольшой запас наших изданий. Помнится, я дал ему адреса для перевоза книг через румынскую границу. Помнится еще, позже я получил известие, что ему удалось благополучно вернуться в Россию и перевезти книги. Больше я не имел от него никаких вестей».

Но от той деятельности, которая представлялась ему целью жизни, А. Сицкий не отказался. В «Обзорах важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи», имеется следующее упоминание о нем:

«...В январе 1895 г. были получены сведения, что в г. Одессе, в артели рабочих по Базарной улице, в доме Белова, происходят тайные собрания... Учрежденным по этим указаниям наблюдением были установлены частые конспиративные свидания в Дюковском саду дворянина Бориса Окольского с прапорщиком запаса Петром Григорьевым, матросом Арсением Сицким и бывшим студентом Лесного Института Антоном Борейшей»... 12 июня были произведены обыски, при чем у Окольского «обнаружено большое число преступных изданий, между которыми оказались рукописные программы: «партии народной воли» и южно-русского союза рабочих», у рабочих Захара Курских — запрещенная брошюра и у Павла Меркулова — рукописная тетрадь, озаглавленная «Речь рабочего, сказанная на тайном собрании в Одессе 1 мая 1895 г. — 19 апреля», а у Арсения Сицкого, в голландской печке, обнаружены остатки от сожженных нескольких десятков нелегальных брошюр»... Дознанием по этому делу были добыты указания на доставление нелегальной литературы из-за границы сыном личного почетного гражданина Исидором Бруном и названным выше Сицким, передавшим таковые Окольскому».

(«XIX и XX обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям, за 1895 и 1896 гг. Стр. 44, 45, 49 и 364.)

Относительно дальнейшей судьбы А. Сицкого нам не удалось найти никаких указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ЗАДАЧАХ ЕВРЕЙСКО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Печатаемая ниже статья «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции» была задумана П. Аксельродом в начале 1882 г. под впечатлением прокатившихся по югу России еврейских погромов и тех откликов, которые были вызваны этими погромами в еврейской радикальной среде.

Погромы начались вскоре после дела 1-го марта и не без внутренней связи с этим делом (см. приведенные выше в примечании 7-ом к 3-му письму П. Лаврова выдержки из «письма крестьянина», помещенного в «Отечественных Записках»). В апреле 1881 г. еврейские погромы имели место в Елисаветграде, Голте, Знаменке, Киеве, Кишиневе и др. местах; в мае — в Николаеве, Одессе, Смеле, и др.; в июне — в Нежине, Лубнах; в ноябре — в Одессе (вторично); в декабре — в Варшаве. Всего за время от 15 апреля до конца 1881 г. было отмечено свыше 200 погромов (см. «Матерьялы для истории антиеврейских погромов в России», т. II, Госиздат, 1923 г.). В 1882 г. погромы произошли в Балте, Дубоссарах, Летичеве, Межибужье, Березновятке, Пирятине и др. городах и местечках.

Для революционных кругов русского общества это широкое и бурное движение явилось совершенной неожиданностью, и они не сразу определили свое отношение к нему. Вначале значительная часть революционеров склонялась к положительному, сочувственному отношению к погромам. Это отношение не имело, впрочем, ничего общего с антисемитизмом: большинством революционеров погромы воспринимались не как проявление национальной вражды, не как насилие над людьми определенной национальности, а как широкое народное социальное движение, как выступление массы бедняков против угнетателей-эксплуататоров, за которым должны последовать другие выступления, разрастающиеся в социальную революцию. Действия полиции и властей против погромщиков рассматривались, как произвол и насилие. «Жертвами погромов» представлялись не подвергшиеся погрому евреи, а погромщики, пострадавшие при вмешательстве полиции или воинской силы. Эта точка зрения, вытекавшая из сохранившихся еще в то время в русской революционной среде остатков бакунистских взглядов, в первое время об'единяла народников-евреев с народниками других национальностей. Она определяет поражающий современного читателя тон сообщений об еврейских погромах в революционной печати начала 80-ых годов. Из революционных органов того времени решительно против погромов выступило лишь «Зерно» (чернопередельческая газета для рабочих), писавшее: «Между евреями не все богаты, не все кулаки... За что разорены бедные лачуги ремесленников-евреев?... Отбросьте вражду к иноплеменникам и иноверцам. Помните, что все трудящиеся, какой бы религии и нации они ни были, должны соединиться, чтобы действовать против общего врага».

Да еще южно-русский рабочий союз в Киеве (П. Орлов, Н. Щедрин, Е. Ковальская-Солнцева и др.) в самом начале погромов выпустил такую прокламацию:

> «Братья рабочие. Бьете вы жидов, да не разбираючи. Не за то надо бить жида, что он жид и по своему Богу молится, — Бог ведь один для всех, — а за то его надо бить, что он грабит народ, что он кровь сосет из рабочего человека. Судя по совести, иной наш купец или фабрикант хуже жида грабит и разоряет

рабочего, высасывает из него последние соки и сколачивает себе капитал, да растит свое брюхо толстое. Так неужели же такого кровопийцу оставлять в покое, а жида иного, который, может, не легче нашего добывает насущный хлеб тяжким трудом, ремеслом каким или черной работой — ужли его и грабить?.. Если уж бить, так бить заурял всякого кулака грабителя... бить всякое начальство, что грабителей наших защищает, что стреляет в народ за какого-нибудь подлого миллионщика Бродского и убивает невинных...» (Матерьялы», стр. 225).

Но это был единичный голос своеобразно настроенного чернопередельческого кружка, связанного с рабочими. В руководящих органах (в газете «Народная Воля», в «Листке Народной Воли» и даже в «Черном Переделе») преобладала иная точка зрения на погромы. В приложении к «Листку Народной Воли» № 1 была даже помещена статья «По поводу еврейских беспорядков», в которой высказывалась мысль, что существует «какой то печальный фатум, которого, повидимому, не избежишь», и в силу которого революции начинаются с избиения евреев. Исполнительный Комитет «Народной Воли» выпустил 30 августа 1881 г. обращение («Об'яснение») к украинскому народу, прямо оправдывавшее и восхвалявшее погромы. Я. Стефанович отмечает, что эта прокламация была написана Р-о (Гер. Романенко-Тарновским, позже ставшим черносотенцем и сподвижником кишиневского Крушевана) и что горячим сторонником выраженной в ней точки зрения был Л. Тихомиров («Дневник карийца», стр. 59).

Правда, эта прокламация вызвала сильное неудовольствие со стороны части народовольцев, и были даже случаи отказа от распространения ее. Но в № 6 «Народной Воли» (октябрь 1881 г.) мы находим ссылку на прокламацию 30 августа 1881 г., как на официальное выражение взгляда Исполнительного Комитета на еврейские погромы, и здесь же читаем: «Относиться не только отрицательно, но даже индифферентно к чисто народному движению мы не в праве», при чем под «чисто-народным движением» автор понимает погромы. И еще осенью 1882 г. Л. Тихомиров продолжал отстаивать выраженную в «Об'яснении» точку зрения против нападок Г. Плеханова, В. Засулич, Н. Жуковского и Эльсница (см. статью Г. Плеханова «Неудачная история партии Народной Воли» в «Современном Мире», 1912 г., № 5).

Характерно, что и само правительство в первое время не знало, как относиться к погромам, считать ли их за проявление бунтарского духа, или, наоборот, за выражение анти-революционных, охранительных настроений в народных массах. Этим определялись резкие колебания правительственной политики. 9 августа 1881 г. гр. Кутайсов, производивший расследование по поводу еврейских погромов на юге России, писал гр. Н. П. Игнатьеву: «Анти-еврейское движение проявилось вследствие различных экономических причин, и если оно, с одной стороны, показало, что народ русский вполне предан царю, то, с другой стороны, оно выяснило, до какой степени легко самыми нелепыми рассказами вызвать народное движение. Социально-революционная партия, по счастью, не сумела и не успела вмешаться в анти-еврейское движение, но если допустить ее существование, то нельзя не предположить, что, увидав на деле, до какой степени легко поднять народные массы, и насколько администрация и войска неопытны в предупреждении и пресечении беспорядков, партия эта может воспользоваться существующею ненавистью к евреям и снова произвести народное волнение» («Матерьялы», стр. 385).

Лишь с осени 1881 г. по учреждении «комиссий по еврейскому вопросу» началось систематическое использование реакцией антисемитизма и погромов. Но и после этого органы прогрессивной печати, касаясь вопроса о погромах, старались сохранить видимость нейтралитета между погромщиками и громимыми евреями, — см. статью —ова (повидимому, Южакова) в мартовской книжке «От Зап.» за 1883 г.

Между тем, в еврейском обществе, в особенности, среди еврейской интеллигентной, радикально настроенной молодежи, погромы и отношение к погромам русских кругов вызвали небывалое обострение национального чувства. Возникло движение в пользу выселения евреев в Палестину или в Америку.

В такой обстановке П. Аксельрод пытался наметить задачи еврейско-социалистической интеллигенции в борьбе с погромами, с породившими их причинами и с вызванными ими последствиями. Но мысль о литературной обработке еврейского вопроса с социалистической точки зрения не встретила сочувствия в революционно-эмигрантской среде. Из 3-го письма П. Лаврова (от 14 апреля 1882 г.) видно, какие возражения выдвигались против такого литературного выступления.

Мысль П. Аксельрода встретила возражения и в наиболее близкой ему среде бывших чернопередельцев. «Нам всем очень больно, что ты остаешься при своем решении на счет еврейской брошюры» писал ему Л. Дейч 26 мая 1882 г. (см. также приписку Л. Дейча к 3-ему письму П. Лаврова).

Хотя чернопередельческая группа все же согласилась отпечатать брошюру П. Аксельрода в своей типографии (на «финансовых» основаниях), но, в конце концов, П. Аксельрод от издания брошюры отказался, и даже рукопись ее осталась у него незаконченной (и без заглавия). Повидимому, сопротивление, которое встретили взгляды автора в окружавшей его среде, оказалось слишком сильным.

Помещаем здесь эту незаконченную работу, как исторически ценный документ, освещающий взгляды автора в переходный период от бакунизма к марксизму.

I

Прежде чем приступить к главному предмету брошюры, я считаю небесполезным в нескольких словах очертить здесь, как мотивы и ход окончательного оставления евреями-социалистами всяких забот об еврейской массе, так и теперешнее нравственное настроение значительной части еврейско-социалистической молодежи.

Вероятно, многие из русских социалистов-евреев носились до выступления на путь революционной деятельности [с] мечтами о посвящении своих сил делу социального и интеллектуального возрождения еврейского народа. Но, как известно, почти все они или, по крайней мере, все те, кто развился на русской литературе, бросили свои помышления относительно еврейской массы при первом проникновении в их ум ослепительного света социалистических идей. Я еще теперь помню, как, прочитав книгу Лассаля, я почувствовал как бы стыд за свое увлечение интересами еврейского народа[1]). Какое значение, казалось мне, могут иметь интересы горсти евреев по сравнению с всемирными интересами, охватываемыми социализмом и «идеей рабочего сословия!» Ведь, собственно говоря, вопроса еврейского не существует, а есть только вопрос освобождения рабочих масс всех наций, в том числе и еврейской. Вместе с наступлением торжества социализма и так называемый еврейский вопрос разрешится. Не бессмысленно ли и не грешно ли отдавать свои силы еврейству, которое есть не более, как один из составных элементов обширного населения русской империи! Фактическая же оторванность молодой еврейской интеллигенции от еврейской массы, исключительное посвящение первой, во всем своем составе, общерусским революционным кружкам и организациям, не имевшим и не могшим тогда иметь в виду еврейскую среду, последовавшие затем преследования лучших представителей этих революционных групп, ряд героев-мучеников, выдвинутых революционным движением, — все это не только упрочило моральную и умственную связь еврейских социалистических элементов с прочими социалистическими элементами России, не только окончательно слило первые с последними, но и потушило в нас последние искры участия и интереса к судьбе бедной массы наших соплеменников, столь же

нуждавшейся в помощи интеллигенции, как и прочие низшие классы империи. Мы, наконец, забыли, что значительная часть русских евреев — пролетарии в буквальном смысле слова, и что даже их мелко-буржуазные элементы, хотя и являются относительно крестьянства в роли паразитов-эксплуататоров, в громадном своем большинстве сами чрезвычайно бедствуют и, в свою очередь, до крайности эксплуатируемы средней и крупной буржуазией (всяких наций), с одной стороны, и правительством — с другой.

А между тем, при более реальном отношении к жизненным явлениям, из космополитической идеи социализма совсем не вытекала разумность полного индифферентизма к жизненным условиям и интеллектуальному развитию еврейских масс. Следовало только, вместо более или менее общих гуманитарных идей и идеалов либерального пошиба с национальной окраской, выступить перед еврейской массой с пропагандой классового антагонизма и тесной солидарности интересов рабочих и угнетенных масс без различия национальностей и веры. Оставаясь в самой тесной связи с общерусскими революционными группами, состоя даже в их среде в качестве деятельных членов,— евреи-социалисты, несомненно, могли бы в то-же время образовать социально-революционные кадры в центрах еврейского населения и в таких городах, как Одесса, Харьков и Киев, сблизить их с рабочими кружками христианского населения. Что такие кадры оказали бы очень существенную пользу всей социально-революционной борьбе в России, в этом едва ли можно сомневаться в виду тех единичных фактов, которые известны некоторым революционерам относительно поведения длиннополых евреев, когда им представлялись случаи быть полезными бежавшим из России «политическим преступникам» и т. п.*) Мало того, я ничего невероятного не вижу в том, что десятилетняя систематическая пропаганда среди евреев и тесное сближение еврейских социалистических кружков с чисто русскими рабочими кружками [с]делали бы возможным заметно ослабить односторонний, безобразно-национальный характер «антиеврейских беспорядков», подготовив элементы, которые могли бы, хоть в некоторых случаях, отклонить толпу от нападения на бедняков и направить ее, если не против центров народной эксплуатации вообще, то, по крайней мере, против еврейских богачей.

Как бы то ни было, еврейская масса оставлена была своей социалистической интеллигенцией «естественному течению вещей». Естественное же течение вещей разразилось еврейскими погромами, обрушившимися, главным образом, на беднейшую часть евреев. Отчаянные зрелища повального разорения и насилия над десятками тысяч еврейских семейств, последовавшие затем циничные науськивания со стороны значительной части русской прессы на евреев, как н а ц и ю, — словом, ряд безобразных проявлений чисто средневекового отношения к евреям в России раскрыли наконец еврейско-социалистической интеллигенции глаза на ее

---

*) Попытка Либермана[2]) организовать пропаганду — и то, главным образом, литературную — среди евреев не была поддержана деятельными элементами из еврейских социалистов и потому не привела ни к каким серьезным результатам.

ошибку по отношению к еврейской массе и пробудили в ней интерес и участие к последней.

Приведу здесь некоторые извлечения из частных писем, предоставленных в мое распоряжение, в которых довольно наглядно обрисовывается нравственное настроение значительной части еврейской социалистической молодежи в последнее время.

«Среди белого дня... в Елисаветграде впервые раздался гул, крик бедной городской массы: долой жидов! И начала она грабить без всякого разбора... не было пощады никому — ни бедным, ни женщинам; детей бросали... всюду стон, вздохи, крики... Мы (кружок), как народники, радовались, думали, что это признак русской революции, что сначала она отразилась на евреях, а потом пойдет дальше вглубь и вширь».

Начались затем киевские беспорядки, описание которых нельзя было, по словам автора письма, читать без содрогания. И все-таки «мы были убеждены, что все евреи мошенники..., что наше дело сторона».

«Мы принадлежим русскому народу, на его поте воспитались, на его литературе поумнели... Мы, интеллигенция, братья русскому народу... Русское общество, русская интеллигенция с нами за одно». «Как это смешно, ребячески наивно!» с горечью замечает по поводу этих слов автор письма.

В это время в Питере среди еврейского студенчества уже началась агитация в пользу «хождения в народ» еврейский. Но в ответ на этот призыв из Питера, сопровождавшийся программой деятельности, провинциальный кружок, к которому принадлежит автор письма, ответил с негодованием: «Еврейского вопроса нет; существует один только общерусский вопрос. Раз мы решим этот общерусский вопрос, все детальные вопросы сами собою решатся. Русское общество за нас». Общерусский же вопрос, это — перемены политические, экономические реформы, распространение просвещения... Достижение их поведет к тому, что русский, еврей, поляк, татарин и цыган — все это единое...

«Но вот студенты начали подавать прошения, записки, что евреи везде гадят, что они забирают в свои руки все: кафедры, лаборатории, просвещение; профессора резали евреев на экзаменах». И все-таки, утешаясь мыслью, что это делают подонки русского общества, «что все хорошее за нас... каждый из нас продолжал спокойно заниматься своими делами».

А вот что пишут в другом письме. «Кровь застывает в жилах, глядя на этих несчастных униженных и оскорбленных, это какие-то едва движущиеся фигуры с мертвено-бледными лицами, которые ожидают чего то, сами не зная чего. Во всех слоях общества, начиная с образованнейшей интеллигенции и кончая невежественным мужиком, замечаются какие-то дикие отношения к несчастным сынам Израиля. Все это вызвало сильное движение как в массе еврейской, так и в учащейся еврейской молодежи. Первая уезжает группами в Америку, а вторые образовывают кр[ужки] для выработки программы, что делать, куда двинуться. Образовываются также комитеты для вспомоществования бедным эмигрантам. Многие студенты, не будучи в состоянии перенести такого унижения, когда на

тебя смотрят, как на собаку, нет, хуже — как на ненужное животное, уезжают отсюда, бросая учебные заведения. Я читал письма В. и Б. и других из Питера. Волоса дыбом становятся, когда читаешь такие письма. Б. думает оставить институт; Майд. тоже думает оставить инст[итут] и поступить в Петровско-Разумовскую академию, чтобы сделаться хорошим земледельцем и потом уехать из России туда, куда все поедут, так многие думают делать». Будет ли что-нибудь нужное изо всего этого движения, трудно предсказать. Пока ты об'ят каким то сердце щемящим ужасом, чувствуешь какую то душевную боль, страшный нравственный гнет...» «Теперь же, когда все еврейство волнуется, когда всякий еврей, чувствующий в себе человеческое достоинство, считает невозможным оставаться здесь, где это достоинство доведено до минимума, где на тебя смотрят, как на выродка человеческого рода, и где, наконец, часто подвергаешься опасности».

Такого же рода известия приходят из разных мест южной России. Во всех них проглядывает тягостное настроение всей еврейской интеллигенции, считавшей, по крайней мере, себя вполне слившейся с русским обществом[3]). Но больше всего, повидимому, поражены евреи-социалисты. Погромы, а в еще большей степени проявившееся затем «общественное мнение» русских образованных классов, явились для них как бы откровением, смысл которого они решились откровенно формулировать перед собою и другими только постепенно, после тяжелой внутренней борьбы. Сжившись с мыслью, что евреев, как особой нации в действительности нет, что составляя ныне часть русских подданных, а впоследствии русских граждан, евреи считаются, смотря по своим сословным и культурным подразделениям, неразрывной частью соответствующих элементов «коренного» населения, еврейская социалистическая интеллигенция вдруг увидела, что громадное большинство «русского общества» и народа считает евреев именно особою нацией, все элементы которой — длиннополый ли еврей-пролетарий, мелкий буржуа, ростовщик, обрусевший адвокат и готовящийся к каторге или ссылке социалист — все безразлично «жиды», безусловно вредные для России, которая должна избавиться от них во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами.

Но самое страшное разочарование испытала в многих местах учащаяся еврейская молодежь, когда увидела, что и социалистически настроенные элементы в средних и высших учебных заведениях относятся не только сочувственно к крестовому походу против еврейской массы, но и в своих отношениях к товарищам-евреям, в деле распространения революционных изданий и поддержки революционной партии, проявляют такое же грубое юдофобство, как их папеньки и маменьки с Аксаковыми[4]) во главе. Зрелище поистине позорное! В то время, как немецкие рабочие на собраниях и десятками тысяч голосов, поданных ими в пользу социалистических кандидатов-евреев в Рейхстаг, спешат выразить свой протест против правительственно-поповской попытки возбудить население против евреев, заявляя, что они враги всех эксплуататоров без различия веры и нации, в то время, как австрийские рабочие в многотысячных собраниях поднимают такие же энергические протесты против попыток реакции подменить классовый космополити-

ческий антагонизм национальной враждой против «семитов», либеральничающие и радикальствующие русские гимназисты и студенты присоединяются к хору Аксаковых и Разуваевых[5]) под средневековым девизом: истребить жидов!

Таким образом, благодаря «антиеврейским погромам» для еврейско-социалистической интеллигенции выяснилось, что, во-первых, евреи, как нация, занимают в России совершенно исключительное положение и ненавидимы громадным большинством самых разнообразных слоев христианского населения, что, во-вторых, евреи-социалисты, исходя из совершенно верного положения об интернациональном характере социализма и классовой борьбы, сделали, однако, ошибку, упустив из виду реальное положение евреев в России, как нации, противополагаемой остальному населению, что поэтому, в-третьих, в противоположность евреям-социалистам в Германии и т. п., русско-еврейским социалистам никоим образом нельзя было так игнорировать в своей деятельности специально еврейскую массу — на основании космополитических соображений — и именно потому, что масса «коренного» населения еще очень далека не только от космополитических чувств и воззрений, но и от понятий о солидарности низших классов разных национальностей в пределах самой империи. К таким или приблизительно таким выводам пришла значительная часть (а может быть, и громадное большинство) еврейской молодежи.

Вот уже больше года, как «погромы» против евреев почти не прекращаются и с каждым разом усиливаются в размерах и интенсивности. Видя эту продолжительность и распространенность антиеврейских «беспорядков», мы уже a priori [заранее] должны предположить в основании их действие какой-нибудь причины, скрытой в жизненных условиях еврейской массы, с одной стороны, и остального населения, с другой. Как бы ни велика была роль религиозных и национальных предрассудков в проявившихся насилиях над еврейской массой, как бы ни было велико влияние Игнатьева[6]) с его шайкой в организации варварского похода на целую нацию — одними этими факторами трудно, даже просто невозможно об'яснить себе такое продолжительное и распространенное явление, как еврейские погромы. Глубокая ненависть разнообразных классов христианского населения — вплоть до «интеллигенции», — выступившая с цинической откровенностью наружу в период «беспорядков», и самая мотивировка этой ненависти прямо указывают, что основная причина гонений на евреев в России заключается прямо в их столкновении с коренным населением на почве борьбы за материальные интересы. Иначе говоря, ключ к пониманию ненормального отношения к евреям со стороны христианской массы заключается в особенностях их экономической роли в России.

Посмотрим же, не прикрашивая действительности, что представляют собою в России евреи, как экономическая сила.

II

Здесь не место входить в разбор причин, сделавших из евреев то, что они теперь есть. Для нашей цели важно констатировать здесь, что под влиянием более

десятка веков преследований, гонений и систематического устранения от производительного труда, в особенности, от земледелия, евреи сделались по преимуществу посредническим элементом в европейском обществе и поныне сохраняют этот характер в России, Румынии и Австрии. История как бы обрекла их играть роль олицетворения торгашества и ростовщичества — этих неразрывно связанных с буржуазным строем принципов. Я не хочу этим сказать, что вся еврейская масса состоит из торговцев, ростовщиков и т. п. С тех пор, как евреи получили хотя некоторые гражданские права, и не смотря на скученность их в «черте оседлости»[7]), значительная часть их перешла уже к ремесленному труду. Но относительно они, по преимуществу, занимаются посредническими промыслами и потому являются и теперь еще в некоторых странах как бы национальным воплощением буржуазно-паразитствующего элемента — не смотря на то, что большинство этой мнимой буржуазии состоит из полуголодных и полуоборванных пролетариев.

Что касается специально России, то я из личного опыта знаю, какая страшная бедность господствует в громадном большинстве тамошнего еврейского населения[8]). Свое раннее детство я провел в деревне, где родители мои содержали кабак. И я весьма отчетливо помню, в какой вечной нужде, слезах и заботах проводили они жизнь. В годовые праздники шинкари довольно большого района (не помню уж в точности, из скольких волостей) собирались в один центральный пункт, где находилась синагога. Я имел здесь случай видеть 15-20 этих несчастных еврейских «буржуа», и я очень хорошо помню — из их рассказов друг другу о себе и о своих соседях, — что, по крайней мере, $^4/_5$ из них буквально бедствовали. И все же, вся эта голь, все эти бедняки относительно мужика являлись эксплуататорами и сидели тяжелым бременем на его и без них согнутой спине. Кто имел случай наблюдать, хоть в детстве, жизнь еврейской массы, тот знает, какая масса лишений и страданий господствует в ее среде. И тем не менее, весьма значительная часть даже этих полуголодных семейств живет посредническими промыслами — факторством, торговлей (содержат лавочку с товаром на 5-10 рублей, а то просто разносят свой так называемый товар на 50 копеек), шинкарством и т. д. Эта непропорциональность между непроизводительными элементами еврейства и производительными в гораздо большей степени выступает в Малороссии, чем в литовско-белорусских губерниях, где, по крайней мере, в городах, едва ли не значительное большинство евреев занимается физическим трудом, — состоит или из ремесленников-хозяев и их подмастерьев, или просто из чернорабочих. Громадное большинство евр[ейского] населения в этих губерниях составляет об'ект жесточайшей эксплуатации для кулацко-торгового меньшинства из евреев же точно так же, как в Великороссии масса населения составляет об'ект для эксплоатации тамошних высших и средних христианских классов. На юге и юго-западе России, наоборот, заметное большинство евреев, в некоторых местах чуть не $^2/_3$ и больше, занимается всевозможными видами посреднических функций, вплоть до содержательства кабаков и ростовщичества, как в селах, так и в городах. Над массой мелкого еврейского люда, большинство которого по необеспечен-

ности и скудости своих доходов подходит под категорию пролетариев, возвышается немногочисленная группа средних и крупных капиталистов-евреев в роли подрядчиков, крупных землевладельцев или арендаторов, заводчиков, банкиров и т. п., эксплуатирующих, разумеется, безразлично как христианскую, так и еврейскую массу. Очевидно, что, если по отношению к крестьянству и вообще рабочему люду евреи являются одним из наиболее бросающихся ему в глаза элементов эксплуатации его труда, то по отношению к христианско-буржуазному населению они являются очень неприятными конкуррентами, именно в области эксплуатации народного труда. Мещанство и весь мелкий торгово-кулацкий мир «коренного» (а греки и немцы!) населения естественно должен ненавидеть всю массу еврейских содержателей шинков, трактиров, лавок и т. д., точно так же, как средняя и крупная «коренная» буржуазия должна ненавидеть еврейских землевладельцев, заводчиков, банкиров, железнодорожных тузов и т. п. классов, прикрыва[я] грубо-эгоистические мотивы своей ненависти к еврейскому народу en masse [в целом] лицемерными фразами о народном благе и т. п. прекрасных вещах.

Таким образом, отношение евреев в «черте оседлости» к остальному населению может быть резюмировано в следующих словах: в лице капиталистов и представителей профессионально и научно образованной интеллигенции еврейство сталкивается в сфере материальных интересов [с] средней и крупной буржуазией христианского населения; в лице своих мелко-буржуазных элементов евреи являются конкуррентами мещанства, так и для мироедских слоев деревни. Наконец, по отношению к рабочим массам евреи, и в лице своих капиталистов и в лице своей полупролетарской мелкой буржуазии являются одной из наиболее выдающихся категорий эксплуататоров народного труда, эксплуататоров, сталкивающихся повседневно с рабочими массами. Евреи являются, таким образом, в России экономической силой, сталкивающейся на почве борьбы за существование и богатство с самыми разнокалиберными слоями остального населения. И если борьба из-за материальных интересов в рамках буржуазного строя повсюду способна усиливаться в своей интенсивности, когда факторами борьбы являются разноплеменные массы с различной культурой, то весьма естественно, что в стране (как Россия) сравнительно бедной и измученной многовековым рабством и деспотизмом, где, сверх того, еврейская масса резко отличается своим образом жизни от остального населения и при том скучена в одном районе, что в такой стране экономическая борьба против евреев должна была принять особенно грубую форму, преимущественно характер национально-религиозной ненависти. Не та или другая категория евреев заслуживает повального истребления, а вообще все, что кровно связано с еврейством, все «жиды» поголовно, как нация.

Таким образом, высшими и средними классами евреи ненавидимы, как конкурренты в деле всевозможных видов эксплоатации народного труда, народными же массами они ненавидимы, как одна из наиболее близких и осязательных сил, экономически враждебных [им]. Как ни велики бедствия и лишения еврейской массы, как ни близка она даже в лице своих мелкобуржуазных слоев к классу

пролетариев, она, в среднем выводе, чуть не на половину функционирует в роли непроизводительного элемента, сидящего на шее низших классов России. Сталкиваясь, главным образом, с этой непроизводительной частью евреев и терпя от нее, или как от эксплуатирующей силы, или как от конкурента (в мелкой торговле и т. п.), низшие классы естественно видят во всем еврействе олицетворение паразитства и ненавидят его, как целую нацию, как «жидов» вообще. Ненависть народных масс к «жидам», в особенности на юге и юго-западе России, не впервые проявляется в истории. Само собою разумеется, что, при более высоком развитии народных масс, при более широкой политической свободе в России и полной равноправности евреев, негодование первых на свое экономически угнетенное положение не приняло бы столь односторонний характер и не вылилось бы в такую варварскую форму грубых насилий над целой нацией, когда эксплуатирующие слои последней — только необходимый продукт гораздо более общих причин, порождающих повсюду, рядом и помимо евреев, целую массу угнетателей всяких степеней и всякого рода. Но как бы то ни было, при теперешнем состоянии рабочих масс в России и специально бесправном положении евреев, они являются в глазах первых главными виновниками всех страданий народа, от которых во что бы то ни стало следует прежде всего избавиться.

Такое настроение христианской рабочей массы (крестьян и промышленных рабочих), разумеется, как нельзя более на руку и правительству и разным категориям «коренной» буржуазии: правительство надеется таким путем отклонить народное недовольство в сторону крайне второстепенных и частных явлений и дать исход возбуждению масс без всякого ущерба, как оно полагает, для существующего социально-политического режима; буржуазия рада избиению «жидов», рассчитывая таким образом избавиться от неприятных конкурентов в торговле, промышленности, адвокатуре, вплоть до научно-педагогической деятельности на университетских кафедрах и т. п. Словом, в области жидофобии оказались солидарными элементы, самые разнохарактерные, самые противоположные по тенденциям и материальному положению и сочувствующие друг другу только в одном — в истреблении или в изгнании из России «жидовской» нации. Что агенты правительства и разные элементы христианской буржуазии не только прямо поддерживали антиеврейское движение, а во многих местах вызывали и руководили им — в этом едва ли можно сомневаться*). Но, признавая этот факт, не следует, однако, преувеличивать его значение и упускать из виду, что такие обширные движения искусственно не могут быть вызваны, что для их возникновения и распространения необходима благоприятная почва в материальном положении и нравственном настроении народных масс. В Германии, например, юнкерская, партия с попами и правительством во главе, также стремилась вызвать в массах антиеврейское движение, но встретила со стороны рабочих резкий отпор, а в одном из ультрамонтанских центров социалист-еврей получил при выборах в Рейхстаг больше 11 000 голосов. Но в то время, как в Германии рабочий класс,

*) Из Балты сообщают, что там руководили толпой полицмейстер и городской голова.

при высоком уровне классового сознания и политической и гражданской равноправности всех элементов населения, встречается лицом к лицу не только с евреем-эксплуататором, но и с тысячами евреев-рабочих, в своих культурных привычках социально-политических стремлениях вполне слившихся с остальными рабочими, в России — низшие классы христианского населения (особенно, на юге и юго-западе) сталкиваются с евреями, фигурирующими преимущественно или в роли крупных или мелких капиталистов, или в роли мелких кабатчиков, ростовщиков, вплоть до торговцев товарами на 50 копеек — словом, в роли непроизводительных элементов, резко отличающихся при этом, в своем огромном большинстве, по всему своему образу жизни от остального населения страны. Название «еврей» сделалось для массы синонимом паразитизма. Именно на почве этого положения еврейской массы по отношению к христианской народной массе, в связи с политическими условиями России, и могут только правительство и русская буржуазия направлять народное недовольство — до поры до времени — исключительно на еврейский народ.

В состоянии ли русско-еврейские социалисты помочь еврейской массе выйти из этого безвыходного положения? И если да, то в каких пределах и какими путями могут они сделать это? Рассмотрение этих вопросов составит предмет следующей главы.

III

Для социалистов-евреев на первом плане должны стоять, очевидно, интересы низших классов еврейского населения, а отнюдь не вопросы о «национальном возрождении еврейства» или о восстановлении еврейского государства. Исходя из факта классового антагонизма, существующего в среде евреев не в меньшей степени, чем у других народов, социалисты могут в так называемом «еврейском вопросе» принять участие лишь на столько, на сколько он затрагивает непосредственно интересы низших слоев еврейства. Раз последние обеспечены будут от гонений и преследований со стороны христианского населения, для евреев-социалистов совершенно безразлична судьба их соплеменников-капиталистов, составляющих один из элементов буржуазного класса в России. Будут ли они в мире со своими христианскими конкуррентами в деле обирания народа или ненавидимы ими — это для нас совершенно безразлично, как домашний спор имущ[их] классов, — лишь только в глазах рабочих масс бедная часть евреев перестанет считаться ответственной за эксплуататорскую роль богатых.

Что интересы кармана для еврейской буржуазии несравненно дороже интересов «еврейской нации», — это она прекрасно доказала своим поведением в течение всего периода антиеврейских беспорядков. И это вполне естественно, — как проявление классовых инстинктов современной буржуазии. Социалисты-евреи должны, в свою очередь, в «еврейском вопросе» стать на почву классовых интересов, и именно интересов евреев-бедняков. С этой точки зрения, очевидно, самое радикальное решение «еврейского вопроса» состоит, во-первых, в превра-

щении еврейской массы пролетариев в оболочке мелкого буржуа и просто пролетариев из посреднического и непроизводительного элемента в класс представителей разнообразных отраслей физического труда; во-вторых, в возможно полном слиянии этой массы с соответствующими слоями «коренного» населения.

Осуществление этих условий зависит, само собою разумеется, прежде всего, от массы внешних обстоятельств. Но еврейско-социалистическая интеллигенция может до известной степени содействовать возникновению этих благоприятных обстоятельств. Во всяком случае, еврейско-социалистические элементы ни принципиально, ни по своим средствам не могут на другом пути оказать помощи еврейской массе. В деле организации переселения евреев в Америку, которое могло бы иметь серьезное значение только в том случае, если бы охватило по меньшей мере около половины еврейско-русского населения, в организации этого дела социалисты, очевидно, могут оказать очень ничтожную материальную поддержку. Но и в эмиграционном вопросе их участие, по моему, должно обосновываться вышеуказанными условиями, т. е. стремлением превратить массу переселенцев в производительный класс, с одной стороны, и слить ее с туземным населением, с другой. Эти два пункта должны составлять главную цель и руководящую нить деятельности социалистов в еврейской среде.

Всмотримся же теперь поближе в реальные условия, необходимые для осуществления этих пунктов. Прежде всего ясно, что превращение значительного населения в экономически-производительный элемент не может быть совершено в короткий промежуток времени, что для этого, при самых лучших условиях и страстном желании самого населения, потребуется период в 10—15 лет, в течение которого может вырасти новое поколение, более способное к приспособлению к физическому труду. Но для того, чтобы евреи просто могли приступить к процессу самопреобразований в своем быту, абсолютно необходимы два условия: 1) право свободного переселения и жительства по всей России, 2) замена абсолютизма в России свободными политическими учреждениями.

Что касается до слияния евреев с остальным населением, то ясное дело, что при теперешнем уровне развития последнего слияние это ни к чему хорошему в смысле культурном не привело [бы]. В Западной Европе и в Америке слияние это имеет в результате то, что еврейская масса входит в круг высшей культуры — материальной и интеллектуальной. Относительно же массы христ[ианского] населения в России этого отнюдь сказать нельзя: наоборот, можно положительно утверждать, что русские евреи, в среднем выводе, по своим умственным и политическим потребностям, выше массы крестьянства и даже городского мещанства. Стало быть, говоря о слиянии еврейской массы с христианским населением, мы не имеем в виду простое слияние ее с существующими элементами, как они есть. Слияние это будет мыслимо и целесообразно, когда крупные социально-политические реформы откроют некоторый простор для более быстрого политического и интеллект[уального] развития низших классов в России вообще.

Таким образом, мы опять сталкиваемся с вопросом о теперешнем соц[иально]-полит[ическом] строе России. Очевидно, стало быть, что для скорого и более

или менее полного осуществления указанных двух условий необходимо, прежде всего, низвергнуть абсолютистский режим и связанную с ним безурядицу в России. Но если нельзя до тех пор осуществить эти условия, то что же остается делать евреям-социалистам по отношению к еврейской массе? Работать в среде этой массы и в союзе с русскими революционерами на произведение возможно скорее полит[ической] и соц[иальной] перемены и на этой почве подготовлять солидарность, а затем и слияние еврейской массы с туземным населением. Евреи-социалисты должны поэтому употребить все усилия на образование социально-революц[ионных] кадров среди низших классов своих единомышленников и установить, при помощи русских революционеров, тесную связь между этими кадрами и революц[ионными] рабочими группами[9]. Рядом с пропагандой и агитацией в еврейской среде против абсолютизма, социально-революц[ионные] кружки должны выяснять своим соплем[енникам] главные причины антиевр[ейских] беспорядков и тесную связь последних с существующ[ими] соц[иально]-политическими условиями.

Само собою разумеется, что они должны выяснить еврейской массе гораздо большую солидарность ее интересов с интересами низших классов остального населения, чем с богатыми евреями. С другой стороны, христианские рабочие кружки должны начать систематическую агитацию в народе против исключительно антиеврейского характера последних «беспорядков» и совместно с еврейскими кружками подготовить элементы, которые способны были [бы], в случае повторения беспорядков, направить толпу, если не [на] центры эксплуатации вообще, то, по крайней мере, на одни богатые еврейские квартиры и преимущественно на таких богачей, как Бродские, Поляковы, Гинцбурги и т. д.

1. О впечатлении, произведенном на П. Аксельрода речами Лассаля, см. «Пережитое и передуманное», кн. 1-ая, стр. 71-73.

2. Лев Либерман — родоначальник еврейской социалистической агитации, начал революционную пропаганду среди учащихся Вильны в начале 70-х годов; в 1873 г., после провала кружка учащихся, бежал заграницу; в Лондоне вошел в кружок П. Лаврова, работал в «Вперёде», где поместил ряд статей о Белоруссии; в 1877-1878 г. г. издавал в Вене социалистический журнал «Гоэмэс» («Правда»), — первый социалистический орган на древне-еврейском языке.

В 1878 г. был арестован, судился австрийским судем, был оправдан, но передан австрийским правительством в руки германского правительства для суда по обвинению в составлении заговора по делу арестованных в Берлине «русских нигилистов». Берлинский суд приговорил Либермана к тюрьме. После освобождения из тюрьмы он переехал в Лондон, где организовал еврейский социалистический кружок. Позже, переехав в Америку, в 1880 г. покончил с собой.

3. О настроении еврейской интеллигенции этого времени свидетельствует сохранившееся в архиве П. Аксельрода письмо, полученное одним учившимся заграницей студентом-евреем и помеченное «Киев, 18 февраля 1882 г.». Очевидно, это одно из упоминаемых П. Аксельродом «частных писем, предоставленных в его распоряжение», использованное им, как материал для статьи и случайно оставшееся в его бумагах. Приводим полностью это письмо.

Борис Аронович!

«Итак, ты интересуешься знать, каково положение еврейского вопроса теперь, вообще, как относится к этому вопросу еврейская учащаяся молодежь и, наконец, как простой класс смотрит на дело эмиграции. Изволь: что положение евреев

в России теперь хуже, чем скверно, в этом нет никакого сомнения; с одной стороны, вместо тех надежд на равноправие евреев, которые после погромов, казалось, будут осуществлены, выдвинулись целые ряды новых исключительных для евреев законов, которые таким образом еще больше суживают и до того уже узкие рамки, в пределах которых еврей мог барахтаться в борьбе за существование: это одно и, повидимому, самое главное влияние, которое такие исключительные законы могут оказать, но, с другой стороны, эти же исключительные законы, направленные, главным образом, на экономическую сторону еврейства, так принизили еврейство вообще, так игнорируют в них какое бы то ни было человеческое достоинство, что любой самый простой еврей и тот чувствует себя глубоко оскорбленным, и вот почему не удивительно, что масса ищет, «где оскорбленному есть чувству уголок», и охотно готова переселиться куда угодно, хоть в Америку, хоть в Палестину, хотя бы за тридевять земель, но подальше от России. К сожалению, сытые буржуа мало что-то энергии выказывают в этом деле, а между тем они то, главным образом, имеют в этом вопросе решающее значение, как обладатели больших капиталов, без чего эмиграция невозможна. Но народ более или менее зажиточный, повторяю, обивает, так сказать, двери [пороги] у людей, занимающихся эмиграционным вопросом, чтобы сформировать их и направить, куда следует. Впрочем, по словам Игнатьева, сказанным Драбкину*), видно, что эмиграция не только не будет поощряться правительством, но даже получит своего рода противодействие (это перемена политики); выходит так, что бьют и плакать не дают.

Что касается молодежи, то прежде всего откликнулись петербургские студенты евреи; они, во-первых, сделали известную обрядовую формальность, именно явились в синагогу в назначенный евреями день поста; это был своего рода первый выход в народ; затем они окунулись в житейское еврейское море со всеми его треволнениями, работают над практическим и теоретическим решением этого вопроса. Затем заявили о себе киевские студенты; они также после очень бурных и длинных дебатов, длившихся два вечера (сходки от 5 часов вечера до 2 часов ночи), решили явиться всем составом в синагогу, но не с тем, чтобы молча присутствовать во время богослужения, а с тем, чтобы ободрить упавших духом, заявить им, что готовы служить им и душой и телом, лишь бы взяться за дело всем сообща; были заранее приготовлены речи на русском языке и на жаргоне; один студент написал и отпечатал по этому поводу стихотворение (очень дельное). Присутствие студентов в синагоге, их задушевные, теплые и к тому же зажигательные речи, это стихотворение — собрали десятками тысяч евреев в синагоге, по за неимением места приходилось стоять на улице. Явление было необыкновенное; полиция не могла этого, конечно, не заметить; демонстрация вышла довольно удачная, так что генерал-губернатор требовал к себе раввина, сделал нагоняй цензору за то, что он позволил напечатать стихотворение. Одним словом, был сделан сообразно с средствами борьбы своего рода протест. А затем пошли посты по всей России, что заставило правительство обратить на себя внимание, так что Игнатьев по этому поводу призвал раввина Драбкина, долго с ним беседовал и велел успокоить народ.

Как мне кажется, теперь происходит перемена во взглядах правительства в пользу евреев. Теперь у нас студенты учреждают общество эмигрантское, много студентов желает уехать вместе с евреями, чтобы устроиться с ними на месте, а остальные будут содействовать и направлять ее отсюда. Уже собирают деньги в пользу эмиграции (в понедельник концерт), списываются с кем нужно и т. д. и т. д. Вчера была у нас сходка, длившаяся до 1 часу ночи; дело в том, что в Петербурге теперь образовались две партии: одна за эмиграцию (во главе[с] «Рассвет[ом]»), а другая буржуазная в лице Гинцбурга (во главе[с] «Русск[им] Евре[ем]» против; собственно говоря, Гинцбургу (он, видишь ли, служит в банке, где получает до 30 тыс. в год) желательно, чтобы масса евреев эмигрировала, но он хочет, чтобы это было сделано так себе, тайком, для того, чтобы он мог заявить свои верноподданнические чувства и привязанность к России и тем получить равноправие; для этого он через своих агентов собирает подписи со всей России и думает подать докладную записку Игнатьеву, что евреи вовсе не желают эмигрировать. И вот по этому поводу мы решили уяснить народу, все коварные помыслы

*) Петербургский казенный раввин.

Гинцбурга и тем помешать его плану и затем оффициально протестовать против этого (в газете письмо напечатать от студентов). Почти то же сделали петербургские студенты. (Ну, я право уж устал от этого письма).

Конец письма (с подписью) утерян.

4. Аксаков — Ив. Сер. (1823—1886 г.) — публицист, вождь славянофильства, редактор газеты «Русь».

5. Разуваев — герой очерков Глеба Успенского, деревенский кулак-эксплуататор.

6. Гр. Н. П. Игнатьев — министр внутренних дел в начале царствования Александра III. При нем были созданы комиссии по еврейскому вопросу, превратившие антисемитизм в один из элементов правительственной политики, и были изданы знаменитые «временные правила» 1882 г., закрепившие бесправие евреев, под предлогом ограждения их от народной ярости и погромов.

7. «Черта оседлости» охватывала при царизме 11 западных и юго-западных губерний. Евреи имели право проживать лишь в пределах этих губерний. Вне «черты» могли селиться лишь евреи, получившие высшее образование, купцы 1-й гильдии и т. п.

8. О быте еврейской бедноты, в кругу которой вырос П. Аксельрод, см. «Пережитое и передуманное», кн. 1-я, глава первая.

9. Интересно отметить, что мысли, близкие к развиваемым здесь П. Аксельродом, были высказаны около того же времени М. Драгомановым. В № 28 «Вольного Слова» он поместил заметку по поводу реферата об антиеврейском движении в России, прочитанного П. Крапоткиным на митинге, устроенном славянским социалистическим кружком в Лондоне. Останавливаясь на принятой митингом резолюции, отмечавшей, что в ходу погромов «бедные христиане разоряли имущество таких же бедняков-евреев», и приглашавшей пролетариев всех рас к об'единению, М. Драгоманов писал:

«Приглашению этому нельзя, конечно, не сочувствовать, но, при положении евреев в России, таких слишком общих приглашений очень недостаточно. Теперь необходимо поставить вопрос об об'единении пролетариев-евреев и христиан как можно более конкретно и детально. В особенности, необходимо поставить перед пролетариатом еврейским вопрос о необходимости для него разрыва с капиталистическим элементом между их соплеменниками и единения с эксплуатируемым этим последним бедным людом христианским... Нужна деятельная пропаганда этой мысли среди пролетариев еврейской нации, нужно, прежде всего, образование специального корпуса пропагандистов для этой нации» (в виду отсутствия № 28 «Вольного Слова» в комплекте журнала, имеющемся в нашем распоряжении, заимствуем цитату из книги В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы», стр. 224).

Мысли, высказанные здесь М. Драгомановым, представляются тем более замечательными, что в его других статьях нередко проступал антисемитский дух, которым было в значительной мере окрашено украинофильское движение. Представляется вероятным, что в данном случае точка зрения автора на задачи еврейско-социалистического движения вытекала из его национально-федералистических взглядов, являвшихся теоретическим обоснованием украинофильства: появление, наряду с украинским федерализмом, еврейского (как и всякого другого) национального федерализма, соответствовало интересам движения, главой которого был М. Драгоманов.

II

ПИСЬМА П. Б. АКСЕЛЬРОДА К РАБОЧИМ И С.-Д. КРУЖКАМ

Печатаемые ниже письма П. Аксельрода к с.-д. кружкам в Одессе, Варшаве и Москве представляют три последовательные попытки автора завязать сношения с товарищами, работавшими или пытавшимися работать на русской почве.

Выступив на арену политической борьбы в период глубокой реакции, действуя за-границей в атмосфере убийственного равнодушия, болезненно ощущая свою оторванность от России, группа «Освобождение Труда» хваталась за всякую возможность связаться с российскими кружками, в которых она видела зарождение элементов будущей с.-д. партии. Переписка с ними лежала, главным образом, на П. Аксельроде, что соответствовало фактически установившемуся разделению труда между двумя редакторами группы: в то время, как мысль Г. Плеханова более тяготела к теоретическим вопросам, к широким историко-философским и литературно-общественным темам, на П. Аксельроде лежала, по преимуществу, разработка вопросов о формах движения, о приемах работы, о тактике, — то-есть, именно тех вопросов, которые непосредственнее всего интересовали товарищей, занятых практической работой в России.

Это придает особый интерес письмам П. Аксельрода к с.-д. кружкам.

К сожалению, мы можем воспроизвести здесь лишь немногие из таких писем.

Первое из печатаемых здесь писем, относящееся к 1887 г. и обращенное к одесскому кружку, представляло собою целую брошюру в 48 гектографированных страничек. Но нам не удалось разыскать полный текст этого письма, и мы должны ограничиться здесь воспроизведением кратких извлечений из него, которые были в 1889 г. помещены в американской рабочей газете «Знамя».

Воспроизводимые далее письма П. Аксельрода к варшавскому с.-д. кружку (1893 г.) и к московскому с.-д. кружку (1896 г.) переносят нас к позднейшему периоду, не нашедшему отражения в материалах этого тома, к тому периоду, когда между группой «Освобождение Труда» и ее единомышленниками в России стали уже протягиваться первые нити. В этих письмах намечаются уже организационные и тактические проблемы, занимавшие русскую социал-демократию в последующие десятилетия.

1. П. Б. Аксельрод — с.-д. кружку в Одессе[1] (1887 г.)

> Всякое великое политическое дело состоит в заявлении того, что есть и с этого начинается... Мелочность, ничтожество в политике состоит в умолчании об истинном положении дел, в скрывании его.
>
> Лассаль. «Что же теперь?»

Вы желаете знать мой взгляд на цель и задачу, которую должна преследовать русско-заграничная литература[2]). Вы считаете полезным знать мое мнение по этому вопросу, особенно теперь, в виду все более возрастающего, как вы говорите, среди революционной молодежи стремления к организации серьезной прессы заграницей. Нельзя не порадоваться этому явлению, представляющему теперь особенно крупный интерес, потому что [оно] служит симптомом пробуждения нашей революционной интеллигенции от той умственной спячки, в которую она впала со времени разрушения организации «Народной Воли».

В самом деле, чрезвычайный упадок умственной инициативы и нравственного мужества в отношении оценки традиционных воззрений и путей борьбы составляет одну из отличительных черт нашей революционной среды в 80-х годах. При всех своих недостатках, наше движение в прошлом десятилетии несомненно отличалось одной выгодной стороной от современного: сознательно активным стремлением к выработке последовательной программы революционной деятельности, стремлением, не останавливавшимся ни перед какими традициями и авторитетами. Постоянная смена программ вследствие господства «привычек политических номадов», как Плеханов[3]) справедливо характеризует отсутствие в нашей революционной среде твердой точки опоры, в виде определенной и цельной системы воззрений, даже этот недостаток движения прошлого десятилетия представляет собою огромное преимущество по сравнению с умственным застоем и боязнью всякой критики, характеризующими современное движение. Смена Нечаевской[4]) программы действия программой Впередовцев[5]), вытеснение последней приверженцами бакунизма[6]), которая, в свою очередь, видоизменилась в бунтарское народничество[7]), все эти довольно крупные изменения в революционном движении 70-х годов свидетельствовали о присутствии в нем обильного родника живых сил, большого запаса умственной и нравственной инициативы, неудовлетворявшейся протоптанными, но не соответствовавшими потребностям времени, дорожками. Появление на исторической арене такой революционной организации, как «Народная Воля», могло быть результатом только такого постоянного процесса критики своих воззрений и путей борьбы, какой мы замечаем в социалистическом движении 70-х годов. Как раз обратное явление характеризует революционное движение последних лет. За исключением явно обнаружившегося стремления одного, слишком рано погибшего кружка[8]) стать в критическое отношение к господствующим у нас теориям и программам, я не слыхал ни об одной попытке среди революционной молодежи последних лет в таком направлении. Можно было бы подумать, что в нашей революционной интеллигенции иссякла уже всякая способность к дальнейшему развитию в социалистическом направлении. Страх, отвращение ко всякой попытке проложить новый путь революционному движению, слепое, совершенно неосмысленное поклонение традиционным воззрениям, потерявшим уже на практике всякое значение, полнейшая неспособность даже сколько-нибудь понять новую точку зрения в вопросах о задачах и путях революционного движения — таковы печальные особенности умственного состояния нашей революционной среды в последние годы.

В виду такого состояния революционной интеллигенции, сообщаемый вами факт является очень знаменательным. Быть может, теперешнее брожение в революционной интеллигенции, о котором вы говорите, представляет собою подготовительный фазис такого же крупного переворота в нашем революционном движении, каким было появление партии «Народной Воли» в конце 70-х годов. Исход этого брожения будет зависеть, прежде всего, от умственных и нравственных качеств руководящих представителей революционных кружков. Если среди них найдутся личности, обладающие, хотя бы приблизительно, такой умственной и

нравственной независимостью, как основатели «Народной Воли», то мы, быть может, увидим скоро наступление нового крайне важного фазиса в нашем революционном движении.

Вы совершенно основательно приписываете большое значение содействию заграничной прессы в деле возрождения нашего революционного движения. Говоря это, вы сами, в общих чертах, намечаете теперешнюю задачу русских революционных изданий заграницей. Они должны: во 1-х, систематически выяснять односторонность и недостатки прежних и теперешних программ, господствующих в революционных кружках с точки зрения какого-нибудь цельного и последовательного идейного критерия, и, во 2-х, вырабатывать и развивать теоретические основания для новой программы действия. В каком направлении будет совершаться этот двойственный процесс критики и созидания — это уже будет зависеть от основных социально-политических воззрений литературной группы и поддерживающих ее инициативных представителей наших революционных кружков. Но главное условие для такой роли заграничной литературы — это, прежде всего, единство и последовательность в миросозерцании литературных деятелей, являющихся выразителями и истолкователями новых тенденций и потребностей. Эклектизм, стремление к механическому склеиванию взаимно противоречащих идей и теорий, ничего, кроме новой путаницы в умах, произвести не сможет и, стало быть, окажется вполне бессильным оказать помощь выведению нашего движения на новый, более широкий путь.

Считая образование в России соц[иал]-демократического направления необходимым условием возрождения нашей революционной партии на социалистических основаниях, мы естественно направляем в эту сторону и все усилия свои на литературном поприще. Говорю: «на социалистических основаниях», потому что революционное движение может принять и чисто либеральный характер. Тогда, конечно, уже совсем другая статья. Разумеется, такое движение уже не сможет найти себе идейное выражение в социал-демократической прессе, которая, наоборот, обязана будет, во имя интересов трудящейся массы, крайне критически относиться к такому отречению нашей т[ак] наз[ываемой] социалистической интеллигенции от социализма.

Как бы то ни было, вне социал-демократии революционному движению в России нет другого выхода, кроме открытой измены своему традиционному социалистическому знамени. В этом смысле уже и теперь раздаются голоса, конечно, с обычными свойственными русскому «интеллигентному» социалисту оговорками, что это-де только на время, а потом, когда и прочее, они опять будут правоверными социалистами. Признаюсь, мне было бы гораздо симпатичнее, сознательное, явно либеральное движение, руководимое последовательно мыслящими либералами, чем этот обман и самообман тех революционеров, которые, по недостатку умственного развития и нравственного мужества, не имеют смелости окончательно порвать с социалистическими традициями — во имя либерализма — без всяких прикрас и оговорок[9])...

В процессе борьбы труда против капитала рабочий класс все более и более сплачивается в сознательную и организованную силу, развивается умственно и нравственно, все более и более знакомится с государственным механизмом современного общества, с его экономическим положением и управляющими им законами. Словом, непрерывный ряд наступательных и оборонительных действий, из которых слагается рабочее движение, с двух сторон служит делу подготовления пролетариата к политическому господству. С одной стороны, сама борьба его с буржуазией на экономическом и политическом поприще развивает его классовое самосознание, об'единяет и дисциплинирует его военные силы, а с другой — всякий успех в этой борьбе, всякая отвоеванная у неприятеля позиция увеличивает веру пролетариата в свою силу, дает ему новые средства для своего умственного развития и для поднятия себя на более высокую ступень социально-политического сознания и усиливает популярность его действующей армии во всех слоях населения.

Во всех этих мелких и крупных стычках пролетариата с господствующими классами социальная демократия принимает повсюду активное участие и играет руководящую роль, но старается при этом всегда и всюду выдвигать на первый план главную цель рабочего движения: политическую и экономическую экспроприацию буржуазии пролетариатом. Как коммунисты 40-х годов[10]), так нынешние социал-демократы «борятся во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения» («Маниф[ест] К[оммунистической] П[артии]»). Поэтому они на практике представляют самую решительную, всегда вперед стремящуюся часть рабочих партий всех стран; в теоретическом отношении, они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения. Социальная демократия представляет собою авангард рабочего класса и в то же время центральную силу, притягивающую к себе все его наиболее интеллигентные и энергичные слои, но не затем, чтобы утилизировать их, как орудие для целей, посторонних массовому движению, а наоборот, чтобы при посредстве их все более и более обобщать, расширять и осмысливать это движение, направляя его к одному пункту — к завоеванию пролетариатом политической власти.

Так называемая социальная революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой политической («Социализм и политическая борьба», Пл[еханова]). Социальная демократия является повсюду тем элементом пролетариата, который выдвигает на первый план политическую борьбу, как главный путь, ведущий к окончательному торжеству социализма.

Воззрениями социальной демократии на историческую миссию пролетариата непосредственно определяется и отношение ко всем общественным вопросам и к политическому движению в особенности. Совершение пролетариатом социалистической революции путем завоевания политической власти необходимо предполагает два условия: 1) существование в его среде рабочей партии, способной,

благодаря своей численной силе, ясному сознанию своих задач и популярности в народной массе, захватить власть в подходящий момент, и 2) развитие, по крайней мере, в передовых слоях пролетариата инициативы и навыка в сфере управления общественными делами. В противоположном случае, пролетариат не сможет удержать в своих руках власть, так как он окажется не в состоянии выполнить те социально политические функции, которые необходимы будут «для политической и экономической экспроприации класса капиталистов» и реорганизации общества на социалистических началах. «Все трудности, замечают Гед[11]) и Лафарг, состоят не в захвате власти в революционный период, а в сохранении ее». Указанные условия завоевания пролетариатом политического господства могут быть, очевидно, только результатом подготовительного процесса, в течение которого рабочий класс об'единяет и дисциплинирует свои военные силы, уясняет себе и всему народу условия и пути «экономической и политической экспроприации» буржуазии и развивает в себе способности, необходимые для выполнения им своей роли руководителя и организатора общественных сил в период генерального сражения с существующим строем...

1. О существовании социал-демократического кружка в Одессе П. Аксельрод узнал от Ганелина, жившего в то время в Швейцарии и стоявшего близко к группе «Освобождение Труда».

«Ганелин, пишет П. Аксельрод в своих воспоминаниях, поддерживал переписку со свой семьей, жившей в Одессе. Как-то, в 1887 г., он получил из Одессы письмо, в котором его спрашивали, как смотрит на цели нелегальной литературы группа «Освобождение Труда».

«В это время в Одессе существовал, повидимому, небольшой революционный кружок, который имел связи с рабочими, вел пропаганду, знал о существовании нашей группы и тяготел к представляемому нами направлению.

«Для нас, как будто, создалась возможность обратиться, наконец, непосредственно к работающим в России товарищам. Я ухватился за эту возможность и принялся писать подробный ответ одесскому кружку. Правда, вопрос, в формулировке полученного Ганелиным письма, был немного наивен. Но, говоря о целях нелегальной литературы, я мог развить наш взгляд на пропаганду и вообще на политические и тактические задачи социал-демократии в России. Рамки письма у меня мало-по малу раздвигались все шире и шире, — и в конце концов, мой «Ответ» одесским товарищам разросся в об'емистую тетрадь в 48 весьма убористо написанных гектографированных листов большого формата. Помню, между прочим, я коснулся в этой записке вопроса об отношении социал-демократов к революции и к реформам. Я писал, что при оценке значения той или другой реформы мы всегда должны ставить себе вопрос: как отразится данная мера на ходе рабочего движения и на развитии производительных сил страны. Если реформа обеспечивает за пролетариатом новые, более выгодные позиции и не препятствует росту производительных сил, мы будем бороться за нее.

«Отгектографированные оттиски моей записки ходили по рукам за-границей». («Пережитое и передуманное», книга 2-я.)

В Одессу это письмо было отправлено конспиративным путем, но — насколько помнит П. Б. Аксельрод — в силу неизвестных причин до места назначения не дошло.

В 1888 г. Кулябко-Корецкий (см. письмо П. Аксельрода П. Лаврову от 16 августа 1888 г.) предложил П. Аксельроду издать это письмо типографским способом, в виде брошюры, и вызвался предоставить необходимую для издания сумму денег. Но П. Аксельрод от этого плана отказался и предпочел, чтобы деньги Кулябко-Корецкого были употреблены на издание сборника статей всех членов группы («литературно-политический сборник» «Социал-Демократ», вышедший в 1888 г.).

В 1889 г. извлечения из «Ответа» были напечатаны в американской еженедельной газете «Знамя».

Эта газета, представляющая в настоящее время значительную библиографическую редкость, выпускалась в Нью-Иорке с января 1889 г. по март 1890 г. кружком русских эмигрантов, преимущественно рабочих, в который входили: Миллер, Каплан, Никольский, Столешников, Горвиц, Кранц и др. Газета была беспартийная, но близкая к социал-демократическому направлению. П. Аксельрод поместил в ней обширную статью «Отношение революционной интеллигенции в России к борьбе за политическую свободу» (№№ 10, 11, 12, 13 и 14) и отчет о парижском международном социалистическом конгрессе 1889 г. Участвовал в газете и П. Лавров.

Весной 1890 г. издание было приостановлено (точнее, еженедельная газета была заменена ежемесячным журналом), так как выяснилась настоятельная необходимость в создании рабочей социалистической газеты на еврейском языке («Arbeiter Zeitung») и значительная часть сил кружка «Знамя» была отвлечена этим новым делом.

Помещаемые здесь отрывки из «Ответа» П. Аксельрода появились в №№ 15 и 16 «Знамени».

2. Из первой фразы «ответа» П. Аксельрода можно заключить, что запрос одесского кружка был обращен к нему лично.

3. В брошюре «Социализм и политическая борьба» («Сочинения» Г. Плеханова, т. I, Женева, 1905 г., стр. 195).

4. С. Г. Нечаев (1847—1882 г.) — известный революционер, в 1869 г. организовал — преимущественно из московских студентов — тайное общество для подготовки всенародного восстания. Примыкая, по своим взглядам, как и большая часть русских революционеров того времени, к Бакунину, Нечаев был склонен к упрощенному, прямолинейному толкованию бакунинских идей и был сторонником подготовляемого заговорщическим путем, кровавого, ни перед чем не останавливающегося бунта. Своей деятельностью он, в значительной мере, предвосхитил теоретические построения П. Ткачева и некоторые идеи, которые позже проводились в партии «Народной Воли» Л. Тихомировым. Но с именем Нечаева связывается не столько определенная программа, сколько известная тактика внутри собственной организации. Для привлечения сообщников и подчинения их своей воле Нечаев не останавливался перед такими средствами, как обман, запугивание и даже убийство. Так, он угрожал Натансону донести на него в III-ье Отделение и организовал убийство студента Иванова. После обнаружения этого убийства Нечаев бежал за-границу в Швейцарию, но здесь, не смотря на все предосторожности, был выслежен русскими шпионами. Швейцария выдала его русскому правительству, как уголовного преступника (по обвинению в убийстве Иванова), и в 1873 г. он был приговорен Московским Окружным Судом к 20-летней каторге и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Здесь Нечаеву удалось распропагандировать солдат крепостного гарнизона, и через них он вступил в 1881 г. в сношения с Исполнительным Комитетом «Народной Воли», прося у последнего содействия своему подробно разработанному плану захвата крепости и побега. Исполнительный Комитет принял в принципе план Нечаева, но отсрочил осуществление его, так как решил не отвлекать сил от террористической борьбы, направленной против Александра II. Позже сношения Нечаева с солдатами крепостного гарнизона и его переписка с волей были выданы сидевшим вместе с ним в крепости Мирским, и начальство создало для Нечаева исключительно тяжелые условия заключения, в которых он и умер в 1882 г.

5. «Впередовцами» в первой половине 70-х годов назывались сторонники выходивших за-границей под ред. П. Лаврова журнала и газеты «Вперед». Особенность этого направления — вера во всемогущество социалистической пропаганды.

6. М. Бакунин — см. примечание 13-ое ко 2-му письму П. Лаврова. Приверженцы Бакунина (бакунисты), в отличие от «впередовцев» (лавристов), стояли за агитацию для вовлечения «стихийно-революционных» народных масс в непосредственную борьбу.

7. Бунтарское народничество — революционное направление, близкое к бакунизму, господствовавшее во вторую половину 70-х годов, создавшее организацию «Земля и Воля» и признававшее необходимость, как пропаганды, так и бунтарской агитации на почве местных конфликтов.

8. Кружок «благоевцев» (см. примечание 2-ое к 8-ому письму С. Гринфеста).

9. На этом заканчивается отрывок из начала «Ответа» П. Аксельрода, напечатанный в № 15 газеты «Знамя» (1 июня 1889 г.). В следующем, 16-ом, № газеты (15 июня 1889 г.) помещен воспроизводимый ниже отрывок из середины «Ответа».

10. «Союз коммунистов» был основан в 1847 г. в Париже политическими эмигрантами из Германии. Идейными руководителями Союза были К. Маркс и Ф. Энгельс, принявшие на себя и составление программы союза. Эта программа — знаменитый «Манифест Коммунистической партии» — сыграла выдающуюся роль в развитии социалистической мысли в Европе. Союз, по идее своей, был интернациональной организацией, но особое развитие он получил в германских странах, где члены его принимали деятельное участие в революционном движении 1848 г. Наступившая после разгрома этого движения реакция нанесла тяжелый удар союзу, отделения его сделались предметом ожесточенных полицейских преследований и после известного Кельнского процесса коммунистов (1852 г.) союз, по предложению К. Маркса, был об'явлен распущенным (1853 г.).

11. Жюль Гэд (1845—1922 г.) — известный французский социалист, марксист, основатель французской социал-демократической партии (гэдистов). Вместе с П. Лафаргом составил брошюру «Программа рабочей партии», являющуюся популярным изложением основ научного социализма.

2. П. Б. Аксельрод — с.-д. кружку в Варшаве[1])

Цюрих, 19 мая 1893 г.

Дорогие товарищи!

Прежде всего, большое Вам спасибо за Ваше письмо — от меня и других членов группы «Освобождение Труда» — Плеханова и В. Ив. Засулич. Срок, к которому ответ наш должен быть доставлен, слишком короток, чтобы последний мог быть сообща составлен. Да это было бы и излишне. Мы так давно работаем вместе и так хорошо спелись друг с другом, что между нами не может быть и не бывает разногласия по существенным вопросам. Поэтому, каждый из нас в случае надобности имеет право говорить и действовать за всю группу и от ее имени. И на этот раз отвечаю Вам от имени всех нас.

Дорогие товарищи! Вопросы, затрагиваемые в Вашем письме, слишком сложны, чтобы их возможно было разобрать в письме, а в некоторых отношениях ответы на них слишком щекотливы, чтобы их можно было излагать с надлежащей подробностью печатно. Ваше письмо нас, поэтому, еще раз убеждает в крайней необходимости с'езда заграницей из делегатов от действующих в России революционных кружков и членов нашей группы[2]). Но об этом после.

Мы вполне согласны с Вами в том, что интеллигенция далеко еще не выполнила той политической миссии, которая ей сама история повсюду навязала. Безусловно верно также и то, что наши рабочие еще страшно нуждаются в умственной помощи интеллигенции. Но в том то и беда наша, что русские рабочие еще не настолько окрепли, чтобы быть в состоянии стоять и двигаться самостоятельно, а демократическая интеллигенция уже обуржуазивается и теряет революционные склонности. В этом — источник трагизма теперешнего положения сознательно-революционных представителей (единиц) русской интеллигенции, социал-демократов-революционеров *).

*) К которым никак нельзя причислить доктринеров-самозванцев, резонирующих о «научном социализме»[3]).

Я не говорю, что оно безвыходно. Но оно страшно тяжело и требует от нас всех большого напряжения сил и, в особенности, чрезвычайно большого такта в наших действиях и поведении относительно других общественных элементов оппозиции.

Вы указываете на необходимость более подробного выяснения целого ряда вопросов, как на средство привлечения демократической интеллигенции к переходу на путь политической агитации среди рабочих. Нет сомнения, что перечисляемые Вами вопросы должны быть еще и еще раз'ясняемы с разных сторон и по разным поводам. Но мне кажется, товарищи, Вы преувеличиваете ожидаемые результаты этого средства. И преувеличиваете оттого, что видите главную причину революционной бездеятельности демократической интеллигенции в недостаточном выяснении ей программы и воззрений социал-демократов. На самом же деле, она потому то так плохо понимает пропагандируемые уже десять лет группою «Освобождение Труда» учения и даже отвращается от них, что в силу своего социального положения и буржуазных (бессознательных) стремлений, не способна понять эти учения и инстинктивно не желает их понять. И никакие теоретические усилия с нашей стороны не поднимут массу интеллигенции пойти в среду народа для социал-демократической агитации и пропаганды.

Все это я говорю отнюдь не для того, чтобы доказать ненужность дальнейшего выяснения и развития наших воззрений на важнейшие стороны русской жизни и на ближайшие политические задачи, навязываемые ею революционной интеллигенции. Наоборот, оно очень нужно и крайне существенно для дальнейшего хода революционного движения в России. Но я полагаю, что главное значение нашей теоретической и публицистической пропаганды не столько в экстенсивном ее воздействии на массу интеллигенции, сколько в интенсивном влиянии ее на мысль и действия наиболее передовых единиц из этой интеллигенции. Вследствие отсталости русской жизни и та доля нашей демократии, которая пристает или готова пристать к знамени социальной демократии, в большинстве случаев крайне своеобразно и одностороние усваивает учения последней. Очень часто у нас под научно-революционным флагом «социал-демократии» проповедуется эклектический и сопливый лавризм[4]) 70-х годов, способный только компрометировать наше знамя. А подчас социал-демократизм, преломляясь в головах нашей молодежи, окончательно теряет свой естественный вкус и цвет, превращаясь в санкцию для политического индефферентизма и бездеятельности. Вот против таких извращений учений научного социализма и должна систематически бороться наша пресса (социал-демократическая). Не полемически, конечно, так как пока еще в нелегальной литературе не выступали самозванцы с фальсификацией воззрений социал-демократии. Впрочем, Вы по «Задачам соц[иалистов]»[5]) Плеханова можете отчасти судить, о какого рода противодействии псевдо-социалистическим тенденциям я говорю.

Вообще, наше социал-демократическое движение находится еще в таком зачаточном состоянии, и трудности к вполне рациональному применению основных выводов научного социализма у нас так велики, что нам еще не мало мытарств

придется перенести, прежде чем оно примет тактику революционную и в то же время вполне соответствующую современным требованиям русской жизни. Расширение издательской деятельности группы «Освобождение Труда» могло бы сильно ускорить процесс выработки этой тактики, но только под одним условием: при тесной, непосредственной связи между нами и Вами, дорогие товарищи, другими словами, под условием превращения группы «Освобождение Труда» в оффициальных литературных представителей действующей в России социал-демократической организации. Только тогда наши издания будут оказывать должное действие на умы, когда они будут служить в буквальном смысле слова органом и орудием организованного штаба революционеров, действующих на родине и не только в общем солидарных с воззрениями группы «Освобождение Труда», но и вполне сговорившихся с нею по всем тактическим вопросам. Место и время не позволяют мне дольше остановиться на этом пункте.

Как же нам сговориться? Мне не зачем об'яснять Вам и доказывать, что нам теперь невозможно ехать на родину. Остается, стало быть, один выход: приехать сюда конспиративным способом одному, а еще лучше двум или трем делегатам от Вас. Я считаю такой с'езд в настоящее время важнее даже издания двух-трех брошюр. Пора положить конец нашей изолированности друг от друга. Наше взаимное положение можно сравнить с положением двух частей военного отряда, из которых одна очутилась на вершине горы, а другая — осталась в долине, преследуемая окружающими ее со всех сторон неприятелями. Первая обозревает всю долину, она видит все движения врага и, в силу своей безопасности, спокойно может обсуждать планы нападения на него. Часть же отряда, находящаяся в долине, лишена этих выгод, но зато она вблизи замечает такие подробности, которых не видят ее друзья с вершины горы. Чтобы составить вполне рациональный план действия и организовать совместную самооборону, обеим частям отряда необходимо было бы сговориться и установить между собою правильную связь. А между тем, они еле знают о планах и положении друг друга. Предоставляю Вам самим дальше провести эту параллель. И если Вы находите ее соответствующей действительности, то должны согласиться со мной, что интересы нашего движения настоятельно требуют, чтобы нашей взаимной изолированности*) был положен конец. Чтобы достигнуть этого, проще всего было бы Вам послать кого-нибудь в два-три центра (Питер и т. д.), чтобы, во-первых, подвести итог наличным силам

---

*) Вот один из множества фактов, ярко иллюстрирующих его. О таком знаменательном явлении, как празднование 1-го мая у Вас[6]), Вы нам в прошлом году (а в этом?) ничего не сообщили, а речи, произнесенные рабочими, посланы были в Цюрих частному лицу, какому то Грозовскому (Иогихесу)[7]), показавшему их мне на улице, — по своей доброй воле. А между тем, ведь такие манифестации только тогда и производят настоящее действие, когда о них своевременно узнают внутри и вне страны. Редакция «Пшесвита»[8]) получает из Варшавы правильно всякие сведения и даже полномочия на представительство на интернациональных конгрессах. От наших рабочих кружков еще ни разу даже адреса с выражением солидарности не послано было ни интернациональным конгрессам, ни национальным (напр., германским или австр[ийским]), хотя это очень легко было сделать при посредстве Группы[9]).

русской социал-демократии, а, во-вторых, сговориться с другими кружками, как относительно времени и вопросов для обсуждения на заграничном с'езде, так и делегатов для него. Результаты его совещаний нужно будет обнародовать, частью — поскольку они будут касаться щекотливых сторон тактики и организации, гектографировать в небольшом числе экземпляров для обращения в тесном кругу ближайших товарищей. От имени этого же с'езда или созданной им организации можно будет издать предлагаемое Вами воззвание к молодежи в пользу рабочей литературы. За безопасность делегатов мы ручаемся — конечно, в том случае, если они не вздумают сами жить в Цюрихе и знакомиться с разными членами русской колонии.

Я не могу и не считаю целесообразным в письме наметить все вопросы, которые следовало бы обсудить и решить на с'езде. Скажу только еще одно. Если революционные элементы нашей интеллигенции еще жизнеспособны, то с'езд и установление формальной связи между группой и их социал-демократическими представителями послужат несомненным толчком рабочему движению в России и очень скоро принесут осязательные плоды. Разумеется, осуществление моего проекта связано с большими трудностями и требует, вероятно, нескольких месяцев подготовительной работы. Сделаем же пока первый шаг в этом направлении — установим регулярные сношения между собою. Воспользуйтесь первой оказией, чтобы сообщить нам хорошие адреса и конспиративные способы переписки. Затем, вот Вам пара вопросов и просьб. На-днях выйдет вторым изданием моя брошюра «Задачи рабочей интеллигенции» с предисловием в виде «Письма к социалистам-рабочим»[10]). Следующую брошюру я хотел бы посвятить теме: «Как и чего добились английские рабочие?»[11]). Я в ней хотел представить очерк борьбы английских рабочих тайными, нелегальными путями за право коалиции. Эта фаза особенно поучительна для наших рабочих в настоящее время. Как Вы об этом думаете? Далее, мы собирались издать «Историю Общества Земли и Воли»[12]) Плеханова. Может быть, Вы предпочтете потратить присланные Вами 258 фр. и дальше собирать деньги именно на издание этого труда.

А теперь просьбы. Вы знаете, что в начале августа в Цюрихе состоится интернациональный конгресс[13]). До сих пор парижские и оберштрасские[14]) студенты и эксстуденты фигурировали сами или в лице своих представителей на интернациональных конгрессах. Из России собственно только польские рабочие имели там своих представителей (в лице заграничной литературной группы). Пора, однако, показать нашим европейским друзьям, что и русские, как и еврейско-русские рабочие — уже не азиаты, что и они уже пробуждаются к сознательной политической жизни и готовы пристать к международной армии пролетариата. Что они, при теперешних условиях, не могут присылать на его конгрессы делегатов из России, это и европейцы прекрасно понимают. Поэтому, можно бы ограничиться адресом, в котором выражалась бы солидарность с интернациональной социал-демократией и кратко изложены были бы политическое положение и практические стремления передовой части русских рабочих (или еврейско-русских). На Вас, дорогие товарищи, и лежит обязанность устроить посылку такого адреса сюда.

И с просьбой об этом я и обращаюсь к Вам. Чтобы устранить всякие сомнения на счет подлинности адреса, Вы можете поручить группе «Освобождение Труда» представить его конгрессу. Она пользуется достаточною известностью, и большинство вождей рабочих партий знают лично нас. Адрес (или адреса, если от различных городов) может быть подписан (псевдонимом) или комитетом союза, председателем собрания (из стольких то лиц) или просто именами известного числа лиц. В нем должно быть обозначено число отправки. Мы его здесь переведем, а оригинал покажем только нескольким, вполне испытанным и в конспиративном отношении, делегатам конгресса. Например, Бебелю, Либкнехту, Бернштейну, Вальдерсу[15]). В адресе должно, разумеется, указать, что[16]) ...

1. В мае 1893 г. варшавский студент Изр. Моис. Пескин, с.-д. деятель (известный позднее под псевдонимом Сомов), находившийся в то время заграницей, в Бельгии, обратился от имени варшавского кружка социал-демократов (Константиновский, Шумов, Виткинд, А. Залкинд, Махарадзе, Микадзе и др.) к П. Аксельроду, как представителю группы «Освобождение Труда», с письмом, касавшимся различных вопросов с.-д. работы. Это письмо не сохранилось в архиве, находящемся в нашем распоряжении, и о содержании его мы можем лишь догадываться по ответному письму П. Аксельрода. Из этого ответа видно, что в письме И. Пескина шла речь о необходимости пробуждения большей политической активности в интеллигентских кругах, о расширении издательской деятельности группы «Освобождение Труда», о желательности установления более тесной связи между группой и с.-д. кружками, работающими в России.

Ответное письмо П. Аксельрода, посланное им на имя И. Пескина, но обращенное непосредственно к варшавскому кружку, мы воспроизводим здесь по черновику, сохранившемуся в архиве П. Аксельрода.

2. Письмо И. Пескина, после разгрома «благоевского кружка в 1885 г., явилось для группы «Освобождение Труда» одним из первых известий о с.д. работе в России. По словам П. Аксельрода, в связи с этим у него и явилась мысль о возможности организовать хоть небольшой с'езд единомышленников за-границей.

3. Возможно, что П. Аксельрод имел в виду, группу «старых народовольцев» и в особенности П. Лаврова, который как раз в это время, в вып. I издаваемых этой группою «Материалов для истории русского соц.-рев. движения» (январь 1893 г.), в статье «История, социализм и русское движение», заявлял себя сторонником «научного социализма», давая эклектическую формулировку его сущности, как синтеза «двух элементов человеческого прогресса» борьбы интересов, приводящей к борьбе классов, и процесса «уяснения нравственного убеждения».

4. В 70-х годах «лавризм» противополагался «бакунизму», как умеренно-постепенновское течение революционно-активному течению. К такой же постепенновщине приводило наметившееся в 90-ых годах в нашей легальной печати толкование марксизма, как учения, возлагающего все надежды на естественный ход экономического развития и не требующий никакого вмешательства людей.

5. Брошюра «Задачи социалистов в борьбе с голодом» Г. Плеханова, вышедшая в 1892 г.

6. Речь идет о праздновании 1-го мая в Вильне в 1892 г. Посланные за-границу Грозовскому (Л. Иогихесу) речи рабочих, произнесенные на этом праздновании, были изданы в виде брошюры «Социал-Демократической Библиотекой» (действовавшей независимо от группы «Освобождение Труда») с предисловием Б. Кричевского. Ораторами, произнесшими эти речи, были: Фаня Резник, портниха (ум. 1896 г.); Мотель Майзель, ювелир; Яков Гершовский, заготовщик, и Елена Гельфанд, портниха.

7. Грозовский — псевдоним Л. Иогихеса (1867—1919 г.) — один из основателей С.-Д.-тии Польши и Литвы; после вступления этой партии в Р. С.-Д. Р. П. играл видную

роль в большевистской фракции, где был известен под псевдонимом «Тышко». Во время всемирной войны был одним из выдающихся представителей антимилитаристского интернационалистического движения, разделял позиции крайнего левого крыла Циммервальда и Кинталя, явился одним из организаторов и руководителей группы «Спартак» в Германии; убит в 1919 г. при подавлении спартаковского движения.

В 1893 г. Л. Иогихес жил в Цюрихе. Будучи социал-демократом, он в то время держался в стороне от местных социал-демократических кружков, считавших своим идейным центром группу «Освобождение Труда». Поэтому П. Аксельрод и отмечает его положение, как «частного лица».

8. «Пшесвит» («Рассвет») — выходивший заграницей орган Польской Социалистической Партии (P. P. S.).

9. Социалистические (а в особенности, социал-демократические) круги в Европе считали группу «Освобождение Труда» представительницей русского рабочего движения. На этом основании она получила приглашение на международный социалистический конгресс в Париже в 1889 г. В ответ на это приглашение группа послала организационному комитету, созывавшему конгресс, письмо, в котором раз'яснила, что она не имеет формальных прав на представительство России. Тогда Комитет подтвердил свое приглашение, обращая его к группе, как таковой, и на основании этого повторного приглашения Г. Плеханов принял участие в конгрессе. Перед следующим международным конгрессом, который должен был собраться в 1891 г. в Брюсселе, группа вновь получила приглашение, но отклонила его, сославшись на отсутствие мандата из России, и ограничилась представлением конгрессу печатного доклада, который подписала не как «Группа», а как редакция «литературно политического обозрения» «Социал-Демократ». В 1893 г. должен был собраться в Цюрихе 3-ий конгресс основанного в 1889 г. в Париже социалистического Интернационала. Участие или неучастие в нем для группы «Освобождение Труда» ставилось в зависимость от того, получит ли она полномочия представлять на конгрессе работающие в России с.-д. кружки, или нет.

10. Брошюра П. Аксельрода «Задачи рабочей интеллигенции в России», появившаяся (с пометкой «второе издание») в 1893 г., как 7-ой выпуск «Рабочей Библиотеки», представляет собою воспроизведение «Письма к русским рабочим об освободительном движении пролетариата», помещенного в № 1 журнала «Социалист» (июнь 1889 г.).

11. Эта брошюра не была написана.

12. В это время готовилась к печати брошюра Г. Плеханова: «Общество «Земля и Воля», глава из истории русского революционного движения семидесятых годов (по личным воспоминаниям)» (об'явление о ней появилось в 4-ой книге «Социал-Демократа»). Возможно, что она примыкала к написанному Плехановым очерку «Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям)», который появился в 3 и 4 кн. «литературно-политического обозрения» «Социал-Демократ» (декабрь 1890 г. и 1892 г.) и в 1892 г. вышел отдельной брошюрой. Но что то помешало Г. Плеханову в задуманной работе, его труд по истории «Общества Земля и Воля» не был закончен и не появился в печати.

13. Третий конгресс Социалистического Интернационала. Группа «Освобождение Труда» перед самым конгрессом получила мандат на него от «Петербургской группы освобождения труда» (кружок Л. Мартова, Гофмана, Ставского и др.). (См. Л. Мартов, «Записки социал-демократа», стр. 161.)

14. «Оберштрассе» (Oberstrasse) — квартал Цюриха, где по преимуществу жили русские студенты.

15. Вальдерс — видный рабочий-социалист, в начале 90-х годов секретарь бельгийской социалистической партии.

16. В черновике, находящемся в распоряжении редакции, конец письма отсутствует.

3. П. Б. Аксельрод — с.-д. кружку в Москве[1])

1896 г.

Дорогие Товарищи!

Большое, большое Вам спасибо за Ваши сообщения об успехах нашего нарождающегося рабочего движения. Все, что Вы передаете, в высшей степени отрадно и многознаменательно. Особенно меня порадовало то, что русские рабочие начинают так сильно интересоваться мнением о них революционного пролетариата передовых стран. Этот живой интерес к общественному мнению их западных братьев и страстное стремление завязать товарищеские сношения с ними представляет собою чрезвычайно важное и новое явление в русской жизни. Русский народ, живший многие века отдельно от западных стран, относился с полнейшим равнодушием к величайшим событиям и переворотам, наполнявшим их историю. Какое ему было дело до народов, которых он считал нехристями, погаными язычниками? При таком отношении к передовым народам ему, конечно, решительно все равно было, что они о нем думают. Стремление русских рабочих к тесному общению со своими западными братьями знаменует собою, следовательно, начало коренного переворота, целую революцию в мыслях и чувствах трудящихся эксплуатируемых масс России.

И посмотрите, как быстро оценили первые проявления этого стремления представители западно-европейской социальной демократии. Давно ли Россию считали страной, население которой состоит, чуть не поголовно, из невежественных и покорных рабов, готовых по одному знаку царя и его генералов истреблять друг друга, а тем более чужие народы? Давно ли революционеры всех стран Запада видели в рабской покорности нашего народа своему царю главную опору врагов общенародной свободы и равноправия во всей Европе? А теперь поседелый в борьбе за освобождение рабочего класса Либкнехт обращается в нашем майском листке[2]) к русским рабочим со словами:

«На этом смотру займете свое место также и Вы, солдаты русского отряда международной рабочей армии, той армии, которая под красным знаменем социальной демократии борется за освобождение рабочего класса, а с ним и всего человечества. Вы, русские братья, занимаете самое опасное положение. Но, чем опаснее Ваше положение, тем больше Вам чести». И затем: «Победа принадлежит Вам, а значит также и нам, потому что за Вами стоим мы и делаем то же дело, которое делаете Вы. Мы все солдаты одной великой армии...» В таком же смысле выражается о наших передовых рабочих другой, более молодой, представитель немецкой социальной демократии, Каутский[3]):

«Пусть немецкие и славянские буржуа смотрят друг на друга, как на непримиримых врагов, — немецкие и славянские пролетарии борятся рядом против общего врага — самодержавия. Каждая победа, которую мы одерживаем в Германии и в Австрии, есть вместе с тем и Ваша победа, русские братья! И каждою победою, которую одержите Вы, Вы будете способствовать делу освобождения в Германии и в Австрии. И вот почему германские и австрийские пролетарии ни

на какое майское празднество не смотрят с таким большим интересом, с таким великим участием, как на майское празднество в России. Это участие тем более глубоко, что мы знаем, при каких условиях приходится там праздновать первое мая. Чтобы праздновать его, нужна большая смелость, и кто берет на себя эту смелость, тот не только убежденный приверженец нашей партии, но и самоотверженный борец, пренебрегающий опасностью, чтобы зажечь в груди своих товарищей огонь страстного увлечения. Такие борцы делают наше дело непобедимым. Да здравствует русская, да здравствует международная социальная демократия!»[4]).

Вы видите, какое огромное значение придают на Западе пробуждающемуся в нашем пролетариате стремлению к борьбе, рука об руку со своими европейско-американскими братьями, за свое экономическое и политическое освобождение. А между тем, наше рабочее движение только начинается, оно, можно сказать, только теперь рождается. Презрительное же отношение Запада к нашему народу, как к невежественному и отсталому, установилось давно. Вполне исчезнет это отношение, разумеется, только тогда, когда наш рабочий класс окончательно станет на ноги, как самостоятельная революционная сила, когда о борьбе его с предпринимателями и правительством и буржуазным газетам придется разносить вести по всему миру.

Но передовая часть русских рабочих и теперь уже имеет возможность приобрести сочувствие и уважение революционного пролетариата западных стран. Для этого им нужно только почаще и притом правильнее давать ему знать о своих стремлениях и целях, о своем положении и своих успехах или неудачах. Посланные в марте этого года петербургскими и московскими рабочими адреса к французским являются прекрасным началом, первым шагом на этом пути[5]). Как дальше идти в этом же направлении, показывает нам пример рабочих русской Польши. Одним из главнейших средств для общения с рабочими партиями других стран является участие на их международных с'ездах. И этим средством поляки пользуются почти с самого начала возникновения у них рабочих союзов. Уже с 1881 г. мы видим представителей от них на всех международных с'ездах социальной демократии[6]). Правда, дальность расстояния, а главное, полицейские опасности чрезвычайно затрудняют посылку уполномоченных прямо с родины. Но им удалось обойти это препятствие. У них имеются заграницей товарищи-эмигранты, пользующиеся их доверием, — вот эти то последние и являются от них представителями на международных рабочих с'ездах. Через них же пересылают они поздравительные телеграммы и письма рабочим партиям по случаю радостных событий и побед и выражают им свое сочувствие, когда их постигает какая-нибудь беда или просто неудача.

Вы, может быть, заметите: «Ну, а если уполномоченные таким путем не оправдают доверия, оказанного им? Ведь такие делегаты могут внушить очень плохое мнение о тех, которые выбрали их своими представителями!»

Это совершенно верно. Но дело в том, что представительство на с'ездах и вообще сношения с западными рабочими партиями польский революционный

пролетариат поручает только тем из эмигрантов, которые многими годами революционной деятельности на родине и вне ее доказали свою полную преданность ему и уменье служить рабочему делу. Более или менее развитые, особенно, организованные в кружки, рабочие русской Польши прекрасно знают этих заграничных товарищей, так как польская рабочая партия давно уже имеет заграницей свою газету[7]) и типографию, в которой печатаются разные книги и брошюры, и этим делом, разумеется, прямо или косвенно заняты наиболее преданные и толковые из революционеров, которым пришлось бежать от правительственных преследований далеко от родины. Можно сказать, что кружок, издающий*) упомянутую газету и вообще польские социалистические брошюры, книги и т. д., служит вместе с тем постоянным посредником между польской рабочей партией и западно-европейскими рабочими партиями; в глазах социалистического пролетариата Запада он является таким же полноправным представителем своей партии, как любой царский посол в глазах правительства, пред которым он должен представлять Россию.

Русские рабочие не пытались до сих пор каким-нибудь способом заявить на международных с'ездах о своем пробуждении к новой жизни и своем стремлении присоединиться к великой освободительной армии пролетариата передовых стран. Не только представителей, но и адреса они до сих пор ни разу еще не посылали на эти с'езды. Поэтому масса европейских рабочих, хотя и считает их своими братьями, но только по бедствиям и страданиям, и никак не по борьбе против этих бедствий.

Т о в а р и щ а м и своими, полноправными членами своей боевой революционной армии, западный пролетариат признает в России п о к а одних только польских рабочих в лице их партии. В прежнее время приходилось мириться с господствующим в передовых странах отношением к русскому народу и русским рабочим. Обидно оно было для русского сердца — что и говорить! Но, как это тяжело и грустно ни было, приходилось сознаваться, что в этом суждении есть доля правды. Теперь же, когда и наш народ стал уже выходить из тупой покорности и начинает проникаться европейскими понятиями и привычками, испытываешь уже прямо досаду при мысли, что укоренившееся мнение о нас все еще продолжает держаться. Досадно потому, что рабочие наши могли бы, следуя примеру своих польских братьев, угнетаемых тем же царем и теми же жандармами, как и мы, сильно поколебать это мнение.

Раз я уже заговорил об установлении сколько-нибудь правильных сношений между передовой частью русских рабочих и заграничными социалистическими партиями, я не могу умолчать об агитационно-пропагандистском значении их у нас. Возьмем для примеру хоть посылку адреса международному с'езду или организацию представительства на нем. Конечно, можно то и другое состряпать кое-как, лишь бы пустить пыль в глаза всему свету. Но я говорю о действительном, а не о показном адресе или представительстве. А для этого революционе-

---

*) Прежде в Женеве, а теперь в Лондоне.

рам-рабочим необходимо будет за несколько недель до с'езда начать деятельную агитацию на фабриках, заводах, среди знакомых и приятелей. Нужно будет и самим хорошенько обсудить и сговориться относительно плана действия; затем, придется растолковывать менее развитым рабочим, куда, кому и зачем посылаются уполномоченные или адрес. Будут ли при этом собираться подписи или только голоса, ограничатся ли агитаторы только разговорами с разными рабочими в одиночку или прибегнут к помощи тайных сходов — это все равно. Мало-мальски живые и не совсем забитые слои рабочей массы выведены были бы из обыденного состояния, в течение нескольких недель мысль и чувства были бы возбуждены новыми, незаурядными вопросами, толками и впечатлениями, мозги напряженнее стали бы работать. А затем, несколько недель после с'езда новые толки и новый материал для умов.

Как прошел конгресс, из каких стран и сколько делегатов явилось? Какие решения приняты им и по каким вопросам? Как отнесся конгресс к русским делегатам и их предложениям, если они нашли нужным таковые внести по собственному почину или по поручению из России от рабочих кружков, сходок или союзов? Но где найти ответ на все эти и подобные вопросы? В отчетах лиц, которым поручено было представительство русских рабочих на конгрессе? Но пока он будет отпечатан и дойдет в Россию, могут пройти, в лучшем случае, недели, а то и больше. А между тем, интерес вызван, нетерпение поскорее узнать хоть что-нибудь о ходе и исходе конгресса велико, и нетерпение это возбуждается еще и распространяется опять таки усилиями революционеров-рабочих, членов пропагандистских и агитационных кружков. А ну-ка, повнимательнее следить за заграничными телеграммами и корреспонденциями в газетах, авось хоть отрывочные, хоть беглые сообщения найдутся в них. Начинаются ежедневные поиски в газетах за такими известиями. Но, увы! Ничего нет или нечто такое, что и в толк взять нельзя — вранье и нелепость! Отчего это так? А если бы и не возникло [этого вопроса] само собою в непривычных к самостоятельной работе мысли головах, то дело рабочих, более развитых и сознательных, позаботиться о том, чтобы [он] возник. Ответом будут, конечно, цензурные условия, мешающие нашим газетам и журналам свободно печатать, что они считают нужным и полезным. А отсюда, конечно, уже один шаг до критики всего нашего политического строя, обрекающего девять десятых населения на полное бесправие, на безропотные страдания одновременно и от эксплуатации предпринимателей и кулаков, и от самоуправства полиции, жандармов и прочих слуг самодержавного, т. е. считающего себя и свои капризы выше всяких законов, царя.

Но одни ли цензурные препятствия мешают нашим газетам и журналам давать обстоятельные сведения о рабочем движении на Западе? Далеко нет. Многое могли бы они сделать и теперь для ознакомления рабочих с явлениями и событиями, из которых оно слагается. Но господа издатели и редактора сами очень мало или даже совсем не интересуются этими событиями и явлениями. А не интересуются они потому, что в глазах огромного большинства их читателей всемирно-освободительная волна рабочего класса, радости и горе борцов за

великое дело его освобождения, их успехи и неудачи, победы и поражения имеют несравненно меньше значения, чем кровопролитная война в Африке или где-нибудь среди дикарей, чем свидание двух коронованных особ или их министров. А для очень многих читателей из дворян, купцов и разжившихся мещан так даже придворный бал, рождение или смерть принца или принцессы у какого-нибудь короля составляет очень важное событие.

Пора, однако, и русским рабочим начать производить давление на представителей и хозяев цензурной печати и заставить их считаться с потребностями и запросами передовых слоев наших низших классов. Но для этого необходимо не упускать ни одного случая, при помощи которого можно было бы наглядно показать этим господам, что число их читателей среди рабочих растет с каждым днем, и что они пред'являют к печати свои специальные требования. И вот мне кажется, что канун международных рабочих с'ездов (кстати, напомню о майском празднике), а в особенности, первое время по окончании их, мог бы послужить удобным поводом к подобной агитации.

Я не стану распространяться о путях и приемах такой агитации. Письмо мое и без того слишком растянулось. Да и невозможно, сидя заграницей, знать подробности, как лучше и удобнее провести на практике тот или другой план, ту или другую мысль. Замечу только мимоходом, что обращаться в редакции с заявлениями, запросами или предложениями даже русскими законами не возбраняется. Следовательно, собирание подписей, например, для отправки письма или депутации к редакторам может, с формальной стороны, производиться совсем даже легально. Конечно, это еще отцюдь не обеспечивает против правительственных преследований. Но ведь всегда щепки летят, когда лес рубят. Ни одна война не обходится без того, чтобы не было раненых и убитых. Борцам рабочего класса нужно только стараться о том, чтобы зря не растрачивать сил своих и своих товарищей по страданиям и борьбе. А в нашем примере, еслиб и пришлось кому пострадать, то уже никак не напрасно. Рабочая масса увидела бы в этом явное противозаконие со стороны правительства, и последнее дало бы ей новое доказательство того, что царско-полицейское самовластье так же несовместимо с распространением просвещения и образования среди народа, как несовместимы мрак и свет, зло и добро, рабство и свобода. А такое прояснение умов и составляет важнейшую задачу революционных передовых кружков нашего рабочего класса[8]).

1. Это письмо написано П. Аксельродом весной 1896 г. и адресовано московскому кружку, сложившемуся в 1895 г. и включавшему в свой состав Веру и Клавдию Величкиных, Колокольникова, Шанина, Кварцева, Руму (оказавшегося провокатором) и др. Кружок вел с.-д. пропаганду среди фабричных рабочих, в частности, среди рабочих-сектантов, и по составу своему был весьма неоднороден: наряду с последователями марксизма, в него входили толстовцы, сторонники религиозного анархизма. О существовании кружка (но не об его составе и настроении) П. Аксельрод узнал от проживавшего в то время в Цюрихе В. Бонч-Бруевича. Последний получил из Москвы письмо, в котором сообщались — для передачи П. Аксельроду — сведения об успехах пропаганды, которую члены кружка вели в рабочей среде. П. Аксельрод ответил письмом, которое он предназначал не столько для интеллигентов-пропагандистов,

сколько для вступающих в движение передовых рабочих, и в котором пытался наметить перед рабочими план кампании, являвшейся в его глазах одним из частных примеров тактики, рассчитанной на пробуждение самодеятельности среди рабочих.

Мысли о необходимости такой тактики сложились у П. Аксельрода под влиянием, с одной стороны, неудачи «голодной кампании» 1891—1892 г. г., а с другой стороны, под впечатлением первых известий о начинавшемся в России оживлении рабочего движения. В своих воспоминаниях П. Аксельрод передает о том, как в августе 1893 г. он развивал эти мысли Г. Плеханову, приехавшему в Цюрих на международный социалистический конгресс.

Печатаемое здесь письмо представляет, повидимому, первую попытку автора познакомить с этими идеями, — в самой элементарной форме, — рабочих. Это письмо было переписано, для отправки в Россию, химическими чернилами В. Бонч-Бруевичем; черновик сохранился у П. Аксельрода.

2. Этот листок был выпущен группой «Освобождение Труда» к 1 мая 1896 г. К участию в листке были привлечены некоторые из западно-европейских социалистов, — В. Либкнехт, Эл. Маркс-Эвелинг, К. Каутский, П. Лафарг. (В изданном под редакцией Каменева «Указателе с.-д. литературы на русском языке» этот «Листок» не зарегистрирован).

3. Карл Каутский (род. в 1854 г.) — известный немецкий ученый, историк и экономист, популяризатор марксизма, крупнейший теоретик германской социал-демократии. С 1883 г. редактор научного марксистского журнала «Neue Zeit». В середине 80-ых годов К. Каутский сблизился с П. Аксельродом и через него с группой «Освобождение Труда». С этого времени он не переставал с большим вниманием следить за русскими делами и не раз откликался статьями и брошюрами на вопросы русского с.-д. движения.

4. «Майский Листок», 1896 г., статья «Борьба русского, австрийского и германского пролетариата».

5. Эти адреса были приурочены к дню 25-летия Парижской Коммуны. Под московским адресом было собрано 605 подписей рабочих 28 фабрик и заводов; петербургский адрес, составленный А. Н. Потресовым, был подписан «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Оба адреса помещены в № 1—2 «Работника».

6. На хурском международном социалистическом конгрессе 1881 г. польские социалисты были представлены тремя делегатами — Длусским, Лимановским и Варынским.

7. «Пшесвит», см. примечание 8-ое к предыдущему письму.

8. Это письмо П. Аксельрода не только не дошло до рабочих, но осталось неизвестно и большей части членов кружка. Вскоре после отправки его в Москву, В. Бонч-Бруевич получил оттуда письмо, в котором выражалась обида на то, что П. Аксельрод преуменьшает зрелость кружка и обращается к членам его, как к малоразвитым людям, тогда, как в действительности движение достигло уже более высокой ступени. Тон этого письма был таков, что П. Аксельрод тогда же выразил В. Бонч-Бруевичу предположение, что в дело замешана «нечистая сила», что кто-то, в силу тех или иных мотивов, стремится воспрепятствовать установлению связи между российским движением и за-границей.

Представляется впрочем возможным, что прием, оказанный письму П. Аксельрода, об'яснялся особенностями состава московского кружка, его пестротой.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

2007052106